Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 7—12.

УДК: 801.311 (575.172) **DOI 10.24411/1994-2796-2019-10101**
ББК: 81.2 (кк) А-15

НАЗВАНИЕ «ЧИМБАЙ» В КАРАКАЛПАКСТАНЕ

Г. М. Абишов
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, Нукус, Узбекистан

Чимбай — один из известных и древних городов Каракалпакстана. На основании изучения значительного числа восточных и русскоязычных письменных памятников, архивных материалов, исследований истории и фольклора каракалпакского народа, воспоминаний старожилов, респондентов в работе излагается краткая история юго-восточного Приаралья, где сейчас располагается город Чимбай. Реконструируется этимология топонима и его предшественников — городов Кердер и Шахтемир.

Ключевые слова: *топонимия Каракалпакстана, этимология, топоним, Кердер, Шахтемир, Чимбай.*

Чимбай (по-каракалпакски *Шымбай*) — один из древних городов Каракалпакстана. Географически он находится на севере республики на берегу Кегейлийского канала на правом низовье Амударьи в передней дельте Аральского моря. В настоящее время Чимбай с севера-запада и с севера граничит с городом Муйнаком, с севера-востока и с востока граничит с городом Караузяком, с юго-востока, с юга и с юго-запада граничит с городом Кегейли.

Первые данные о городе и о его истории обнаруживаются с XVIII в.: в восточных источниках с 1730 г., а в письменных источниках русского языка с 1810 г.

Самые ранние описания города мы можем встретить в трудах русских ученых, побывавших в этом регионе и интересовавшихся историей, культурой проживающего здесь народа, его экономикой, этнографией, литературой и некоторыми топонимическими названиями. Об этом писали русские офицеры-топографы Д. Гладышев и Муравин, посетившие наш край в 40-х гг. XVIII в. Последующие данные о Чимбае встречаются в работах путешественников, исследователей, послов, историков и других людей, которые посетили нашу страну.

В 1875 г. иранский принц, полковник гвардии и флигель-адъютант императора Риза-Кули Мирза в своем докладе говорит, что более подробную информацию об Амударьинском крае он собрал у чимбайских жителей, и дает информацию о домах, жителях, социальном положении, языке, культуре, быте, одежде, еде, профессии и торговле в городе. Отметил, что основным населением являются каракалпаки [14. С. 92].

Каждый город имеет свою историю и этапы развития. Поэтому их изучение этнографами, археологами и историками естественно.

Название *Чимбай*, по некоторым историческим источникам и документам архива, а также по материалам, собранным у жителей, произошел от имени *Чимбай*, человека который помог освоить эту территорию. Об этом также говорит ветеран войны У. Рахматуллаев, услышавший это от чимбайского старика по имени Генжекул, который умер в 1946 г. в возрасте 100 лет. По рассказам этого старика, раньше на месте этого города был густой лес, и он утверждал, что человек по имени Чимбай действительно существовал и наименование произошло от его имени.

Еще один важный источник, который дает подробную информацию об истории Чимбая — это труды О. Пайзуллаева. В этих трудах приведены данные о происхождении города, об экономическом и социальном положении, о системе образования, живших здесь известных людях. Также О. Пайзуллаев говорит, что о происхождении названия города он услышал от информатора К. Косыбаева. По словам информатора, несмотря на то, что Чимбай был не таким большим, как другие города, здесь был большой рынок, и это относилось к 1830 г. [12].

Специалистом, который в годы независимости проводил исследования и защитил диссертацию по истории Чимбайского района, стал историк А. Р. Кудияров [9]. В своей научной работе, в пособиях и в научных статьях по истории района Чимбай он писал об административном управлении города, экономическом развтии, внутренних и внешних торговых связях, хозяйственной жизни

народа, культурном и духовном состоянии и образовательной системе города.

В лингвистических трудах, встречаются разные мнения о происхождении названия Чимбай.

В. А. Никонов отметил, что этноним Чимбай известен тюркским народам, жившим на этой территории в XV—XVI вв., и является названием поселка, его этимология неизвестна. Ученый отметил, что в одних источниках в тюркских языках «чим» — камыш, в других — трава, растение [11. С. 470].

Знаменитый топонимист Е. М. Поспелов пишет, что Чимбай — это название одного из узбекских родов [13. С. 463]. Это мнение встречается и в трудах известного топонимиста, изучавшего топонимы Узбекистана С. Кораева. Автор утверждает, что слово *Чимбай* происходит от названия узбекского родового племени, т. к. такие топонимы встречаются и в Ташкенте. А в словаре, посвященном топонимам Узбекистана, он остановился на этой версии [8. С. 21]. Тождественные мнения встречаются и в работах З. Дусимова и Х. Эгамова. Они утверждают, что *Чимбай* — это одно из названий узбекских племен, в республике есть место в Самаркандской области, названное этим этнотопонимом [5. С. 145].

Э. А. Бегматов приводит несколько значений слова *Чимбай*: с узбекского слово шым (глина) переводится как крепкий парень, или как прегражденный, окруженный, или же как мальчик из племени чимбай. А также есть предположение, что *чимбай* переводится на узбекский как *правый, честный, справедливый мальчик* [4. С. 480].

По мнению О. Ж. Юсупова, *Чимбай, Чинбай* взят из 92-й племенной ветви узбеков и, возможно, по этническим корням происходит от имени тотема волк, потому что *чоно, чино* с монгольского переводится как волк [16. С. 62]. В вышеизложенных трудах указано, что *Чимбай* является одним из названий узбекских племен.

А вот Т. Канаатов указывает, что *Чимбай* — это название племени каракалпаков. И что это племя существует и ныне среди каракалпаков. В районе Тамды Навоийской области есть колодец, который называется *Чимбаем*. Формированию этого наименования способствовали племена, входившие в состав кыпчакских племён, которые переселились сюда со стороны Бескалы в Каракалпакстане [7. С. 63].

Сведения о *Чимбае* мы встречаем и в трудах К. Кунназарова [10. С. 49]. Автор утверждает, что происхождение и развитие этого города тесно связано с памятниками *Куюккалы, Багдадкалы, Ахун бабы, Сасык бия, Ережеп тентека*. И пишет, что здесь проживает народ, сохранивший свои традиции, обычаи и чистоту каракалпакского литературного языка. А также перечисляет топонимы района: *Арбашы аул, Кокши аул, Кумбызшы аул и Конши аул*. Все эти топонимы связаны с профессиями людей.

Этноним *Чимбай* в виде топонима встречается в Казахстане и в Таджикистане как название аула. А в Узбекистане — в Ташкенте, Ферганской и Самаркандской областях и в районе Китаб в Кашкадарье — есть места, которые названы этим этнонимом.

Значит, название *Чимбай* встречается и в других территориях Средней Азии. Возможно, эти названия имели важное место в формировании той или иной народности Средней Азии. И, возможно, территории, населенные этими племенами, и взяли их названия.

А название современного города *Чимбая*, в Каракалпакстане, может быть, связано с названиями вышеупомянутых племен. Возможно, когда-то здесь жил народ из племени *Чимбай*. Но в материалах, собранных по рассказам представителей народов, живших в этих местах, в трудах ученых, а также по сведениям Чимбайского национального музея об истории района название города отмечают с начала XIX в. и связывают с именем человека.

В трудах известного топонимиста К. Абдимуратова также приведены сведения о *Чимбае* [1. С. 60]. Он указывает на происхождение названия *Чимбай*, географическое расположение города, удобное для торговли, водные магистрали и пути, по которым проходили торговые караваны. И он отмечает, что топоним *Чимбай* по историческому происхождению и по слухам среди населения связают с именем человека.

Наименование *Чимбай* также можно встретить и в труде известного ученого К. Айымбетова, изучавшего каракалпакское устное народное творчество [2. С. 258]. Он в материалах о становлении и развитии города в конце XIX — начале XX вв. пишет так: до основания города здесь жил человек по имени *Чин-бай*. В зимние месяцы кочевые племена приходили сюда, чтобы продать скот, купить зерно и ремесленные товары. Поздней весной с наступлением лета Чимбайский базар закрывался и прекращал свою деятельность. Впоследствии базар начал функционировать и зимой, и Чимбай превратился в большой город.

В легендах каракалпакского устного народного творчества существует множество преданий о происхождении города Чимбай, в которых утверждается, что в основе этого названия лежит память о жизни того населения, которое первым освоило эти территории.

По преданиям, здесь жил некий бедный человек по имени *Шыныбай (Чимбай)*, лишившийся своей родины, он из-за голода поселился в этих местах, на левом берегу Кегейлинского канала, протекавшего через центр нынешнего города *Чимбай*. Он кормился рыболовством. Сделав водоподъемное колесо из ветвей деревьев, он орошал земли вдоль Кегейлинского канала и начал заниматься земледелием. Благодаря хорошей земле для полевых работ и удобного для скотоводства и озера, богатого рыбой, жизнь Чинибая наладилась. Услышав это, люди стали переселяться сюда, и число населения стало увеличиваться. Постепенно росло число ремесленников, строивших дома, телеги, водоподъемные колеса, появились профессиональные кожевники, сапожники, каменщики, ювелиры и другие. Из-за того, что русло Кегейлинского канала в этом месте пересекалось с сухопутным торговым путем, развивается торговля, постепенно увеличивается число оседлого населения, и поселение дорастает до статуса города.

Следовательно, топоним *Чимбай* связан с именем *Чимбай (Чинибай)* первопоселенца этой территории. Предположительный период появления этого названия приходится на кон. XVIII — нач. XIX в.

Становление и развитие Чимбая можно разделить на три этапа.

1) По историческим и научным источникам VIII — XIII вв. этот город был известен под названием Кердер. В это время он известен также как *Төккала (Токкала), Ҳайўан қала (Хайуанкала) и Күйикқала (Куюккала).*

Название *Кердер* происходит от Кердерского владетеля, находившегося в окрестностях Арала в VIII — XIII вв. По мнению ученых, на месте нынешнего города *Чимбая* был город Кердер. Впервые территорию города Кердер на месте нынешнего Чимбая идентифицировал историк и археолог С. П. Толстов. Позже Я. Г. Гулямов также подтвердил мнение о расположении Кердера на месте нынешнего города Чимбая [3. С. 55]. В материалах Чимбайского национального музея город на месте нынешнего Чимбая указан как *Курдар, Кардар, Кердар. Кардар* — город с плодотворной посевной землей произошёл от имени человека, поднявшего этот город.

2) В XVII — XVIII вв. *Чимбай* стал известен под названием *Шахтемир.* В письменных источниках 1643 г., Абулгази указан как хан аральских племён, экономическим и политическим центром которых стала крепость Шахтемир. В XVI — XVIII вв. по Чимбайским населенным пунктам проходил торговый караванный путь под названием кесе жол. Он облегчил торговлю между *Каратереном — Тахтакупыром — Шойыншы аулом — Айимбет ийшаном — Торгай тереком — Бийик мечетью — кладбищем Ахунбабы — Заиром — Аральским морем* через оседлые южные племена с северными казахскими степями и с Россией. В исторических данных и в трудах ученых приводится, что на этой дороге был большой торговый центр Шахтемир [6. С. 46]. На типографической карте, составленной поручиком Д. Гладышевым и геодезистом Муравиным, показано, что в 1740—1743 гг. на территории Каракалпакстана (на дороге, проходившей через *Шахтемир* в 1741 г.) вдоль озера Машать в местности *Владения аральцев* в 53 метрах позади от Нукусской крепости расположен город *Шахтемир.* В сводке о своём пребывании в 1740 г. в Хиве, Д. Гладышев изложил, что в нижней части Амударьи был только город *Шахтемир.* Д. Гладышев и Муравин описали город Шахтемир так: *Дома в этом городе построены из глины, окружен рвом, имеют поблизости озеро, население пьёт воду из колодца, в окрестностях города встречаются одиноко растущие камыши, расстояние между морем и городом составляет два дня* [1. С. 63].

Доктор исторических наук Б. В. Андрианов указал, что в первой половине XVIII в. вторым торговым центром северного Хорезма после Кунграда стал Шахтемир [3. С. 55]. Он находился на побережье Кегейлинского канала в нынешнем Чимбайском районе. Торговые и политические связи между сырдарьинскими каракалпаками и казахами малого жуза осуществлялись через Шахтемир. А вот Т. Канаатов указал, что *после смерти Шердалинского хана, в 20—30 гг. XVIII в. при поддержке хакимов аральцев Адам бия, Бегмурат бия Мухаммад Бахий бия четырнадцатилетний Шахтемир потомок Мусахана из бухарских каракалпаков стал ханом. Главным городом Аральского ханства был нынешний город Чимбай* (прежний Шахтемир) [7. С. 63].

19—21 мая 1874 г. петербургский корреспондент Л. Н. Соболев по материалам, взятым от Ережеп бия во время пребывания в Чимбае, опубликовал заметку о Чимбае в газете «Русский инвалид».

В ней указывается, что *на месте Чимбая был город Шахтемир. Название города связано с именем киргиза Шахтемира, который построил этот город и управлял им 150 лет тому назад* (около 1727—1728 гг.) [9. С. 6]. В те времена в городе жили узбекские племена мангытов, которые возглавлял человек по имени Артык Сердалы (?—1745). Спустя 10—20 лет (около 1748—1758 гг.) кунградский Алмамбет бек убивает Шахтемира. Спустя ещё 50 лет после этого (1792—1793 гг.) жители города Шахтемир переселяются в Чигирь-Буги (на карте Чилпак, на каракалпакском языке *Шылпық*), и Шахтемир превращается в развалину. Позже некий богач, по имени *Чимбай*, который жил на берегу Кегейлинского канала, приходит и восстанавливает его. И город стал называться именем этого человека. До этого здесь была лишь пустыня, и, кроме саксаула, ничего не росло. Окружавшие город стены были построены Ауезжаном Матемом в 1868 г. По словам киргиза Козы, который жил в *Чимбае* и работал начальником собирателей закята на базаре, здесь постоянно проживали около 50 семей [15. С. 60]. Значит, происхождение названия города связано с именем хана *Шахтемира*, правителя аральских узбеков.

В 1976—1977 гг. при проведении археолого-этнографических работ по определению возраста города Чимбая группа исследователей из Института истории, языка и литературы имени Н. Давкараева на основе найденных предметов, монет и осколков ваз, подтвердили, что в XVII—XVIII вв. в этой местности находился город Шахтемир. В это время он был культурным развитым торгово-ремесленным городом в дельте Амударьи. Полагаясь на эти данные, С. Камалов и другие исследователи приходят к заключению, что основой нынешнего города *Чимбая* мог быть только город *Шахтемир*.

3) С. Камалов и другие исследователи говорят, что *город Чимбай появился начиная с 1728 г., но в литературе с современным названием стал встречаться в первом десятилетии XIX в.* [6. С. 46]. А по сведениям Л. Н. Соболева, который побывал в Чимбае в 1847 г., название Чимбай появилось примерно в первом десятилетии 1800 г. [12. С. 17]. Это можно увидеть и в труде Б. В. Андрианова «Хорезмский оазис в первой половине XIX в.» [3. С. 72], где Чимбай показан особым знаком на карте.

Таким образом, основываясь на мнениях учёных, на преданиях и легендах населения, и по сведениям информаторов пожилого возраста можно сказать, что появление города и топонима *Чимбай* приходится на конец XVIII в. и первую половину XIX в.

Список литературы

1. Абдимуратов, К. Почему так названо? / К. Абдимуратов. — Нукус, 1965. — 80 с.
2. Айымбетов, К. Мудрость народа / К. Айымбетов. — Нукус, 1988. — 490 с. [=Айымбетов, Қ. Халық даналығы / К. Айымбетов. — Нөкис, 1988. — 490 б.]
3. Андрианов Б. В. Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.) / Б. В. Андрианов // Материалы и исследование по этнографии каракалпаков. Т. III. — М., 1958. — 412 с.
4. Бегматов Э. А. Толкование узбекских имен / Э. А. Бегматов. —Ташкент, 2016. — 607 с. [=Бегматов Э. А. Ўзбек исмлари изоҳи / Э. А. Бегматов. — Тошкент, 2016. — 607 б.]
5. Дусимов, З. Краткий толковый словарь названий местностей / З. Дусимов, Х. Эгамов. — Ташкент, 1977. — 173 с. [=Дусимов З. Эгамов Х. Жой номларининг қисқача изоҳли луғати / З. Дусимов, Х. Эгамов. — Тошкент, 1977. — 173 б.]
6. Камалов С. Основание и развитие города Чимбая / С. Камалов, К. Есбергенов, М. Мамбетуллаев // Вестник Каракалпакского филиала Академии Наук Республики Узбекистан. — 1986. — № 1. — С. 46—50.
7. Канаатов Т. Фрагменты из истории Тауелибая / Т. Канаатов. —Нукус, 1993. — 100 б. [=Қанаатов Т. Тауелибай тарийхынан там-тум сыр / Т. Қанаатов. —Нөкис, 1993. — 100 б.]
8. Кораев С. Топонимы областей Узбекистана / С. Кораев. — Ташкент, 2005. — 238 с. [=Қораев С. Ўзбекистон вилоятлари топонимлари / С. Қораев. —Тошкент, 2005. — 238 с.
9. Кудияров А. Р. Об истории Чимбая / А. Р. Кудияров, М. Раматуллаев. — Нукус, 2013. — 40 с. [= Қудияров А. Р., Раматуллаев М. Шымбай тарийхы ҳаққында / А. Р. Қудияров, М. Раматуллаев. — Нөкис, 2013. — 40 б.]
10. Кунназаров К. Города и районы Каракалпакстана / К. Кунназаров. — Нукус, 2016. — 135 с. [= Қунназаров К. Қарақалпақстанның қала ҳәм районлары / К. Қунназаров. — Нөкис, 2016. — 135 б.]
11. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. — М., 1966. — 510 с.

12. Пайзуллаев О. Чимбай в исследованиях и легендах / О. Пайзуллаев. — Нукус, 1993. — 139 с. [= Пайзуллаев Ө. Шымбай изертлеўлер ҳәм аңызларда / Ө. Пайзуллаев. — Нөкис, 1993. — 139 б.]

13. Поспелов Е. М. Географические названия мира // Топонимический словарь / Е. М. Поспелов. — М., 1998. — 503 с.

14. Риза-кули Мирза. Краткое описание Амударьинской области / Риза-кули Мирза // Амударья. — 1992. — № 2. — С. 92—103. [= Риза-кули Мирза. Әмиўдәрья областының қысқаша баянламасы / Риза-кули Мирза // «Әмиўдәрья». — 1992. — № 2. — 92—103 б.]

15. Усенов Е. Мой древний Каракалпакстан / Е. Усенов. — Нукус, 2016. — 96 с. [= Үсенов Е. Мениң әййемги Қарақалпақстаным / Е. Үсенов. — Нөкис, 2016. — 96 б.]

16. Юсупов О. Ж. Новые мнения об антропонимах и этнонимах, встречающихся в дастане «Алпамыс» / О. Юсупов // Вестник Каракалпакского филиала Академии Наук Республика Узбкистан. — 1985. — № 1. — С. 56—63. [= Юсупов О. Ж. «Алпамыс» дәстанындағы антропонимлер ҳәм этнонимлер ҳаққында жаңа ой-пикирлер / О. Юсупов // Өзбекстан Илимлер Академиясының Қарақалпақстан бөлими «Хабаршы» журналы. — 1985. — № 1. — 56—63 б.]

Сведения об авторе

Абишов Генжебай Матжанович — докторант базовый докторантуры, Каракалпакского государственного университета им. Бердаха. г. Нукус, Республика Каракалпакстан, Узбекистан. genjebaya@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 7—12.

THE NAME CHIMBAY IN KARAKALPAKSTAN

G.M. Abishov
The Karakalpak state university names Berdakh, Nukus, Uzbekistan. genjebaya@mail.ru

Chimbay is one of the ancient cities which is famous all around Karakalpakstan. We came to Chimbay and collected materials about ethnography and history, which are about national heritages and traditions of the Karakalpak nation who are representatives of the Turkic nation. Researchers give examples in their work about names of some territories and reservoirs. We conclude that most of the Karakalpak people have been living in this territory for a long time and have coined this toponym. On the grounds of the study of a considerable number of oriental and Russian-language documents, archive materials, historical investigations and folklore of the Karakalpak people, recollections of old timers, respondents, the short history of south-eastern Aral Sea coast is reconstructed, where the town of Chimbay is situated. The etymology of the toponym and its forerunners — the towns of Kerder and Shakhtemir — is analysed.

Keywords: *ethnonym, toponym, Kerder, Shakhtemir, Chimbay.*

References

1. Abdimuratov K. *Pochemu tak nazvano?* [Why is it called like this?]. Nukus, 1965. 80 p. (In Russ.)

2. Ayimbetov K. Mudrost' naroda [The wisdom of nation]. Nukus, 1988. 490 p. (In Karakalpak) Ayimbetov K. Xaliq danaligi [The wisdom of nation]. Nukus, 1988. 490 p. (In Karakalpak)

3. Andrianov B. V. *Jetnicheskaja territorija karakalpakov Severnom Horezme* [Ethnic territory of the Karakalpaks in Northern Khorezm (XVIII—XIX cc.)]. Moscow, 1958. 412 p. (In Russ.)

4. Begmatov E. A. *Tolkovanie uzbekskih imen* [Interpretation of Uzbek names]. Tashkent, 2016. 607 p. (In Uzbek) Begmatov E. A. *O'zbek ismlari izohi* [Interpretation of Uzbek names]. Tashkent, 2016. 607 p. (In Uzbek)

5. Dusimov Z. Egamov X. *Kratkij tolkovyj slovar' nazvanij mestnostej* [Short-explanatory dictionary of place names]. Tashkent: Teacher. 1977. 173 p. (In Uzbek) Dusimov Z. Egamov X. *Joy nomlarining qisqacha izohli lugati* [Short-explanatory dictionary of place names]. Tashkent: Teacher. 1977. 173 p. (In Uzbek)

6. Kamalov S., Esbergenov K., Mambetullaev M. *Osnovanie i razvitie goroda Chimbaja* [Foundation and development of the town of Chimbay]. *Vestnik Karakalpakskogo filiala Akademii Nauk Respublika Uzbekistan*

[Bulletin of Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan]. 1986. —№ 1. — Pp. 46—50. (In Russ.)

7. Kanaatov T. *Fragmenty iz istorii Tauelibaja* [Fragments of history of Tauelibay]. Nukus, 1993. 100 p. (In Karakalpak) Kanaatov T. *Tawelibay tariyxinan tam-tum sir* [Fragments of history of Tauelibay]. Nukus, 1993. 100 p. (In Karakalpak)

8. Koraev S. *Toponimy oblastej Uzbekistana* [The toponyms of the regions of Uzbekistan]. Tashkent, 2005. 238 p. (In Uzbek) Koraev S. *O'zbekiston viloyatlari toponimlari* [The toponyms of the regions of Uzbekistan]. Tashkent, 2005. 238 p. (In Uzbek)

9. Kudiyarov A. R., Ramatullaev M. *Ob istorija Chimbaja* [About the history of Chimbay]. Nukus, 2013. 40 p. (In Karakalpak) Kudiyarov A. R., Ramatullaev M. *Shimbay tariyxi haqqinda* [About the history of Chimbay]. Nukus, 2013. 40 p. (In Karakalpak)

10. Kunnazarov K. *Goroda i rajony Karakalpakstana* [Towns and regions of Karakalpakstan]. Nukus, 2016. 135 p. (In Karakalpak) Kunnazarov K. *Qaraqalpaqstannin qala ham rayonlari* [Towns and regions of Karakalpakstan]. Nukus, 2016. 135 p. (In Karakalpak)

11. Nikonov V. A. *Kratkij toponimicheskij slovar'* [Short toponymic dictionary]. M., 1966. 510 p. (In Russ.)

12. Paizullaev O. *Chimbaj v issledovanijah i legendah* [Chimbay in the studies and legends]. Nukus, 1993. 139 p. (In Karakalpak) Paizullaev O. *Shimbay izertlewler ham anizlarda* [Chimbay in the studies and legends]. Nukus, 1993. 139 p. (In Karakalpak)

13. Pospelov E. M. *Geograficheskie nazvanija mira. Toponimicheskij slovar'* [Geographical names of the world. A toponymic dictionary]. M., 1998. 503 p. (In Russ.)

14. Riza-kuli Mirza. *Kratkoe opisanie Amudar'inskoj oblasti* [Short discription of Amudarya region]. // *Amudar'ja* [Journal «Amudarya»]. 1992, № 2. -pp. 92—103. (In Karakalpak) Riza-kuli Mirza. *Amiudarya oblastinin qisqasha bayanlamasi* [Short discription of Amudarya region]. // «Amiwdarya» jurnali [Journal «Amudarya»]. 1992, № 2. — Pp. 92—103. (In Karakalpak)

15. Usenov E. *Moj drevnij Karakalpakstan* [My ancient Karakalpakstan]. Nukus, 2016. 96 p. (In Karakalpak) Usenov E. *Menin ayyemgi qaraqalpaqstanim* [My ancient Karakalpakstan]. Nukus, 2016. 96 p. (In Karakalpak)

16. Yusupov O. Zh. *Novye mnenija ob antroponimah i jetnonimah, vstrechajushhihsja v dastane «Alpamys»* [New opinions about anthroponyms and ethnonyms, occuring in dastans «Alpamis»]. // *Vestnik Karakalpakskogo filiala Akademii Nauk Respublika Uzbkistan* [Bulletin of Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan]. 1985. —№ 1. —pp. 56—63. (In Karakalpak) Yusupov O. Zh. «Alpamis» dastanindagi antroponimler ham etnonimler haqq'nda jana oy-pikirler [New opinions about anthroponyms and ethnonyms, occuring in dastans «Alpamis»]. // *O'zbekstan Respublikasi Ilimler Akademiyasinin Qaraqalpaqastan filiali* «Xa*barshi» jurnali* [Bulletin of Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan]. 1985. —№ 1. — Pp. 56—63. (In Karakalpak).

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 13—21.

УДК 81′33
ББК 81.1

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10102

О ТОПОНИМИЧЕСКОМ КОНЦЕПТЕ

А. Н. Беляев
Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

В статье рассматриваются когнитивные основания формирования топонимического концепта. Выделяются теоретические предпосылки для описания двухуровневой модели онимического знака. В структуре топонимического концепта вычленяется ономасиологический базис как показатель принадлежности топонима к определённой понятийной категории. Предпринята попытка сформировать представление о топонимическом концепте в виде структуры семантических отношений между общим категориальным и индивидуальным значением языковых форм (онимов) как определённых структур знания.

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, номинация, ономасиология, ономастика, топонимический концепт.*

Характерной чертой ономастических работ последних десятилетий является повышенное внимание исследователей к изучению имён собственных с позиций когнитивной лингвистики, ментального «бытия» онимов в концептуальной системе человека, их отражения в национальном языковом сознании [4; 5; 7; 9; 10; 12; 13; 20; 26; 27]. Эта новая научная парадигма предусматривает такое изучение онимов, при котором предметом исследования становится не столько структурные, семантические, этимологические и исторические аспекты имени, сколько ментальные механизмы сознания в процессе ономастической номинации. В современной ономастике, на наш взгляд, окончательно ещё не выработана методология осмысления имён собственных в рамках теории номинации и не освещён в должной мере вопрос их изучения с позиций когнитивной лингвистики. Более того, апелляция к сознанию вместе с актом ономастической номинации говорит о том, что каким-то образом достигается единство значения (результат отражения денотации) и во многих случаях немотивированности, произвольности топонимических знаков. В противном случае, если не было бы этого единства, топонимическая система не могла бы функционировать, поскольку топонимы представляют собой в полной мере чистые знаки, а не отражающие и одновременно не выделительно-обобщающие образ денотации. Для актуализации топонима в речевой ситуации достаточно знать, к какому географическому объекту приложим данный топоним. С целью достичь отличительных черт наименований используются имеющиеся в языке средства выражения, которые по содержанию и отчасти формально адаптируются к специфическим коммуникативным целям. Справедливо считается, что выявляемые на разных языковых уровнях особенности топонимов — следствие их семантического своеобразия [17. С. 70]. В истории ономастики эта точка зрения считается непоколебимой. Однако до сих пор остаётся не ясным соотношение общего категориального значения топонима, указывающего на определённый географический объект (гора, река, озеро и т. п.) и отражающего определённый запас наглядно-опытных знаний, с субъективным восприятием информации об этом объекте, получаемой при концептуализации географической реалии, именуемой топонимом. Каким образом достигается распознавание категориальной принадлежности топонимов к географическим объектам и как с этим связаны топонимические концепты, рождающиеся в процессе восприятия мира? Существуют ли корреляции между прямыми и непосредственными связями семантических компонентов с номинативными?

Цель настоящего исследования — ответить на сформулированные выше вопросы, касаясь, в частности, вопроса, как в отечественной лингвистике трактуется понятие «топонимический концепт». Представляется, что проблема топонимического концепта, несмотря на прилагаемые усилия таких исследователей, как Е. Л. Березович, М. В. Голомидова, Л. М. Дмитриева, А. С. Щербак и др., до сих пор окончательно не решена.

Специалисты многих областей пришли к единому мнению, что знание об окружающем человека мире представлены в сознании в виде разнообразных структур, в основе которых находится такая

единица ментальной информации как концепт. Говоря о порождении концептов Е. С. Кубрякова пишет: «Концепты разного типа (образы, представления, понятия) или их объединения (картинки, гештальты, схемы, диаграммы, пропозиции, фреймы и т. п.) рождаются в процессе восприятия мира, они создаются в актах познания, отражают и обобщают человеческий опыт и осмысленную в разных типах деятельности с миром действительность» [15. С. 57].

Термин «топонимический концепт», используемый отечественными лингвистами, получил первоначально строго однозначное определение, основанное на ставшем уже знаменитым определении концепта у Ю. С. Степанова как «сгустка культурной среды в сознании человека» [21. С. 40]. Концепты, обладая в интерпретации Ю. С. Степанова сложной структурой, носят свои имена, которые пронизаны семантикой исходной или этимологической формы, а также вызывают множество различных ассоциаций. По мнению О. А. Зобниной, топонимический концепт — это «ментальное образование, содержанием которого является знание о топонимической реалии, релевантной для определённого лингвокультурного сообщества» [10. С. 5]. В данном определении под топонимическим концептом имеется в виду определённая совокупность характеристик объекта, что в большинстве случаев может быть приравнено к энциклопедическому значению имени собственного. Безусловно, требуется пояснить, что подразумевается под *топонимической реалией*. Соглашаясь с другими учёными, особенно И. А. Стерниным, следует признать, что собственно топоним (имя) номинирует тот или иной концепт национальной топонимической концептосферы, сложившийся в определённую эпоху, в определённом социуме, актуализируя лишь незначительное число семантических признаков, но большой объём концептуальной информации о референте знака (ср. также [22. С. 28]). Особо следует отметить, что накопление в семантике топонима культурологической информации и формирование понятий особого типа — концептов — представляет собой достаточно сложный процесс, длящийся продолжительный период времени. И. В. Крюкова справедливо указывает на сложность осмысления всей поступающей извне информации о номинируемом объекте, которая распределяется по определённым микрополям в семантической структуре топонима. В этой связи промежуточные стадии этого процесса часто ускользают от внимания исследователя [13. С. 24]. В случае смены референта имени (это может произойти при перенесении топонима с одного объекта на другой) объём концептуальной информации о референте топонимического знака может измениться кардинально; ср., например, *Великий Новгород* и *Нижний Новгород*.

Безусловно, было бы неверно в ономастической номинации не принимать во внимание роль культурно-исторических факторов, которые соотносят топоним с определёнными фоновыми знаниями носителей языка и культуры [23. С. 89] и формируют когнитивную базу языковой личности в процессе её становления [27. С. 169]. Дело в том, что формированию культурологической семантики топонима предшествует ономасиологический акт в присвоении имени географическому объекту, необходимым условием которого является выбор характерного признака географической реалии (антропогенного или физико-географического). Постепенно языковое выражение выбранного для номинации признака наращивается внелингвистической информацией (степень интенсивности зависит от многих факторов), относящейся к реальной действительности, в условиях которой осуществляется функционирование и развитие данной топонимической единицы. Принципы и закономерности «обозначения» географических объектов обусловлены физической, социальной, психологической и т. п. действительностью. Приведённые факты убедительно говорят о том, что не столько выбор признака предшествует выбору языкового выражения, становящегося в процессе топонимизации топонимом, сколько, напротив, поиск адекватной семантической конструкции языкового выражения согласуется с выбранными обозначениями отдельных частей описываемой географической реалии. Как указывал ещё В. А. Никонов, географическое название не должно быть «белой вороной» среди других названий.

Неоспорим тот факт, что между ономасиологией и когнитивной лингвистикой в известных границах существует параллелизм научных взглядов. Характерным проявлением этого параллелизма является тот факт, что ономасиологию можно считать одной из ранних версий когнитивной лингвистики, обладающей собственными оригинальными отличительными чертами хотя бы в том отношении, что «этому направлению была чужда оторванность от актов номинации и их смысловых заданий, их прагматических установок, тесной связи, прослеживающейся в этих актах когниции и эмоций и т. д.» [15. С. 38—39]. Мы принимаем

это методологическое положение, высказанное Е. С. Кубряковой, как важнейшее условие для изучения внутренних, глубинных процессов сознания с помощью языковых средств, что подтверждается многочисленными примерами. Для когнитивного осмысления ономастической лексики предварительно необходимо применить ономасиологический подход, направленный на изучение принципов и закономерностей «обозначения» индивидуальных объектов [25. С. 79]. При этом вычленяется ономасиологический базис топонима, фиксирующий принадлежность топонима к определённой понятийной категории, к определённому классу географических объектов. Считается, что ономасиологическим базисом для топонимов является концепт МЕСТО[1] [8; 24], что с очевидностью вытекает из основной функции топонимов — обозначать географические объекты, занимающие в пространстве определённое местоположение. Локальность топонима является важнейшим экстралингвистическим фактором, определяющим его основные семантические характеристики. Принимая во внимание это положение, исследователи обращаются к описанию различных семантических групп топонимов в разных языках, например к моделированию ономасиологической структуры религиозных топонимов в английском языке [1. С. 86]. Однако «место» можно трактовать весьма широко: от небольшой части трёхмерного пространства до огромных размеров. Сравните такие топонимы, как *Красный ключ* (минеральный источник), *Красный ключ* (село) и *Красное море*. В этом случае термин «место» может быть вполне подходящим, если только он адекватно отражает сущность обозначаемого топонима.

Из сказанного следует, что ограничивать применение ономасиологического подхода в топонимике только к материалу замкнутых лексических подсистем: терминов физической географии «остров», «долина», «река», «озеро», «гора», «котловина» и под. вряд ли оправдано. Учитывая параллелизм в актах топонимической номинации на когнитивном и ономасиологическом уровнях, целесообразно представить топонимический концепт, как и все остальные ономастические концепты, в виде структуры семантических отношений между общим категориальным и индивидуальным значением языковых форм (онимов) как определённых структур знания. Исходя из общего категориального значения имени собственного, исследователи выделяют различные ономастические категории: антропонимическую, топонимическую, эргонимическую и др. [26. С. 170], объединяющие имена собственные по общим категориальным признакам. Для топонимов таким общим признаком является принадлежность географического объекта к определённому классу. Ср.: *Дон*, *Ока*, *Нева* — река; *Барнаул*, *Омск*, *Томск* — город. В то же время каждый из названных топонимов отличается своим индивидуальным значением, объёмом знаний, полученных в ходе восприятия и осмысления конкретного географического объекта. В основе такого подхода к исследованию топонимического концепта, как он толкуется в работах А. С. Щербак, лежит принцип выделения в каждой категории онимов обобщающего ономастического значения. При этом нужно знать, к какой категории принадлежит тот или иной оним. В случае омонимичности имени, т. е. наличия одинаковых имён в разных ономастических категориях, например, *Ерофей Павлович* — антропоним и *Ерофей Павлович* — топоним, в речемыслительном процессе необходимо соотнести имя с определённым денотатом. Таким образом, ономастический концепт встраивается не только в концептуальную систему языка, но и является неотъемлемой частью языковой картины мира. Ономастический концепт представляет собой «особый тип ономастического знания, определяющего семантику имён собственных, знания об ономастическом фрагменте действительности» [26. С. 169].

Нельзя не отметить, что концепт в работах А. С. Щербак трактуется иначе, чем он трактуется в «Кратком словаре когнитивных терминов» [14], согласно которому концепт представляет собой не особый тип знания, а единицу ментальных или психических ресурсов сознания человека и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека. Концепт — это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [14. С. 90]. Неоднократно указывая на неоднозначное понимание учёными термина «концепт», Е. С. Кубрякова в статье «О концептах, схваченных знаком» пишет: «Я попрежнему считаю, что концепт является единицей концептуальной системы человека как главной составляющей инфраструктуры человеческого

[1] Ср. А. Н. Антышев [2. С. 16] приводит общую для имён собственных и нарицательных следующую иерархию ономасиологических категорий: 1) этноязычность, 2) знаковость, 3) номинативность, 4) предметность, 5) одушевлённость/неодушевлённость.

мозга, характеризующей его как homo sapiens'а. Именно в качестве ментальной единицы он обличается так же свойством быть единицей гештальтного типа, то есть целостную и нечленимую далее оперативную сущность нашего сознания, выступающую во всех мыслительных (ментальных) действиях и процессах» [16. С. 70].

В связи с различной интерпретацией этого понятия представляется важным уточнить определение топонимического концепта на основе соотношения с понятием ментального лексикона. Под топонимическим концептом мы будем понимать единицу ментальной репрезентации фрагмента физической географии, описываемого топонимическим контекстом. Под термином «топонимический контекст», выбранного нами в качестве рабочего термина, имеется в виду некий объём информации о географическом объекте, именуемым топонимом. Такая информация содержится в энциклопедиях, справочниках, путеводителях и других письменных и устных источниках. Например, ШИХАНЫ — изолированные возвышенности в Башкирском Предуралье. Состоят из 4 гор-одиночек, образующих узкую цепочку, вытянутую на расстоянии 20 км вдоль р. *Белой* в меридиональном направлении. <…> [3. С. 645].

Энциклопедическая информация как составляющая топонимического контекста, организованного по полевому принципу, представляет собой определённые структуры знаний-концептов. Другой составляющей топонимического контекста являются наивные (обыденные) знания об обозначаемом географическом объекте. В этой связи уместно напомнить, что понятие энциклопедического значения имён собственных, под которым понимается сумма конкретной информации о денотате имени [6. С. 333], завоевало широкое признание в отечественной науке об именах собственных.

При решении указанных выше проблем мы исходим из общего понятия ментальной репрезентации, которая относится к высшему уровню репрезентации, она содержит пропозициональное (ядерное) значение и привносимую человеком дополнительную информацию, основанную на выводах и знаниях о мире [28. С. 118]. Интересующие нас проблемы соотносятся прежде всего с тем, что топонимический концепт постоянно обновляется по мере поступления из топонимического контекста новых данных. Перефразируя известную установку Л. С. Выготского, можно утверждать, что топонимический концепт творится в топониме. Он зарождается в тот момент, когда возникает необходимость с помощью слова выделить один географический объект из ряда подобных объектов как индивидуальный. С исчезновением денотата или невозможностью идентификации топонима с определённым денотатом (топоним зафиксирован в письменных источниках) не прекращается расширение концептуального содержания топонима. Оно может быть пополнено благодаря выявлению через призму истории дополнительных фактов. По мере того как прошлое, отражённое в источниках, уходит о нас всё далее, всё более сложной становится смысловая интерпретация упоминаний об именуемом топонимом объекте, для этого необходимы не только лингвистические и исторические познания, но и конкретные представления о повседневном быте далёких предков, их материальной и духовной культуры. Многие топонимические основы сейчас для нас являются глубокими историзмами, либо с недостаточно ясной, либо с неизвестной семантикой. В этой связи говорить о ретроспективе топонимического концепта можно лишь с большой осторожностью. Так, большинство крупных рек Европы носят названия, восходящие к апеллятивам с общим обозначением понятий воды, реки, течения.

Поскольку топонимы имплицируют семантические признаки родо- и видоименования, они должны обладать, по крайней мере, двухступенчатой ономасиологической структурой. Экспликативный компонент топонима отражает индивидуальные признаки именуемого им объекта, выделяя его тем самым как единичный из класса ему подобных, а импликативный компонент «намекает», (по С. Д. Кацнельсону, цит. по [2. С. 29]) на принадлежность называемого собственным именем объекта к классу ему подобных и на наличие у него всех лексико-семантических признаков родо- и / или видоозначающего имени. Этот тезис можно проиллюстрировать вслед за А. Н. Антышевым следующим образом [2. С. 29]:

Экспликация:	Импликация:
Christa Wolf — индивид + род, вид:	*человек, женщина, писательница;*
Leipzig — индивид + род, вид:	*город, город международных ярмарок;*
der **Rhein** — индивид + род, вид:	*река, глубокая, судоходная.*

Интерес к категориальному статусу онимического знака в языковой системе побудил немецких учёных Ф. Кольгейма и К. Хенгста предложить

двухуровневую модель, в которой выделяется ментальная область на уровне номемы и область реализации на уровне аллономов [29]. Анализируя по «Историческому словарю немецких личных имён» В. Зайбике [30] функционирование немецких личных имён *Matthäus*, *Matthias*, *Matz* в диахронии, Ф. Кольгейм и К. Хенгст установили, что в прошлом между отдельными элементами онимической системы существовали иные отношения, чем в настоящее время. Немецкие учёное приводят следующий пример. В позднесредневековых грамотах Регенсбурга имя *Matz* зафиксировано как гипокористика женского личного имени *Mechthild*, а не мужских личных имён *Matthäus* или *Matthias* [29. С. 17]. Это даёт основание полагать, что для жителей Регенсбурга в XIV в. имена *Matz* и *Mechthild* исполняли одинаковую функцию, служили для именования лиц женского пола. Этот факт явился отправной точкой для выдвижения гипотезы о существовании в системе языка некой абстрактной единицы в классе nomina propria, с помощью которой в речевом акте распознаются функционально идентичные варианты имени собственного. Ф. Кольгейм и К. Хенгст предлагают для обозначения этой единицы эмический термин «номема» [29. С. 18]. Номема воспроизводится в речи в одном из своих вариантов, фоно- или графоаллономов.

Номема — это единица системы, представляющая собой в определённом коллективе людей дейктическое средство индивидуализации и идентификации объекта [29. С. 23]. Как лексема в словарном составе языка, номема в классе nomina propria является дистинктивной единицей ономастикона. Закреплённая в сознании механизмом памяти, она воспроизводится в речевой деятельности в виде аллономов, функционально-идентичных форм, относящихся к определённому денотату. Номема является своего рода проводником, адресным указателем к объёму информации, закреплённой в памяти онимическим знаком. Такое понимание номемы в какой-то степени согласуется с определением концепта у Е. С. Кубряковой, как единицы ментального лексикона, в частности, у немецких учёных как единицы ментального ономастикона. В ментальной области онимического знака, на уровне номемы осуществляется доступ к объёму информации об онимическом знаке (например, /АЛЕКСАНДЕР/), хранящейся в памяти человека. В области реализации онимического знака, на уровне аллономов, фоноаллономов, графоаллономов, реализуются фонетические, графические варианты номемы /АЛЕКСАНДЕР/ (Алексаня, Алик, Саня, Санюха, Санюра, Лекса, Саша, Шура и др.).

И всё же акцентировать внимание следует на том, что подобные установки не исключают понимание онимического знака в его вариативном воплощении как порождающегося номемой. Этим сказанное не исчерпывается. Но, по-видимому, это наиболее важные случаи. Следует также отметить, что с этой точки зрения в топонимике возможны пути решения вопросов, которые напрямую связаны с теоретическим обоснованием положений о топонимическом концепте.

В топонимической системе русского языка топономема /СОВЕТСК/, как абстрактная единица топонимикона, реализуется в речевых актах в виде фоно- и графоаллономов для обозначения следующих денотатов: 1) город в Калининградской области; 2) город в Кировской области; 3) город в Тульской области. Существует ещё целый ряд названий населённых пунктов с этим названием. Вычленение семантики всех вышеперечисленных русских топонимов, представляющих номему /СОВЕТСК/, в виде самостоятельного «блока» или «узла» может показаться неоправданным, так как помимо общего категориального значения «населённый пункт» каждый именуемый этим топонимом денотат имеет частные семантические признаки. Одно и то же имя собственное может именовать разные объекты одного и того же класса. Эти объекты отличаются друг от друга своими характеристиками. Например, имеются две реки с одинаковым названием *Белая*. *Белая*[1] — глубокая, широкая, судоходная, расположены на ней города Белорецк, Мелеуз, Ишимбай, Салават, Стерлитамак, Уфа, Благовещенск, Бирск, длина 1420 км; *Белая*[2] — горная, холодная, приток Кубани, длина 273 км, расположены города Майкоп, Белореченск, мост через Белую и пр.; ср.: [19. С. 64]. Из всей нашей информации о географическом объекте топоним фиксирует небольшую часть. Признаки, внешние предметы, существенные не сами по себе, а лишь как средство отождествления предмета и его отграничения от прочих предметов. Считается, что анализ фрагментов картины мира происходит на основе выделения языковых единиц, репрезентирующих исследуемые концепты. М. В. Пименова пишет: «Концепты — это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. *Концепт* — это представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые

дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения. Концепт — это национальный образ (идея, символ), осложнённый признаками индивидуального представления» [18. С. 16]. Рассмотрим понимание концепта М. В. Пименовой применительно к топонимам.

Основной структурной единицей концептуальной системы является концепт, и проблема порождения концепта фактически сводится к проблеме образования языковых выражений, связанных между собой каким-то общим семантическим признаком. Мы не ставим под сомнение высказанную сентенцию в определении концепта как представления о фрагменте мира. О каком же представлении, спрашивается, идёт речь? Очевидно, что речь идёт обо всём почерпнутом из опыта богатстве знаний о географическом объекте, о том, что с ним непосредственно связано. Этот компонент мыслительной деятельности гораздо богаче суммы значений языковых единиц. У имён собственных, как известно, она минимальна, хотя и обеспечивает взаимопонимание людей. Когда мы говорим о концепте топонима или любого имени собственного, мы отличаем концепт собственно топонима, например, БИРЮСА от концепта, репрезентированного географическим термином «река». Человек может и не знать, что означает «Бирюса». Этим именем может быть названа река, холодильник, электробритва и проч. Если имеется в виду река *Бирюса*, то часто языковое, или этимологическое, значение многим неизвестно. Что означает *Бирюса*? Просто «река». Кроме самого понятия «река», относящегося к языковому компоненту сознания, человек располагает, например, знанием того, где протекает данная река, что она глубокая, судоходная и т. д. и т. п. Река — природный водный поток значительных размеров с естественным течением по руслу. Семантика гидронима заключает в себе понятие воды. Всем хорошо, что вода — жидкость, первостепенно необходимая для жизни человека. Человек издавна селился по рекам. В воде можно плавать, купаться, зимой она замерзает, превращается в лёд и т. д. — целая буквально неисчерпаемая энциклопедия знаний о воде, включая, как подчёркивает Ю. В. Зыцарь, «резервные» или так сказать, эвристические «знания» или способности применения воды в ситуациях, которые ещё не возникли, но могут возникнуть [11. С. 29]. Структура топонимического концепта и структура концепта соответствующего географического термина по многим параметрам не перекрывают друг друга. Под структурой концепта здесь, вслед за М. В. Пименовой, понимается «совокупность обобщённых признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира» [18. С. 17]. Пустые клетки когнитивной матрицы заполнены в подавляющем случае «зарубками», «засечками», оставленными на ментальном уровне географическим термином, который образует определённую «категорию» в смысле классификационного термина. Топоним как языковая единица фиксирует эти категории в языке и отличает одну от другой. Что касается последней составляющей в определении концепта М. В. Пименовой, то, безусловно, некоторые топонимические концепты могут быть рассмотрены как национальный образ, как «сгусток культурной среды в сознании человека». Ср. такие концепты, как ВОЛГА, РЕЙН, ТЕМЗА, ГАНГ, НИЛ.

Таким образом, изучение топонимов в когнитивном аспекте открывает возможности для совершенствования самих приёмов ономастических исследований. Несмотря на довольно распространённые скептические замечания по адресу когнитивного метода в ономастике и отдельные неудачные попытки в его применении, в настоящее время широко и успешно используются результаты когнитивных исследований для исследования и описания самых различных топонимических концептов.

Список литературы

1. Алпатов, В. В. Концептуальные основы формирования религиозных топонимов / В. В. Алпатов // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 1 (010). — С. 86—95.

2. Антышев, А. Н. Имена. Немецкие антропонимы / А. Н. Антышев. — Уфа: БГАУ, 2001. — 239 с.

3. Башкортостан. Краткая Энциклопедия / Гл. ред. Р. З. Шакуров. — Уфа: «Башкирская энциклопедия», 1996. — 669 с.

4. Беляев, А. Н. Когнитивная семантика гидронимов / А. Н. Беляев // Многомерность языка и науки о языке. Материалы Всероссийской научной конференции. — Бирск: БирГПИ, 2001. — С. 22—23.

5. Беляев, А. Н. О когнитивных моделях топонимического пространства / А. Н. Беляев // Современная филология: теория и практика: материалы XVII международной научно-практической конференции. — М.: Изд-во «Институт стратегических исследований», 2014. — С. 13—16.

6. Болотов, В. И. К вопросу о значении имён собственных / В. И. Болотов // Восточнославянская ономастика / Отв. ред. А. В. Суперанская. — М.: «Наука», 1972. — С. 333—345.

7. Голев, Н. Д. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) / Н. Д. Голев, Л. М. Дмитриева // Вопросы ономастики. — 2008. — № 5. — С. 5—17.

8. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: дис. … д-ра филол. наук / М. В. Голомидова. — Екатеринбург, 1998. — 375 с.

9. Дмитриева, Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (На материале русской топонимии Алтая): дис. … д-ра филол. наук / Л. М. Дмитриева. — Барнаул, 2002. — 367 с.

10. Зобнина, О. А. Концепт «Oxbridge» в английской лингвокультуре: автореферат дис. … канд. филол. наук / О. А. Зобнина. — Волгоград, 2007. — 21 с.

11. Зыцарь, Ю. В. О единстве сознания и различиях языков / Ю. В. Зыцарь // Вопросы языкознания. — 1984. — № 4. С. 23—32.

12. Ковлакас, Е. Ф. Реконструкция и идентификация топонимического концепта «пространство» (на примере топонимики Краснодарского края и Республики Адыгея) / Е. В. Ковлакас // Вестник Вятского государственного университета. — 2015. — № 1. — С. 128—133.

13. Крюкова, И. В. Концептуализация топонима в русском языковом сознании / И. В. Крюкова // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». — 2010. — № 5 (10). — С. 24—27. — URL: http://www.grani.vspu.ru/files/publics/233_st.pdf.

14. Кубрякова, Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М.: МГУ, 1996. — С. 90—93.

15. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

16. Кубрякова, Е. С. О концептах, схваченных знаком / Е. С. Кубрякова // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). — 2009. — № XVIII. — С. 69—75.

17. Мурясов, Р. З. Топонимы в словообразовательной системе немецкого языка / Р. З. Мурясов // Вопросы языкознания. — 1986. — № . 4. С. 70—81.

18. Пименова, М. В. Методология концептуальных исследований / М. В. Пименова // Антология концептов. — Волгоград: Парадигма, 2005. — Том 1. — С. 15—19.

19. Привалова, М. И. Собственные имена и проблема омонимии / М. И. Привалова // Вопросы языкознания. — 1979. — № 5. — С. 57—67.

20. Рублёва, О. Л. К типологии концептов: топонимические концепты / О. Л. Рублёва // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2017. — Т. 16. — № 9. — С. 76—84.

21. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 664 с.

22. Стернин, И. А. Имя собственное с когнитивной точки зрения / И. А. Стернин // Лингвоконцептология: Межвузовский научный сборник. — Воронеж: Истоки, 2008. — Вып. 1. — С. 25—29.

23. Томахин, Г. Д. Топонимы как реалии языка и культуры (на материале географических названий США) / Г. Д. Томахин // Вопросы языкознания. — 1984. — № 4. — С. 84—90.

24. Уразметова, А. В. Топонимическая система США: первичная и вторичная номинация: монография / А. В. Уразметова. — 2-е издание, стереотипное. — М.: ФЛИНТА, 2018. — 187 с.

25. Хвесько, Т. В. Когнитивное описание формирования топонимов / Т. В. Хвесько // Язык и культура. — Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. — 2008. — № 3. — С. 77—82.

26. Щербак, А. С. Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) / А. С. Щербак // Вестник ТГУ. — 2009. — № 10 (78). — С. 169—175.

27. Щербак, А. С. Ономастический концепт как единица знания / А. С. Щербак // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. — М.; Тамбов, 2009 — С. 152—153.

28. Филд, Дж. Психолингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами) / Дж. Филд. —М.: Издательство ЛКИ, 2012. — 344 с.

29. Kohlheim, V. Personennamen, Ortsnamen und linguistische Theorie / V. Kohlheim, K. Hengst // Namenkundliche Informationen 85/86. Hrsg. von Ernst Eichler und Dietlind Krьger. — Leipzig, 2004. — S. 17—31.

30. Seibicke, W. Die Personennamen im Deutschen / W. Seibicke. — Berlin / New York: de Greyter, 1982. — 230 S.

Сведения об авторе

Беляев Андрей Николаевич — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Башкирский государственный аграрный университет. Уфа, Россия. anbelajew@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 13—21.

ON THE TOPONYMIC CONCEPT

A.N. Belyaev
Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia. anbelajew@mail.ru

The paper deals with the cognitive basis for the development of a toponymic concept. It discusses the way the general categorical meaning of a toponym reflecting a certain stock of visual and experimental knowledge relates to the subjective perception of the information as a geographic realium is being conceptualized. The result of this process is called a toponym. The author takes into consideration parallelism in acts of toponymic nomination on the cognitive and onomasiological levels. There is a theoretical ground to describe a two-level model of the onym sign. The structure of the toponymic concept includes an onomasiological basis to indicate a toponym as a certain conceptual category. The author tries to develop the idea of the toponymic concept as a language form (onym) with a general categorical and an individual meaning connected with certain semantic relations.

Keywords: *cognitive linguistics, nomination, onomasiology, onomastics, plase-name study, toponymic concepts.*

References

1. Alpatov V.V. Konceptual'nye osnovy formirovaniya religioznyh toponimov [Conceptual bases to develop religious place names]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2007, no. 1, pp. 86—95. (In Russ.).
2. Antyshev A.N. *Imena. Nemeckie antroponimy* [Names. German antroponyms]. Ufa, BGAU, 2001 Publ., 239 p. (In Russ.).
3. 3. Shakurov R.Z. (ed). *Bashkortostan. Kratkaya Ehnciklopediya* [Bashkortostan. Short Encyclopedia]. Ufa, 1996. (In Russ.).
4. Belyaev A.N. Kognitivnaya semantika gidronimov [Cognitive semantics of hydronyms]. *Mnogomernost' yazyka i nauki o yazyke. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Multidimensionality of the language and language science. Proceedings of the all-Russian scientific conference]. Birsk, 2001. Pp. 22—23. (In Russ.).
5. Belyaev A.N. O kognitivnyh modelyah toponimicheskogo prostranstva [On cognitive models of toponymic space]. *Sovremennaya filologiya: teoriya i praktika* [Modern Philology: theory and practice]. Moscow, 2014. Pp. 13—16. (In Russ.).
6. Bolotov V.I. K voprosu o znachenii imyon sobstvennyh [On the meaning of proper names]. *Vostochnoslavyanskaya onomastika* [East Slavic onomastics]. Moscow, 1972. Pp. 333—345. (In Russ.).
7. Golev N. D. Edinstvo ontologicheskogo i mental'nogo bytiya toponimicheskoj sistemy (k problematike kognitivnoj toponimiki) [Unity of ontological and mental existence of the toponymic system (to the problems of cognitive toponymy)]. *Voprosy onomastiki* [Onomastics Issues], 2008, no 5, pp. 5—17. (In Russ.).
8. Golomidova M.V. Iskusstvennaya nominaciya v russkoj onomastike [Artificial nomination in Russian onomastics. Thesis]. Yekaterinburg, 1998. (In Russ.).
9. Dmitrieva L.M. *Ontologicheskoe i mental'noe bytie toponimicheskoj sistemy* (*Na materiale russkoj toponimii Altaya*) [Ontological and mental existence of the toponymic system (based on the Russian toponymy of Altai). Thesis]. Barnaul, 2002. (In Russ.).
10. Zobnina O.A. *Koncept «Oxbridge» v anglijskoj lingvokul'ture* [The «Oxbridge» concept in the English language culture. Abstract of doctoral dissertation]. Volgograd, 2007. 21 p. (In Russ.).
11. Zycar' YU.V. O edinstve soznaniya i razlichiyah yazykov [On the unity of consciousness and differences in languages]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics], 1984, no. 4, pp. 23—32. (In Russ.).
12. Kovlakas E.F. Rekonstrukciya i identifikaciya toponimicheskogo koncepta "prostranstvo" (na primere toponimiki Krasnodarskogo kraya i Respubliki Adygeya) [Reconstruction and identification of toponymic concept

"space" (on the example of toponymy of the Krasnodar region and the Republic of Adygea)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2015, no. 1, pp. 128—133. (In Russ.).

13. Kryukova I.V. Konceptualizaciya toponima v russkom yazykovom soznanii [Conceptualization of toponyms in the Russian language consciousness]. *Grani poznaniya* [Facets of knowledge], 2010, no. 5 (10), pp. 24—27. Available at: http://www.grani.vspu.ru/files/publics/233_st.pdf, accessed 05.09.2108. (In Russ.).

14. Kubryakova E.S. Concept. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms]. Moscow, 1996. Pp. 90—93. (In Russ.).

15. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: on the way to learn the language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in learning the world]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004. (In Russ.).

16. Kubryakova E.S. O konceptah, skhvachennyh znakom [On concepts captured by the sign]. *Studia Linguistica* (*Sankt-Petersburg*), 2009, no. XVIII, pp. 69—75. (In Russ.).

17. Muryasov R.Z. Toponimy v slovoobrazovatel'noj sisteme nemeckogo yazyka [Toponyms in the word-formation system of the German language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics], 1986, no. 4, pp. 70—81. (In Russ.).

18. Pimenova M.V. Metodologiya konceptual'nyh issledovanij [Methodology of conceptual studies]. *Antologiya konceptov* [Concept Anthology]. Volgograd, 2005. Vol. 1. Pp. 15—19. (In Russ.).

19. Privalova M.I. Sobstvennye imena i problema omonimii [Proper names and homonymy problem]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics], 1979, no5, pp. 57—67. (In Russ.).

20. Rublyova O.L. K tipologii konceptov: toponimicheskie koncepty [To the concept typology: toponymic concepts]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2017, vol. 16, no. 9, pp. 76—84. (In Russ.).

21. Stepanov YU.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moskow, Yazyki russkoj kul'tury Publ, 1997. (In Russ.).

22. Sternin I.A. Imya sobstvennoe s kognitivnoj tochki zreniya [Proper name from the cognitive point of view]. *Lingvokonceptologiya* [Linguistic conceptology]. Voronezh, 2008. Pp. S.25—29. (In Russ.).

23. Tomahin G.D. Toponimy kak realii yazyka i kul'tury (na materiale geograficheskih nazvanij SSHA) [Toponyms as realities of language and culture (a case study of geographical names of the USA)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics], 1984no. 4, pp. 84—90. (In Russ.).

24. Urazmetova A.*V. Toponimicheskaya sistema SSHA: pervichnaya i vtorichnaya nominaciya* [The toponymic system of the United States: primary and secondary category]. Moscow, FLINTA Publ., 2018. (In Russ.).

25. Hves'ko T.V. Kognitivnoe opisanie formirovaniya toponimov [A cognitive description of place name development]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Tomsk, 2008. Pp. 77—82. (In Russ.).

26. Shcherbak A.S. Osnovnye tipy onomasticheskih konceptov (na materiale regional'noj konceptosfery) [Main types of onomastic concepts (a case study of the regional sphere of concepts)].*Vestnik TGU* [Bulletin of Tambov University], 2009, no.10 (78), pp. 169—175. (In Russ.).

27. Shcherbak A.S. Onomasticheskij koncept kak edinica znaniya [Onomastic concept as a unit of knowledge]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Konceptualizaciya mira v yazyke* [Cognitive studies of language. Conceptualization of the world in language: a collective monograph]. Moscow; Tambov, 2009. (In Russ.).

28. Fild Dzh. *Psiholingvistika: Klyuchevye koncepty. Ehnciklopediya terminov (s anglijskimi ehkvivalentami)* [Psycholinguistics: The Key concepts]. Moscow, LKI Publ., 2012. (In Russ.).

29. Kohlheim, V. Personennamen, Ortsnamen und linguistische Theorie [Personal names, toponyms and linguistic theory]. *Namenkundliche Informationen* [Journal of Onomastics], Leipzig, 2004, no. 85/86, pp. 17—31. (In German).

30. Seibicke W. *Die Personennamen im Deutschen* [The Personal names in German]. Berlin / New York, de Greyter Publ, 1982. (In German).

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 22—30.

УДК 81-26 **DOI 10.24411/1994-2796-2019-10103**

ББК 81.2

ОСНОВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВИДО-ВРЕМЕННОЙ ЧАСТИЦЫ 了LE В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. В. Береза

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

Статья посвящена описанию основных способов функционирования частицы 了le в современном китайском языке. Приведены значения, передаваемые данной частицей, обозначены условия ее употребления. Особое внимание уделяется случаям, ограничивающим ее применение, при игнорировании которых, возможно допущение грамматических ошибок. Для наглядного представления теоретического материала приведены примеры конкретного использования частицы.

Ключевые слова: *частица, действие, состояние, завершенность, глагол, прилагательное.*

Китайский язык в соответствии с морфологической классификацией языков относится к языкам изолирующего типа. Для языков данного типа характерна слаборазвитая морфология, отношения между словами передаются путем использования служебных слов и порядка слов в предложении. Частицы являются важнейшим классом служебных слов современного китайского языка. Данный класс слов отличается своим многообразием и разнородностью функционирования, что, в свою очередь, способствовало выделению различных классов частиц. Частица 了le, о которой пойдет речь в данной статье, является представителем класса видо-временных частиц. Основной функцией видо-временных частиц является характеристика различных этапов совершения действия или состояния.

Исследованию функционирования частицы 了le в современном китайском языке посвящено множество работ отечественных и зарубежных исследователей. Отечественные исследователи А. И. Иванов и Е. Д. Поливанов называют ее частицей и соответствующим суффиксом, который используются для определения времени, наклонения, вида и залога глагола, наравне с частицами 过, 着, 来着, 吧, 就, 的 и др. [3. С. 77]. Как суффикс глагола ее также рассматривает А. А. Драгунов, указывая, что она относится к системе прошедшего времени наряду с 过 и来 (着) [1. С. 151]. В. И. Горелов рассматривает 了le как темпоральную частицу, которая является показателем грамматической категории синтаксического времени [2. С. 84]. Среди зарубежных исследователей грамматики современного китайского языка необходимо выделить профессора Клаудию Росс. В ее работах частица 了le также рассматривается как суффикс глагола (verb suffix), маркирующий завершенное действие [10. С. 244].

Но наиболее комплексное и полноценное исследование было проведено китайскими лингвистами, большинство которых определяет 了le как видо-временную частицу китайского языка (данный термин используется нами в настоящем исследовании). Огромный вклад в изучение основных значений и особенностей функционирования частицы 了le был внесен такими исследователями как Бай Сяохун, который в своем научном труде «汉语虚词 15讲» [11] (*15 лекций по служебным словам китайского языка*) описал правила употребления частицы, определил ее основные значения и пояснил описанный им материал на конкретных примерах. Подробное описание функционирования частицы 了le в современном китайском языке представили Лю Юэхуа и Пань Вэньюй [12]. Очень познавательным для иностранцев, изучающих китайский язык, является монография «Ответы на вопросы по грамматике современного китайского языка» [13], авторами которой являются Ян Юйлин и Ин Чэньцзинь. В данной монографии исследователи на ярких примерах продемонстрировали самые частотные ошибки в употреблении частицы 了le и описали способы, которые помогут избежать их возникновения. Частице 了le кроме вышеперечисленных работ, также посвящено множество других трудов, важность и значение которых трудно переоценить. Такое количество работ говорит о том, что данная частица всегда интересовала исследователей грамматики, и эта тенденция не перестает существовать и в настоящее время.

Целью данной статьи является — проведение комплексного анализа основных значений и особенностей функционирования видо-временной частицы 了le в современном китайском языке. Для достижения цели необходимо было выполнить следующие задачи: 1) изучить основные значения, которые может передавать частица 了le в современном китайском языке; 2) описать основные правила употребления частицы 了le; 3) определить позиции, которые может занимать частица в предложении относительно других элементов; 4) рассмотреть случаи, ограничивающие применение частицы.

Частица 了le обозначает осуществление действия или появление состояния. Может занимать позицию в предложении после глагола, прилагательного, результативной морфемы и модификатора направления движения [11. С. 223].

При употреблении частицы 了le после глагола, она является показателем состоявшегося действия, подчеркивает завершенный его характер: 你看了几本杂志？ *Сколько журналов ты прочитал?* [6. С. 548, 643]. Обозначаемое действие можно переводить на русский язык как в совершенном, так и в несовершенном виде. Например: 这笨书我读了三遍。*Эту книгу я читал (прочел) трижды.* 他睡了一个钟头觉。*Он спал (проспал) один час.* [4. С. 263]. Но существуют мнения, что 了le передает значение именно совершенного вида: 吃了 съел, 走了 *ушел* [7. С. 324]. Данные расхождения во мнении относительно вида совершения действия связаны с несовпадением выражения вида действия в русском и китайском языках. Но, несмотря на это, главным является то, что глагол, оформленный частей 了le, обозначает действие, которое в любом случае завершается к моменту речи [4. С. 263].

Употребляя данную частицу, мы должны понимать, что она указывает на то, что действие перешло в новый этап совершения, то есть оно осуществилось, а завершилось ли оно к моменту речи или нет, указывают другие лексические единицы и сама природа глагола. Например, китайский исследователь Лю Юэхуа утверждает, что употребляясь с разными глаголами, частица 了 le может обозначать, что действие либо просто осуществилось, либо осуществилось и уже завершилось. Лю Юэхуа выделяет три типа глаголов: глаголы действия (动作动词); глаголы состояния（状态动词）; глаголы, в семантическом значении которых заложена завершенность действия （结束性动词）. Глаголы действия обозначают действие, которое имеет начало, продолжение и конец. Употребляясь после таких глаголов, частица 了le обозначает, что действие осуществилось (т. е. начало происходить). Однако 了le не показывает на каком этапе действие сейчас, продолжается ли оно на данный момент или уже завершилось. Какого результата достигло данное действие, мы можем сказать только полагаясь на контекст (есть ли в предложении дополнение длительности, обстоятельство времени, результативные морфемы или другие грамматические, или лексические элементы, которые могут охарактеризовать продолжительность действия и его результативность). Лю Юэхуа приводит следующие примеры: 春节录像，你妈妈看了吗？那不正在看呢。看了一个多小时了 [12. С. 362]。— *Твоя мама посмотрела запись с Нового года? Нет, сейчас как раз смотрит. Смотрит уже больше часа.* В данном примере частица 了le показывает, что действие началось, т. е. мама начала смотреть запись, а то, что действие продолжается на данный момент, мы можем увидеть по контексту (по модальной частице 了le в конце предложения, так как конструкция «Глагол + 了le + Дополнение длительности + 了le» показывает, что действие на данный момент еще не закончилось. Кроме этого, далее следует предложение正在看呢 *как раз сейчас смотрит*.

В другом предложении использование этой частицы после глагола действия может показывать, что действие уже завершилось. Например: 昨天我给你的文章你看了吗？看了，写得不错。[6. С. 363] — *Ты прочитал, статью, которую я тебе вчера дал? Прочитал, написана неплохо.*

Предложение 他去年跟爸爸去了美国 является незаконченным, перевести его на русский язык правильно без контекста мы не можем, так как нет никаких показателей, которые дали бы нам понять, *вернулся ли он уже из Америки или нет*. Из содержания данного предложения нам известно, что действие совершилось, т. е. он поехал в Америку, а на каком этапе оно (завершилось или продолжается в настоящий момент), мы сказать без контекста и других грамматических и лексических показателей не можем. Если в предложение добавить разный контекст, изменится и перевод. Например: 他去年跟爸爸去了美国，昨天才回来。— *Он в прошлом году с папой поехал в Америку, вчера только вернулся*. В данном предложение по контексту видно, что он уже не в Америки. 他去年跟爸爸去了美国，就在美国定居了。— *Он в прошлом году с папой уехал в Америку и там обосновался*. В данном предложении контекст нам дает понять, что он сейчас в Америке [14. С. 201]. В обоих примерах глагол 去

идти, ехать оформлен частицей 了le, но так как это глагол действия, то сказать на каком этапе оно сейчас, нам помогает контекст всего предложения.

В группу глаголов состояния Лю Юэхуа включает в основном слова, которые отечественные исследователи часто относят к прилагательным 饿 *быть голодным*, 累 *лениться*, 困 *хотеть спать*, 醉 *быть пьяным* [12. С. 363]. Тань Аошуан данную группу слов рассматривает как предикаты физического и психического состояния [8. С. 182]. Они имеют начало и могут продолжаться, однако они не показывают завершение действия, или же на завершении действия не делается акцент. Частица 了le после таких глаголов также, главным образом, обозначает, что состояние началось. Продолжается ли действие сейчас можно понять только по контексту и другим грамматическим показателям. Например: 听说他病了，整天躺在床上。[13. С. 674] — *Слышал, он заболел, целыми днями лежит в кровати*. Из контекста 整天躺在床上 *целыми днями лежит в кровати* видно, что состояние продолжается на момент речи.

Глаголы, в семантическом значении которых заложено завершение действия, не имеют периода продолжения. Такие глаголы также называют «предикатами достижения» [8. С. 163], «предельными глаголами» [9. С. 81]. Данные глаголы обозначают действие целиком, вместе с моментом достижения им результата, описывают событие в некоторый момент времени, не предполагая подготовленность этого события к каким-то процессом. В данную группу входят такие глаголы как: 毕业 *закончить учебу*, 结婚 *вступить в брак*, 死 *умереть*, 抛弃 *бросить*, 扔 *выбросить*, 到 *достигать* и др. Использование частицы 了le после таких глаголов показывает, что действие уже произошло. Например: 他跟妻子结婚不久，妻子就抛弃了他 [12. С.364] — *Они с женой недолго в браке, она его уже бросила*.

В современном китайском языке существуют определенные условия употребления частицы 了le после глагола. Рассмотрим самые важные из них.

1. Дополнение должно иметь при себе определение, которое также может быть выражено числительным и счетным словом (поясняющими членами)

我买了一本书。[13. С.196] — *Я купил одну книгу.*

我们参加了一家独资企业的工厂。[11. С. 223] — *Я был на заводе индивидуального предпринимателя*.

Если определение отсутствует, предложению можно придать законченный характер с помощью модальной частицы 了le в конце предложения. В предложении также добавляется интонация, которую в русском языке можно передать словом уже. Например: 谢谢！我吃了饭了。— *Спасибо! Я уже поел* [6. С. 644].

Кроме того, в конце предложения можно употребить другие элементы, которые сделают предложение законченным. Например: 听说你得了感冒，现在你身体怎么样？[5. С. 199] — *Слышал, ты простыл, как сейчас твое здоровье?*

Дополнение не оформляется определением только в том случае, если оно выражено личным местоимением или именем собственным. Например: 他等了我七年。[12. С. 259] — *Он ждал меня семь лет.*

2. В предложении есть обстоятельство, которое выражено предложной конструкцией [6. С. 645].

昨天他跟我们一起看了电影。[6. С. 645] — *Вчера он вместе с нами смотрел фильм*.

3. В предложении есть обстоятельство, оформленное частицей 地 [11. С. 224] или обозначено, что действие достигло результата при определенных условиях, указана причина или способ его совершения [16. С. 246].

这本电视剧深深地打动了我。[11. С. 223] — *Это сериал глубоко растрогал его.*

在老师的帮助下，我完成了毕业论文。 [11. С. 222] — *При помощи учителя я закончил писать диплом.*

在那个月的二十八日，顺利地完成了婚礼。[16. С. 247] — *Двадцать восьмого числа того месяца успешно отыграли свадьбу.*

4. В предложении есть дополнение длительности, кратности.

他在北京住了一年。[11. С. 222] — *Он год жил в Пекине.*

我跑了三趟超市。[11. С. 222] — *Я три раза бегал в супермаркет.*

5. В предложении употребляется два глагола, обозначающие последовательность действий, частица 了le обозначает завершение первого действия. Происходит смена событий, первое действие является временем или условием для совершения второго. Часто после первого глагола употребляется наречие 就 *сразу*. Дополнение после первого глагола может не иметь при себе поясняющего члена предложения.

我吃了饭就走。 [13. С. 196] — *Я поем и пойду.*

我放了假就回老家。[11. С. 223] — *Как только наступят каникулы, я поеду домой*.

Стоит обратить внимание, что в приведенных выше примерах 5-го пункта время совершения

действия — будущее. Это говорит о том, что частица 了le связана только с совершением действия, наступлением состояния, не имеет никакого отношения ко времени происхождения действия, т. е. не является эквивалентом прошедшего времени, поэтому может употребляться в прошедшем, в будущем времени, а также в условных предложениях [11. С. 223]. Для указания на то, что ситуация уже состоялась необходимо поставить в конец предложения модальную частицу 了le, которая будет служить показателем осуществления ситуации, описанной в предложении. Например:

我昨天吃了早饭就去单位了。[13. С. 194] — *Я вчера позавтракал и пошел на работу.*

学生们做完了功课就交给老师了。[10. С. 96] — *Студенты доделали задание и сдали учителю.*

Кроме этого, указать, что действие уже состоялось можно с помощью видо-временной частицы了le в соответствии с вышеизложенными правилами ее использования после глагола.

昨天我下了班，就近在摊贩上买了点菜。[17. С. 384] — *Вчера после работы зашел в лавку, купил немного овощей* (прошедшее время).

Без данной конечной частицы предложение должно быть переведено в будущем времени. Частица 了le после глагола указывает на завершение первого действия.

我打算放了假去上海。[13. С. 195] — *Я собираюсь поехать в Шанхай, как только наступят каникулы* (будущее время).

明天我吃了早饭就去。[17. С. 384] — *Завтра я позавтракаю и сразу пойду* (будущее время).

要是这事让他知道了怎么办? [11. С. 223] — Если он узнает об этом, что же делать? (условное предложение).

В соответствии с этими условиями, частица 了le употребляется в предложениях, в которых первый глагол имеет собственное именное дополнение, за которым следует дополнение — глагольная группа. 了le ставится после второго глагола, при этом совершенный вид прошедшего времени в русском переводе приписывается первому глаголу [4. С. 266]. Такими предложениями являются: предложения с составным глагольным сказуемым (连动句) и последовательно-связанные предложения (兼语句).

Предложения с составным глагольным сказуемым (连动句) делятся на два типа: 1) первый глагол указывает способ совершения действия, обозначенного вторым глаголом; 2) второй глагол указывает на цель первого глагола. В таких предложениях не допускается оформление частицей 了le первого глагола. Частицей может быть оформлен только последний глагол. Например: 我去图书馆借了两本书。[18. С. 314] — *Я пошел в библиотеку взять две книги.* 他到商店去买了一双冰鞋。— *Он пошел (ходил) в магазин, чтобы купить коньки* [6. С. 646]. 我们一行五人骑自行车去了一趟乡下。[16. С. 250] — *Мы впятером в один ряд ездили на велосипедах в деревню.*

Однако если не соблюдены условия употребления частицы после глагола, то используется модальная частица 了 le в конце предложения. Например: 我去北京看朋友了。[19. С. 220] — *Я ездил в Пекин к другу.* 他到商店去买冰鞋了。— *Он пошел (ходил) в магазин, чтобы купить коньки* [6. С. 646].

При последовательно-связанном предложении (兼语句) дополнение первого глагола служит подлежащим для второго, в роли первого выступают такие каузативные глаголы, как 请 *просить*, 叫 *заставлять*, 让 *велеть*, 允许 *разрешать*, 要 *требовать*, 使 *заставлять* и др. Частицей 了le оформляется последний глагол. Например: 宋铜就让我替他说了。[15. С. 589] — *Ли Тун велел мне сказать за него.* 昨天请张老师给大家辅导了一下。[4. С. 266] — *Вчера просили учителя Чжана дать нам консультацию.*

При употреблении частицы 了le после прилагательного часто происходит слияние видо-временной и модальной частицы 了le. Например: 天亮了。— *Посветлело.* 雨总算小了。— *Дождь наконец-то стал меньше.* 这样反而更重了。— *Так наоборот стало еще тяжелее* [20. С. 222—223]. В данных примерах частица обозначает изменение ситуации и наступление состояние. Собственно видо-временную частицу 了le мы можем наблюдать в предложениях, где после прилагательного стоит дополнение длительности или кратности. В таких предложениях частица будет указывать, что состояние на данный момент не продолжается. Главная функция частицы показать, что состояние наступило, а дополнение длительности или кратности конкретизирует продолжительность или степень. Например: 头发白了许多。— *Волосы сильно поседели.* 这个月清了三天。— *В этом месяце было ясно три дня* [18. С. 317]. 辛苦了一辈子。— Промучаться всю жизнь. 你可老了不少。 — *Ты, однако, сильно постарел* [20. С. 222—223]. Если же необходимо показать, что наступившее состояние, обозначенное видо-временной частицей 了le, продолжается по настоящее время, то в конце

предложения нужно поставить модальную частицу 了le, главной функцией которой является указание на изменение ситуации. В переводе на русский язык в таких предложениях часто добавляется слово уже. Видо-временная частица покажет, что состояние наступило, модальная частица покажет, что раньше не было такого состояние, длительность на то, сколько оно уже длится с момента наступления. 这孩子有高了一寸了。— *Этот ребенок уже стал выше еще на один цунь* (Он продолжает становится выше). 已经清了三天了。— *Уже ясно три дня* (Все еще ясно) [18. С. 317].

Обобщая все вышесказанное, обозначим позиции, которые частица 了le может занимать в предложении:

1. Если в предложении есть дополнение со значением длительности или кратности глагола, 了le стоит после глагола. Например: 他在天津住了三年。[17. С. 383] — *Он жил в Тяньцзине три года.* 他重复了好几次。[21. С. 453] — *Он повторил много раз.*

2. Если к глаголу есть прямое дополнение, имеющее при себе определение, частица 了 le стоит после глагола. Например: 我买了三张票。[18. С.314] — *Я купил три билета*. Исключением являются дополнения, выраженные именами собственными и личными местоимениями.

3. Частица 了le стоит перед структурой со счетным словом 个 и модификатором состояния. Например: 我玩了个痛快。— *Я играл весело.* 他把敌人打了个落花流水。— *Он разбил врага в пух и прах* [17. С. 383]

4. Частица 了le всегда стоит перед сложными модификаторами направления. Например: 妈妈一下子想了起来。[17. С. 383] — *Мама сразу же вспомнила*.

Если поставить частицу 了le после модификатора, она будет не только указывать на прошедшее время, но и возьмет на себя свойства модальной частицы 了le. Смысл предложения соответственно изменится: кроме осуществления действия, она будет обозначать, что ситуация изменилась, раньше было по-другому. Например: 他们打了起来。— *Они начали драться*. Частица указывает на осуществление действия, обозначенного глаголом打 драться, модификатор 起来 указывает на то, что действие началось и продолжается. Если поставить частицу после модификатора 他们打起来了в предложении появится добавочный смысл (изменение ситуации), т. е. *они раньше не дрались* [17. С. 383].

Однако если в предложении есть и сложный модификатор направления и дополнение, частица 了le может занимать три позиции: 1) между модификатором и дополнением (глагол, модификатор, частица 了le, дополнение): 屋里飞进来了一只苍蝇; 2) после глагола, перед дополнением (глагол, частица 了le, дополнение, модификатор): 屋里飞了一只苍蝇进来; 3) после модификатора (глагол, дополнение, модификатор, частица 了le): 屋里飞一只苍蝇进来了 *В комнату влетела муха* [17. С. 384].

5. При наличии в предложении односложных модификаторов направления 来 и 去 позиция частицы 了le зависит от дополнения. Если дополнение выражено конкретным существительным, которым управляет объект, то частица может стоять: 1) после модификатора, перед дополнением (глагол, модификатор, частица 了le, дополнение): 拿来了一些香蕉; 2) после глагола, перед дополнением (глагол, частица 了le, дополнение, модификатор): 拿了一些香蕉来去 *взял несколько бананов* [17. С. 384]

Однако если дополнение выражено абстрактным существительным или существительным, которым не может управлять субъект, то частица может занимать только позицию между модификатором и дополнением (глагол, модификатор, частица 了le, дополнение). Например: 带去了一个坏消息。[17. С. 383] — *Принес плохую новость.* 屋里飞来了一只蜜蜂。[17. С. 384] — *В комнату влетела пчела.*

6) При наличии в предложении результативной морфемы и дополнения, частица了le всегда стоит после морфемы перед дополнением (глагол, результативная морфема, частица 了le). Например: 他把你当成了我姐了。[17. С. 383] — *Он сделал тебя своей сестрой.* 他哭肿了眼睛。[20. С. 223] — Он плакал так, что глаза опухли. 她擦干净了桌子。[17. С.383] — *Она дочиста вытерла стол.*

7) Частица всегда стоит внутри слитно-разделительного глагола, после глагольного компонента. Например: 我们吵了两次架。[15. С. 199] — Мы поругались два раза.

При использовании частицы 了le в современном китайском языке существуют ограничения, то есть случаи, когда частицу употреблять нельзя. Рассмотрим некоторые из них, являющиеся наиболее важными и могущие привести к допущению грубых грамматических ошибок. Видо-временная частица 了le не может употребляться в следующих случаях.

1. С глаголами, не называющими конкретные действия. Например: 是 *быть, являться*; 像 *быть похожим*; 好像 *кажется*; 属于 *принадлежать*; 需要 *нуждаться*; 作为 *считаться*; 希望 *надеяться*; 显得 *казаться*; 觉得 *чувствовать*; 值得 *быть стоящим*; 含有 *содержать*; 反对 *противо-*

стоять; 赞成 *восхищаться*; 拥护 *поддерживать*; 爱戴 *любить*; 认为 *считать*; 觉悟 *осознавать*; 容纳 *вмещать*; 使得 *годиться*; 主张 *отстаивать точку зрения*.

2. В выражениях, которые не обозначают совершения действия или наступления состояния, акцент делается на описании ситуации. 听到他说中文，我很吃惊。[13. С. 200] — *Услышав, что он говорил по-китайски, я очень удивился*. 在火车上我们说说，笑笑，非常高兴。— *В поезде мы разговаривали, смеялись, было очень весело*. 来留学以前，我在韩国的大学中文系学习汉语。— *Перед тем как приехать на учебу за границу, я учил китайский язык в корейском университете на факультете китайского языка* [11. С. 225].

3. В выделительной конструкции 是……的, временных конструкциях ……以前，……的时候（时）. Например: 他是从山东来的。[17. С. 385] — *Он из провинции Шаньдун приехал* (подчеркивается место). 去年在一家公司工作时认识了他。[16. С. 249] — *В прошлом году, когда работал в одной компании, познакомился с ним*.

4. При описании событий, которые происходили в прошлом регулярно, для констатации факта без указания на завершенность действия. 小时候，我经常生病。— *В детстве я часто болел*. 上小学的时候妈妈常说我懒。— *Когда я пошел в начальную школу, мама часто говорила, что я ленивый* [13. С. 198].

5. После глаголов, стоящих перед или после прямой речи. 我对那个售货员说: «谢谢你! » [11. С. 226] — *Я сказал тому официанту: «Спасибо тебе!»*

6. Если дополнение выражено глаголом, глагольным выражением или синтаксическим комплексом Подлежащее — Сказуемое. 我发誓我一定要学好汉语。[13. С. 201] — *Я поклялся, что обязательно выучу китайский язык*. Исключение составляют глаголы 作делать · 进行проводить. Например: 大家就这个问题进行了讨论。[11. С. 226] — *Все сразу начали обсуждать этот вопрос*. При необходимости фразовая частица в конце предложения. 他决定明天动身了。[4. С. 265] — *Он решил выехать завтра*.

7. После предельных глаголов (来 *приходить*, 到 *достигать*, 进 *входить*, 毕业 *заканчивать обучение*, 结婚 *жениться* и др.), если перед ними наречия 才, 刚, 刚刚, 刚才, в семантическом значении которых уже заложено, что действие произошло поздно (才) или недавно завершилось （才, 刚才, 刚, 刚刚）. Например: 我们刚来天津，还不习惯这里的生活。— *Мы только приехали в Тяньцзинь, еще не привыкли к местной жизни*. 听说他们刚结婚，还没有孩子。— *Слышал, они только поженились, пока нет детей* [11. С. 225] 他刚刚来。— *Он вот-вот пришел*. 他才出门。— *Он только что вышел* [13. С. 202—203].

8. В отрицательных предложениях, когда перед глаголом стоит отрицание 没 (有). Например: 其实我那天没去散步，我这个人压根儿就不喜欢散步。[21. С. 245] — *На самом деле в тот день я не ходил гулять, я из таких, кто вообще не любит гулять*. 从开始备考到现在，只有昨天晚上没熬夜。[16. С. 248] — *Начиная с момента подготовки к экзаменам и до настоящего времени только вчера он не работал всю ночь*.

Частица 了le является одной из наиболее частотных и представительных видо-временных частиц современного китайского языка. В данной статье был проведен комплексный анализ ее основных значений и особенностей функционирования в современном китайском языке. Мы выяснили, что употребляя частицу 了le, обязательно необходимо обращать внимание на природу глагола и контекст всего высказывания в целом для того, чтобы правильно толковать смысл предложения. Кроме этого, употребляя частицу после глагола, необходимо руководствоваться определенными правилами, при нарушении которых предложение будет ошибочным или будет иметь незаконченный характер. Употребляясь после прилагательных, значение видо-временной частицы了le часто сливается со значением модальной частицы 了le, но также выделяют случаи, когда видо-временная частица выступает непосредственно в своем значении — появления состояния. Нами были рассмотрены позиции, которые частица может занимать в предложении относительно других элементов предложения: прямого дополнения, модификаторов, результативных морфем, дополнения длительности и кратности. При описании основных особенностей функционирования частицы, в статье были приведены конкретные примеры ее использования, при этом были указаны специфические особенности употребления и переданные оттенки значения в каждой ситуации. При описании любого лингвистического явления выделяются особые случаи исключения. В данной статье мы вывели наиболее важные правила, ограничивающие употребление частицы 了le. Таким образом, в настоящей статье описаны результаты комплексного исследования видо-временной частицы 了le в современном китайском языке.

Список литературы

1. Драгунов, А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. — М.: АН СССР, 1952. — 231 с.

2. Горелов, В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. — М.: Просвещение, 1989. — 318 с.

3. Иванов, А. И. Грамматика современного китайского языка / А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 304 с.

4. Курдюмов, В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. — М.: ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2005. — 576 с.

5. Лю Сюнь. Новый практический курс китайского языка. — Пекин: изд-во Пекинский университет иностранных языков, 2007. — Ч. 1. — 270 с.

6. Практический курс китайского языка: в 2 т. / отв. ред. А. Ф. Кондрашевский. — 11-е изд., испр. — М.: Восточная книга, 2010. — Т. 1. — 768 с.

7. Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С. Е. Яхонтова / отв. ред. Е. Н. Колпачкова. — СПб.: Изд-во «Студия «НП-Принт», 2016. — 656 с.

8. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 896 с.

9. Яхонтов. С. Е. Категория глагола в китайском языке. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. — 181 с.

10. Ross, C. Modern Mandarin Chinese Grammar / C. Ross, Jing-heng Sheng Ma — N. Y.: Routledge, 2014. 404 p.

11. 白晓红。汉语虚词 15讲。— 北京: 北京语言大学出版社, 2007。— 315页。Bai Xiaohong. Hanyu xuci 15 jiang. — Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2007. — 315 ye.

12. 刘月华，潘文娱。使用现代汉语语法。—北京：商务印书馆，2002。— 1003页。Liu Yuehua, Pan Wenyu. Shiyong hanyu yufa. — Beijing: Shangwu yinshuguan, 2002. — 1003 ye.

13. 杨玉玲，应晨锦。现代汉语语法答问（上）。— 北京：北京大学出版社，2011。— 266页。 Yang Yuling, Ying Chenjin. Xiandai hanyu yufa dawen (shang). — Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2011. — 266 ye.

14. 艾冰。动态助词'了'与'过' 的对外汉语教学 // 渤海大学中文系科教导刊。— 2010. — 234—235 页。Ai Bing. Dongtai zhuci 'le' yu 'guo' de duiwai hanyu jiaoxue // Bohai daxue zhongwen xi kejiao daokan. — 2010. — 234—235 ye.

15. 余华。兄弟。—上海: 文艺出版社，2005。— 735 页。Yu Hua. Xiongdi. — Shanghai: Wenyi chubanshe, 2005. — 735 ye.

16. 卢福波。对外汉语教学实用语法。—北京：北京语言大学出版社，2014。— 451页。Lu Fubo. Duiwai hanyu jiaoxue shiyong yufa. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2014. — 451 ye.

17. 候学超。现代汉语虚词词典。—北京：北京大学出版社，1998。— 800页。Hou Xuechao. Xiandai hanyu xuci cidian. Beijing; Beijing daxue chubanshe, 1998. — 800 ye.

18. 吕叔湘。现代汉语八百词。—北京：商务印书馆，1996。— 668 页。Lü Shuxiang. Xiandai hanyu babai ci. — Beijing: Shanwu yinshuguan, 1996. 668 ye.

19. 边看边学:实用汉语语法图解教程 /黄晓颖主编。— 北京:北京大学出版社，2008。— 260 页。Bian kan bian xue: shiyong hanyu yufa tujie jiaocheng / Huang Xiaoying zhubian. — Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2008. — 260 ye.

20. 张斌，张谊生。现代汉语虚词。— 上海：华东师范大学出版社，2000。— 315页。Zhan Bin, Zhang Yisheng. Xiandai hanyu xuci. Shaihai: Huadong shifan daxue chubanshe, 2000. — 315 ye.

21. 林建法，王荣。2005 中国最佳短篇小说。— 沈阳:辽宁人民出版社，2006。— 514 页。Lin Jianfa, Wang Rong. 2005 Zhongguo zui jia duanpian xiaoshuo. — Shenyang: Liaoning renmin chubanshe, 2006. — 514 ye.

Сведения об авторе

Береза Евгения Викторовна — Амурский государственный университет, ассистент кафедры китаеведения, аспирант филологического факультета. kravchenko0992@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 22—30.

BASIC MEANINGS AND FUNCTIONING PATTERNS OF THE ASPECT PARTICLE 了LE IN MODERN CHINESE

E.V. Bereza
Amur State University, Department of Sinology, kravchenko0992@mail.ru

The interest of scientists researching the Chinese language and Chinese as L2 learners to the particle 了le does not cease to grow. However, all attempts to explain and compare the functions of this particle with some grammatical category in other languages have remained unsuccessful, although intuitively everyone is quite well aware of the connection of 了le with the time coordinates of the utterance. The research on this subject was carried out by both Russian and foreign researchers, but, of course, the most thorough research in the field of particle functioning is carried out by Chinese researchers, whose work, in essence, was used in this article. The purpose of the article is to carry out a complex analysis of the basic meanings and functioning patterns of the aspect particle 了le in modern Chinese. The article considers the basic rules for the use of the particle 了le after a verb of different types: verbs of action, state and limiting verbs, because the nature of the verb depends on the value that the particle transmits. An important point of the article is also the presentation of certain rules, according to which, the particle can be used after the verb. In addition, the article describes the values of the particle 了le after the adjective and indicates the possible positions of the particle in the sentence for direct complement, complex and simple modifiers, effective morphemes, and duration / multiplicity. Particular attention is paid to cases limiting its use, if ignored, it may allow gross grammatical errors. For a visual representation of the theoretical material, examples are given of the specific use of a particle that demonstrate its functioning in a living language.

Keywords: *particle, action, state, completeness, verb, adjective.*

References

1. Dragunov A.A. *Issledovaniya po grammatike sovremennogo kitaiskogo yazika* [Studies on the grammar of modern Chinese language]. Moscow, AN SSSR Publ., 1952. 231 p. (In Russ.)
2. Gorelov V.I. *Teoreticheskaya grammatika kitaiskogo yazika* [Theoretical grammar of the Chinese language]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1989. 318 p. (In Russ.)
3. Ivanov A.I., Polivanov E.D. *Grammatika sovremennogo kitaiskogo yazika* [Modern Chinese grammar]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 304 p. (In Russ.)
4. Kurdumov V.A. *Kurs kitaiskogo yazika. Teoreticheskaya grammatika* [The course of the Chinese language. Theoretical grammar]. Moscow, Citadel-treid; Lada Publ., 2005. 576 p. (In Russ.)
5. Liu Xun. *Novii practicheskii kurs kitaiskogo yazika* [New practical Chinese language course]. Beijing, Beijing foreign language university Publ., 2007. P. 1. 270 p. (In Russ.)
6. Kondrashevskii A.F. (ed). *Practicheskii kurs kitaiskogo yazika: v 2 t.* [Practical Chinese language course: in 2 volumes]. Moscow, Vostochaya kniga Publ., 2010. V. 1. 768 p. (In Russ.)
7. Kolpachkova E.N. (ed). *Problemi kitaiskogo i obschego yazikoznanniya. K 90-letiyiu S. E. Yahontova* [Problems of Chinese and general linguistics. To the 90th anniversary of S. Ye. Yakhontov]. St. Petersburg, Studia «NP-Print» Publ., 2016. 656 p. (In Russ.)
8. Tan Aoshuan. *Problemi skritoi grammatiki: sintaksis, semantika i pragmatika yazika izoliruyiuschego stroya (na primere kitaiskogo yazika)* [Problems of hidden grammar: syntax, semantics and pragmatics of the language of the isolating system (in the example of the Chinese language)]. Moscow, Yazili slavianskoi kulturi Publ., 2002. 896 p. (In Russ.)
9. Yahontov S.E. *Kategoriya glaogola v kitaiskom yazike* [The verb category in Chinese]. Leningrad, LGU Publ., 1957. 181 p. (In Russ.)
10. Ross C., Jing-heng Sheng Ma. *Modern Mandarin Chinese Grammar.* N. Y.: Routledge, 2014. 404 p.
11. Bai Xiaohong. *Hanyu xuci 15 jiang* [Chinese functional words 15 lectures.]. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2007. 315 p. (In Chinese)

12. Liu Yuehua, Pan Wenyu. *Shiyong hanyu yufa* [Use modern Chinese grammar]. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2002. 1003 p. (In Chinese)

13. Yang Yuling, Ying Chenjin. *Xiandai hanyu yufa dawen (shang)* [Answers to Grammar of Modern Chinese (I)]. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2011. 266 p. (In Chinese)

14. Ai Bing. *Dongtai zhuci 'le' yu 'guo' de duiwai hanyu jiaoxue* [Aspect particles 'le' and 'guo' in teaching Chinese as a Foreign Language] // Bohai daxue zhongwen xi kejiao daokan. 2010. 234—235 p. (In Chinese)

15. Yu Hua. *Xiongdi* [Brothers]. Shanghai: Wenyi chubanshe, 2005. 735 p. (In Chinese)

16. Lu Fubo. *Duiwai hanyu jiaoxue shiyong yufa* [Practical Chinese grammar for teaching Chinese as a foreign language].Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2014. 451 p. (In Chinese)

17. Hou Xuechao. *Xiandai hanyu xuci cidian* [Modern Chinese dictionary of functional words]. Beijing; Beijing daxue chubanshe, 1998. 800 p. (In Chinese)

18. Lü Shuxiang. *Xiandai hanyu babai ci* [Eight hundred words in modern Chinese]. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1996. 668 p. (In Chinese)

19. Huang Xiaoying (ed). *Bian kan bian xue: shiyong hanyu yufa tujie jiaocheng* [Seeing while learning: Practical Chinese grammar graphic tutorial]. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2008. 260 p. (In Chinese)

20. Zhang Bin, Zhang Yisheng. *Xiandai hanyu xuci* [Modern Chinese functional words]. Shaihai: Huadong shifan daxue chubanshe, 2000. 315 p. (In Chinese)

21. Lin Jianfa, Wang Rong. *2005 Zhongguo zui jia duanpian xiaoshuo* [2005 Best Chinese Short Story]. Shenyang: Liaoning renmin chubanshe, 2006. 514 p. (In Chinese)

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 31—36.

УДК 81'42
ББК 81.2

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10104

КАМЕРУНСКИЙ ПИДЖИН: ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОГО И ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКА

Е. В. Бондаренко, О. А. Зубрицкий

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Рассматриваются особенности пиджина, используемого на территории Республики Камерун. В статье приводится информация об истории самой страны, возникновении данного языка, а также его современном состоянии. Особое внимание уделяется рассмотрению фонетического и лексического уровня языка. Приведены примеры слов, используемых в Республике Камерун, а также их европейские аналоги.

Ключевые слова: *пиджин, Республика Камерун, лингва франка, языковые особенности, фонетический уровень языка, лексический уровень языка.*

На данный момент на территории Африки насчитывается 62 государства. Большая часть из них являются независимыми странами (54 государства), однако остальные 8 существуют в качестве подконтрольных территорий. Часть стран Африки ранее представляли собой колонии европейских держав, которые проводили активную политику по вопросам жизни и культуры местного населения. В связи с тем, что в колониальную эпоху территории современных государств, находящихся под контролем той или иной монополии, могли быть куплены, проданы, подарены или же каким-либо иным образом могли сменить владельца, Африка представляла собой обширную зону постоянных политических конфликтов. Наряду с такими конфликтами проявлялись и культурные недопонимания и разногласия. Европейские державы на подконтрольных областях были заинтересованы в изучении местными жителями чужих для них языков, что оказало воздействие на современную ситуацию. В настоящее время, согласно разным источникам, на территории Африки существует от 1250 до 3000 языков. Такой разброс в данных объясняется сложностями при подсчете, поскольку одни языки либо исчезли, либо продолжают исчезать, в то время как другие были обнаружены сравнительно недавно и не были занесены в необходимые реестры. Упомянутое разнообразие языков представляет значительный интерес для филологических исследований. В данной статье мы будем рассматривать языковые особенности фонетического и лексического уровня пиджина, используемого в Республике Камерун.

Исследователи камерунского пиджина сходятся во мнении касательно общего вида этого языка. Ученые считают, что он является серьезно упрощенным вариантом английского языка, однако имеет особенности некоторых других языков. В связи с этим, мы можем отметить определенные сходства пиджина с другими европейскими языками как на лексическом, так и на фонетическом языковом уровне.

Пиджин в Республике Камерун является своеобразным лингва франка для местного населения. Исследователи предполагают, что его появление связано с тем, что, несмотря на сравнительно небольшую площадь и население страны в 475 км^2 и 20 миллионов человек, на данной территории проживает большое количество различных этнических групп, которые имеют либо свои собственные языки, либо используют свои варианты основных языков. Несмотря на изучения языков местного населения, официальные источники республики затрудняются с предоставлением точной информации о количестве языков на территории страны. Так, по мере изучения языкового разнообразия страны, исследователями были предоставлены различные данные. На момент переписи населения 1995 г., Республика Камерун было отмечено около 140—150 этнических групп, в которых использовались различные языки и диалекты. Общее число этих языков и диалектов было около 200. В связи с тем, что территориально языковые группы располагались ближе к определенным областным центрам, правительством республики были приняты меры для получения точных данных о количестве языков. Так, результатом

социолингвистических исследований, которые проводились местными организациями в разное время, были обнаружены и нанесены на карту республики с 1983 по 2000 г. от 123 до 244 языков. Один из последних опросов в 2000 г., Grimes, выявил 286 языков. Из них на карту возможно было нанести только 267. Исследования выявили, что некоторая часть перечисленных языков представлены значительно измененными диалектами местных языков, которые тем не менее рассматривались как самостоятельные языки. Недавние научные изыскания (2014 г.) показали, что в настоящее время число отдельных языков, используемых и существовавших ранее на территории Камеруна, составляет 283. Из них — 277 живых и 6 мертвых языков. Из живущих языков 273 являются коренными и 4 — некоренными. Кроме того, 12 — являются учрежденными, 101 — развивается, 88 — свободно используются, 56 — переживают период стагнации, а 20 — находятся на грани исчезновения. [4. С. 27]. В связи с этим фактом многие исследователи отмечают, что республика представляет собой так называемую «Африку в миниатюре», поскольку на сравнительно небольшой территории страны можно наблюдать огромное языковое разнообразие. Помимо этого, ученые отмечают тот факт, что грамотность местного населения — около 70 %. Исследователи выделяют следующие причины возникновения пиджина:

- этническое разнообразие;
- необходимость общего языка;
- малограмотность населения.

Республика Камерун — государство, расположенное в Центральной Африке. Территория современного Камеруна была заселена в эпоху неолита народом пигмеев. Позже, около 2000 лет назад, произошла миграция племен банту, которые распространились по восточной, южной и центральной Африке. В 1472 г. на территорию современного Камеруна прибыли первые португальские мореплаватели, которые назвали те места Rio dos Camaroes. С 1884 г. эта местность, как и несколько соседних, находилась под контролем Германского правительства (Kamerun), но согласно во время Первой Мировой Войны, с 1916 г. эти земли были заняты английским и французским войсками. По окончанию войны Лига Наций в 1922 году предоставила мандаты управления Великобритании и Франции. Таким образом, территория современного Камеруна была разделена на западный (британский Камерун) и восточный (французский Камерун). Более 40 лет эта территория находилась под контролем двух противоборствующих колониальных гигантов, что оставило след в культурном и языковом развитии. В 1960 и 1961 гг. восточный и западный Камерун получили независимость.

Современный исследователь, профессор Лоретто Тодд, отмечала, что камерунский пиджин английский, он же камток, начал использоваться в этой местности примерно с конца XIX в. [1. С. 3]. Данный факт подтверждают ранние труды по изучению истории формирования камтока. Различные исследователи (Mbassi-Manga 1973, Mbangwana 1983) отмечали, что этот язык первоначально начал использоваться рабочими на плантациях в городе Лимбе (до 1982 — Виктория). Тем не менее, исследователи отмечают, что пиджин изначально использовался в указанном городе, однако основное развитие и распространение камток получил после того, как начал использоваться в городе Кумба. До 1990 г. и в настоящее время этого центр представляет собой один из 5 самых крупных городов государства. На данный момент Кумба является одним из лидирующих региональных и торговых центров. Благодаря тому, что город расположен на одном из основных путей торговли, он быстро стал основным центром торговли для целого региона. Так, с 1950 по 1990 гг. этот город являлся одной основных коммерческих точек на территории страны, где активно использовался английский язык. Развитие торговли повлияло на развитие и самого города. Постепенно он стал торговым центром не только этой местности, но и всей Африки, что повлекло расширение территории города, также город постепенно стал многонациональным. Необходимость свободного общения для представителей разных языковых групп повлекла за собой значительный рост популярности нового лингва франка как среди молодого, так и среди взрослого населения.

В связи с возрастанием влияния в регионе Кумба стала привлекать не только местное население. Через некоторое время Нигерия наладила торговлю с молодой Республикой Камерун, и употребление пиджин английского стало только возрастать. Помимо перечисленных фактов, один из основных экономических центров и торговых портов Камеруна, Дуала находится в относительной близости к Кумба. Так, пиджин английский добрался и до океана, а впоследствии торговцы, прибывающие в этот порт со всех частей страны, поспособствовали распространению камтока в другие,

в том числе и франкофонные регионы. Несмотря на тот факт, что до середины XX в. этот язык считали «испорченным английским», в настоящее время камток набирает популярность в качестве лингва франка. На данный момент он используется во время некоторых церковных служб, а также в средствах массовой информации, на радио и телевидении.

Распространение пиджина среди франкофонного населения привело к появлению местных вариантов лингва франка на основе французского языка, однако, как отмечают исследователи камерунского пиджина, наиболее универсальным вариантом является язык Кумба. В некоторых франкофонных источниках этот вариант получил название «L'anglais de Kumba» (Английский Кумба).

Таким образом, пиджин Кумба стал основой для современного варианта пиджин английского в Республики Камерун.

В работах, посвященных исследованию камерунского пиджина отмечается, что камток является значительно упрощенным вариантом английского языка. Эти языки имеют определенные различия, несмотря на их родство. Таким образом, рассматривая фонетический уровень камерунского пиджина, следует отметить, что в нем имеются черты, присущие не только официально принятому английскому языку, но и черты, характерные для второго официального языка государства — для французского.

Рассматривая фонетические особенности официального английского и камерунского пиджина, следует отметить определенные сходства и различия этих языков. В них 24 и 20 согласных звуков соответственно. Звуки [m], [p], [b], [f] в английском языке и в пиджине не претерпели изменений, но в камерунском пиджин английском полностью отсутствуют звуки [v], [z] и [ʒ]. Также важно отметить, что в английском языке не существует звука [ŋ], который является носовым заднеязычным согласным звуком пиджина и который можно наблюдать во французском языке. Остальные согласные звуки претерпели незначительные изменения в произношении, однако существуют и в официальном английском, и в пиджине.

Помимо различий произношения согласных звуков, значительные изменения претерпели гласные звуки английского языка. В результате развития камтока в нем используется только 7 гласных: [i], [e], [u], [o], [a], [ɛ], [ɔ]. В официальном же английском языке гласных звуков всего 20 из них 12 звуков-монофтонгов и 8 дифтонгов, которые полностью отсутствуют в пиджине. Таким образом, данный факт подчеркивает значительность упрощения английского языка, что отразилось на сокращении количества гласных звуков почти в три раза.

Основываясь на изложенных фактах, можно сделать следующий вывод. В результате развития камерунского пиджин английского на территории Республики Камерун при взаимодействии с двумя официально принятыми языками, камток приобрел некоторые особенности обоих языков, но, кроме этого, в данном языке можно наблюдать и воздействие местных языков, а именно — исчезновение согласных звуков [z] и [v], которые существуют как в английском, так и во французском языках.

Как уже неоднократно упоминалось ранее, пиджин считается упрощенным вариантом английского языка. Поскольку пиджин первоначально использовался только как разговорный язык и только сейчас начал развивать систему письменной речи, влияние фонетического уровня языка на лексический очень заметно. Учитывая отмеченные ранее особенности фонетики языка, следует добавить, что значительные различия в написании слов неизбежны.

Анализируя лексические единицы, употребляемые в пиджине, мы отметили несколько групп слов. К первой группе можно отнести те, которые попали в камерунский пиджин из английского языка и были упрощены. В камерунском пиджине имеется значительное количество слов, которые были позаимствованы из английского языка, но написание которых было упрощено в сторону фонетического звучания слова.

Однако, рассматривая лексический уровень пиджина, следует отметить, что слова, заимствованные из английского языка и степень упрощения слов, различается. Среди таких слов: haus (дом), wait (белый), kam (приходить). Перечисленные слова представляют собой полные аналоги транскрипции английских лексических единиц. Но, помимо таких слов, являющихся транскрипцией тех или иных лексических единиц, в камтоке присутствуют также еще одна группа слов. Написание этой группы слов, используя существующие средства языка, не может полностью отразить английский вариант звучания слова. Это связано с фонетическим различием языков. Примером таких неточностей может служить наличие долгих гласных [i:], [ɔ:] в словах английского

языка горох (bean), говорить (talk), маленький (small), которых не существуют на фонетическом уровне в камерунском пиджине. Но, данные слова присутствуют в языке. Транскрипция оригинальных английских слов соответствует форме камерунских. [bi: n] = bin, [tɔ: k] = tok, [smɔ: l] = smol. Помимо этих слов, написание которых, по большей части, совпадает с транскрипцией английских лексических единиц, к ним можно отнести следующие: Black = blak, uncle = onkul, ring = rin. Также, кроме невозможности передать долготу звуков английского языка, в камерунских словах можно наблюдать некоторые особенности передачи английских дифтонгов. Например, такие слова камерунского языка, как: hia = hear, iye = ear, nait = night. Несмотря на отсутствие дифтонгов в камерунском языке, мы можем наблюдать определенные замены, которые позволили сохранить форму слова.

Другой группой слов, используемых в камерунском пиджине и которую следует принять во внимание, являются слова, заимствованные из французского языка. В связи с тем, что современная Республика Камерун с на протяжении длительного времени находилась под контролем, а впоследствии и под управлением Великобритании и Франции, местные языки оказались под значительным влиянием языков, ранее не используемых на территории современного государства. Кроме того, важен тот факт, что Камерун был разделен между Великобританией и Францией. Правительство Франции того времени придерживалось жесткой языковой политики на территории подконтрольных им колониям с целью введения французского языка как единственного официального. Рассмотрев ранее влияние английского языка на лексический уровень, следует также отметить влияние на него французского. Особенности влияния французского языка на камерунский пиджин можно наблюдать на примере некоторых заимствованных слов.

В целом ситуация схожа с использованием заимствований из английского языка. Часть слов французского используются в пиджине в виде их транскрипции, например, affecté (предназначенный для) = afekte, gateau (пирог) = gato, nommer (назначать) = nome. Эти слова используются в камерунском пиджине после полного заимствования фонетического звучания и последующей транскрипции слова. Так как во французском языке существуют носовые гласные, которые отсутствуют в упрощенном варианте, в камерунском пиджине часть слов претерпела небольшие изменения при написании. Примером могут служить следующие слова: accident = [aksidɑ̃] = aksidang (авария), camion = [kamjɔ̃] = kamyong (грузовик), courant = [kurɑ̃] = kurang (ток). Перечисленные слова почти полностью совпадают с французским звучанием, однако имеют некоторые изменения.

Исходя из изложенного, мы можем сделать следующий вывод. В камерунском пиджин английском существуют видоизмененные слова как английского, так и французского языков. Написание этих слов напрямую связано с фонетическими особенностями языка. Однако словарь камтока состоит не только из заимствований из английского и французского языка. В словаре камерунского пиджина также существуют слова из языков коренного населения, например, mbele = policeman, ndinga = guitar, ndolo = love, а также слова немецкого языка, например, слово «shwine». Таким образом, на формирование и развитие современного камерунского пиджина значительное воздействие оказал исторический аспект. Поскольку территория современной Республики Камерун на протяжении своей истории находилась под влиянием различных европейских государств (Германия, Великобритания, Франция), на камерунский вариант английского оказали влияние языки этих стран. Чем выше было воздействие европейского государства, тем больше слов сохранилось в языке. Германия потеряла свое влияние на Камерун, с чем связано довольно малое количество слов немецкого языка в пиджине. На протяжении более 40 лет Великобритания и Франция контролируют данную территорию. Создаются школы для обучения местного населения английскому и французскому языку. С данным фактом связано существование значительного количества слов этих языков в словаре камтока. Помимо европейских стран, на этот язык оказывает влияние и большое число местных языков. Так, камерунский пиджин можно рассматривать в качестве примера взаимодействия различных языков, и он представляет собой значительный интерес для дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Abondia, Jane-Francis. Ideologies and attitudes toward pidgin in Cameroon / J.-F. Abondia // Mediterranean Journal of Social Sciences. — 2014 — № 5 (7) — P. 601—608.

2. Anchimbe Eric A. Language Contact in a Postcolonial Setting: The Linguistic and Social Context of English and Pidgin in Cameroon / E. A. Anchimbe — Berlin: Walter de Gruyter, 2012.

3. Ayafor Miriam, Green Melanie. Cameroon pidgin English / M. Ayafor, M. Green — London: John Benjamins publishing company, 2017.

4. Kouega Jean-Paul. A dictionary of Cameroon English Usage / J.-P. Kouega — Bern: Peter Lang AG, European Academic Publishers. 2007.

5. Mbangwana Paul. The scope and role of Pidgin English in Cameroon / P. Mbangwana — Koening: Enda et al (eds), 1983.

6. Nkemngong Nkengasong. A Grammar of Cameroonian Pidgin. / N. Nkengasong — Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 2016.

7. Ozon Gabriel, Ayafor Miriam, Green Melanie, Fitzgerald Sarah. The spoken corpus of Cameroon Pidgin English / G. Ozon, M. Ayfor, M. Green // World Englishes — 2017 — Vol. 36, is. 3—427—447 https://doi.org/10.1111/weng.12280

8. Schröder Anne. Status, Functions, and Prospects of Pidgin English: An Empirical approach to language dynamics in Cameroon / A. Schröder — Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003.

9. Todd Loretto. Some Day Been Dey (RLE Folklore): West African Pidgin Folktales / L. Todd — NY: Routledge, 2015.

10. Vakunta Peter Wuteh. Camfranglais: The Making of a New Language in Cameroonian Literature / P. W. Vakunta — Bamenda: Langaa RPCIG. 2014.

11. Wolf Hans-Georg. English in Cameroon / H.-G. Wolf — Berlin: De Gruyter Mouton, 2001.

Сведения об авторах

Бондаренко Елена Валентиновна — доктор филологических наук, профессор кафедры второго иностранного языка института межкультурных коммуникаций и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, Россия. bond-elena@yandex.ru

Зубрицкий Олег Андреевич — аспирант НИУ «БелГУ», ассистент кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, Россия. zubritscky.oleg@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 31—36.

PIDGIN OF CAMEROON. PARTICULARITIES OF PHONETICAL AND LEXICAL LEVEL OF LANGUAGE

E.V. Bondarenko
Belgorod national research university, Belgorod, Russia. bond-elena@yandex.ru

O.A. Zubritsky
Belgorod national research university, Belgorod, Russia. zubritscky.oleg@yandex.ru

The article presents the information on the particularities of pidgin English used on the territory of the Republic of Cameroon. The research starts with the information on the history of the Republic of Cameroon. Than the paper shows the data on the appearance of the pidgin language, its development throughout the history and its current condition. Special attention is devoted to phonetical and lexical levels of language. The research shows some peculiarities of pidgin English sounds and their relations with the sounds of the original English language and French language. The article presents some examples of words used in pidgin English of Cameroon and its definitions, also the paper gives their equivalents in languages of European countries that influenced the culture and life of the Republic of Cameroon.

Keywords: *pidgin, Republic of Cameroon, lingua franca, particularities, phonetical level of language, lexical level of language.*

References

1. Abondia, Jane-Francis. Ideologies and attitudes toward pidgin in Cameroon. *Mediterranean Journal of Social Sciences,* 2014, no. 5(7), pp. 601—608.
2. Anchimbe Eric A. *Language Contact in a Postcolonial Setting: The Linguistic and Social Context of English and Pidgin in Cameroon*. Walter de Gruyter, Berlin, 2012.
3. Ayafor Miriam, Green Melanie. *Cameroon pidgin English*. John Benjamins publishing company, London, 2017.
4. Kouega Jean-Paul. *A dictionary of Cameroon English.* Peter Lang AG, European Academic Publishers, Bern, 2007.
5. Mbangwana Paul. *The scope and role of Pidgin English in Cameroon*. Enda et al (eds), Koening, 1983.
6. Nkemngong Nkengasong. *A Grammar of Cameroonian Pidgin*. Cambridge Scholars Publishing, Cambridge, 2016.
7. Schröder Anne. *Status, Functions, and Prospects of Pidgin English: An Empirical approach to language dynamics in Cameroon*. Gunter Narr Verlag, Tübingen, 2003.
8. Todd Loretto. *Some Day Been Dey (RLE Folklore): West African Pidgin Folktales*. Routledge, NY, 2015.
9. Vakunta Peter Wuteh. *Camfranglais: The Making of a New Language in Cameroonian Literature*. Langaa RPCIG, Bamenda, 2014.
10. Wolf Hans-Georg. *English in Cameroon.* De Gruyter Mouton, Berlin, 2001.

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 37—42.

УДК 81'33
ББК 81'1

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10105

ФАНТАЗИЙНАЯ КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

Т. В. Борисенко[1], М. С. Губайдуллина[2]

[1] Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

[2] Южно-Уральский государственный медицинский университет, Челябинск, Россия

В статье рассматривается фантазийная картина мира как ключевое понятие к интерпретации художественного мира произведений жанра фэнтези и фантастики. Проанализированы способы вербализации концепта «Магия» — одного из ключевых для фэнтези концептов. Также упомянут концепт «Изобретение», присущий фантастическим произведениям. В качестве примера используются повести Т. С. Левановой «Сквозняки. Первая миссия» и «Сквозняки. Повелитель иллюзий».

Ключевые слова: *фантазия, фантазийность, фантазийная картина мира, фантастика, фэнтези, концепт «Магия», концепт «Изобретение».*

В основе любого художественного произведения всегда лежит вымысел, фантазия. Согласно философскому словарю, фантазия — это «воображение, характеризующееся особой силой, яркостью и необычностью создаваемых представлений и образов» [7. С. 594]. Ее главной особенностью можно назвать крайнюю отстраненность от условий окружающей действительности. Возникновение фантазийных образов в сознании человека связывают с проявленным по каким-либо причинам интересом к тому или иному объекту или действию.

Можно выделить два типа фантазии: пассивную и активную. Первая характеризуется бессознательным созданием образов, когда «я» индивида предстает в роли наблюдателя (например, сны). При активной фантазии человек управляет создаваемыми в воображении образами, выбирая необходимую на данном этапе ассоциацию. Эти два типа фантазии взаимно дополняют друг друга, и пассивная фантазия может стать основой для активной. Во время бодрствования автора фантазия участвует в создании художественных текстов. Она снабжает его набором невероятных образов и их сочетаний. При этом эстетическое чувство и художественный замысел позволяют собрать их в единое целое [9]. То есть фантазия создает художественность произведения и определяет художественные качества такого текста.

И. Эйгес разводит понятия художественной фантазии и воображения как способности «отчетливо представлять события, лица, обстановку» [5. С. 1002—1010]. Воображение связано с рассудочной деятельностью, тогда как фантазия отделена от нее. И в искусстве последняя начинает доминировать над «умом». В той же степени фантазия отделяется от чувств. По мнению исследователя, произведение может быть эмоционально наполнено, но без фантазии оно не станет художественным. Иосиф Эйгес признает сутью художественной фантазии «сон наяву». Сны дают художникам образы для поэтических сравнений, нередко становятся поэтическим центром в произведении. Важнейшее свойство сна и художественной фантазии — «переживание отождествления одного образа с другим», поэтому в художественном произведении выражено подсознательное восприятие автора эпохи и того времени, в котором он живет [там же].

Изучение художественного творчества писателя возможно через категорию фантазийности, что позволяет получить более глубокое представление о работах автора. Согласно Н. Н. Меньшаковой категория фантазийности отражает возможность мышления и языка проявлять особенности реального мира путем обращения к внутреннему не объективному миру индивида. Н. Н. Меньшакова указывает на соотношение категории фантазийности с художественным вымыслом, а в качестве примера литературного жанра приводит «фантастическое произведение» [6]. Фантазийность, действительно, достаточно ярко проявляется в фантастической литературе. Как отмечает К. Г. Фрумкин, фантаст заведомо «обманывает» читателя, предъявляя ему несуществующую реальность, и «балансирует» на границе существующей и вымышленной действительности [8].

Мы рассматриваем фантазийную картину мира как «целостный образ художественного мира произведения, который является результатом духовной активности писателя» [1]. Она представлена элементами, которые отражают вымышленную, несуществующую реальность. К ним относятся и фантастические, сказочные, чудесные, мифологические компоненты, которые являются неотъемлемым атрибутом произведений фэнтези и фантастики.

Проведем анализ элементов фантазийной картины мира двух повестей Т. С. Левановой «Сквозняки. Первая миссия» и «Сквозняки. Повелитель иллюзий». Творчество писательницы интересно тем, что в ее произведениях встречаются признаки жанра фэнтези и фантастики. Автор отправляет главную героиню в путешествия по мирам (что является одной из распространенных тем фантастики) с помощью магии (фэнтези). И если первый мир, в который попадает главная героиня цикла повестей Маша Некрасова, наполнен магией и волшебством, то уже во втором мире волшебство и научные фантастические достижения находятся в тесной взаимосвязи друг с другом.

Фантазийную картину мира возможно исследовать путем рассмотрения концептов, входящих в нее. Вслед за С. Г. Воркачевым мы понимаем концепт как «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [2]. Один из ключевых концептов жанра фэнтези — концепт «Магия». Он реализуется посредством лексем и лексических единиц, связанных с чудесами, волшебством. Среди них лексемы, обозначающие магических существ (животных), волшебные растения и предметы, зелья, самих волшебников, волшебные действия и др.

Магические существа и животные. Исследуемые повести Т. С. Левановой не содержат большого количества волшебных существ, в них практически не встречаются привычные классические образы из мифов. При создании магических существ и животных в произведении автор выбирает обычных животных (ежик, кролик, какаду) и дополняет их волшебными качествами. Повозку шарлатана возит говорящий *лиловый кролик Сипухо*, который умеет маскироваться под пони. Нередко упоминается о *тигровых ежиках*, иглы которых нужны для приготовления различных зелий и лекарств. Есть также *белая птица знаний*, в которую превращаются сильные и опытные волшебники, посвятившие себя магическим наукам. *Какаду* способен запомнить и воспроизвести все, что когда-либо слышал. Среди отрицательных животных — говорящие *крысы*, размером с собаку и огромный *дождевой червь*.

Другая группа магических существ произведения — маленькие волшебные человечки, близкие к природе и способные помочь человеку, одарившему их, либо тому, кто оказал им какую-нибудь услугу. Попадая в другой мир, героиня повести Маша Некрасова встречает *колокольцев*, которые показывают ей дорогу и дарят волшебную шапочку. Колокольцы — это крохотные человечки «с разноцветными фонариками на шапочках», они летают верхом «на парящих в воздухе больших черных жуках» [3. С. 13]. У ручья девочка встречает *хранительниц ручейка тюльпанов* — «миниатюрных девушек» в «пышных юбках». Каждый, кто хочет попить воды из ручья, должен преподнести хранительницам какой-нибудь подарок. Маше помогают *повелители (хранители) стихий* — огонь, земля, воздух и вода. Они выглядят как маленькие человечки, олицетворяющие соответствующую стихию. Вот как выглядит, например, хранитель огня: «пламя со спички взвилось в воздух и приняло облик пританцовывающего молодого человека с длинными лохматыми волосами» [3. С. 311].

В первой повести есть только три сверхъестественных существа из классической мифологии, образ которых также существенно изменен. *Приведение*, которое Маша встречает в подземелье, принадлежит спящему человеку. Оно может помещаться в стеклянной бутылке, способно уместить в себе человека и перенести его под водой, но оно не помнит ни своего имени, ни даже пола. Кроме того, в повести упоминается о существовании *драконов*, *синего и желтого гномов*, но герои не встречаются с ними лично.

Важную роль в жизни мира из повести «Сквозняки. Повелитель иллюзий» играют **волшебные растения и насекомые**, в описании которых наблюдается антропологический подход. Многие из них ведут себя вполне разумно, большая часть из них обладает человеческими чертами. Встречаются растения с листьями, похожими на ладошки; грибы, похожие на детей: они «маленькие в вязаных шапках, закутанные поверх пальтишек в шерстяные шали» [4. С. 5]. Некоторые названия представителей фауны также антропологичны (*мамины ладошки*, *черная красотка*).

Кроме того, есть растения, имеющие схожие черты с животными, например, *ежовое дерево*. Его семена — это маленькие ежики. Попав на человека, такое семечко начинает вести себя как говорящий ежонок. Оно называет «хозяина» мамой и не хочет с ним расставаться. Но, как и многие другие растения повести, ежовое дерево ядовито. *Ежик* отравляет «хозяина» и может стрелять ядовитыми иголками в окружающих.

Для создания образов волшебных растений автор использует привычные растения и дополняет их магическими свойствами и необычными способностями. Один из самых опасных цветков в мире, описываемый во второй повести, — *плотоядный ходильник*. Он похож на большую орхидею, но способен передвигаться и захватывать усиками жертву. Когда он раздвигает лепестки бутона, то под ними оказывается поверхность «с острыми, опасно поблескивающими зубками и темным горлом, какого не могло быть у цветка» [4].

Автор нередко объединяет в одном существе черты растения и животного, растения и человека, насекомого и человека. Единственный пример слияния растения и образа из мифологии — *оборотни*. В славянском фольклоре оборотни способны менять свой облик лишь при необходимости (например, когда нужно отомстить) [10. С. 455]. В «Повелителе иллюзий» оборотнями оказываются водоросли, которые превращаются в человека, посмотревшего в их ручей, а потом утаскивают его в джунгли. Таким образом, водоросли стараются защитить свой водоем от людей. Эти водоросли-оборотни являются родственниками *молочных водорослей* — самого загадочного и волшебного растения. Оно поддерживает жизнь на планете, обладает лечебными свойствами и используется в промышленности.

Во второй книге встречается три вида насекомых. Герои повести сражаются с гигантскими *комарами*, которые пьют кровь и боятся дыма, как и обычные насекомые. В то же время они живут на большом дереве, похищают людей и помещают их в сетчатые шары. Огромные *пчелы* очищают Карминов. В лесах также живет *Лиловый шепот.* Опасные «маленькие тараканчики нежно-лилового цвета» способны объединяться в один образ, похожий на человека.

Магические зелья и предметы также вербализуют концепт «Магия». Немалое значение в первой повести отведено теме врачевания. Различные «*шарлатанские штучки*» лечат лучше «исцелителей» (обычных докторов).

Часть лексем этой группы — сложные слова, придуманные автором. Они представляют собой необычные сочетания слов, что приводит к юмористическому эффекту. Вообще комичность свойственна всему, что касается шарлатанской магии. В повести есть *растишишка* (расти+шишка) — палочка, которая нужна, чтобы «укрупнять травмы», *бегимотор* (беги+мотор) — средство от усталости. Шарлатаны не только лечат (или калечат), но и в их арсенале есть множество полезных приспособлений на все случаи жизни. Например, *открывон*, который позволяет открыть любую дверь; *несекретная пыль*, раскрывающая истинную сущность человека.

Во втором мире многие растения настолько опасны, что в городах установлены *блокираторы магии*. Чтобы их обойти, Маше дарят *Диадему Диамантов*, которая позволяет пользоваться магией в городе.

В первой повести приведены шарлатанские рецепты, в которых содержатся лексемы, вербализующие концепт «Магия».

Для примера рассмотрим, как изготовить бегимотор. «Надо поймать вторым лицом *солнечный лучик*, расщепить его на *радугу*, взять оттуда целый красный и половину оранжевого, добавить *силу зайца*, впервые удравшего от хищника, сила выпаривается из капельки пота, только заяц в этот момент должен быть сыт и абсолютно счастлив, …добавить энергию *разгневанного бегемота* и *пыль* со спиц телеги, запряженной *белой кобылицей* и накатавшей не менее ста километров, все медленно подогревается в *молодом вулкане,* размешивается иголкой тигрового ежика, через три года охлаждается в кладовой синего гнома, пока не затвердеет» [3. С. 41]. Здесь так же, как и в примере с магическими существами, можно наблюдать употребление классических обычных предметов необычным способом. Кроме того, автор достигает юмористического эффекта путем сочетания несочетаемых предметов и действий.

Лекарства во второй повести состоят из магических растений, но они находятся на периферии концепта «Магия». Их изготавливают ученые (не волшебники), которые умеют сочетать необходимые свойства волшебных растений.

Волшебным объектом в повести «Сквозняки. Первая миссия» может стать практически любой предмет. Магу достаточно «зарядить» его определенным образом. Так, чтобы поставить *маячок*, нужно взять два одинаковых предмета, зарядить, затем один предмет оставить дома, а второй взять

с собой. В нужный момент колдующий связывает эти предметы магией, и между ними возникает невидимая дорога. Таким образом, лексемы *бусинка*, *шарик из малахита* становятся вербализаторами концепта «Магия». Магическая сила есть у *лоскутков* с одежды магистра Александра. Их происхождение и назначение большинства из них остается загадкой для героев.

Все, что связано с повседневной жизнью, можно наколдовать: одежду, еду, мебель и т. д. Лексемы, обозначающие эти предметы (*кружка*, *платье*, *горячий шоколад* и другие) реализуют концепт «Магия» и, соответственно, входят в группу лексем, описывающих фантазийную картину мира Т. С. Левановой. Но наколдованная вещь не идентична настоящей, поэтому большинство людей используют магию для того, чтобы изготовить эти предметы. Например, тетушка Душка печет пироги, «заставляя» тесто само мешаться, а продукты сами «летят» в миску. «[*Солонка*] неожиданно *подпрыгнула* и *полетела* к огромному баку, *обгоняя* на ходу *куриные яйца, чашку с мукой, кусочек масла*. Когда все перечисленные продукты оказались внутри, *солонка* аккуратно *встала на место*, *чашка из-под муки отправилась в мойку*, а *большая деревянная ложка энергично принялась месить* тесто» [3. С. 134]. Итак, обычные предметы начинают совершать необычные для них действия. Словосочетания *солонка полетела*, *чашка отправилась* в мойку, *ложка принялась месить* становятся вербализаторами рассматриваемого концепта.

Следует также отметить, что в первой волшебной стране, в которую попадает Маша, немалое значение придается головным уборам, так как они идентифицируют статус своего владельца. Некоторые из них обладают магическими свойствами. Например, *шляпа* (*волшебная шапочка*) господина Фаринго позволяла ее владельцу подчинять всех животных, *шапочка колокольцев* указывала нужный путь.

Волшебство. В повестях нет никакой «*дурацкой палочки*», колдующему достаточно «*щелкнуть пальцами*» или «*делать посыл*» для совершения акта колдовства. Способности к магии есть у каждого жителя первой повести, но не все умеют ими пользоваться. С магией следует обращаться осторожно: «Магия чрезвычайно токсична!» [3. С. 337]. Те, кто не соблюдает правила безопасности, превращаются в Белую птицу полностью или частично. У них появляются *птичьи ноги*, *крылья*, *перья* или *длинный клюв*. Все эти лексемы также вербализуют концепт «Магия». Магия сама по себе бывает разная. Есть *тайная магия* — великое искусство, доступное только самым опытным и способным людям. Также автор говорит о *шарлатанской магии*, той, которую практикуют шарлатаны. И существует *бытовая магия* для всех остальных обывателей.

Во второй повести магией обладают многие растения. Но людей, умеющих колдовать, достаточно мало.

Волшебники. Колдовать в первой повести могут все, но выделяются отдельные группы магов (аналогично тому, как существуют разные типы магии). Основное внимание повествования сконцентрировано на *сквозняках, или сквозь ткань миров проходящих* — это дети, способные перемещаться между мирами для выполнения определенной уникальной миссии. Кроме того, есть *учителя и магистры*, которые преуспели в колдовском искусстве, есть *шарлатаны*, которые в основном занимаются лечением и созданием волшебных предметов.

Во второй повести элементы фантастики и фэнтези тесно сплетены между собой. Автор описывает четыре группы охранников, в ДНК которых было введено ДНК растений. Таким образом, *Кармины*, *Лазуриты*, *Обсидианы* и *Диаманты* становятся по сути полулюдьми-полурастениями. Лексемы, обозначающие охранников, входят в состав фэнтезийной картины мира, но концепт «Магия» вербализуют последние две группы — *Обсидианы* и *Диаманты*. В составе их ДНК — магические растения (*Черная красотка* и *Молочные водоросли*), что наделяет их волшебными способностями.

Самыми сильными магами являются Диаманты. В их рядах люди с незаурядными личностными и магическими способностями. Они защищают Великий Океан и способны восстанавливать покров молочных водорослей. Глава Диамантов — самый могущественный маг. Его называют *Повелителем иллюзий* за его способности создавать кажущуюся действительность вокруг себя. На самом деле это старый, худой человек в лохмотьях, который одиноко живет в хижине из деревянных ящиков на Жемчужном острове, питается самой простой пищей и выполняет свою работу. Машу он встречает в образе Кармина, приводит в свой дворец и угощает девочку теми блюдами, которые она пожелает.

Великая Спираль. Действия первой повести разворачиваются в городе Как-о-Дум и его окрестностях. Во второй повести, героиня находится на далекой необычной планете. Оба места — параллельные миры, и автором разработана целая концепция связи параллельных миров посредством *Великой Спирали*. По определению писательницы, Великая

Спираль — это «множество объединенных миров… Миры взаимосвязаны тканью сущности, отвечающей за события и поступки. Поэтому они и образуют спираль, все кольца которой соединены. По физическим же законам миры не соприкасаются и не встречаются» [3. С. 141]. Физические свойства, образ жизни, развитие всех миров могут быть в чем-то схожими, но могут быть и абсолютно разными. Эта концепция дает возможность автору создавать большое количество новых нереальных и фантастических миров при написании дальнейших приключений героини, что потенциально расширяет фантазийную картину мира Т. С. Левановой практически до бесконечности.

Особое сочетание элементов, присущих жанрам фэнтези и фантастики в повести «Сквозняки. Повелитель иллюзий», позволяет рассмотреть фантазийную картину мира автора посредством концепта «Изобретение», присущего фантастическим произведениям. Этот концепт вербализуется с помощью лексических единиц, обозначающих созданные персонажами технические устройства, элементы этих устройств, вещества.

В исследуемой повести герои используют классические для фантастического произведения изобретения — *телепортер*, *летающая тарелка*. Автор вводит новый предмет — *Шлем лабиринта иллюзий*. Каждый, кто его надевал, мог в своем воображении исполнить все свои заветные мечты. Но шлем был недоработан и все, кто им пользовался, превращались в *задумчивых* (продолжали верить, что тот иллюзионный мир реален).

Итак, фантазия определяет художественные свойства произведения, а исследование фантазийной картины мира автора позволяет раскрыть многие аспекты художественного мира писателя.

Фантазийная картина мира Т. С. Левановой обладает следующими особенностями. Нередко наблюдается тесное сплетение фантастических и фэнтезийных элементов. Также автор стремится наделять обыденные предметы, существа, действия необычными магическими свойствами. Отсюда лексемы, значение которых не связано с магией, становятся вербализаторами концепта «Магия». Также обнаружена большая группа волшебных и фантастических единиц, при создании которых использованы сочетания свойств нескольких объектов: растений и животных, людей и животных, растений и мифологических существ. Т. С. Леванова редко использует существующие мифологические образы.

Концепция Великой Спирали дает хороший потенциал для описания разнообразных фантастических и фэнтезийных миров в рамках повествования и, соответственно, для расширения границ фантазийной картины мира писателя.

Список литературы

1. Борисенко, Т. В. Концепт магия в русском детском фэнтези / Т. В. Печагина // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. Вып. 98. — 2015. — № 27 (382). — С. 26—29.

2. Воркачев, С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. — Воронеж, 2002. — С. 79—95.

3. Леванова, Т. С. Сквозняки. Первая миссия / Т. С. Леванова. — М., 2009. — 416 с.

4. Леванова, Т. С. Сквозняки. Повелитель иллюзий / Т. С. Леванова. — М., 2017. — 348 с.

5. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / под редакцией Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. — М.; Л.: Издательство Л. Д. Френкель, 1925.

6. Меньшакова, Н. Н. Категория фантазийности в науке / Н. Н. Меньшакова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение, Вып.27. — 2008. — № 36 (137). — С. 95—102.

7. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — М.: Республика, 2001—719с.

8. Фрумкин, К. Г. Философия и психология фантастики / К. Г. Фрумкин. — М: Едиториал УРСС, 2004. — 167 с.

9. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — URL: http://slovonline.ru/slovar_brogefron/b-21/id-4718/fantaziya.html.

10. Энциклопедия сверхъестественных существ / под ред. К. Королева. — М.: Эскмо; СПб.: Мидград, 2005. — 720 с.

Сведения об авторах

Борисенко Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет, Россия. tatiana-tv11@yandex.ru

Губайдуллина Майя Сахибовна — кандидат философских наук, доцент, Южно-Уральский государственный медицинский университет, Россия. mg454@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 37—42.

FANTASY PICTURE OF THE WORLD IN FANTASY LITERATURE

T.V. Borisenko
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.tatiana-tv11@yandex.ru

M.S. Gubajdullina
South Ural State Medical University, Chelyabinsk, Russia. mg454@yandex.ru

The article deals with the fantasy picture of the world as the key aspect for the understanding of fantasy and fantastic literature. Concept “Magic” is taken into consideration as it is one of the main concepts that describes the fantasy picture of the world in fantasy literature. It is verbalized through the lexical units that refer to magical creatures, animals, plants, potions and objects, witchcraft, magical actions and wizards. Concept “Invention” is studied as the one that is connected with fantastic fiction. It is realized through the lexical units that refer to the objects created by the story characters. T. S. Levanova’s stories are chosen as an example. The stories unite features of fantasy and fantastic fiction and therefore contain means of realization of both concepts.

Keywords: *fantasy picture of the world, fantasy, phantasy, concept “Magic”, concept “Invention”.*

References

1. Borisenko T.V. Kontsept «Magia» v russkom detskom fantasy [Concept «Magic in Russian fantasy for children], Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologia. Iskusstvovedenie [Bylletin of Chelyabinsk State University. Philology, Art], issie 98. 2015, #27 (382), pp. 26—29. (In Russ.).
2. Vorkachev S.G. Metodologicheskiie osnovania lingvokontseptologii [Metodological basement for lingvoconceptology] *Aspecti metakommunikativnoy deyatelnosti* [Aspects of metacommunicational activity], 2002, pp. 79—95. (In Russ.).
3. Levanova T.S. Skvozniaki, pervaia missiia [Drafts, the first mission], Moscow, 2009. 416 p. (In Russ.).
4. Levanova T.S. Skvozniaki. Povelitel illuzii [Drafts. Master of illusions], Moscow, 2017. 348 p. (In Russ.).
5. Brodskii N., Lavretskii A., Lunin E. Literaturnaia enciklopedia. Slovar literaturnikh terminov [Encyclopedia of literature. Dictionary of literature terms], Moscow, 1925. (In Russ.).
6. Menshakova N.N. Kategoria fantasiinosti v nauke [Category fantasy in science], Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologia. Iskusstvovedenie [Bylletin of Chelyabinsk State University. Philology, Art], issie 27. 2008, #36 (137), pp. 95—102. (In Russ.).
7. Frolov I.T. Filosovskii slovar [Philosophy dictionary], Moscow, 2001, 719p. (In Rus).
8. Frumkin K.G. Filosofia I psikhologia fantastiki [Philosophy and Psychology of fantastic literature], Moscow, Editorial URSS, 2004, 167p. (In Russ.).
9. Brokgauz F.A., Efron I. A. Entsiklopedicheskii slovar [Encyclopedia] Available at http://slovonline.ru/slovar_brogefron/b-21/id-4718/fantaziya.html, accessed 12.11.2018. (In Russ.).
10. Korolev K. Entsiklopedia cverkhestestvennikh suschestv [Encyclopedia of supernatural creatures], Moscow, Eksmo, Saint-Petersburg, Midgrad, 2005, 720 p. (In Russ.).

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 43—49.

УДК 002:681.14
ББК 76:32.973

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10106

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «ВЛАСТЬ» В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

И. В. Вашунина[1], А. В. Гуслякова[2]

[1] Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ
[2] Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Данная статья посвящена изучению функционирования концепта «власть» в медиадискурсивном пространстве российских и англоязычных СМИ. Концепт «власть» есть сложный и многогранный лингвокультурный феномен, реализуемый посредством разнообразных языковых и внеязыковых средств. С целью более глубокого осмысления концепта «власть» в исследовании проведен свободный ассоциативный и графический эксперимент, позволивший выделить группы ассоциатов со словами «власть/ power», которые встречаются в повседневном человеческом общении и отражают картину мира, обусловленную спецификой английского и русского языков и их культурой.

Ключевые слова: *концепт «власть», слово-стимул «власть/power», медиадискурс, ассоциаты, топонимы.*

Во все времена человечество заботила проблема обретения и удержания власти. «Забавно, что, даже умирая, человек продолжает бороться за власть» [4] и пытается осмыслить сущность этого парадоксального явления, будоражащего лучшие умы нашей истории и современности. Очевидно, что вопрос изучения механизмов реализации власти многолик и многоаспектен и является объектом междисциплинарного исследования таких научных отраслей, как философия, психология, политология, социология, журналистика, лингвистика.

Образно власть воспринимается с двух позиций: как нечто созданное человеком (реализуется в метафорах архитектурного строения, механизма) и как нечто естественно существующее (метафорически представлено как живое существо, явление природы) [9]. Концептуальное представление власти есть один из важнейших элементов в языковой картине мира каждого народа.

Механизм реализации власти в пределах лингвистического научного знания активно рассматривается на концептуальном уровне восприятия действительности и является объектом специального исследования в ряде работ российских и зарубежных исследователей (О. И. Андрейченко, Л. Л. Бантышева, С. Г. Кара-Мурза, Е. А. Касаткина, П. Г. Крючкова, О. И. Марченко, А. В. Рудакова, Г. Г. Слышкин, Г. В. Токарев, А. А. Шабанова, Е. И. Шейгал; Д. Л. Алтейд, В. Л. Беннет, Т. В. Дейк, Р. В. МакЧесни, М. Кастелс и др.). Объектом нашего исследования является рассмотрение концепта «власть» в медиадискурсивном пространстве.

С нашей точки зрения, власть есть ключевая категория медиадискурса, поскольку она по своей сути отражает смысл существования медиа среды как четвертой власти в обществе (Fourth Estate).

Медиадискурс — это явление, созданное, чтобы ненавязчиво управлять человеческим разумом и чувствами, а категория власти есть сердцевина необъятного медиа механизма, существующего в пространстве СМИ в ее различных формах: содержательной, когнитивной, социолингвистической, риторической и прагматической. Таким образом, концепт «власть» и медиадискурс необходимо рассматривать в качестве единого целого организма, существующего и функционирующего в собственной гармонии и постоянстве.

Принимая во внимание выше перечисленные характеристики механизма власти в его взаимодействии с медиасредой, целью нашего исследования будет попытка рассмотреть и осмыслить разнообразные признаки проявления концепта «власть» в российском и англо-американском современном медиадискурсе.

Для реализации цели исследования нами проанализированы печатные и электронные версии следующих российских и англо-американских СМИ: «Риа Новости», «Коммерсант», «Коммерсант.ru», «Коммерсант Власть», «Интерфакс.ru», «РБК», «Газета.ru», «Regnum.ru», «Московский

комсомолец», «New York Times», «The Times», The Guardian, «The Telegraph», «BBC News», «The Washington Post». Изучение столь обширного медиаматериала позволило нам выделить ряд интересных закономерностей функционирования концепта «власть» в медиадискурсивном пространстве России, Великобритании и США.

Прежде всего, базовый, прагматический признак концепта *«власть»/»power» в* медиадискурсе представлен широким спектром имен собственных, среди которых выделяются антропонимы *(Владимир Путин, Дмитрий Медведев, Жириновский, Ким Чен Ин, Си Цзиньпин, Donald Trump*, *Merkel, Barack Obama, David Cameron, Joseph Kony, Kant, Marcus Aurelius, Bill Gates, Den Haag, Hillary Clinton и. т. д).*

Например:

e.g. ***Путин*** *уволил министра образования. На смену превратившемуся в предельно одиозную фигуру Дмитрию Ливанову пришла практически неизвестная широкой публике сотрудница администрации президента Ольга Васильева.* («Московский комсомолец», 19.08.2016)

e.g. ***David Cameron*** *announced his surprise resignation this morning after a shock vote for Brexit that changes the country's political landscape and shatters the continent's postwar settlement..* («The Times», 24.06.2016)

e.g. *Зачем* ***Медведев*** *послал учителей в бизнес.* («Московский Комсомолец», 04.08.2016)

e.g. ***President Trump*** *pressed* ***Vladimir V. Putin*** *on Russia's interference in the 2016 United States election but did not dwell on the subject. Their encounter lasted two hours and 15 minutes, far longer than expected.* («The New York Times»; 7.07.2017)

Не менее значимыми лексическими единицами, отражающими концептуальное представление власти, являются топонимы: *Москва, Лондон, Кремль, Брюссель, Украина, Северная Корея; USA, Washington, Beijing*; названия политических партий и международных военно-политических и экономических организаций: *«Единая Россия», ООН, НАТО, ВТО, ВАДА и др.*

Например:

e.g. ***ВТО*** *это не волшебная палочка, открывающая зарубежные рынки для российского экспорта. Скорее это набор норм и требований, которым нам еще предстоит научиться пользоваться. Необходимо шире использовать предусмотренные правилами ВТО меры как для защиты отечественного производителя, так и для поощрения экспорта.* («Газета.ru», 24.09.2015)

e.g. ***Syria****'s five-year conflict has taken on an ethnic dimension, with Kurdish groups carving out their own regions and periodically battling groups from Syria's Arab majority, whose priority is to overthrow Assad.* (The Guardian, 20.08. 2016)

e.g. В Кремле неоднократно давали понять, что именно извинения, а также компенсация (за уничтоженный самолет и семье летчика) — обязательное условие восстановления диалога с Анкарой. До последнего времени господин Эрдоган упорно отказывался от извинений, но теперь неожиданно изменил свой подход. («Коммерсант.ru», 22.06.2016)

e.g. ***Beijing*** *Exhibiting New Assertiveness in South China Sea.*

(«The New York Times», 31.05.2012)

И в российском и в англо-американском медиадискурсе при описании механизма власти довольно часто можно встретить разнообразные имена прилагательные, характеризующие властные структуры: *законная, легальная, исполнительная, законодательная, патриархальная, республиканская и др.; authoritarian, judicial, legislative, executive, public, presidential power.*

Например:

e.g. *Глава комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков прокомментировал в своем Твиттере попытку госпереворота в Турции. Он подчеркнул, что несмотря на* ***авторитарный стиль*** *Эрдогана и спорность многих его решений, он является* ***законной властью****.* («Московский комсомолец», 16.07.2016)

e.g. *Notice the Newtonian physics of America's Madisonian system. Barack Obama's Wilsonian hostility to the separation of powers, expressed in his* ***executive authoritarianism****, is provoking equal and opposite reactions from the* ***judicial and legislative branches****.* («The Washington Post», 19.02.2016)

e.g. *Donald Trump uses* ***presidential power*** *to commute prison sentence for first time.* («The Telegraph», 21.12.2017)

Из выше приведенных примеров очевидно, что синтаксический уровень лексем категории «власть» представлен словами из одной, двух, трех единиц (*президент, государство, правительство, follower, provider, dictator, family; политические партии, государственный аппарат, государственные органы, заклятые враги, первое лицо, родственные связи, вертикаль власти*, партийная номенклатура; *human being, terroristic group, ruling class; министр иностранных дел, спикер государственной думы, Member of Parliament, Head of State, Congress person, leader of government).*

Например:

e.g. …***первое лицо*** *показывает, что «лучшие и талантливейшие» представители разных* ***элитных кланов****, жадно стремящиеся вверх по* ***карьерной лестнице****, могут и не дождаться высоких назначений — суверен может выбрать любого человека из второго, третьего, четвертого эшелонов* ***бюрократической номенклатуры*** *или силовой вертикали.* («Газета.ru», 12.08.2016)

e.g. …*between Mrs. Clinton and Theresa May, Britain's new prime minister (and to a certain extent, Nicola Sturgeon,* ***the first minister of Scotland****), two more women are in the public eye, not as spouses of* ***world leaders****, but as the leaders themselves — or the* ***potential leaders****. And they are, quietly but unquestionably, changing the rules about what it means to* ***look like a president or prime minister****.* («New York Times», 27.07.2016)

Словосочетания *(банковский счет в Швейцарии, машина с мигалкой, владение умами масс, формирование мировоззрения людей, влияние на изменения, высокое положение в обществе),* а также развернутые ассоциаты в английском языке *support of family, friends and community, new way to influence people, can influence on other's opinion, a powerful tool крайне популярны в медиадискурсивном пространстве России и англоязычного мира.*

Например:

e.g. *«Ну выйду я из этой* ***машины с мигалкой****, сядет туда Ебардей Гордеич Кунтупаев какой-нибудь и будет на ней ездить. Вам будет легче, что вместе со мной уйдет и мигалка?», — заявил Михалков, добавив, что отдаст спецсигнал «когда будет надо».* («Интерфакс.ru», 23.05.2011)

e.g. *Social media is* ***a powerful tool*** *to share information across international borders — So what? Today, preconceived notions and ideals will continue to be challenged, and those who use the medium with purpose* ***have the opportunity to influence*** *someone across the world in a positive way.* («The New York Times», 22.08.2016)

Морально-этический признак концепта *«власть»/«power»* выражается именами существительными *(долг, справедливость, честь, разум, порядочность, доверие, нравственность; honesty, integrity, kindness.)* и прилагательными *(принципиальный, успешный, организованный, амбициозный, целеустремленный, гордый, hard-working, strong, trusting).* На синтаксическом уровне преобладают отдельные лексемы, а также словосочетания *(умственные способности, сила воли, железная воля, твердость характера, сильный характер; belief systems, knowledgeable people)* и более расширенные варианты ассоциатов в американском варианте: *doing the right thing, sympathy with other people.*

Например:

e.g. *Нравственность всегда появляется неожиданно.* («Regnum.ru», 07.12.2012)

e.g. ***Всякая честь*** *должна знать и совесть. Верховный суд разъяснил, что иски о защите чести и достоинства не должны убивать СМИ.* («Коммерсант», 18.09.2010)

e.g. *Hillary Clinton has a major* ***honesty*** *problem…* («The Washington Post», 25.07.2016)

e.g. *«Brain family deportation case* ***'about doing the right thing'.*** *An Australian family who want to stay in the UK could be deported from their home in the Highlands.* («BBC News», 02.08.2016)

e.g. *You and I are not so different. We too have* ***beliefs and value systems****, not all of which we can always sensibly defend. When those beliefs are threatened we become aggressive. The more penetrating the criticism of our worldview, the angrier we become.* («The New York Times», 15.01.2015)

Анализируя структурные и семантические компоненты концепта «власть» в медиадискурсивном пространстве, мы не стали ограничиваться лишь лингвистическими границами рассмотрения данной проблемы. Для более глубокого и качественного лингвокультурного осмысления вопроса функционирования механизма власти в СМИ, был проведен свободный ассоциативный эксперимент при участии 50 студентов-бакалавров Московского педагогического государственного университета (МПГУ) и Российского университета дружбы народов (РУДН). В нашем ассоциативном эксперименте приняли участие как российские, так и иностранные студенты, обучающиеся в МПГУ и РУДН и владеющие русским и английским языками на высоком профессиональном уровне.

Эксперимент позволил выделить две группы ассоциаций — синтагматические (40 %) и парадигматические (60 %). Важно отметить, что выводы из проведенного ассоциативного эксперимента носят промежуточный, предварительный характер, и окончательные выводы будут сделаны после опроса достаточного числа респондентов.

Результаты эксперимента показывают, что в ответах как русскоязычных, так и англоязычных респондентов преобладают лексические единицы, принадлежащие к тому же грамматическому классу слов, что и слово-стимул *«власть»/«power»* [2; 1]. Далее нами были выделены парадигматические ассоциации четырех типов: 1) синонимические (30 %

от общего числа парадигматических ассоциаций) (*власть — могущество, влияние, сила, воля и др.; power — ability, control, dominance, influence, strength, might, force, muscles, energy, government etc.);* 2) антонимические (25 %) (*власть — беззаконие, принуждение, тирания, деспотизм, диктатор и др.; power — illegal, criminal, violence, unlawful, injustice etc.);* 3) гипонимические (20 %) (*власть — закон, законодательство, бюджет, демократия, монархия, гимн, флаг, трон и др.; power — law, economy, king, prince, judge etc.); и* 4) гиперонимические ассоциации (25 %), которые в большинстве своем пересекаются с синонимическими (*власть — государство, контроль; power — control, industry, majority etc.)*

Наряду с парадигматическим типом ассоциаций для ответов респондентов на слово-стимул *«власть»/»power»* отмечаются также и синтагматические ассоциации, представленные следующими категориями:

1. Имя существительное (слово-стимул) — имя прилагательное (слово-реакция): *власть — коммуникабельный, хитрый, легальная, правовая, абсолютная и др.; power — executive, legislative, judicial, idiotic, manipulating etc.* (50 % от общего числа синтагматических ассоциаций)

2. Имя существительное (слово-стимул) — местоимение (слово-реакция): *власть — я, power — myself, me.* (10 %)

3. Имя существительное (слово-стимул) — глагол/ глагол + имя существительное/ имя прилагательное/ наречие (слово-реакция/ словосочетание-реакция): *власть — лжет, халтурит; власть — не тормозит ГБДД, стать счастливым; power — have money, work hard, doing the right thing, has no shame.* (40 %)

Проведенный в данном исследовании ассоциативный эксперимент показал, что парадигматические ассоциации в российском и англо-американском медиадискурсе на слово-стимул *«власть»/»power»* преобладают над синтагматическими ассоциациями. Полученные в результате эксперимента ассоциаты относятся к понятиям, которыми человек оперирует в ежедневном общении, а это означает, что ассоциаты отражают картину мира, обусловленную спецификой английского и русского языков, а также их культурой.

Для более глубокого осмысления и понимания концепта «власть» нами был также проведен свободный ассоциативный графический эксперимент, в котором к исследованию привлекались графические изображения концепта «власть», одновременно служа достижению нескольких целей. Важно понимать, что рисунок является не чем иным, как отображением мыслей, чувств, мироощущения и характера человека, он служит средством проникновения в его духовное пространство [12].

В рамках данного исследования, анализ рисунков позволяет уточнить и расширить представление о содержании образов «власти» в сознании людей, поскольку рисунок выражает невыразимое словами. Причем следует отметить, что это «невыразимое» может как целенаправленно изображаться путем использования средств графики и живописи, так и появляться на рисунках как бы незаметно для их создателя. Эта неосознаваемая часть внешней репрезентации образа (какой у непрофессиональных художников обычно является форма изображения) дает особенно ценный материал для исследования, поскольку она свободна от «игры на зрителя», и можно не опасаться, что выбор рисующего обусловлен внешними обстоятельствами (например, желанием соответствовать ожиданиям, принятым в обществе). Кроме того, изображение «нейтрализует» неизбежное влияние языка, возникающее при «овнешнении» образов посредством вербальных единиц (например, таких как антонимические ассоциации Beauty — Beast).

Кроме содержательной стороны, исследуется также и сама форма изображений. Нами рассматривается семантика всех элементов формы: композиции, геометрической формы, линий, размера, цвета. Эти элементы также многозначны, хотя и в разной степени [7]. Хорошо известно, что цвета имеют обширную семантику, причем некоторые значения цвета практически исключают друг друга. Например, красный как цвет крови — цвет материнства, любви, войны, революции. И каждый раз необходимо определить, что именно имел в виду испытуемый, используя определенный элемент формы.

Студентам, обучающимся в магистратуре Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) (общее количество 31 человек), было предложено нарисовать (на листе формата А4) ассоциации, которые у них вызывает слово «власть/ power» при их взаимодействии с современным медиадискурсивным пространством. Задание было следующим: «Изобразите власть». При этом испытуемым разрешалось писать на рисунке отдельные слова (только в случае, если они ощущают невозможность что-то изобразить). Время исполнения 10 минут. Всего был получен 31 ответ. В качестве примеров обратимся к предметному содержанию рис. 1, 2, 3.

Рис. 1. Графическое изображение власти — человек

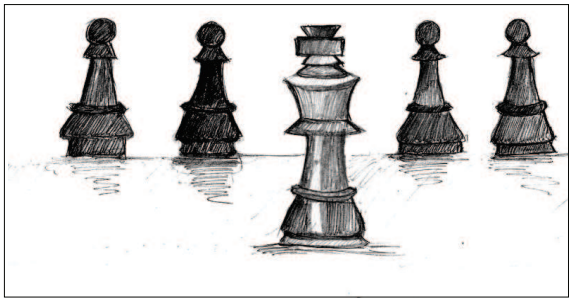


Рис. 2. Графическое изображение власти — шахматные фигуры

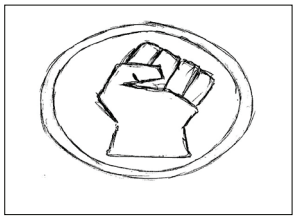


Рис. 3. Графическое изображение власти — рука, сжатая в кулак

Эмоциональная оценка, равно как и экспрессия в рисунках присутствует. Это означает, что в слово власть испытуемыми вкладывается личностный смысл, и она вызывает определенную долю как положительных, так и негативных эмоций.

С точки зрения динамики, все рисунки статичны, что характеризует, в свою очередь, власть как нечто прочное и постоянное. В изображениях использованы геометрические формы, характеризующиеся зрительной устойчивостью.

Если обобщить данные графического ассоциативного эксперимента и попытаться сформулировать, как испытуемые (магистранты) видят власть, то получится следующее:

1) в основе власти лежит понятие иерархии (что соответствует толкованию слова «власть» в словарях), облеченный властью объект выше других и часто больше их;

2) власть стабильна, устойчива и постоянна;

3) в половине случаев власть ассоциируется с людьми, а трети случаев с атрибутами власти;

4) взаимодействие с властью отсутствует;

5) отношение к власти скорее нейтральное (в 55 % случаев) или негативное (в 34 % случаев), нежели положительное;

6) для испытуемых стимул «власть» в 75 % случаев не имеет личностного смысла.

Резюмируя все выше сказанное, отметим, что «язык обретает власть только тогда, когда им пользуются люди, обладающие властью…» [3]. Но, с другой стороны, и сам язык предоставляет говорящим целый арсенал средств проявления и осуществления власти. Это могут быть разнообразные языковые единицы, стилистические средства, речевые акты и жанры, коммуникативные ходы [5] и их графическое содержание и изображение.

Теоретическое осмысление проблемы власти в зарубежном и российском медиадискурсивном пространстве, а также проведенный нами свободный ассоциативный и графический эксперименты, позволяют сделать выводы о том, что концепт «власть» есть иерархическое, статическое, персонифицированное образование, вызывающее противоречивые эмоционально-экспрессивные реакции в обществе. Одновременно власть метафорична и притягательна, у нее множественный медийный имидж и международное признание. Поэтому концептуальное представление власти всегда будет вызывать большое количество полемик и дискуссий в научном мире и в лингвистике, в частности.

Проблема изучения механизма власти, его функционирования и воздействия в современном медиадискурсе безусловно актуальна и многогранна. Она остается открытой для дальнейшего научного анализа и осмысления, о чем свидетельствуют результаты теоретического и эмпирического исследования, приведенные в данной научной публикации.

Список литературы

1. *Апресян Р. Г.* Сила и насилие слова / Р. Г. Апресян // Человек. — 1997. — № 5. — С. 133—137.

2. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс—Универс, 1995. — 456 с.

3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. — Волгоград: Перемена, 1997. —139 с.

4. *Пиколт, Дж. Чужое сердце /Дж. Пиколт, 2009. — 432 с.*

5. Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А. В. Рудакова. — Воронеж: Истоки, 2004. — С. 26.

6. Слышкин Г. Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота /Г.Г. Слышкин // Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. — М., 2002. — С. 66—73.

7. Степанов Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. — М., 2015. — 168 с.

8. Токарев Г. В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность») / Г. В. Токарев. — Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2000. — С. 79.

9. Шабанова А. А. Репрезентация концепта ‘власть’ в современной русской языковой картине мира /А.А. Шабанова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 17 (232). Филология. Искусствоведение. Вып. 55. — С. 172—175.

10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография /Е.И. Шейгал. — Волгоград: Перемена, 2000. — 368с.

11. Шейгал Е. И. Власть как концепт и категория дискурса / Е. И. Шейгал // Эссе о социальной власти языка. — Воронеж: ВГУ, 2001. — С. 57.

12. Юнг К. Г. Человек и его символы / К. Г. Юнг, Дж. Хендерсон, И. Якоби и др. — М.: Медков С. Б.; Серебряные нити, 2017. — 352 с.

13. Van Dijk T. A**.** Discourse and power / T. A. Van Dijk. — Palgrave Macmillan, 2008. — 256 p.

Сведения об авторах

Вашунина Ирина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия. vashunina@yandex.ru

Гуслякова Алла Викторовна — кандидат филологических наук, доцент Московского педагогического государственного университета, Институт иностранных языков, Москва, Россия. aguslyakova@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 43—49.

LINGUOCULTURAL CONCEPT “POWER” IN THE RUSSIAN AND FOREIGN MEDIA DISCOURSE

I.V. Vashunina

Russian Foreign Trade Academy, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia. vashunina@yandex.ru

A.V. Guslyakova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia. aguslyakova@bk.ru

This article represents the study of the concept «power» functioning in the discourse space of the Russian and English media. The concept «power» is a complex and multifaceted linguocultural phenomenon realized through a variety of linguistic and extralinguistic means. To deeper understand the concept of power, a free associative and graphic experiment was conducted in our research, which made it possible to distinguish groups of associates with the word «power» that are used in everyday human communication and reflect a world picture conditioned by the specificity of the English and Russian languages and their cultures. In the end the degree of importance of the concept of «power» for the further study of media-discourse space and its linguacultural features in Russian and foreign media are formulated.

Keywords: *concept “power”, word-stimulus “power”, media discourse, associates, toponyms.*

References

1. Apresyan R.G. Sila i nasiliye slova [Strength and violence of words]. *Chelovek* [The Man], 1997. no. 5. pp. 133—137. (In Russ.).

2. Benveniste E. Slovar' indoyevropeyskikh sotsial'nykh terminov [Dictionary of Indo-European social terms]. M.: Progress-Universe, 1995. 456 p. (In Russ.).

3. Vodak R. Yazyk. Diskurs. Politika [Language. Discourse. Politics]. Volgograd: Change, 1997. 139 p. (In Russ.).

4. Pikolt, J. Chuzhoye serdtse [Change of heart]. 2009. 432 p. (In Russ.).

5. Rudakova A.V. Kognitologiya i kognitivnaya lingvistika [Cognitive science and cognitive linguistics]. Voronezh: Origins, 2004. P. 26. (In Russ.).

6. Slyshkin G.G. Gendernaya kontseptosfera sovremennogo russkogo anekdota [Gender conceptosphere of the modern Russian anecdote]. Gender as an Intrigue of Cognition: Gender Studies in Linguistics, Literary Studies and Communication Theory. M., 2002. P. 66—73. (In Russ.).

7. Stepanov Yu.S. Semiotika [Semiotics]. M., 2015. 168 p.(In Russ.).

8. Tokarev G.V. Problemy lingvokul'turologicheskogo opisaniya kontsepta (na primere kontsepta "trudovaya deyatel'nost'") [Problems of linguocultural description of the concept (on the example of the concept of "labor activity")]. Tula: TSPU named after L. N. Tolstoy, 2000. P. 79. (In Russ.).

9. Shabanova A.A. Reprezentatsiya kontsepta 'vlast'' v sovremennoy russkoy yazykovoy kartine mira [Representation of the concept of 'power' in the contemporary Russian language picture of the world]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University, Philology. Art History], 2011. no. 17 (232). Issue. 55. pp. 172—175. (In Russ.).

10. Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa: monografiya [The semiotics of political discourse: monograph]. Volgograd: Change, 2000. 368 p. (In Russ.).

11. Sheigal E.I. Vlast' kak kontsept i kategoriya diskursa [Power as a concept and category of discourse. Essay on the social power of language]. Voronezh: VSU, 2001. p. 57. (In Russ.).

12. Jung C.G. Man and his Symbols / C. G. Jung, J. L. Henderson, J. Jacobi and others. Moscow: Mednikov C. B.; Serebryanye niti, 2017. — 352 p.

13. Van Dijk T.A**.** Discourse and power. Palgrave Macmillan, 2008. 256 p.

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 50—55.

УДК 81'246.2
ББК 81.022

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10107

ПРОЯВЛЕНИЕ ГОСТЕВОГО ЯЗЫКА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Е. А. Денисова
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается понятие «гостевой язык» в рамках лингвистического явления «переключение кода» и его проявлений на материале англоязычного художественного текста. Результаты лингвистического анализа доказывают, что гостевые единицы подчиняются морфосинтаксической структуре матричного языка (английского), а в ряде случаев сохраняют свои языковые особенности. Элементы из гостевого языка используются автором для создания определённой атмосферы по сюжету, в качестве эмфатического средства, а также указывают на переменную форму дискурса.

Ключевые слова: *кодовое переключение, кодовое смешение, иноязычные вкрапления, гостевой язык, матричный язык, авторский идиостиль, билингвизм, би-культуральность.*

1. Постановка проблемы и материал исследования

Изучение феномена «кодовое переключение» началось в середине XX века и рассматривается в лингвистике как на грамматическом уровне, так и на уровне экстралингвистических факторов, причин таких переключений.

В научной лингвистической литературе предлагаются различные интерпретации явления «кодовое переключение», среди которых: языковое смешение (language mixture), языковое чередование (language alternation), гостевой (guest language) и матричный (matrix language) языки. Данное языковое явление встречается не только в разговорной речи билингвов, но и художественном дискурсе бикультуральных писателей билингвов.

Основными методами исследования являются **методы** текстового, прагматического, функционального, стилистического и дискурсивного анализа.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили лингвистическая теория переключения кода (E. Hoffman, J. Gumperz, R. M. Fano, C. Fries, K. Pike, C. P. Meyers-Scotton, Sh. Poplack, J. MacSwan, L. Wei), теория переключения кода как реализация коммуникативной стратегии (Г. Н. Чиршева, О. Т. Йокояма).

Интерес представляет и мировая художественная литература, в которой бикультуральные авторы используют кодовые переключения как некий стилистический приём или языковую игру, стратегию, характеризующую авторский идиостиль. Таким образом, происходит демонстрация авторской языковой компетенции, отражаются общественные реалии, возможность сделать художественное произведение, отдельных персонажей особенными.

Рассмотрим роман англоязычного писателя Э. Берджесса «Трепет намерения» (A. Burgess «Tremor of Intent») на предмет проявлений гостевых языков в рамках кодовых переключений. Назовём их авторской языковой (речевой) стратегией, представляющей способ организации речевого поведения героев романа в соответствии с замыслом и интенцией писателя.

Цель исследования представляют: количество гостевых языков (ГЯ) в романе, частота использования единиц ГЯ, их содержание, цель языковых переключений, взаимодействие единиц гостевых языков в контексте анализируемого романа на материале рамочной матричной модели языка С. Майерса-Скотона (Matrix Language Frame Model).

Данная модель (РММЯ) представляет максимальное количество языковых комбинаций и, по мнению автора, характеризует двуязычную компетенцию билингва. В своей теории американский лингвист противопоставляет матричный и гостевой языки (МЯ — основной язык, ГЯ — язык переключений), системные (служебные) и содержательные (знаменательные) морфемы. Основное внимание акцентируется на гипотезе матричного языка, суть которой заключается в построении морфосинтаксической рамки МЯ

в речевом отрезке, таким образом, грамматическая сторона высказывания укладывается в грамматический строй матричного языка. В «рамку» укладываются содержательные морфемы по двум принципам: принцип порядка морфем и принцип системных морфем. *Первый принцип* подразумевает порядок морфем, соответствующий синтаксическим отношениям матричного языка и не должен нарушать последовательность морфем, характерную для матричного языка. *Второй принцип* предполагает проявление так называемых «островов» гостевого языка в матричном. Такие переключения могут быть внутрифразовыми (в пределах словосочетания, предложения), и межфразовыми [10. С. 5—6].

Отступления от правил матричной модели являются нарушением грамматической структуры кодового переключения. Как правило, такие нарушения возникают ненамеренно, вследствие недостаточного владения одним из используемых языков (чаще всего матричного), либо сознательно вводятся говорящим для создания определенного эффекта [7. С. 53—61].

Необходимо рассмотреть также модель маркированности (Markedness Model), предложенную всё тем же учёным. По её мнению, такая модель в деталях демонстрирует мотивации кодовых переключений. Выбор билингвом какого-либо языка для переключения является его намерение продемонстрировать свою принадлежность к определенной этнической группе. Часто билингвы используют переключения кодов в своей речи с целью придать своему высказыванию особое значение [7. С. 7].

2. Результаты

Языковое многообразие в тексте анализируемого романа демонстрирует читателю языковую компетенцию Э. Берджесса — писателя, литературоведа, переводчика, полиглота. Согласно биографическим данным, он владел двенадцатью языками (на семи говорил свободно, а пять использовал в зависимости от коммуникативной ситуации). Э. Берджесс часто менял место работы и страны проживания, поэтому и общался не только с представителями местных культур, но и с носителями различных языков, параллельно изучая эти языки. Помимо родного английского, он свободно владел немецким, русским, итальянским, испанским, японским и валлийским языками.

Рассмотрим проявления гостевых языков в романе «Трепет намерения» в рамках кодовых переключений. Используемая языковая (речевая) стратегия, характеризует авторский идиостиль и включает в себя: контекстуальное пояснение иноязычной лексики, догадку читателя по контексту, создание определённой атмосферы по сюжету с использованием гостевого эквивалента и др.

Переключения на немецкий язык

- *Контекстуальное пояснение иноязычных слов и выражений:*

«In my dreams he did my moaning for me, vomiting up such dream-objects as the flywheels of clocks, black-letter books, wriggling snakes, and he sobbed very idiomatic German, full of words like **Staunen** (astonishment) and **Sittlichkeit** (morality) and **Schicksal** (destiny)» [1. С. 20].

«She spoke to him, talking about **Heimweh** — that's homesickness, she was homesick, you see, for somebody to speak German to, and she found that he came from about thirty miles from Elmshorn» [1. С. 31].

- *Догадка по контексту:*

«Roper said shyly, 'This is Brigitte,' having got the introductions arse-backwards. He realised it and then said, in confusion, '**Darf ich vorstellen** — What I mean is, this is my oldest friend. Denis Hillier, that is'» [1. С. 21].

«'Well,' I said, going to look at it. 'I never realised you were so — is **Rassenstolz** the word?' 'Not race,' said Brigitte, whose eye on me had been, since my entry, a somewhat cold one. 'Family-proud'» [1. С. 22].

«'She's been going on at me as an effete Englander, no ink in my pen, no pen at all, only a little **Bleistift**» [1. С. 33].

- *Дополнение единиц матричного языка эквивалентом из гостевого языка для создания определённой атмосферы по сюжету:*

«'Only the smutty writers,' said Brigitte, meaning **schmutzig**» [1. С. 26].

- *Прямое указание автором читателю на язык, из которого заимствуется та или иная гостевая языковая единица:*

«…that I was able to indulge my not very-strong masochistic propensities (vicarious, anyway) and see the **Ehepaar** (these lovely German words!) in cosy domestic bliss» [1. С. 21].

- *Ситуативное переключение кода, связанное с сюжетной линией и характеристикой персонажей.*

Например, немецкий гостевой язык используется автором при упоминании Германии главным героем — Денисом Хильером, двойным агентом,

английским шпионом, а также, появлением главной героини — немки Бригитты. Соответственно, кодовые переключения на немецкий язык происходят в диалогах с Бригиттой (в речи собеседника и во внутренней речи героя):

«I looked at Brigitte to see if she would corroborate that in smile, nod, word, but she sat stony. So I said: '**Danke schön, gnädige Frau. Ich habe sehr gut gegessen**.' And then, like a fool, I added: '**Alles, alles über Deutschland**'» [1. С. 29].

«A voice speaking through the letter-slit, Brigitte, unswitched to English: '**Ja? Was ist es**» [1. С. 36]?

Кодовые переключения на немецкий язык происходят и при упоминании Бригитты:

«He thought a marriage could be saved through the elimination of what Brigitte would call the **Hausfreund**» [1. С. 40].

Производные от числительных: «Then I dealt my speciality, a handedge on the larynx, **einmal**, **zweimal**, **dreimal**» [1. С. 38].

Переключения на тамильский язык

- *Прямое указание автором читателю на язык, из которого заимствуется та или иная гостевая языковая единица:*

«'**Araikkul va**,' she whispered. Tamil? A southern woman then, Dravidian not Aryan» [1. С. 81].

- *Происхождение героини*

(«Hillier saw that the Indian girl, Miss Devi, had just joined the nearest group» [1. С. 60]). «Hillier engaged. '**Araikkul va**,' she whispered… She gently inflamed him with the mayil or peacock embrace, moved on to the **matakatham**, the **poththi**, the **putanai**» [1. С. 81].

Переключения на русский язык

Связь сюжета с СССР стало причиной появления русского гостевого языка. Гостевые единицы передаются транслитерацией. Автор использует:

- *Контекстуальное пояснение иноязычных слов и выражений:*

«To Clara he said, as before: '**Razdyevay — razdyevay** —' The verb «to undress», in its intransitive and reflexive forms, was one she ought to remember, thought Hillier madly, crouching hidden again» [1. С. 125].

«An old man in uniform chewed his beard outside the lift-gates, though the lift was labelled **Nye Rabotayet** — Out of Order» [1. С. 136].

- *Повседневную русскую лексику:* khorosho, gardyerob, tigr, ostanovka, rutina, papirosi и т. д.;
- *Стилистически окрашенную лексику, связанную со шпионской тематикой*: samozvanyets;
- *Активную лексику, относящуюся к тому периоду времени*: gastronom, sbyezd, Bolschevismus, tovarishch;

Русскоязычная лексика представлена транслитерацией, латиницей: ostanovka <= остановка, rutina <= рутина, ikota <= икота, zamolchi <= замолчи, nichtozhestvo <= ничтожество. Это обусловлено тем, что лексические единицы не осложнены особенностями произношения.

- *Стремление автора показать корректное произношение:*

«'Chto?' '**Nichevo**,' said Roper. 'Bloody blasted **nichevo**. I think I'm going to be sick again.' He retched, but **nichevo** came up» [1. С. 138].

Транслитерированный вариант слова «ничего» — «nichego». Однако при произношении, звук «г» заменяется на «в».

«South slopes Yaila mountains very fertile.' He repeated it: '**Ochin** plodorodnyiy'» [1. С. 126]. Транслитерация слова «очень» — «ochen'». Здесь гласный «е» находится в безударной позиции и произносится как «и», что и демонстрируется автором, но при этом автор не показывает смягчение звука «н» в конечной позиции знаком «'», принятым IPA для обозначения смягчения согласных: Amin <= Аминь, rubl <= рубль. Исключение составляют: «'Da, ya dolzhen **razdyevat'sya**'» [1. С. 125];

- *Искажение исходного произношения:*

Палатализация: «'**Pozhal'sta**, tovarishch. Gdye Chornoye Morye [1. С. 131]?'»

Графическая замена буквы гостевого языка «ъ»: (sbyezd <= съезд). Автор передаёт твердый знак в русском языке заменив его на букву матричного языка («b»), которая графически напоминает «ъ», но произносится иначе.

- *Проявление сюжетной функции кодовых переключений в различных формах в зависимости от контекста.*

Например, в той части романа, где речь идет об СССР, в частности, о советских алкогольных напитках, Э. Берджесс использует транслитерированный вариант русской лингвистической единицы «коньяк»: «No sense of guilt stirred by the presence of a police uniform, the scientists quaffed to each other (Budvar beer, Russian champagne, Georgian muscatel, vodka and **konyak** by the hundred-gramme fiasco) in amiable contortions» [1. С. 136]. Однако в другом контексте автор использует языковую единицу матричного языка, так как в данном случае нет особой необходимости использовать кодовое пере-

ключение: «On the table by the balcony were whisky, gin, **cognac**, mineral water, ice, and a box of cigarettes whose paper was like silk and whose tobacco tasted like burnt cream» [1. С. 197].

Переключения на итальянский язык

- *Упоминание главным героем Италии:*

«It came to him: some watering-place in Italy… And, yes, the legend had been: '**Io sono Beatrice chi ti faccio andare**'» [1. С. 130].

Отметим, что, в отличие от лексики основных гостевых языков (lèse-majesté, gnädige), единицы русского гостевого языка (так же, как и тамильского) представлены графическими знаками матричного языка. Это связано с необычностью алфавита гостевого языка: графемные системы матричного английского языка и гостевых немецкого, итальянского и французского происходят от латинского алфавита, русский язык использует кириллицу, а тамильский — тамильскую письменность.

Интересен пример, где автор знакомит читателей с графической составляющей русского языка на примере слова «номер», показывает его фонетическую форму с помощью матричного языка «nomyer» и представляет его эквивалент в матричном языке «number»):

«**НОМЕР — nomyer — number**» [1. С. 98].

Некоторые случаи кодовых переключений происходят спонтанно и никак не являются сюжетной необходимостью. Рассмотрим закономерности взаимодействие гостевых языков в англоязычном контексте.

- *Гостевые единицы из немецкого языка* подчиняются морфосинтаксической структуре матричного языка (английского), и в ряде случаев сохраняют свои языковые особенности. «*Ach, the lovely bloody **Mondschein***» [1. С. 31]. Если, к примеру, на место гостевой единицы поставить ее эквивалент из матричного языка, то синтаксическая структура не изменится: «*Ach, the lovely bloody **moonshine***».

Э. Берджесс учитывает особенности немецкого языка, например, в романе находим ряд существительных, которые пишутся с заглавной буквы: a Bratsche, the Ehepaar, a little Bleistift и др.

- *Гостевые единицы из русского языка* также легко вписываются в морфосинтаксическую рамку английского языка, не нарушая ее. Но в том случае, когда русскоязычная лексика находится в англоязычном окружении, тогда она полностью подчинена грамматике матричного языка. Так, например, в тексте романа, существительные используются с артиклями, которые являются характерной чертой английской грамматики. В русском языке артикли отсутствуют: the gardyerob, the svinyah, a samozvanyets, a nichtozhestvo, the scientific sbyezd и др.

Образование множественного числа происходит при помощи английского суффикса -s: militsioners, roubles.

При замене гостевых единиц из русского языка на матричные (английский), их синтаксическая позиция не изменяется: «And then, if things go as they ought to go, a swift taxi journey to wherever Roper is at that hour of night, to be peeled off from the rest of the delegates of the scientific **sbyezd**»; «And then, if things go as they ought to go, a swift taxi journey to wherever Roper is at that hour of night, to be peeled off from the rest of the delegates of the scientific **conference**» [1. С. 3].

- В романе представлены фрагменты, в которых «острова» гостевого языка преобладают над матричным языком. Таким образом, кодовые переключения осуществляются на уровне предложений.

«Hillier grabbed a white-coated waiter with a spilling tray, young, cocky, his Mongol hair in a cockcrest. '**Gdye Doktor Ropyr**?' '**Kto? Anglichanin**.' The waiter laughed and nodded towards the far end of the dining-room» [1. С. 136]. «She at once began to try to loosen the man's tunic and he, grinning '**Da, ya dolzhen razdyevat'sya**'… '**Khorosho**,' he said, pointing the gun and thumbing open the stiffish safety-catch. '**Vstavayetye, svinyah**'» [1. С. 125]. «A tram clanked eastwards, almost empty. To the man he said, '**Pozhal'sta, tovarishch. Gdye Chornoye Morye?»** [1. С. 131]. «So I said: '**Danke schön, gnädige Frau. Ich habe sehr gut gegessen**.' And then, like a fool, I added: '**Alles, alles über Deutschland**'» [1. С. 29].

3. Заключение

В романе «Трепет намерения» количество гостевых языков — 6 (русский, немецкий, итальянский, французский, тамильский, латинский). Русский и немецкий языки являются доминирующими. В основном переключения в настоящем произведении являются ситуативными, и тесно связаны не только с сюжетной линией, но и характером главных героев произведения.

Используя рамочную модель матричного языка (РММЯ) нам удалось определить: 1) роль гостевых языков в тексте и их проявление на протяжении всего романа, 2) включения гостевого языка

не нарушают целостность контекста, а точно вписываются в морфосинтаксическую рамку матричного языка.

Установлено, что изменяя графическую форму русских и тамильских гостевых единиц, автор старается сохранить их фонетическую форму и передать исходное произношение лексических единиц.

Уникальность таковых переключений заключается в том, что лексика из разных языков, принадлежащих к романской, германской и славянской генеалогическим группам, гармонично сосуществует в едином контексте матричного языка. Тем самым, демонстрируя безграничные возможности языкового единства.

Список литературы

1. Burgess A. Tremor of Intent. — M.: ACT, 2010. — 320 p.
2. Fano R. M. The information theory point of view in speech communication // Journal of the Acoustical Society of America. № 22, 1950. — 696 p.
3. Fries C., Pike K. L. Coexisting phonemic systems // Language. № 25, 1949. — 90 p.
4. Gumperz J. Social meaning in linguistic structures: Code switching in northern Norway // Directions in Sociolinguistics. — New York: Holt, 1972. — 446 p.
5. Hoffman E. Lost in translation: A new life in a new language. — N.Y.: Dutton, 1989. — 489 p.
6. MacSwan J. Code-switching and grammatical theory // Handbook of Multilingualism (2nd ed.) — Cambridge: Blackwell, 2013—356 p.
7. Myers-Scotton C. Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-switching. — Oxford: Clarendon Press, 1997. — 285 p.
8. Poplack Sh. Sometimes I'll start a sentence in English y termino en Español: Toward a Typology of Code-switching Text. / Sh. Poplack // Linguistics, v. 18. Berlin: Mouton de Gruyter, 1980. — 618 p.
9. Wei L. The Bilingualism Reader. — London: Routledge, 2007. — 393 p.
10. Чиршева Г. Н. Двуязычная коммуникация / Г. Н. Чиршева. — Череповец: ЧГУ, 2004. — 189 с.

Сведения об авторе

Денисова Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, ГАОУ ВО ЛО Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. Санкт-Петербург, Россия. denisovaea72@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 50—55.

GUEST LANGUAGE MANIFISTATION IN THE ANGLOPHONE LITERARY TEXT

E.A. Denisova
Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russia. denisovaea72@mail.ru

The article is focused on the concept of the «guest language» in reference to code switching as the linguistic phenomenon. The linguistic analysis results prove that the guest language items are complied with the morphosyntax frame of the matrix language, in some cases they preserve their language features. It states that the author uses guest language items in order to create the definite atmosphere of the plot, and either the emphatic means or the variable form of discourse. The study defined that code switching is used by the bilingual writer in the intense textual positions, in the discursive strategies of intertextualization, context, segmenting the statement and compositional organization of the literary text. It was determined that by means of transition into the other foreign languages A. Burgess creates the image of the main characters in the literary works. The lexis from the Roman, German and Slavic languages co-exist in harmony in the context representing the abundance and the dynamics of the matrix language, the unlimited possibilities of the language unity.

Keywords: *code switching, code mixture, foreign insertions, writer's individual style, bilingualism, bicultural.*

References

1. Burgess A. Tremor of Intent — Moscow: AST, 2010. — 320 c.
2. Fano R.M. The information theory point of view in speech communication // Journal of the Acoustical Society of America. № 22, 1950. — 691—696 p.
3. Fries C., Pike K.L. Coexisting phonemic systems // Language. № 25, 1949. — 25—90 p. (in English).
4. Gumperz J. Social meaning in linguistic structures: Code switching in northern Norway // Directions in Sociolinguistics. — New York: Holt, 1972. — 446 p.
5. Hoffman E. Lost in translation: A new life in a new language. — N.Y.: Dutton, 1989. — 489 p. (in English).
6. MacSwan, Jeff (2013). «Code-switching and grammatical theory». In T. Bhatia and W. Ritchie. Handbook of Multilingualism (2nd ed.) — Cambridge: Blackwell, 2013—356 p.
7. Myers-Scotton C. Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-switching. — Oxford: Clarendon Press, 1997. — 285 p.
8. Poplack Sh. Sometimes I'll start a sentence in English y termino en Español: Toward a Typology of Code-switching Text. / Sh. Poplack // Linguistics, v. 18. Berlin: Mouton de Gruyter, 1980. — 581—618 p. (in English).
9. Wei L. The Bilingualism Reader. — London: Routledge, 2007. — 393 p.
10. Chirsheva G.N. Dvuyazichnaya kommunikatsia [Bilingual communication] — Cherepovets: CHGU, 2004. — 189 p. (In Russ.).

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 56—62.

УДК 800
ББК 81-5

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10108

СМЫСЛОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ-АНТИУТОПИЙ)

М. С. Журкова
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассматриваются механизмы смыслопорождения в художественном тексте. Выделяется смысловой уровень текстового пространства, описывается структура и функционирование составляющих его элементов. Предлагается способ интеграции парциальных смыслов с целью извлечения из текста инициального смысла, тождественного авторскому замыслу. Интегральная модель смыслового уровня является ключом к максимальному приближению ядра рецепции адресата к ядру авторского намерения.

Ключевые слова: *смысловое моделирование, смыслоформирование, инициальный смысл, парциальный смысл, интеграция смысла.*

Проблема смыслоформирования, смыслового описания и экспликации смысла на уровне целостного художественного произведения является актуальной и активно разрабатываемой в области современной лингвистики. Смысловое развертывание текста освещалось в трудах различных ученых, таких, как В. Г. Адмони, Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотнова, Д. В. Псурцев, И. А. Пушкарева, Н. Г. Петрова, С. М. Карпенко, А. В. Курьянович, Е. В. Веселовская, А. А. Васильева, О. В. Орлова, И. Н. Тюкова.

Определение смысловой структуры текста основывается на подходе к тексту как к многоуровневой системе, где каждый из уровней функционально независим и в то же время связан с остальными уровнями.

Выделение измерений (уровней) текстового пространства условно, и различными учеными производилось по-разному. Характер и количество уровней текстового пространства при различных подходах не всегда совпадают. Традиционное поуровневое деление текста связано со стратификацией языка и представляет собой деление текста на 6 уровней: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический, композиционно-синтаксический и стилистический [3]. Наиболее близкой концепцией выделения текстовых уровней считаем предложенное Н. Л. Мышкиной выделение в тексте 5 измерений: семантического, синтаксического, прагматического, сигматического и энергетического [5. С. 62]. Принимая данное поуровневое деление за основу, считаем необходимым внести в него некоторые изменения. Вместо энергетического измерения считаем целесообразным выделять смысловое измерение текста, которое обеспечивает целостность произведения и максимальную согласованность и взаимосвязь остальных четырех уровней. Добавим также необходимость рассмотрения фонетического уровня как одного из базовых уровней структурной парадигмы текста и выделим лексический уровень.

Семантический уровень выражает принципы отношения знака и значения, он представлен реализуемой в тексте семантикой лексических единиц. Вследствие того, что, как мы полагаем, семантическая годология лексической единицы программируется адресатом в момент создания текстового пространства и модальность ее согласуется с векторной семантикой, считаем возможным рассмотрение семантического уровня в качестве элемента смыслового уровня. Семантический уровень текста определяется в современной лингвистике неоднозначно. Подходы к рассмотрению семантического уровня разнообразны, они изучают особенности функционирования языковых знаков в текстовом пространстве, которое понимается как упорядоченное семантическое пространство. Совокупное движение семантических значений позволяет получить информационный инвариант смысла. Для определения инициальной темы некоторые лингвисты выделяют наличие в семантической структуре текста систем или рядов семантически связанных номинаций, которые стягиваются по признаку семантического сходства в номинативные

цепочки, которые в совокупности репрезентируют текстовую изотопию. Текстовая изотопия базируется на принципе повторяемости элементов, которая трактуется как семантическая избыточность. «Избыточность усиливает и направляет внимание читателя» [1. С. 85]. Семантическая избыточность способствует устойчивости распределяемой в тексте информации, защите релевантной информации от помех. Она также способствует упорядочению важной для смыслопостроения информации, структурируя ее в тексте через семантические повторы. Таким образом, семантическая изотопия или избыточность акцентирует внимание читателя на наиболее важных в семантическом плане номинативных цепочках, а в более глобальном плане смыслового выражения — на распределении в текстовом пространстве смысловых тем. Изотопия на более узком семантическом уровне текста представлена как семантическая категория, благодаря которой происходит такое распределение лексических единиц в текстовом пространстве, при котором они связаны в семантические номинативные цепочки, однако на смысловом уровне она становится содержательной единицей, объединяющей семантические цепочки в последовательно реализуемые в текстовом пространстве смыслы. Она также гарантирует упорядоченность текста, которая «облегчает не только подавление помех, но и догадку при неполностью известных кодах» [1. С. 103]. Семантическая избыточность в рамках выражения сходных смыслов помогает определить соотнесенность этих смыслов с одной смысловой плоскостью, таким образом делая вклад в развитие смыслового уровня текста. Семантический уровень представляет собой базис смыслового уровня, он позволяет получить информационный инвариант смысла, однако только смысловой уровень может отобразить организацию совокупного движения множества смыслов в пространстве текста и помочь в описании данного движения как упорядоченного системного процесса. Вследствие чего считаем закономерным рассмотрение семантического уровня в качестве составляющей смыслового уровня текста.

Таким образом, структура текстового пространства репрезентируется, в нашем понимании, 5 уровнями: фонетическим, лексическим, синтаксическим, прагматическим и смысловым.

На практике иногда представляется довольно сложным определение четких границ между текстовыми уровнями, потому что они транспонируются друг в друга. К примеру, лексические единицы вследствие своей многомерности могут выполнять как семантические, так и синтаксические, прагматические, смысловые функции.

Если моделирование семантического уровня текста признается многими исследователями невозможным в силу субъективного характера декодирования лексических элементов, то построение модели смыслового уровня текста, в том числе и художественного, представляется вполне вероятным. На данный момент моделирование смыслового уровня в отечественной лингвистике представлено попытками построения метафорических и концептуальных моделей текста.

Смысловые измерения и приращения смысла рассматривались ранее такими исследователями, как Г. И. Богин, З. Г. Бурдина, И. Р. Гальперин, С. Т. Золян, М. Н. Кожина, М. П. Котюрова, Н. А. Купина, Н. Л. Мышкина, М. Р. Проскуряков, Д. В. Псурцев, Л. А. Черняховская, Л. В. Щерба и др. Вопрос о том, возможно ли четкое выделение смысла художественного произведения остается открытым, однако мы придерживаемся той точки зрения, что «смысл художественного произведения принципиально постижим в процессе интерпретации» [6. С. 43]. Возможно не только выделение, но и анализ, моделирование и математическая интерпретация смысла художественного текста. Относительно субъективности восприятия смысла художественного произведения следует заметить, что «наличие субъективной зоны расхождения толкований не отменяет наличия ядра рецепции, адекватного ядру авторского намерения» [6. С. 43]. Целью моделирования смыслового уровня текстового пространства является создание интегральной смысловой модели, которая позволит максимально приблизить прочтение текста реципиентом к той системе смыслов, которая была изначально заложена в текст отправителем.

Функционирование смыслового уровня обеспечивается работой составляющих его элементов. Смысловой уровень представляет собой многоуровневую иерархическую систему, где существование и функционирование всех элементов направлено на реализацию в текстовом пространстве смыслов, заложенных в текст адресантом, и на предоставление адресату возможности их системной экспликации. Элементы смыслового уровня взаимодействуют друг с другом согласно некоторым правилам, основные аспекты которых требуют описания и структурирования. Определение функций всех элементов смыслового уровня текста и их места в иерархии его

структуры позволит разработать относительно полную интегральную модель смыслового уровня текстового пространства, которая выведет нас на новый уровень понимания механизмов синтеза семантических элементов в единую смысловую структуру, а также способов импликации и экспликации смысловых элементов в тексте. Как верно указывает Д. В. Псурцев, «центральная категория смыслового описания в рамках лингвистического подхода — смысловое построение» [6. С. 12]. Создание модели, отражающей систему смыслов, погруженных в текстовое пространство, поможет в определении глубинной сущности текста, его сверхзадачи. Данный подход также позволит более точно описать внутренний мир автора произведения, а также определить ядро авторского намерения и определить возможные подходы к прочтению текста, при которых рецепция адресанта будет максимально приближена к рецепции адресанта. При количественном подходе данная модель позволит выявить участки текста, обладающие наибольшей смысловой плотностью, так же, как участки разреженного смыслового наполнения, что даст нам возможность определить наиболее значимые в смысловом плане текстовые интервалы. Также особый интерес представляет определение доминирующих смыслов произведения.

Текст художественного произведения с позиции коммуникативно-функционального направления определяется как сложная коммуникативная единица, обладающая семантической и структурной целостностью и реализующая общую коммуникативную задачу, состоящую в передаче смыслов от адресанта к адресату посредством импликации в текстовое пространство надлинейных смысловых сцеплений текстовых единиц, регулирующих идейно-смысловое восприятие текста реципиентом. Художественное произведение — это самая сложная форма общения (между отправителем и реципиентом). Основная цель художественного текста — передача смыслов, опыта, идей. Это гиперзадача любого автора. Смысловой уровень текстового пространства многогранен, в нем реализуется сразу некоторое множество смысловых плоскостей. Через поочередное звучание смысловых плоскостей в тексте реализуется полифония смысла.

Поскольку передача смыслов является гиперзадачей автора, смысловой уровень подчиняет себе функционирование всех уровней текстового пространства и выступает в качестве организационного параметра текста. В основу построения иерархической системы смыслового уровня положено предположение о том, что система элементов данного уровня функционирует благодаря наличию общей концепции, общего организующего принципа, коим является инициальный смысл текста. Инициальный смысл развивается согласно целевому движению текста, он подчиняет себе все элементы структуры текста. Развертывание текстового пространства продолжается до тех пор, пока инициальный смысл не будет выражен автором в достаточной для него полноте. Под инициальным смыслом понимаем общий (глобальный) авторский замысел, передача которого адресату и составляет сверхзадачу отправителя. Поскольку инициальный замысел представляет собой многомерную комплексную идею, зачастую сложно поддающуюся вербализации, в тексте он разветвляется на составляющие его парциальные смыслы, которые доносят различные смысловые аспекты до читателя. Относительно полное описание инициального смысла возможно путем интеграции парциальных смыслов, репрезентирующих его. Парциальные смыслы представляют собой отдельные идеи, реализованные в тексте, такие, как, например, вмешательство государства в межличностные отношения, унификация общества, война как способ уничтожения излишков производства, и т. д. Парциальные смыслы имеют свое начало, обозначаемое в текстовом пространстве как «точка ввода парциальной идеи», свое развитие, которое отражено в развитии смыслового конструкта данной идеи, и завершение. Парциальные смыслы пронизывают пространство текста и делят его плоскость на участки или сегменты, релевантные для раскрытия той или иной идеи. Парциальные смыслы сегментируют текст и выводят читателя на надлинейный уровень прочтения, устанавливая связи между частями, удаленными друг от друга в текстовом пространстве, однако связанными одной идеей. Упорядочивая информацию, парциальные смыслы направляют интерпретационную деятельность реципиента и облегчают декодирование текста.

Парциальные смыслы располагаются в смысловых плоскостях и представляют собой смысловые конструкты, развивающиеся соразмерно развертыванию текстового пространства путем приращения смысла, то есть добавления новых лексических единиц, реализующих своей семантикой заложенные автором идеи (см. рис. 1).

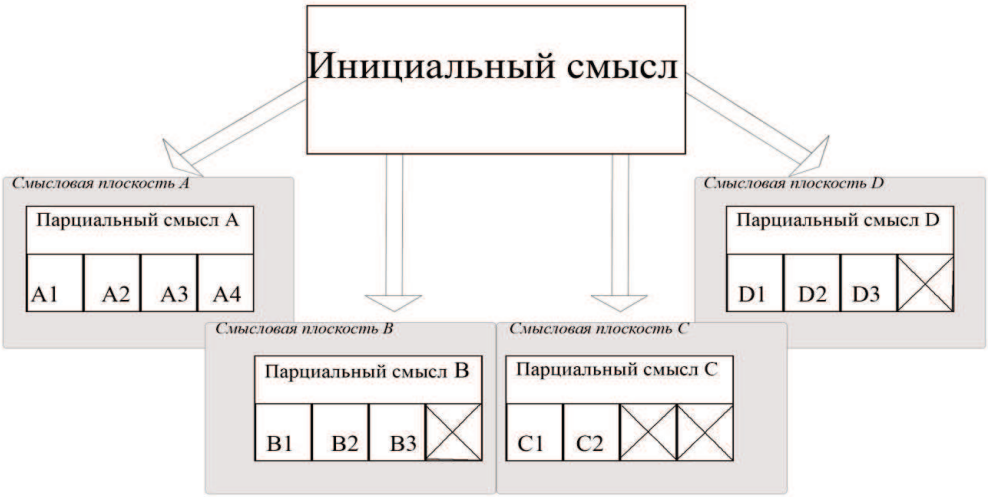


Рис. 1. Инициальный смысл и парциальные смыслы

На приведенной выше схеме инициальный смысл представлен 4 парциальными смыслами (A, B, C, D). Парциальные смыслы располагаются в соответствующих смысловых плоскостях. Каждый из парциальных смыслов представлен смысловым конструктом, развивающимся с появлением в тексте новых смысловых повторов. К примеру, парциальный смысл A представлен смысловым конструктом с наибольшим количеством элементов (4). Смысловой конструкт A = A1 + A2 + A3 + A4, где A1, A2, A3 и A4 — это повторы одной и той же парциальной идеи в пространстве текста. Расположение повторов в тексте не имеет значения, важен лишь факт их наличия. Чем большим количеством повторов представлен смысловой конструкт, тем большее значение в смыслообразовании текста играет представленный им парциальный смысл.

Объединив все обнаруженные в тексте парциальные смыслы, можно получить количественную составляющую инициального смысла. Представив инициальный смысл текста в виде круговой диаграммы (см. рис. 2), получаем следующие значения: доминантным парциальным смыслом будет смысл A (4/12), следующим за ним будут смыслы

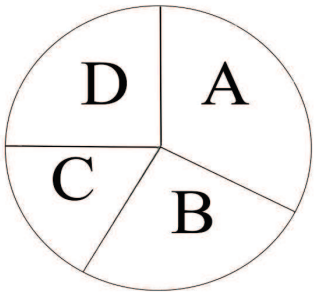


Рис. 2. Инициальный смысл

B и D (3/12), и наименее релевантным выступает смысл C (2/12). Полученные данные приведены как пример, в количественном плане более возможный при рассмотрении отрывка текста, нежели целого произведения.

Инициальную идею здесь не стоит рассматривать как единый целостный смысл, образованный путем слияния парциальных смыслов, поскольку художественный текст не может обладать одним единственным смыслом, он всегда включает в себя множество смыслов, определенных автором. Однако возможно предположить, что множественность представленных в тексте произведения смыслов способна обладать общей задачей. Инициальный смысл объединяет все парциальные смыслы их общей направленностью, общей целью. Инициальный смысл не есть простая сумма его частей, это слияние идей, которое выводит нас с количественного на принципиально новый, качественный уровень, когда благодаря рассмотрению всех парциальных идей нам открывается смысл более высокого порядка, смысл, которому все парциальные идеи созвучны и который они различными способами отражают, этот смысл мы и называем инициальным смыслом. Таким образом, круговая диаграмма (см. рис. 2) дает нам лишь частичное, количественное отражение инициального смысла. Она позволяет выделить парциальные смыслы, наиболее насущные для адресанта, качественная же составляющая инициальной идеи, ее ядро — это то, что является общим для всех парциальных плоскостей, гиперзадача автора.

Материалом для исследования и анализа смыслового уровня текстового пространства нами

по нескольким причинам были выбраны романы жанра антиутопии. Отличительной особенностью жанра романа-антиутопии является то, что он не только вырос из жанра утопии, он стал зеркальным ее отображением. В антиутопии мы находим большинство утопических мотивов перевернутыми, гротескно искаженными. Утопия представляет на суд читателя идеальное общество, руководствующееся нормами равенства и справедливости. Антиутопия показывает общество идеализированно-плохое. Из чего следует, что основной целью романа-антиутопии является стремление автора предупредить читателя о том, чего нельзя допустить, о катастрофических последствиях возможных попыток реализации утопического общества, которое неизбежно мутирует в антиутопическое. Следовательно, для большинства романов данного жанра инициальным смыслом становится предупреждение читателя о невозможности воплощения утопии в современном обществе. Данный инициальный смысл развивается путем импликации в текстовое пространство таких парциальных идей, как антигуманность тоталитарного режима, унификация человека и общества, отрицание ценности человеческой жизни, отрицание личной жизни человека, регламентация государством межличностных отношений, поминутная регламентация жизни общества, и т. д. Уникальностью произведений данного жанра является то, что в рамках анализа возможно не только индуктивное построение смыслов, в результате синтеза которых выводится инициальный смысл, но и возможность дедуктивного анализа, т. е. рассмотрения объекта от целого к частному, при данном подходе текст рассматривается как целостный знак репрезентирующий проблемную коммуникативную ситуацию, и именно текст в целом, объединенный параметром инициальной идеи, становится начальной точкой анализа, от которой можно двигаться вглубь, к составляющим его элементам.

В ходе исследования текстов пяти романов-антиутопий (Е. И. Замятин «Мы» [4. С. 15—154], О. Хаксли «О дивный новый мир» [8], Дж. Оруэлл «1984» [9], К. Воннегут «Механическое пианино» [10], Р. Д. Брэдбери «451° по Фаренгейту» [7]) нами было выделено 20 наиболее релевантных парциальных смыслов, большая часть которых были отражены (с разными показателями реализации в тексте) во всех пяти романах. Из выделенных нами 20 парциальных смыслов в романе «Мы» [4. С. 15—154] было актуализировано 20, в романе «О дивный новый мир» [8] — 18, в романе «1984» [9] — 19, в романе «Механическое пианино» [10] — 18, в романе «451’ по Фаренгейту» [7] — 16. Каждый из рассмотренных нами парциальных смыслов романов-антиутопий был включен в произведение с целью показать читателю негативные последствия попыток воплощения идеального общества, изначально движимого благими целями и нормами и превратившегося впоследствии в прямую противоположность идеалу. Все присутствующие в текстах вышеперечисленных романов парциальные плоскости направлены на раскрытие различных негативных аспектов существования антиутопического общества, но выражают единообразный призыв к читателю, выраженный инициальным смыслом. К примеру, в романе Дж. Оруэлла отражена попытка построения идеального общества, инициальный смысл романа путем количественной интеграции его парциальных смыслов и выделения их общей задачи раскрывает гиперзадачу отправителя текста, состоящую в предупреждении читателя о негативных последствиях становления подобного общества. Каждый из парциальных смыслов посвящен раскрытию какого-либо одного негативного аспекта жизни данного общества. В романе Е. И. Замятина инициальная идея заключается в невозможности построения идеально-рационализированного общества, в романе О. Хаксли — в невозможности построения идеально-счастливого общества, в романе К. Воннегута — механизированного общества, в романе Р. Д. Брэдбери — идеального общества потребления.

Данный анализ основывается на количественных показателях числа повторов и при его проведении не учитывается стилистическая маркированность участков текста, так как количественный подсчет является, на наш взгляд, наиболее объективным. Стилистический анализ позволит рассмотреть отдельные элементы текста, не выходя на более глобальный, структурный уровень, «это, так сказать, предструктурный и досистемный уровень анализа. При описании текста как целостной единицы необходимы принципы более широкого охвата» [1. С. 99]. Цель количественного анализа — посредством определения количества повторов выявить релевантные смыслы произведения и привести их в систему, определив иерархию их позиций. Парциальные смыслы, объединенные параметром инициаль-

ной идеи, репрезентируют смысловой уровень, стоящий выше семантического. Повтор помогает выделить релевантные смыслы и акцентировать на них внимание читателя. Парциальные идеи, реализованные в тексте однократно и не имеющие повторов, считаются нерелевантными и не принимают участия в образовании инициального смысла текста. Количество и характер парциальных идей при индивидуальных прочтениях могут отклоняться от заложенных в текст автором, однако множественность возможных вариантов рецепции имеет свои границы. Вариативность не должна искажать иерархию парциальных смыслов, в противном случае ядро рецепции адресата значительно отклонится от ядра рецепции адресанта, и ошибочность декодирования превысит допустимый порог. В этом случае можно говорить об искажении смыслового уровня текста и о неверной интерпретации всего художественного произведения в целом.

Таким образом, текст рассматривается с позиции смыслового восприятия как код, который создается согласно определенному плану, в соответствии с определенным авторским замыслом и согласно этому замыслу и должен быть прочитан. Интерпретационная деятельность реципиента текста должна быть согласована с порождающей деятельностью автора текста. Для реализации смыслового содержания текста должна наличествовать общность мотива, относительно которого осуществляется осмысление ситуации, представленной в тексте. В качестве общности мотива, глобального смысла, внесенного в текст автором, и основного вопроса, который должен для себя сформулировать адресат при прочтении текста художественного произведения, и выступает, по нашему мнению, инициальный смысл текста. Именно на его реализацию и осмысление нацелены процессы порождения текста, равно как и его восприятия: «Порождение текста, как и его интерпретация, — это решение эмоциональной и мыслительной задач, а уже потом лингвистической, так как во всякой деятельности замысел предшествует конкретным операциям по выбору средств и их осуществлению» [2. С. 61]. Для решения мыслительной задачи по определению авторского замысла необходимо структурирование множества разбросанных в тексте парциальных смыслов с целью их объединения и извлечения из текста его основной сути, ответа на вопрос, зачем данный текст был создан, то есть его инициального смысла. Извлечение из текста инициального смысла, обеспечивающего единство текста на всех его уровнях, также является ключом к объединению авторского и читательского сознаний и способствует максимальному приближению ядра рецепции адресата к ядру авторского намерения.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. — М., 2002. — 384 с.
2. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе. — М., 1984. — 227 с.
3. Жеребило, Т. В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: словарь-справочник / Т. В. Жеребило. — Назрань, 2011. — 108 с.
4. Замятин, Е. И. Избранные произведения / Е. И. Замятин. — М., 1990. — 544 с.
5. Мышкина, Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики / Н. Л. Мышкина — Пермь, 1998. — 152 с.
6. Псурцев, Д. В. Смыслоформирование художественного текста: теоретические основания лингвостилистического подхода: автореф. дис. … д-ра филол. наук / Д. В. Псурцев — М., 2009. — 51 с.
7. Bradbury, R. D. Fahrenheit 451 / R. D. Bradbury. — New York, NY: Simon & Schuster, 2012.
8. Huxley, A. L. Brave New World / A. L. Huxley. — London, UK: Penguin Books Ltd, 2008.
9. Orwell, G. Nineteen Eighty-Four / G Orwell. — New York, NY: Signet Classic, 1977.
10. Vonnegut, K. Player Piano / K Vonnegut. — New York, NY: The Dial Press, 2006.

Сведения об авторе

Журкова Мария Сергеевна — преподаватель кафедры английского языка. Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. krasina87@inbox.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 56—62.

MEANING MODELLING OF A LITERARY TEXT (ON THE MATERIAL OF DYSTOPIA NOVELS)

M.S. Zhurkova
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. krasina87@inbox.ru

The article considers the processes of meaning formation of literary text. The meaning level of the text is distinguished, the structure and functioning of its elements is described. The necessity of systematizing of partial meanings distinguished in the text plane is stated. The way of integration of partial meanings of the text which aims at identifying the initial meaning of the text is being suggested. The integration model is being introduced and analyzed. The initial meaning of the text is determined being identical to the principal author's intention. Extracting the initial meaning of the text enables the addresser in acquiring understanding of the addressee's core idea, implemented in the text. It allows establishing a maximum approach of a core of a reader's reception to the core of the author's intention.

Keywords: *meaning formation, meaning modeling, initial meaning, partial meaning, meaning integration.*

References

1. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij yazyk [Stylistics. Modern English Language]. Moscow, 2002. 384 p. (In Russ.).
2. Dridze T. M. Tekstovaya deyatel'nost' v strukture social'noj kommunikacii: problemy semiosociopsihologii [Textual activity in the structure of social communication: problems of semiosociopsychology]. Moscow, 1984. 227 p. (In Russ.).
3. Zherebilo T.V. Terminy i ponyatiya: Metody issledovaniya i analiza teksta: slovar'-spravochnik [Terms and concepts: Methods of research and text analysis: dictionary-directory]. Nazran', 2011. 108 p. (In Russ.).
4. Zamyatin E.I. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, 1990. 544 p. (In Russ.).
5. Myshkina N.L. Vnutrennyaya zhizn' teksta: mekhanizmy, formy, harakteristiki [Inner life of a text: mechanisms, forms, characteristics]. Perm', 1998. 152 p. (In Russ.).
6. Psurcev D.V. Smysloformirovanie hudozhestvennogo teksta: teoreticheskie osnovaniya lingvostilisticheskogo podhoda: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk [Meaning formation of literary text: theoretical basis of lingvostylistic approach. Abstract of thesis]. Moscow, 2009. (In Russ.).
7. Bradbury R.D. Fahrenheit 451. New York, NY, 2012.
8. Huxley A.L. Brave New World. London, UK, 2008.
9. Orwell G. Nineteen Eighty-Four. New York, NY, 1977.
10. Vonnegut K. Player Piano. New York, NY, 2006.

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 63—68.

УДК 81
ББК 81

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10109

ФОРМИРОВАНИЕ СИЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЭКСКУРСОВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

Т. В. Калугина
Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Россия

В статье рассматриваются компетенции, которые необходимы для успешного осуществления профессиональной деятельности экскурсовода и формирования сильной языковой личности. Вводится понятие «надэтнической языковой личности», под которой понимается представитель социокультурного (гражданского, профессионального, конфессионального, регионального, политического) сообщества, реализующего свой языковой потенциал вне зависимости от этнической принадлежности.

Ключевые слова: *языковая личность, профессиональная языковая личность, этническая языковая личность, надэтническая языковая личность, экскурсовод, компетенция.*

Интересы современного общества выдвигают на первый план человеческую личность как социокультурный феномен, в рамках которого можно выделить языковую личность. Проблема ее развития в условиях мультикультурной профессиональной коммуникации интересует многих исследователей (Ю. Н. Караулова, Н. В. Уфимцеву, А. А. Ворожбитову, С. К. Башиеву, В. Н. Денисенко и других). С. К. Башиева справедливо замечает, что «формирование языковой личности составляет один из аспектов сложного и противоречивого процесса становления российской национальной идентичности» [1. С. 90].

По общепринятому определению Ю. Н. Караулова, языковая личность — «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [8. С. 3]. М. Б. Безрокова пишет о том, что «языковая личность россиянина в моно- и полиэтническом пространстве представляет собой сложную интегративную категорию, в которой переплетаются как индивидуальные, так и коллективные характеристики, зависящие от таких факторов, как национальная принадлежность, язык обучения и воспитания, принадлежность к культуре (этническая, общечеловеческая, массовая, авангардная)» [13. С. 854].

Как отмечает А. А. Ворожбитова, становление, формирование и самопроектирование сильной русскоговорящей профессиональной языковой личности диалогического, демократического, поликультурного типа на всех образовательных ступенях в планетарном масштабе является стратегической целью лингвориторической парадигмы [4. С. 83]. При этом надо учитывать, что существуют как общероссийские, так и региональные компоненты обучения, требующие детальной разработки. Предложенная Сочинской лингвориторической школой модель актуальна для всех туристических регионов России и может быть экстраполирована на Крым.

Цель статьи — рассмотреть филологические компетенции, необходимые для формирования сильной профессиональной экскурсионно-туристической личности, с учетом крымских региональных языковых и полиэтнических особенностей.

Предметная (специальная) цель — формирование лингвистической, языковой, коммуникативной и этнокультурно-речевой компетенций в рамках интегральной лингвориторической парадигмы. «В современной лингвистике и лингвометодике под компетенцией понимается совокупность знаний, умений и навыков по языку, сформированных в процессе преподавания лингвистической дисциплины» [11. С. 72].

В рамках филологической компетенции А. А. Ворожбитова выделяет: а) субкомпетенции языковедческого ряда (коммуникативную, текстовую, языковую); б) субкомпетенции литературоведческого ряда (читательскую, литературно-критическую, литературоведческую); в) субкомпетенции педагогического ряда (в преподавании языка или литературы) [3. С. 198]. Неотъемлемой частью подготовки экскурсовода является повышение уровня владения языком и речью, поэтому субкомпетенции языковедческого ряда являются

наиболее актуальными для формирования профессиональной языковой личности.

Лингвистическая компетенция включает аналитическое освоение основных теоретических концепций в области языкознания: ономастики, лексикологии, риторики, этнолингвистики, коммуникативистики, этимологии. Наибольший интерес для изучения с точки зрения экскурсионного дискурса представляет ономастика, которая включает названия горных объектов (оронимы), водных объектов (гидронимы), городов (астионимы), населенных мест (ойконимы), пещер (спелеонимы), в которых отразилось богатое этническое прошлое Крыма.

Онимы являются ономасиологическим признаком отонимных языковых единиц — относительных прилагательных и существительных, обозначающих отнесенность к определенной местности или определенному историческому периоду, поэтому студентам необходимы знания как самих онимов, так и их дериватов, например: *Среди лепных сосудов выделяются фрагменты т. н. «**кизил-кобинской**» керамики, изготовленной носителями **кизил-кобинской** археологической культуры, т. е. историческими таврами* (https://c-pravda.ru/news/2018-05-24/pri-raskopkakh-na-khersonese-nashli-keramiku-sdelannuyu-do-nashejj-ehry). Кизилкоба — пещера в Симферопольском районе, известная тем, что там была обнаружена археологическая культура бронзового века, названная по местонахождению *кизил-кобинской*. Название пещеры — спелеоним — имеет тюркское происхождение от *Къызыл Къоба*, что в переводе означает Красная пещера. Оним мотивирован красным цветом горным пород, образующих пещеру.

Характерной особенностью крымской топонимики, с которой столкнутся экскурсоводы, является дублетность онимов: первичный оним имеет тюркское или иное происхождение, вторичный — русская калька: *По одной из версий, его убили по дороге в **Солхат (Старый Крым)**, по другой — в **Кафе (Феодосии)*** (https://c-pravda.ru/news/2014-12-08/v-krymu-raskopali-drevnijj-kurgan-i-veroyatnuyu-mogilu-mamaya).

В связи с тем, что территорию Крыма в разные периоды населяли разные народы, они переименовывали онимы в соответствии со своими языковыми особенностями. В таких случаях дублетов может быть несколько: не-тюркский (караимский, генуэзский, скифский, армянский и т. д.) — тюркский (крымскотатарский) — русский: *В исторических хрониках того времени отмечены самые разнообразные произношения топонима Кырк-Ор, так: Керкри у Абульфеды, Крык-Йер в ярлыках крымских ханов, Киркель в польских хрониках, Керкиард у Барбаро, Керкер у Контарини, Киркеры в литовских грамотах, Крик'ер у караимского раввина и Киркир в русских летописях* (http://goloskrimanew.ru/etimologicheskie-metamorfozyi-istoricheskogo-toponima-kyirk-or-novyie-interpretatsii.html). Таким образом, экскурсовод должен знать все дублирующие номинации.

Языковая компетенция включает знания о специфике языковых единиц, о различных уровнях языковой системы, их семантике и средствах выражения.

По мнению С. С. Жабаевой, «в условиях межкультурной коммуникации языковая компетенция означает: правильный выбор языковых средств, адекватных ситуаций общения; верную референцию; соотнесение ментальных схем с практической действительностью; способность повторить однажды полученный опыт в аналогичных коммуникативных ситуациях» [6].

Коммуникативная компетенция включает усвоение сведений о функционировании языковых единиц в речевом общении, о средствах выражения различных языковых смыслов, о их роли в коммуникации и туристическом дискурсе. По И. Н. Тупицыной, коммуникативная личность — «одно из проявлений личности, обусловленное совокупностью ее индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью ее коммуникативной потребности, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией — умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающим адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации» [10. С. 39].

Вопросы самоидентификации личности профессионала в экскурсионном дискурсе рассмотрены У. А. Жарковой: «Основным отличием личностной экскурсионной коммуникации является ее двунаправленность — экскурсовод не только задает риторические или прямые вопросы, апеллируя к фоновым знаниям экскурсантов и их личному жизненному опыту, но и должен быть готов ответить на вопросы клиента, в том числе не имеющие отношения к предмету экскурсионного рассказа» [7. С. 84]. Она выделила несколько коммуникативных ролей экскурсовода: экскурсовод-рассказчик, экскурсовод-эрудит, экскурсовод-учитель, экскурсовод-проводник, экскурсовод-организатор,

экскурсовод-представитель туристической фирмы, экскурсовод-патриот, экскурсовод-шутник, которые являются инвариантом профессиональной модели.

С точки зрения речевой выразительности, экскурсовод должен владеть таким средством, как перифраза. Использование перифразы позволяет значительно разнообразить рассказ о туристических достопримечательностях. Степень употребительности перифраз отличается. Ряд перифраз хорошо знаком реципиентам и широко используется в коммуникации, например, *Симферополь — ворота Крыма*. В то же время встречаются перифразы, требующие исторического комментария, например, *большая тройка*. Эта перифраза используется в отношении участников Ялтинской конференции — Сталина, Черчилля и Рузвельта: *В Ливадии открыли памятник «Большой тройке»* (https://c-pravda.ru/news/2015-02-05/v-livadii-otkryli-pamyatnik-bolshojj-trojjke).

Этнокультурно-речевая компетенция. Исследователи отмечают, что формирование данной компетенции предопределяет отражение в речевом поведении культуры, традиций, морально-нравственных принципов того или иного этноса [12. С. 4]. Республика Крым является полиэтничным регионом, в связи с чем можно выделить следующие подтипы языковой личности (ЯЛ) [5]: ЯЛ экскурсовода, принадлежащего к русскому этносу; ЯЛ экскурсовода, не принадлежащего к русскому этносу.

С нашей точки зрения, необходимо также говорить о надэтнической и этнической языковой личности. Под этнической языковой личностью Р. В. Бухаева понимает «обобщенный образ носителя этнокультурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций, обладающий осознанием своей принадлежности к определенной социальной общности — этносу» [2. С. 224].

Понятие «надэтнической языковой личности» базируется на понятии «надэтнической идентичности». М. Е. Попов рассматривает надэтническую идентичность как тип макросоциальной идентичности, который выступает и как элемент субъективной реальности, структуры самосознания, и как элемент объективной реальности — надэтнической общности, создаваемой социальными и культурными отношениями [9]. Мы предлагаем под надэтнической языковой личностью понимать представителя социокультурного (гражданского, профессионального, конфессионального, регионального, политического) сообщества, реализующего свой языковой потенциал вне зависимости от этнической принадлежности. Таким образом, представители любого профессионального сообщества, в том числе экскурсионно-туристического, относятся нами к надэтническому типу языковой личности.

Чтобы рассказать о культуре народов Крыма туристу, экскурсоводу первого подтипа необходимо знание лингвокультурных особенностей других народов Крыма, в частности крымскотатарского, как наиболее многочисленного, а также караимов, крымчаков и т. д. В связи с тем, что крымские татары пережили депортацию, многие из них не владеют этнокультурными знаниями и родным языком в полном объеме, поэтому они также будут относиться к первому подтипу. Одной из задач становится расширение словарного запаса экскурсовода за счет региональной лексики, которая включает несколько тематических групп: национальные крымскотатарские названия жилищ, культовых зданий, одежды, обуви, ремесел, денежных единиц периода Крымского ханства, национального костюма, кухни, административных единиц, предметов обихода.

Приведем названия административных и религиозных должностей, актуальные для экскурсионно-туристического дискурса и характерные для Крыма: *калга-султан, мурза, муфтий, шейх-уль-ислам. Должность* ***калги-султана*** *была учреждена в последней четверти XV века ханом Менгли-Гераем I* (http://goloskrimanew.ru/territoriya-dvortsa-kalgi-sultana-nuzhdaetsya-v-novyih-issledovaniyah.html). *Калга-султан* — титул второго после хана лица в иерархии крымскотатарской знати из рода Гераев.

Крымским татарам, как и любой национальной общине, свойственно бережное отношение к традиционной национальной культуре. Предметы быта бережно сохраняются и передаются из поколения в поколение, как и знания об их названиях. В ситуации билингвизма этнографические сведения зачастую приводятся на газетных страницах и сопровождаются двуязычным переводом на крымскотатарский с русского или с крымскотатарского языка на русский. Однако необходимо отметить, что перевод безэквивалентной лексики приводит к утрате национальной специфики и поэтому нежелателен, на что обращают внимание крымскотатарские историки и филологи. Например, при описании экспонатов Бахчисарайского дворца-музея У. Боданинский использовал замену аутентичных

названий на их русские или украинские аналоги: *«мужской пояс «**учкур**» стал гашником, подарочное ритуальное полотенце «**едек-явлукъ**» — салфеткой, «**къуман**» — кувшином для воды и т. п.»* (http://goloskrimanew.ru/novyie-svedeniya-o-chashah-dlya-gadaniya-iz-fondov-bahchisarayskogo-muzeya-zapovednika.html).

Архитектурные сооружения крымских татар и караимов также самобытны и отражены в региолекте. Общеупотребительные названия входят в активный лексический запас и не требуют специального рассмотрения, в отличие от названий, входящих в пассивный запас, например, *кенаса* (молельный дом тюрков, исповедавших караимизм), *текие, джами, медресе, куртина* (часть крепостной стены), *башташ* (мусульманское надгробие): *Другие специалисты осветят историю караимской **кенасы** в Феодосии, роль караимов в городском самоуправлении, судьбу караимов в годы фашистской оккупации* (https://c-pravda.ru/news/2017-03-16/o-sokrovishhakh-karaimov-budut-govorit-na-konferencii-v-feodosii).

Поскольку Крым издавна населяли разные народы, помимо крымскотатарской лексики, необходимо изучать скифскую, греческую, караимскую лексику, которые отражают культуру данных народов и входят в пассивный запас русского языка, например: *«У обоих было оружие: к поясу и к ноге одного из погребённых был прикреплён акинак (короткий скифский меч), у второго — кинжал», — сообщила руководитель раскопок Ирина Рукавишникова* (https://c-pravda.ru/news/2017-04-13/arkheologi-raskopali-skifskijj-kurgan). Таким образом, преподаватель-филолог должен поставить цель — пополнять лексикон студента профиля «Экскурсионное дело», переводя пассивный лексический запас в активный.

Проведенный анализ позволяет установить, что для формирования сильной профессиональной языковой личности экскурсовода необходимы компетенции в рамках общей антропоцентрической парадигмы, составной частью которой является частная лингвориторическая парадигма. Экскурсовод является представителем профессионального экскурсионно-туристического сообщества и совмещает этническую языковую личность (как базовый компонент личности) и надэтническую языковую личность (как надстроечный социокультурный компонент), позволяющую ему осуществлять свою профессиональную деятельность вне зависимости от этнической принадлежности. Вместе с тем этнокультурный компонент занимает важное место в формировании профессиональной языковой культуры экскурсовода. Каждая из самоидентификаций экскурсовода предполагает уникальный отбор речевых стратегий и тактик, требующих дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Башиева, С. К. Специфика формирования языковой личности россиянина в поликультурном контексте / С. К. Башиева, З. Р. Дохова, М. Ч. Шогенова // Научная мысль Кавказа. — 2013. — № 4. — С. 90—92.

2. Бухаева, Р. В. Лингвокогнитивные особенности бурятской языковой личности [Электронный ресурс] / Р. В. Бухаева // Вестник ИрГТУ. — 2011. — № 5 (52). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokognitivnye-osobennosti-buryatskoy-yazykovoy-lichnosti (дата обращения 15.09.2018).

3. Ворожбитова, А. А. Интерпретативная культура языковой личности как инструмент изучения дискурсивных процессов: теория и методика формирования в лингвориторической парадигме / А. А. Ворожбитова // Вестник СГУТиКД. — 2012. — № 2 (20). — С. 197—200.

4. Ворожбитова, А. А. Лингвориторическая парадигма как концептуальная основа форума филологов в Сочи / А. А. Ворожбитова // Символ науки. — 2016. — № 1. — С. 82—84.

5. Ворожбитова, А. А. «Языковая личность россиянина» как классификационный тип: к постановке проблемы / А. А. Ворожбитова // Россия и славянский мир в контексте многополярности: Материалы VII Международной научной конференции, 6—9 августа 2010 г. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2010. — С. 46—52.

6. Жабаева, С. С. К вопросу об этнокультурной семантике языковых знаков [Электронный ресурс] / С. С. Жабаева. — URL: http://ksu.edu.kz/images/news/slider/2016/portfolio3/k_voprosu_ob_etnokul_turnoj_semantike_yazykovyh_znakov.pdf (дата обращения 14.09.2018).

7. Жаркова, У. А. Самоидентификация профессионального экскурсовода: мотивы и средства [Электронный ресурс] / У. А. Жаркова // Вестник ЧелГУ. — 2013. — № 37 (328). — URL: https://cyberleninka.

ru/article/n/samoidentifikatsiya-professionalnogo-ekskursovoda-motivy-i-sredstva (дата обращения 15.09.2018).

8. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Изд. 6-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 264 с.

9. Попов, М. Е. Антропология советскости (Философский анализ): дис. … канд. филос. наук / М. Е. Попов. — Ставрополь, 2004. — 200 с.

10. Тупицына, И. Н. Речевая коммуникация: личностно-когнитивное измерение (на материале английского и русского языков): дис. … докт. филол. наук / И. Н. Тупицына. — М., 2005. — 264 с.

11. Успенский, М. Б. Курс современного русского языка в педагогическом вузе: учеб. пособие / М. Б. Успенский. — М.; Воронеж: МПСИ: НПО «МОДЭК», 2004. — 192 с. — (Библиотека педагога-практика).

12. Bashieva, S. K. The Role of Etiquette Speech Expressions in Linguistic Personality Communicative Competences Formation (the Kabardino-Balkarian Republic Case Study) / S. K. Bashieva, Z. R. Dokhova, M. Ch. Shogenova // European Journal of Contemporary Education. — 2013. — Vol. (3), № 1. — Pp. 4—10.

13. Bezrokova, M. B. Specific Character of Linguistic Personality Development in Mono- and Poly-ethnic Environment (the Kabardino-Balkarian Republic Case Study) / M. B. Bezrokova // European Researcher. — 2013. — Vol. (46), № 4-2. — Pp. 852—857.

Сведения об авторе

Калугина Татьяна Васильевна — кандидат филологических наук (PhD), доцент кафедры русской филологии, РБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет». Симферополь, Россия. tvkalug@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 63—68.

THE FORMATION OF GUIDE'S STRONG LINGUISTIC PERSONALITY (ON THE MATERIAL OF THE REPUBLIC OF CRIMEA)

T.V. Kalugina
Crimean Ingeneering-Pedagogical University, Simferopol, Russia. tvkalug@mail.ru

The article deals with the competencies that are necessary for the successful implementation of the professional activities of the guide and the formation of a strong linguistic personality. The article introduces the concept of «supra-ethnic linguistic personality», which is understood as a representative of the socio-cultural (civil, professional, confessional, regional, political) community, realizing its linguistic potential regardless of ethnicity. The guide is a representative of the professional excursion and tourist community and combines the ethnic linguistic personality (as a basic component of the personality) and the supra-ethnic linguistic personality (as a superstructure socio-cultural component), allowing him to carry out his professional activities regardless of ethnicity.

Keywords: *linguistic personality, professional linguistic personality, ethnic linguistic personality, supra-ethnic linguistic personality, guide, competence.*

References

1. Bashiyeva S.K., Dokhova Z. R., Shogenova M. Ch. Spetsifika formirovaniya yazykovoy lichnosti rossiyanina v polikul'turnom kontekste [Specificity of the formation of the linguistic personality of a Russian citizen in a multicultural context. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific thought of Caucasus], 2013, no. 4, pp. 90—92. (In Russ.).

2. Bukhayeva R.V. Lingvokognitivnyye osobennosti buryatskoy yazykovoy lichnosti [Linguistic and Cognitive features of Buryat language personality]. *Vestnik IrGTU* [Bulletin of ISTU], 2011, no. 5 (52). Available at: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokognitivnye-osobennosti-buryatskoy-yazykovoy-lichnosti, accessed 15.09.2018. (In Russ.).

3. Vorozhbitova A.A. Interpretativnaya kul'tura yazykovoy lichnosti kak instrument izucheniya diskursivnykh protsessov: teoriya i metodika formirovaniya v lingvoritoricheskoy paradigme [Interpretative culture of a language personality as a tool for studying discursive processes: theory and methods of formation in linguisitically paradigm]. Vestnik SGUTiKD [Bulletin of SGUTiKD], 2012, no. 2 (20), pp. 197—200. (In Russ.).

4. Vorozhbitova A. A. Lingvoritoricheskaya paradigma kak kontseptual'naya osnova foruma filologov v Sochi [Linguaritorical paradigm as the conceptual basis of the forum of philologists in Sochi]. *Simvol nauki* [Symbol of science], 2016, no. 1, pp. 82—84. (In Russ.).

5. Vorozhbitova A.A. "Yazykovaya lichnost' rossiyanina" kak klassifikatsionnyy tip: k postanovke problemy [«Linguistic personality of a Russian citizen» as a classification type: statement of the problem]. *Rossiya i slavyanskiy mir v kontekste mnogopolyarnosti: Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 6—9 avgusta 2010 g. Slavyansk-na-Kubani: Izdatel'skiy tsentr SGPI* [Russia and the Slavic world in the context of multipolarity: Materials of VII International scientific conference, August 6—9, 2010 Slavyansk-on-Kuban: Publishing house of SSPU], 2010, pp. 46—52. (In Russ.).

6. Zhabayeva S.S. K voprosu ob etnokul'turnoy semantike yazykovykh znakov [To the question on ethnocultural semantics of linguistic signs]. Available at: http://ksu.edu.kz/images/news/slider/2016/portfolio3/k_voprosu_ob_etnokul_turnoj_semantike_yazykovyh_znakov.pdf, accessed 14.09.2018. (In Russ.).

7. Zharkova U. A. Samoidentifikatsiya professional'nogo ekskursovoda: motivy i sredstva [Identity is a professional tour guide: reasons and remedies]. *Vestnik ChelGU* [Bulletin of CSU], 2013, no. 37 (328). Available at: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samoidentifikatsiya-professionalnogo-ekskursovoda-motivy-i-sredstva, accessed 15.09.2018. (In Russ.).

8. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and language personality]. Ed. 6. Moscow, Publishing house LKI, 2007. 264 p. (In Russ.).

9. Popov M. E. Antropologiya sovetskosti (Filosofskiy analiz) [Anthropology of Soviet (Philosophical analysis)]. Stavropol', 2004, 200 p. (In Russ.).

10. Tupitsyna I. N. Rechevaya kommunikatsiya: lichnostno-kognitivnoye izmereniye (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) [Speech communication: personal-cognitive dimension (by the material of English and Russian languages]. Moscow, 2005, 264 p. (In Russ.).

11. Uspenskiy M. B. Kurs sovremennogo russkogo yazyka v pedagogicheskom vuze: ucheb. posobiye [Course of modern Russian language in pedagogical University]. Moscow, Voronezh: MPSI: NPO «MOD·EK», 2004, 192 p. (In Russ.).

12. Bashieva S.K., Dokhova Z. R., Shogenova M. Ch. The Role of Etiquette Speech Expressions in Linguistic Personality Communicative Competences Formation (the Kabardino-Balkarian Republic Case Study). *European Journal of Contemporary Education*. 2013, vol. (3), no. 1, pp. 4—10. (In Russ.).

13. Bezrokova M. B. Specific Character of Linguistic Personality Development in Mono- and Poly-ethnic Environment (the Kabardino-Balkarian Republic Case Study). *European Researcher*. 2013, vol. (46), no. 4-2. pp. 852—857. (In Russ.).

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 69—75.

УДК 81-11
ББК 81

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10110

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ СПОСОБНОСТЕЙ К ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Е. М. Каргина
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

В статье представлен ретроспективный анализ проблемы оценки способностей к иностранному языку. Обозначены мотивы и предпосылки возникновения интереса к рассматриваемой проблеме. Приводятся исходные способы прогностирования успеваемости по иностранному языку. Анализируются классификации факторов, входящих в понятие способности к иностранным языкам, и эволюция системы тестов для определения лингвистических способностей.

Ключевые слова: *иностранный язык, оценка способности, языковое прогностирование, ретроспективный анализ, классификация факторов, система тестов.*

Проблема оценки способностей к иностранному языку находит отражение в работах как отечественных (Е. И. Бейдер [1], О. И. Бондаревская [2], Ю. А. Веденяпин [3], М. М. Гохлернер [4], М. К. Кабардов [5], И. Е. Лукашенко [6], С. С. Пашковская [7], Ж. В. Перепелкина [8] и др.), так и зарубежных исследователей (Дж. Алдерсон [9], Р. Гарднер [12], У. Каулферс [15], К. Купер [11], Дж. Кэррол [10], П. Пимслер [16], Р. Саймондс [18], Е. Саломон [17], Ф. Д. Хардинг [13], В. Хенмон [14] и др.).

Обозначенная проблема является исторически обусловленной. Интерес к оценке способностей к иностранному языку впервые возник в 30-е гг. XX в., что было вызвано публикацией работы В. Хенмона (1930) [14], в которой он представил обобщение всего, что было сделано за предыдущий период, и привел ряд тестов по оценке языковых способностей.

В период Второй мировой войны проблема оценки языковых способностей приобрела особую актуальность, поскольку армии был нужен кадровый потенциал, имеющий способность к максимально быстрому изучению иностранных языков. Для курсов по интенсивному изучению языка в армии набирали определенное число слушателей, и отсев по каким-либо причинам, в том числе по причине неуспеваемости, был крайне нежелателен. В целях минимизации отрицательных результатов использовался как накопленный опыт, так и были разработаны новые модели. Однако, несмотря на все приложенные усилия, в 1954 г. Е. Саломон писал, что проблема находится в зачаточном состоянии, и много еще предстоит сделать [17. С. 47].

Исследование проблемы оценки способностей к иностранному языку продолжалось и в последующие годы, свидетельством чему являются работы Дж. Кэррола [10], К. Купера [11], Р. Гарднера, У. Ламберта [12] и др.

По мнению Р. Саймондс [18. С. 73], при выборе необязательных предметов обучающийся должен получить квалифицированный совет: обучающихся следует поощрять в тех случаях, когда можно ожидать от них положительных результатов, и наоборот, их следует останавливать от выбора того или иного предмета, если можно ожидать провала. В. Хенмон полагал, что отбор обучающихся для подготовки в той или иной области, т. е. определение их индивидуальных умственных способностей, так же важен, как и обеспечение их квалифицированным обучением [14. С. 116]. Представляется, однако, что причина возникновения исследуемой проблемы состояла в низко результативной методике преподавания иностранных языков, что обусловило стремление разработки новых методологических подходов.

Один из вопросов, возникших в связи с обсуждаемой проблемой, связан со структурой человеческого интеллекта, который может быть представлен как в виде единого целого, так и в виде совокупности определенных способностей. В первом случае постулируется, что эффективность обучения иностранному языку обусловлена общим интеллектуальным развитием личности, а во втором — исключительно лингвистическими способностями. Большинство психологов были склонны придерживаться второй точки зрения. Так, Дж. Кэррол полагал, что для активного овладения иностранным языком требуются особые способности и что

очень немногие обладают ими в достаточной степени, чтобы изучать язык в специальных языковых учебных заведениях, где курс чрезвычайно интенсивен [10. С. 101].

Исследуя возникшую дилемму, В. Хенмон установил зависимость эффективности обучения иностранному языку в равной степени как от уровня интеллектуального развития в целом, так и от лингвистической «одаренности».

Данный факт подтверждается ответами преподавателей на следующий вопрос: «Встречались ли Вам случаи, когда низкие языковые способности не сочетались бы с низким умственным развитием?» Из 672 преподавателей 455 ответили утвердительно [14. С. 191]. Отдельные психологи считали, что высокая успеваемость по родному языку является надежной гарантией успеха в изучении иностранного языка.

Таким образом, в 20-е гг. XX в. определились три способа прогностирования успеваемости по иностранному языку:

1. Оценки по родному языку.
2. Тесты по определению общего развития.
3. Специальные языковые тесты.

Согласно исследованиям В. Хенмона, оценки по родному языку не являются надежным средством прогностирования. Основанием для подобного заключения послужили подсчеты ученого: корреляция при данном способе — 0,50, а в результате применения тестов (которые были еще достаточно несовершенны в то время) — 0,60—0,65 [14. С. 211]. Следует отметить, что, хотя способ оценки по родному языку был признан необоснованным, один из составителей тестов П. Пимслер [16. С. 17] учитывает данный критерий.

С тестами по определению общего развития (intelligence tests) произошло то же самое — как прием прогностирования их отвергли. Однако П. Пимслер учитывает также и оценку по математике [16. С. 19], т. е. считает общее умственное развитие существенным условием при изучении языка.

Самыми обоснованными и самыми надежными для оценки способностей к иностранному языку были признаны специальные языковые тесты, что послужило толчком для дальнейшей работы по составлению подобных контрольно-измерительных материалов.

Изначально при разработке тестов применялся метод проб и ошибок. Составлялись тесты, которые якобы оценивают способности к языку, и предлагались большой группе обучающихся до того, как они начинали изучать язык. В конце учебного года тем же обучающимся предлагали тесты по оценке полученных знаний, сравнивали результаты первых и вторых и отбирали тесты с наивысшей корреляцией.

В дальнейшем возникла необходимость определения понятия способности к языку, дифференциации умственных особенностей для эффективного изучения иностранного языка, создания тестов для выявления подобных особенностей. Таким образом, разработка тестов становилась методологически более правильной.

В качестве решающих при изучении языка в психолого-педагогической литературе (Дж. Кэррол, С. С. Пашковская) приводятся следующие факторы:

Фактор А. Знание родного языка, владение словарным запасом и грамматическими конструкциями родного языка.

Фактор В. Лингвистические склонности. Данный фактор связан с мотивацией и интересом к изучению языка.

Фактор С. Ассоциативная память.

Фактор D. Способность устанавливать связь между звуком, и его изображением.

Фактор Е. Способность выводить правила из языкового материала.

Фактор F. Способность воспринимать и дифференцировать грамматические явления, умение пользоваться аналогией [7; 10].

В целях определения эффективности вышеназванных факторов Дж. Кэрролом была разработана система из 30 тестов, которую автор использовал сам и которые в дальнейшем включали в свои эксперименты многие психологи.

Рассмотрим более подробно 16 тестов, которые оказались наиболее надежными.

1—2—3. Усвоение так называемого «языка тем-тем». Первые три теста преследуют цель проверить способность обучающегося усвоить искусственный «язык тем-тем», специально созданный для этой цели. Изучение так называемого «языка тем-тем» делится на три этапа, причем каждый этап включает стадию обучения, т. е. урок, и стадию тестирования. Для выполнения всех трех этапов требуется 26 минут. Материал активизируется аудиовизуально. Английский язык, т. е. родной язык обучающихся, используется только для отдельных указаний, в основном в начале теста. Обучающимся сообщают, что они должны усвоить новый, незнакомый для них язык, на котором говорят некоторые племена североамериканских индейцев, Необходимо внимательно прислушивались к словам и предложениям на этом языке и при

помощи соответствующих изображений определить, в чем различие между ними. На экране появляется изображение, и преподаватель произносит соответствующее слово или предложение. Изображение остается на экране в течение 1,5 минут, и обучающиеся повторяют вслух за преподавателем то, что он произносит. Первый урок предусматривает усвоение 7 существительных в единственном, двойственном и множественном числе. На втором уроке повторяется уже усвоенный материал, и добавляются два прилагательных: зеленый и красный. Третий урок повторяет материал двух предшествующих уроков и вводит два глагола и косвенный падеж существительных. Это дает возможность составлять простые предложения с подлежащим, сказуемым и дополнением при свободном порядке слов. После введения материала на каждом этапе дается тест. У каждого испытуемого имеется книжечка с рисунками; задача заключается в том, чтобы указать правильно, какому изображению соответствует слово, сочетание слов или предложение, которые произносит преподаватель.

4—5. Задача этих тестов — определить, владеет ли испытуемый орфографией родного языка. В первом из них испытуемому предлагается определить, какое из трех написаний слова является правильным (45 слов; 4 минуты). В другом даны слова с переставленными буквами; задача заключается в том, чтобы написать слово правильно; для каждой группы слов указана соответствующая категория: «птицы», «мебель», и т. д. (быстрый темп: 42 слова: 4 минуты).

6. Умение устанавливать связь между звуком и его буквенным изображением. Испытуемому предлагается дать написание слова, представленного в сокращенной форме так, как оно произносится; например, испытуемый видит tox, а должен написать talks (60 слов; 5 минут).

7. Знание смыслового значения слов в родном языке. Испытуемый выбирает из 5 слов то слово, которое по смыслу совпадает со звуковым образом слова, представленного буквами. (50 слов; 8 минут).

8. Рифмование. Испытуемый должен дать как можно больше рифмующихся слов к каждому из 4 слов типа low, case, speak, lose (1 минута на слово.)

9. Комплексный словарный тест (Cooperative vocabulary test). Тест проверяет знание лексики и построен по принципу выбора одного слова из нескольких данных.

10. Заучивание числительных на искусственном языке. При помощи аудиозаписи испытуемый должен заучить простую систему числительных. Каждое числительное соответствует слогу, лишенному смысла. Затем он должен написать арабскими цифрами двух- и трехзначные числительные, которые произносятся в искусственном варианте.

11. Определение функций слов и словосочетаний в предложении по аналогии. Каждый пункт состоит из «ключевого предложения», в котором выделено крупным шрифтом слово или словосочетание. За этим предложением следует одно-два других предложения, в которых слова или сочетания слов занумерованы. Испытуемый должен указать слово, которое выполняет ту же функцию, что и выделенное слово в «ключевом предложении». (30 предложений; 16 минут).

12. Узнавание фонетического слога. Произносится слог, после чего испытуемый должен распознать, какой из 4 последующих произнесенных слогов соответствует первому.

13. Запоминание иностранных слов, снабженных переводом на родной язык (так называемые парные ассоциаты). Испытуемому предлагается в течение 2 минут заучить список, состоящий из 24 турецких слов, которые даны с английскими эквивалентами. В течение последующих двух минут он повторяет английские значения, а затем в течение 4 минут должен по памяти выполнить тест, который заключается в выборе одного из нескольких возможных вариантов, соответствующих данным словам.

14. Усвоение звукобуквенных связей. При помощи аудиозаписи (продолжительность 15 минут) и печатных материалов испытуемый должен выучить 7 звуков (4 согласных и 3 гласных) и соответствующие обозначения, используемые в санскрите и других индийских языках. Тест состоит из 24 пунктов. Испытуемый должен указать, какое из двух трехсложных слов на данном языке звучит на записи.

15. Усвоение искусственного языка (иердашеб) грамматико-переводным методом. Тест воспроизводит в миниатюре ситуацию, характерную для изучения иностранного языка грамматико-переводным методом. Грамматический материал вводится при помощи аудиозаписи. Испытуемый одновременно следит за материалом по разработке. Затем он должен указать, насколько правильно сделан перевод с английского на искусственный язык и с искусственного языка на английский (38 минут; 26 единиц).

16. Усвоение фонетической транскрипции. Испытуемый должен выучить обозначения английских

фонем следующим образом: на аудиозаписи записан ряд лишенных конкретного смысла слогов, фонетически изображенных в печатном материале, по которому испытуемый следит за звуками. После каждых 5 единиц испытуемый получает тест. Затем следует тест, состоящий из 30 единиц. Испытуемый должен указать, какой из четырех фонетически изображенных слогов звучит на записи. Все фонемы, включенные в тест, английские и не содержат тонких фонетических отличий (60 пунктов; 15 минут).

Помимо описанных тестов, учитываются оценки, выставленные преподавателем за период недельного испытательного курса, в данном случае по китайскому языку. Оценки выводятся по результатам тестов и ежедневных проверочных работ.

Как уже отмечалось, все эти тесты Дж. Кэррол составил направленно, с тем, чтобы оценить конкретные умственные особенности, необходимые для изучения иностранного языка. Ниже указывается, какие из описанных тестов соответствуют каждому из факторов:

Фактор A. Знание родного языка — владение словарным запасом и грамматическими конструкциями родного языка [7; 10]: тесты 6, 9, 8, 4, 5, 13.

Фактор B. Лингвистические склонности [7; 10]: тесты 6, 13, 5, 16, 4 и оценка.

Фактор C. Ассоциативная память [7; 10]: тесты 13, 10, оценка, 12, 15.

Фактор D. Способность устанавливать связь между звуком и его изображением [7; 10]: тесты 8, 16, 6, 5, 1, 14.

Фактор E. Способность выводить правила из языкового материала [7; 10]: тесты 2, 3, 1 и оценка.

Фактор F. Способность воспринимать и дифференцировать грамматические явления, умение пользоваться аналогией [7; 10]: тесты 11, 15, 4, 3.

Некоторые тесты оценивают сразу два или более фактора, например, тест 6 — орфографическое изображение фонетически заданных слов — проверяет факторы A, B, D.

Данные факторы и соответствующие им тесты, позволяющие определить уровень лингвистических способностей, могут быть систематизированы в 4 укрупненные блока:

Блок 1. Фонетические способности, включающие в себя умение дифференцировать и воссоздавать звуковой материал.

Блок 2. Грамматические способности, основанные на умении дифференциации функций единиц языка в различных контекстах.

Блок 3. Мнемонические способности, подразумевающие умения механического запоминания иноязычного материала.

Блок 4. Способность самостоятельного ориентирования в новом языковом материале.

Исследования В. Хенмона [14], Е. Саломона [17] и др. подтверждают эффективность метода прогностирования на основе предварительного испытательного курса, который может продолжаться от двух до четырех недель. По мнению Ф. Д. Хардинга оценка лингвистических способностей на основе курсовых отметок обладает большей валидностью, чем система тестирования [13. С. 121]. Было установлено, что этот метод сократил отсев с 50 % до 12 %.

Однако полный отказ от тестовой системы был неоправдан с точки зрения минимальных затрат времени, материальных средств, возможности одновременного тестирования значительного числа обучающихся. Некоторые психологи предприняли попытки сократить количество тестов — отобрать самые обоснованные.

Учитывая эффективность тестирования для определения языковых способностей, рядом лингвистов, педагогов, психологов признается также и роль мотивации в успешности процесса обучения иностранному языку. Так, В. Хенмон [14] и Р. Саймондс [18] отмечали, что недостаточная заинтересованность не позволит даже «языковым» обучающимся добиться положительных результатов.

В работах У. Каулферса [15. С. 44] подчеркивалась нецелесообразность отчисления обучающихся на основе низких результатов тестирования на способность к иностранному языку, что приводило к отсеву 30—40 %. По мнению исследователя, необходимо построить преподавание таким образом, чтобы оно удовлетворяло среднего по способностям обучающегося. Тот факт, писал он, что поступающие в языковые группы подвергаются такому тщательному отбору, свидетельствует о том, что преподавание не соответствует их возможностям, интересам и способностям. Проблема, таким образом, заключается не в том, чтобы подобрать обучающихся для языкового курса, а в том, чтобы этот курс сделать доступным для обучающихся. Определение языковых способностей на основе тестирования не будет результативным без изменения методики преподавания.

Принимая во внимание отмеченные особенности, лингвистические способности целесообразно трактовать следующим образом: качество личности обучающегося, позволяющее ему за минимальный

промежуток времени при максимальном уровне готовности и высоком качестве преподавания добиться достаточной результативности в процессе изучения иностранного языка. Важным параметром в представленном определении является минимизация затрат времени, требуемого для обучения. В случае неограниченности времени, освоение иностранного языка становится возможным для каждого человека. На основании последнего заключения можно сделать вывод о том, что отбор обучающихся с учетом определения языковых способностей становится необходимым в случаях ограниченности времени, отводимого на обучение. Подобный отбор не должен касаться обучающихся средних школ и студентов неязыковых учебных заведений.

Таким образом, проведя ретроспективный анализ проблемы оценки способностей к иностранному языку, можно сделать следующие выводы:

1. Необходимость определения языковых способностей впервые была признана в 20-е годы XX века, что обусловлено объективными причинами.

2. В качестве способов прогностирования успеваемости по иностранному языку первоначально были определены: оценки по родному языку; тесты по определению общего развития; специальные языковые тесты.

3. Значимым психолингвистическим аспектом является разработка классификации факторов, входящих в понятие способности к иностранным языкам, и эволюция системы тестов для определения лингвистических способностей на более совершенной методологической основе, в частности, в контексте пробного курса обучения квази-иностранным языкам.

Список литературы

1. Бейдер, Е. И. К вопросу об измерении чувства языка и его развитии в процессе обучения неродному языку / Е. И. Бейдер, М. М. Гохлернер, А. И. Дородных // Иностранные языки в высшей школе. — 1974. — № 8. — С. 96—105

2. Бондаревская, О. И. Психологическое изучение способностей к иностранному языку: дис. … канд. психол. наук / О. И. Бондаревская. — Москва, 1998. — 139 с.

3. Веденяпин, Ю. А. Тесты на определение способности к усвоению иностранных языков / Ю. А. Веденяпин / Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. — М.: МГПИИЯ, 1970. — № 52. — С. 171—178.

4. Гохлернер, М. М. О выявлении и развитии лингвистической способности при обучении иностранному языку / М. М. Гохлернер, Г. В. Ейгер // Вопросы психолингвистики и преподавание русского языка как иностранного. — М: МГУ, 1971. — 282 с.

5. Кабардов, М. К. Коммуникативные и когнитивные составляющие языковых способностей (индивидуально-типологический подход): дис. … д-ра психол. наук / М. К. Кабардов. — Москва, 2001. — 354 с.

6. Лукашенко, И. Е. К вопросу о лингвистических способностях и способах их выявления // Обучение иностранным языкам в высшей школе / И. Е. Лукашенко. — М.: Высш. шк., 1969. — С. 52—63.

7. Пашковская, С. С. Дифференцирующая модель обучения русскому произношению: дис. … д-ра пед. наук / С. С. Пашковская. — Москва, 2010. — 620 с.

8. Перепелкина, Ж. В. Формирование готовности будущего специалиста к использованию иностранного языка в профессиональной деятельности: дис. … д-ра пед. наук / Ж. В. Перепелкина. — Калуга, 2001. — 367 с.

9. Alderson, J. C. Language Test Construction and Evaluation / J. C. Alderson, C. M. Clapham, D. Wall. — Cambridge University Press, 1995. — 310 p.

10. Carrol, J. B. The Prediction of Success in Intensive Foreign Language Training / J. B. Carrol // Training Research and Education. — Pittsburg University Press, 1962. — pp. 87—136.

11. Cooper, K. J. Some Relationships between Paired-Associates Learning and Foreign Language Aptitude / K. J. Cooper // Journal of Educational Psychology. — 1964. — Vol. 55. — № 3. — pp. 132—139.

12. Gardner, R. C. Language Aptitude, Intelligence and Second Language Achievement / R. C. Gardner, W. E. Lambert // Journal of Educational Psychology. — 1965. — Vol. 56. — № 4. — pp. 191—199.

13. Harding, F. D. Tests as Selectors of Language Students / F. D. Harding // The Modern Language Journal. — 1958. — Vol. 42. — № 3. — pp. 120—122.

14. Henmon, V. A. C. Achievement Tests in the Modern Foreign Languages / V. A. C. Henmon. — New York: MacMillan, 1930. — 363 p.

15. Kaulfers, W. V. The intelligence factor in foreign-language achievement / W. V. Kaulfers // The school review. — 1931. — Vol. 39. — № 1. — pp. 42—48.

16. Pimsleur, P. Foreign Language Learning Ability / P. Pimsleur, R. P. Stockwell, A. L. Comrey // Journal of Educational Psychology. — 1962. — Vol. 53. — № 1. — pp. 15—26.

17. Salomon, E. A. A Generation of Prognosis Testing / E. A. Salomon // The Modern Language Journal. — 1957. — Vol. 38. — № 6. — pp. 45—56.

18. Symonds, P. M. A Modern Foreign Language Prognosis Tests / P. M. Symonds // Prognosis Tests in the Modern Foreign Languages, New York: MacMillan, 1929. — 219 p.

Сведения об авторе

Каргина Елена Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», Пенза, Россия. kargina-elena@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 69—75.

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE PROBLEM OF ASSESSMENT OF FOREIGN LANGUAGE ABILITIES

E.M. Kargina
Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia. kargina-elena@mail.ru

The article presents a retrospective analysis of the problem of the assessment of foreign language abilities. Motives and prerequisites for interest in the considered problem are specified. Grades in the native language, tests to determine the general development, special language tests are singled out as initial ways for prognostication of progress in a foreign language. Classifications of factors included in the concept of foreign language ability are considered, in particular: phonetic coding, learning of grammatical phenomena, mechanical memorization of material in a foreign language, independent orientation in new language material. Evolution of test system to determine linguistic abilities is analyzed. It is appropriate to define language ability according to the time required for a student to achieve certain results with maximum dedication and quality training. Need for students' selection based on language abilities is contingent only on limited time for training.

Keywords: *foreign language, ability assessment, language prognostication, retrospective analysis, factors classification, test system.*

References

1. Bejder E.I., Gohlerner M.M., Dorodnyh, A.I. K voprosu ob izmerenii chuvstva yazyka i ego razvitii v processe obucheniya nerodnomu yazyku [To the question of language feeling measurement and its development in the course of teaching a non-native language]. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign languages at the higher school], 1974, no. 8, pp. 96—105. (In Russ.).

2. Bondarevskaya O.I. *Psihologicheskoe izuchenie sposobnostej k inostrannomu yazyku: dis. ... kand. psihol. nauk* [Psychological studying of abilities to a foreign language. Thesis]. Moscow, 1998. 139 p. (In Russ.).

3. Vedenyapin Y.A. Testy na opredelenie sposobnosti k usvoeniyu inostrannyh yazykov [Tests to determine the ability to learn foreign languages] *Uchenye zapiski MGPIIYA im. M. Toreza* [Scientific notes of MGPIIYA of M. Thorez], 1970. no. 52, pp. 171—178. (In Russ.).

4. Gohlerner M.M., Ejger G. V. O vyyavlenii i razvitii lingvisticheskoj sposobnosti pri obuchenii inostrannomu yazyku [About the identification and development of linguistic ability in teaching a foreign language]. *Voprosy psiholingvistiki i prepodavanie russkogo yazyka kak inostrannogo* [Questions of psycholinguistics and teaching Russian as a foreign language]. Moscow, MGU, 1971. 282 p. (In Russ.).

5. Kabardov M.K. *Kommunikativnye i kognitivnye sostavlyayushchie yazykovyh sposobnostej (individual'no-tipologicheskij podhod): dis. ... d-ra psihol. nauk* [Communicative and cognitive components of language abilities (individual-typological approach). Thesis]. Moscow, 2001. 354 p. (In Russ.).

6. Lukashenko I.E. K voprosu o lingvisticheskih sposobnostyah i sposobah ih vyyavleniya [To the question of linguistic abilities and ways of their identification]. *Obuchenie inostrannym yazykam v vysshej shkole* [Teaching foreign languages at the higher school] Moscow, Higher school, 1969. pp. 52—63. (In Russ.).

7. Pashkovskaya S.S. *Differenciruyushchaya model' obucheniya russkomu proiznosheniyu: dis. ... d-ra ped. nauk* [Differentiating model of teaching russian pronunciation. Thesis]. — Moscow, 2010. 620 p. (In Russ.).

8. Perepelkina Z.V. *Formirovanie gotovnosti budushchego specialista k ispol'zovaniyu inostrannogo yazyka v professional'noj deyatel'nosti: dis. ... d-ra ped. nauk* [Formation of the future specialist's readiness to use a foreign language in professional activities. Thesis]. — Kaluga, 2001. 367 p. (In Russ.).

9. Alderson J.C., Clapham C.M., Wall D. *Language Test Construction and Evaluation.* Cambridge University Press, 1995. 310 p.

10. Carrol J.B. The Prediction of Success in Intensive Foreign Language Training. *Training Research and Education.* Pittsburg University Press, 1962, pp. 87—136.

11. Cooper K.J. Some Relationships between Paired-Associates Learning and Foreign Language Aptitude. *Journal of Educational Psychology*, 1964, Vol. 55, no. 3, pp. 132—139.

12. Gardner R.C., Lambert W.E. Language Aptitude, Intelligence and Second Language Achievement. *Journal of Educational Psychology,* 1965, Vol. 56, no. 4, pp. 191—199.

13. Harding F.D. Tests as Selectors of Language Students. *The Modern Language Journal*, 1958, Vol. 42, no. 3, pp. 120—122.

14. Henmon V.A.C. *Achievement Tests in the Modern Foreign Languages.* New York, MacMillan, 1930. 363 p.

15. Kaulfers W.V. The intelligence factor in foreign-language achievement. *The school review,* 1931, Vol. 39, no. 1, pp. 42—48.

16. Pimsleur P., Stockwell R.P., Comrey A.L. Foreign Language Learning Ability. *Journal of Educational Psychology*, 1962, Vol. 53, no. 1, pp. 15—26.

17. Salomon E.A. A Generation of Prognosis Testing. *The Modern Language Journal,* 1957, Vol. 38, no. 6, pp. 45—56.

18. Symonds P.M. A Modern Foreign Language Prognosis Tests. *Prognosis Tests in the Modern Foreign Languages.* New York, MacMillan, 1929. 219 p.

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 76—80.

УДК 811 **DOI 10.24411/1994-2796-2019-10111**
ББК 81.2

СОПОСТАВЛЕНИЕ КАК ВЕДУЩИЙ МЕТОД ПРИ СОЗДАНИИ ПЕРВЫХ ГРАММАТИК (НА ПРИМЕРЕ ГРАММАТИКИ МА ЦЗЯНЬЧЖУНА)

Л. В. Кирюхина
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Рассматриваются принципы, лежащие в основе создания китайской грамматики 《马氏文通》 *Ма ши вэнь ту*н. На основе соположения категорий европейского и классического китайского языкознания, определяется роль указанных лингвистических традиций в разработке первого в Китае исследования грамматической системы китайского языка, выполненного Ма Цзяньчжуном. Раскрывается важность сопоставления для создания грамматических описаний.

Ключевые слова: *грамматика, китайский язык, сопоставление, грамматический канон, Ма Цзяньчжун.*

Представляя собой один из приёмов познания действительности, сопоставление, или сравнение, играет важную роль в жизни человека. Познание опирается на опыт [5. С. 349], всё новое человек сравнивает с уже знакомыми ему явлениями и вещами. В научной деятельности сопоставление как метод исследования применяется достаточно широко, обладая определённой спецификой в различных областях науки. В лингвистике сопоставительные исследования представлены в таких направлениях, как сравнительно-историческое языкознание, лингвистическая типология, системное языкознание, сопоставительное языкознание, контрастивная лингвистика и др. [7].

В данной статье речь пойдёт о роли сопоставительного анализа при грамматическом описании языков, которые ранее ещё не были изучены. В качестве объекта исследования выступает 《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун* («Грамматика письменного языка, написанная Ма») — первая грамматика китайского языка, которая была написана китайским автором Ма Цзяньчжуном 马建忠 (1845—1900) на материале письменного языка (вэньяня). Обращение к указанной работе связано с необходимостью разработки как историографического, так и эпистемологического аспекта изучения истории китайского языкознания.

В китайском языкознании, имеющем довольно длительную историю, грамматика — дисциплина молодая. Появление грамматики как отдельной дисциплины принято связывать с трудом Ма Цзяньчжуна 《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун*: именно эта работа знаменует переход от «дограмматических» исследований традиционного китайского языкознания к «собственно грамматическим» исследованиям современного языкознания. В традиционный период развития китайской языковедческой науки исследования грамматических особенностей китайского языка носили разрозненный характер и представляли собой некоторые заметки относительно специфики употребления отдельных слов, выполненные в целях толкования древних канонических сочинений, а с 1324 г. (после выхода 《语助》 *Юй чжу* Лу Ивэя 卢以纬) начинают создаваться монографии, посвящённые исключительно особенностям употребления служебных слов, — специальные словари. Каких-либо системных грамматических исследований китайского языка в данный период не проводилось. Лишь в 1898 г. была издана первая работа, в которой было изложено целостное описание грамматической системы китайского языка — грамматика Ма Цзяньчжуна.

В. Г. Гак отмечает, что вообще все грамматики писались на фоне сравнения: в грамматике Панини присутствует сопоставление санскрита с пракритами, в первых грамматиках европейских языков — сопоставление с грамматиками греческого языка или латинского, грамматики «экзотических» (т. е. неевропейских) языков составлялись по привычной схеме грамматик родного или другого известного автору языка [2. С. 5].

Рассмотрим, как сопоставление применялось в 《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун*. Так как Ма Цзяньчжун обучался во Франции, нам кажется правильным искать соответствия положений его теории с грамматическими воззрениями французских учёных, поскольку у него была возможность хорошо изучить их труды.

Как уже было отмечено, до 《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун* в Китае не производилось ком-

плексных грамматических исследований. В Европе, напротив, существовал сложившийся канон грамматического описания. Китайцу Ма Цзяньчжуну, знавшему иностранные языки и получившему западное образование, пришлось обратиться к европейской традиции, чтобы изложить грамматику китайского языка. Автор предлагает: 1) систему частей речи, 2) систему падежей, 3) систему членов предложения.

Система частей речи предполагает деление всего лексического состава китайского языка (всех 字 *слов*) на 实字 *знаменательные, или полные, слова* и 虚字 *служебные, или пустые, слова*. 实字 *полные слова* делятся на: 1) 名字 *существительные*, 2) 代字 *местословия*, 3) 动字 *глаголы*, 4) 静字 *прилагательные*, 5) 状字 *наречия*; 虚字 *пустые слова* делятся на: 1) 介字 *предлоги*, 2) 连字 *союзы*, 3) 助字 *вспомогательные слова*, 4) 叹字 *междометия*.

Что касается 实字 *полных* и 虚字 *пустых слов*, Ма Цзяньчжун воспользовался классификацией китайских филологов, известной ещё с эпохи Сун 宋 (960—1279). Однако в то время за данными терминами не были закреплены значения «знаменательных» и «служебных слов». В первой главе 《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун* автор пишет, что в работах китайских языковедов нет единства относительно того, что такое 实字 *полные слова* и что такое 虚字 *пустые слова*, и это представляет определённые сложности для читателей [10. С. 13—14]. Он даёт им определения: к полным словам относятся слова, значение которых можно объяснить, а к пустым — те, значение которых невозможно объяснить и которые служат лишь для того, чтобы обозначать связи между полными словами [10. С. 13]. На современном этапе развития лингвистической науки эти термины употребляются в том же значении, что и у Ма Цзяньчжуна, с той лишь разницей, что «слова» обозначаются теперь как «词» (соответственно, знаменательные слова — 实词, служебные слова — 虚词).

Дальнейшая классификация 实字 *полных* и 虚字 *пустых слов* в целом соотносится с европейской частеречной классификацией, однако Ма Цзяньчжуном добавлена такая часть речи, как 助字 *вспомогательные слова*, отсутствующая в европейских языках; отсутствующий же в китайском языке артикль не рассматривается. К вспомогательным словам были отнесены конечные частицы. Они разделены на: 1) 传信助字 *утвердительные* и 2) 传疑助字 *вопросительные*. До Ма Цзяньчжуна китайские исследователи много рассуждали о вспомогательных словах, предлагали для них разные термины. В основном в этих вариантах для наименования вспомогательных слов был знак 助 *помогать*, поскольку эти слова «помогают» показывать связи между знаменательными словами [3. С. 92]. Кроме того, например, китайских писатель Лю Цзунъюань 柳宗元 (773—819) отмечал, что служебные слова могут быть: 1) 决辞 *утвердительные* и 2) 疑辞 *вопросительные* [11. С. 37]. Очевидно, что категория вспомогательных слов была выделена Ма Цзяньчжуном с учётом достижений китайских филологов.

Кроме того, необходимо отметить, что также со времён династии Сун 宋 в традиционной китайской филологии известно противопоставление 动字 *«подвижных слов»* и 静字 *«статичных слов»*, однако к 静字 *«статичным словам»* тогда относили не только прилагательные, как в 《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун*, но и существительные. Ма Цзяньчжун воспользовался этими терминами при разработке своей грамматической теории.

Говоря о 名字 *существительных*, Ма Цзяньчжун выделяет: 1) 本名 *собственные*, 2) 公名 *нарицательные*. Это соотносится с европейской грамматической традицией. В «Грамматике Пор-Рояля» (1660) А. Арно и К. Лансло, например, также указывается, что имена бывают собственными и нарицательными [1. С. 97—99].

Особого внимания заслуживает категория падежа. Падеж — обязательная категория греко-латинского грамматического канона. Данной категории уделялась значительная часть грамматик даже тех языков, где падежное словоизменение отсутствовало, например, грамматик испанских языков [4. С. 12—13]. В европейских грамматиках падеж рассматривался как морфологическая категория. Типологические особенности китайского языка, бедного морфологией, вынудили Ма Цзяньчжуна искать иное основание для выделения падежей. Таким основанием стал синтаксис: в качестве критерия для выделения падежей стало место существительного или местословия в предложении. Падеж выражает отношения между словами (см., например, [1. С. 105], [8. С. 86]), для обозначения этих отношений используются окончания [1. С. 105]. В китайском языке падежные отношения выражаются при помощи порядка слов или с помощью предлогов. Впрочем, в «Грамматике Пор-Рояля», рассматривается случай, когда номинатив во французском языке отличают от аккузатива исключительно при помощи порядка слов (обычный порядок: номинатив — глагол — аккузатив) [1. С. 112]. Таким образом, при различении падежей европейскими учёными учитывалось занимаемое словом

место в предложении; для китайского языка этот принцип стал основополагающим.

Что касается категорий числа и рода, присутствующих в европейских грамматиках (например, в «Грамматике Пор-Рояля» авторы описывают указанные категории в отдельных главах [1. С. 99—105]), в 《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун* они не рассматриваются, что также обусловлено типологическими особенностями вэньяня.

Ма Цзяньчжун не рассматривает и категорию времени глагола, поскольку в вэньяне время не выражалось формами глагола. Для выражения времени использовались специальные показатели, например, наречия 已 *уже*, 尝 *некогда*, 将 *в будущем*, также лексическое значение некоторых глаголов предполагает определённые временные характеристики: какие-то глаголы обозначают только законченное действие (来 *прийти*, 取 *взять*), какие-то глаголы обозначают длящееся действие или состояние (行 *идти*, 学 *учиться*) [9. С. 58—61].

Не говоря отдельно о категории залога, Ма Цзяньчжун выделяет 受动字 *пассивные глаголы*. Для того, чтобы глагол выражал пассивное действие, в китайском языке используются специальные показатели — 见, 被 и др. Также были выделены глаголы: 外动字 *переходные*, 内动字 *непереходные*, 同动字 *совместные*, 助动字 *вспомогательные*, 无属动字 *безотносительные*. В «Грамматике Пор-Рояля» рассматриваются глаголы страдательные, непереходные, безличные и др. [1. С. 172—177].

Последняя глава 《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун* (как и «Грамматики Пор-Рояля», например) посвящена синтаксису. В этой главе Ма Цзяньчжун подробно рассказывает о таких известных в традиционной китайской филологии категориях, как 句 *предложение* и 读 *фраза*. 句 *предложение* от 读 фразы отличает законченный характер высказывания. Выделение данных категорий в традиционной китайской филологии является важной составляющей комментаторской деятельности, когда для правильного толкования смысла необходимо было уметь верно членить текст на более мелкие составляющие. Ма Цзяньчжун отмечал, что и для 句 *предложения*, и для 读 *фразы* обязательным является наличие предмета мысли, а также того, что выражает его характер, действие или состояние (т. е. 起词 *подлежащего* и 语词 *сказуемого*). В этом можно найти сходство с авторами французских философских грамматик, которые указывали на то, что в предложении обязательно присутствует субъект и атрибут [1; 8].

Во французских грамматиках XVIII—XIX вв. проводится анализ предложения. Например, Габриэль де Жирар (1677—1748) указывал на наличие следующих членов предложения: 1) подлежащее, или субъект, о котором нечто утверждается, 2) атрибутив, или группа глагола, 3) объектив, или прямое дополнение глагола, 4) терминатив, или косвенное дополнение глагола, 5) обстоятельство, которое призвано выражать либо образ бытия атрибутива (глагола), либо же обстоятельства, при которых имеет место то, что выражено глаголом, 6) конъюнктив, который выражен союзами, союзными наречиями или другими словами, обозначающими присоединение, 7) адъюнктивы, повышающие выразительность речи [8. С. 103—105]. На основе сопоставления с европейской традицией изложения грамматики Ма Цзяньчжун разработал систему членов предложения для китайского языка: 1) 起词 *подлежащее*, 2) 语词 *сказуемое*, 3) 止词 *прямое дополнение*, 4) 表词 *качественное сказуемое*, 5) 加词 *приложение*, 6) 转词 *предложное дополнение*, 7) 司词 *управляемое*. Система членов предложения Ма Цзяньчжуна частично соотносится с европейской.

Изучение 《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун* показывает, что при работе над данной грамматикой сопоставление проводилось по двум направлениям: главным образом Ма Цзяньчжун опирался на грамматический канон описания европейских языков, однако в то же время он максимально старался приспособить положения традиционной китайской языковедческой науки к европейским принципам описания языка.

Грамматический канон отличают, с одной стороны, устойчивость его фундаментальных черт, а с другой — эластичность [6. С. 266]. Устойчивость проявляется в следовании традиции при описании языка, эластичность — в возможности наложить канон на типологически совершенно другие языки, некоторым образом трансформируя его.

В грамматической теории Ма Цзяньчжуна сохраняются такие составляющие европейского канона, как выделение частей речи, категория падежа, анализ организации предложения. Типологические особенности вэньяня заставляют Ма Цзяньчжуна отказаться от таких обязательных для европейского канона категорий, как род, число, время, что связано с отсутствием их формальных проявлений в вэньяне. Критерии выделения категории падежа у Ма Цзяньчжуна значительным образом преобразуются, однако само наличие данной категории сохраняется. Так проявляются устойчивость и эластичность грамматического канона.

《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун* создавалась для языка, имеющего собственную богатую традицию изучения, игнорировать которую автор не стал. Сопоставляя европейскую и китайскую лингвистические традиции, Ма Цзяньчжун вписал в свою грамматическую теорию понятия 实字 *полные* и 虚字 *пустые слова*, 动字 *подвижные* и 静字 *статичные слова*, 助字 *вспомогательные слова*. Также, следуя китайской традиции изучения языка, в качестве объекта описания в 《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун* выступает не современный разговорный язык, а письменный вэньянь. Кроме того, большое внимание уделяется описанию особенностей употребления отдельных служебных слов — дань китайской традиции составления словарей служебных слов.

Рассмотренная нами первая китайская грамматика иллюстрирует, что при работе над грамматическим описанием языка исследователь опирается на известную ему схему изложения грамматики других языков — грамматический канон, однако типологические отличия исследуемого языка вынуждают автора вносить в канон изменения. В случае если имеется национальная традиция исследования изучаемого языка, её достижения могут найти отражение в грамматическом описании. При написании 《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун* сопоставительный анализ с европейскими грамматиками играл ведущую роль: хотя первые грамматики китайского языка были составлены европейцами ещё в XVI в., китайцы, видимо, с подобного рода трудами не были знакомы (возможно, это связано с тем, что грамматики европейцев были ориентированы не на носителей китайского языка, а на иностранцев, желающих его изучить), поэтому грамматическая система китайского языка в качестве объекта исследования китайских учёных не выступала, т. е. в 《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун* новый объект исследования — китайский язык — сопоставлялся с уже изученными — грамматиками европейских языков. В то же время китайские филологи ещё до 1898 г. разработали ряд грамматических понятий, Ма Цзяньчжун сопоставил категории новой для Китая дисциплины — грамматики — с традиционными китайскими понятиями. Такое двойное сопоставление определило своеобразие грамматической теории Ма Цзяньчжуна.

Изучение сопоставления при грамматическом описании языков демонстрирует исключительную значимость данного общенаучного метода. Грамматическая теория Ма Цзяньчжуна является ярким примером синтеза сопоставительных исследований различных лингвистических традиций.

Список литературы

1. Арно, А. Грамматика общ. и рацион. Пор-Рояля / А. Арно, Кл. Лансло. — М.: Прогресс, 1998. — 272 с.
2. Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. — М.: «Прогресс», 1989. — С. 5—17.
3. Кирюхина, Л. В. О грамматической терминологии в традиционной китайской филологии / Л. В. Кирюхина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2017. — № 3 (67): в 3 ч. Ч. 1. — С. 90—93.
4. Колтунова, С. В. Категория падежа в испанских грамматиках Золотого века: автореф. дис. … канд. филол. наук / С. В. Колтунова. — М.: 2012. — 23 с.
5. Краткая философская энциклопедия. — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Энциклопедия», 1994. — 576 с.
6. Ольховиков, Б. А. Общая теория языка Античность — XX век / Б. А. Ольховиков. — М.: Издательский центр «Академия», 2007. — 304 с.
7. Стернин, И. А. Актуальные проблемы сопоставительных исследований в современной лингвистике / И. А. Стернин, М. А. Стернина // Социальные и гуманитарные знания. — Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2015. — № 1 (1). — С. 59—65.
8. Французские общие, или философские, грамматики XVIII — начала XIX века. Старинные тексты. / Составление, вступительная статья и комментарии Н. Ю. Бокадоровой. — М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. — 380 с.
9. Яхонтов, С. Е. Древнекитайский язык. / С. Е. Яхонтов. — М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1965. — 115 с.
10. 马建忠.马氏文通 / 马建忠. — 北京 : 商务印书馆 · 2010. — 473 页.
11. 邵敬敏.汉语语法学史稿 / 邵敬敏. — 上海教育出版社, 1993. — 360 页.

Сведения об авторе

Кирюхина Любовь Владимировна — старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР, Иркутский государственный университет. Иркутск, Россия. lyubabukhtulova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 76—80.

COMPARISON AS THE MAIN METHOD FOR MAKING FIRST GRAMMARS (USING THE EXAMPLE OF MA JIANZHONG'S GRAMMAR)

L.V. Kiryukhina
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. lyubabukhtulova@mail.ru

The article deals with the principles of creation of the first Chinese grammar "Ma shi wen tong". Grammar categories of European and classical Chinese linguistics are compared, the role of these linguistic traditions in making Ma Jianzhong's grammar theory is determined. The importance of comparison for making grammatical descriptions is revealed. It is shown that grammatical canon is very important for making grammatical descriptions of different languages, but native linguistic tradition helps to solve problems caused by typological differences of languages. There are two features of grammar canon: stability and elasticity, and these features are demonstrated with the help of "Ma shi wen tong". Describing Chinese grammar system, Ma Jianzhong worked in two ways: 1) he compared facts of Chinese language and European grammatical canon; 2) he compared concepts of European grammar and concepts of Chinese linguistic tradition. As a result, Chinese grammar system was described using European and Chinese grammar categories.

Keywords: *grammar, Chinese, comparison, grammatical canon, Ma Jianzhong.*

References

1. Arnauld, A., Lancelot, Kl. *Grammatika obshch. i racion. Por-Royalya* [The Port-Royal General and Rational Grammar]. Moscow, Progress Publ., 1998. 272 p. (In Russ.).
2. Gak, V. G. *O kontrastivnoj lingvistike* [On contrastive linguistics]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. XXV. *Kontrastivnaya lingvistika* [Contrastive linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 5—17. (In Russ.).
3. Kiryukhina, L. V. *O grammaticheskoj terminologii v tradicionnoj kitajskoj filologii* [On grammatical terminology in traditional Chinese philology]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Tambov, 2017, no. 3 (67): v 3-h ch. Ch. 1, pp. 90—93. (In Russ.).
4. Koltunova, S. V. *Kategoriya padezha v ispanskih grammatikah Zolotogo veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The category of case in Spanish grammars of the Golden Age]. Moscow, 2012. 23 p. (In Russ.).
5. *Kratkaya filosofskaya enciklopediya* [Brief Encyclopedia of Philosophy]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress» — «Enciklopediya», 1994. 576 p. (In Russ.).
6. Ol'khovikov, B. A. *Obshchaya teoriya yazyka Antichnost' — XX vek* [General theory of language Antiquity — XX century]. Moscow, *Akademiya* [Academy], 2007. 304 p. (In Russ.).
7. Sternin, I. A., Sternina, M. A. *Aktual'nye problemy sopostavitel'nyh issledovanij v sovremennoj lingvistike* [Actual problems of comparative linguistics]. *Social'nye i gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. Yaroslavl', 2015, no. 1 (1), pp. 59—65. (In Russ.).
8. *Francuzskie obshchie, ili filosofskie, grammatiki XVIII — nachala XIX veka. Starinnye teksty* [French general, or philosophical, grammars XVIII — early XIX century. Ancient texts]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress», 2001. 380 p. (In Russ.).
9. Yakhontov, S. E. *Drevnekitajskij yazyk* [Old Chinese]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 115 p. (In Russ.).
10. Ma Jianzhong. *Ma shi wen tong* [Grammar of Ma]. Beijing, Shangwu yinshuguan, 2010. 473 p. (In Chinese).
11. Shao Jingmin. *Hanyu yufaxue shigao* [History of Chinese grammar]. Shanghai jiaoyu chubanshe, 1993. 360 p. (In Chinese).

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 81—85.

УДК 81'373.45 **DOI 10.24411/1994-2796-2019-10112**
ББК 81.1

СЛОЖНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-ЛЕКСИКЕ

В. С. Коваленко
Саратовский государственный медицинский университет, Саратов, Россия

В данной статье исследуется лексика англоязычных и франкоязычных пользователей интернета на примере использования ими сложных существительных. Материал для исследования выбран из интернет-журналов, публикующих новости из сферы компьютерных технологий. Автором проводится анализ выбранной лексической категории, которая наилучшим образом отражает особенности влияния англоязычных заимствований во французском языке.

Ключевые слова: *сложные существительные, англицизмы, псевдо-конфиксы, английская интернет-лексика, французская интернет-лексика.*

На сегодняшний день умение пользоваться интернетом является неотъемлемым навыком в личной и профессиональной сферах общения многих специалистов, причем не только в сферах технологического обслуживания. Надо отметить при этом, что техническая терминология сегодня почти полностью разработана на английском языке, а среди французов она в значительной степени преобразуется путем формирования новых словоформ из английских заимствованных единиц. Такая особенность французской технической терминологии привлекает внимание лингвистов, исследующих влияние английского языка на различные сферы жизнедеятельности французов.

В данной статье нами проанализированы особенности лексики франкоязычных пользователей интернета в плане подбора ими имен существительных. Данная лексическая категория является наиболее многочисленной и широко отражает семантические и морфологические особенности английской заимствованной лексики.

Материал для исследования был отобран нами из статей интернет-журналов, посвященных влиянию компьютерных технологий на культуру, экономику и политику и размещающих их на английском и французском языках в период с 2016 по 2018 гг. В первую очередь, для интернет-журналов на английском языке, естественно, характерна собственно английская лексика, а в статьях на французском языке могут довольно часто встречаться термины, состоящие из слов как французского, так и английского происхождения. Исследованные нами англоязычные журналы *Internet magazine, Network magazine, Wired, PC world* и франкоязычные *Web magazine, Netsurf,.Net, L'Officiel du Net* являются общедоступными, но при этом адресованы, как правило, аудитории, состоящей из опытных интернет-пользователей. Выборка данного исследования не отражает лексику всего интернет-дискурса и, в то же время, не включает в себя особую киберновостную терминологию.

Материалом анализа послужили сложные существительные, которые по определению Л. Бауэра образованы из нескольких слов, принадлежащих как одной, так и разным частям речи, написанных слитно, через дефис или раздельно, например, англ. *Internet provider* (интернет-провайдер) и франц. *aspirateur de site* (интернет-провайдер), англ. *email* (электронная почта) и франц. *e-commerce* (электронная почта) [4. С. 147]. Объем выборки на английском языке составил 127 лексических единиц, на французском — 149. Все проанализированные нами сложные существительные подходят под данное определение и относятся, таким образом, к категории интернет-терминологии. В результате нашего анализа все они были выделены в подгруппы.

Нами отмечено, что во французском языке присутствует большее число сложных существительных, чем в английском, что может быть объяснимо особенностью словосложения во французском языке, в котором обычно легко соединяются не основы, а целые слова с существующей между ними сочинительной или подчинительной связью. В исследуемой нами выборке такими словами обычно бывают существительные. Общее количество французских сложных существительных превысило английские на 15 % (соответственно 149 и 127 лексических единиц).

Вслед за Селин Арониан из университета Лион-2 мы предлагаем в качестве отличительной черты

сложных слов учитывать число их словоизменительных формантов, т. е. переменных частей слова, выражающих его словоизменительные морфологические значения [3. С. 649]. Можно отметить также, что в результате заимствований лексических единиц из английского языка путем калькирования или транслитерации французские лексические единицы могут приобретать отличное от английских число формантов.

Анализ собранного материала показал, что во французском языке присутствует большее число сложных существительных с двумя и ниже формантами и меньшее число с тремя и выше. В свою очередь, в английском языке наблюдается большее число сложных существительных с двумя формантами и выше, и меньше — с одним. Например, франц. *popup* от англ. *popup ad* (всплывающая реклама), франц. *fournisseur d'acces* от англ. *Internet access provider* (поставщик доступа в интернет).

Иногда одна английская лексическая единица становится источником для образования нескольких французских единиц, например, англ. *pop-up* и франц. *fenetre publicitaire* и *fenetre pop-up* (всплывающее окно), англ. *backdoor* и франц. *porte derobee, porte de service, porte de derriere* (служебная дверь). Также заимствованные единицы во французском языке могут претерпевать графические изменения, например, *dotcom* и *dot-com* (интернет-домен, в котором зарегистрированы преимущественно сайты коммерческих организаций), *popup* и *pop-up* (всплывающее окно), *email* и *e-mail* (электронная почта).

Анализ выборки подтвердил, что в английском языке сложные существительные с двумя формантами представлены наиболее многочисленной подгруппой (73,7 %). Также для данного языка характерными являются псевдо-конфиксы, где конфиксы — это слоговые сокращения, орфографически похожие на морфемы греко-латинского происхождения (cyber-, makro-, e-, web-, -ware, net-, hyper-, meta-, tele-, -naute), образуемые при редукции полных слов и приводящие к усечению их материальной оболочки. Термин «псевдо-конфикс» был предложен немецким лингвистом Шмидтом для обозначения самостоятельной лексемы только в языке-доноре, а в языке-реципиенте он представлен как частотный элемент других основ состоящий из предкорневых и посткорневых морфем [1. С. 18].

Конфикс *cyber-*, например, английского происхождения. На сегодняшний день он может быть отнесен к интернационализмам, т. к. встречается в различных европейских языках (рус. «кибер», англ. *cyber,* франц. *cyber,* итал. *ciber*). В немецком языке он сохраняет английскую орфографию и употребляется только в начале слова.

Конфикс *macro-* происходит от греческого *makrós* и имеет значение «крупный, большой». В современном французском языке он употребляется в значении «большой» в соединении с заимствованными основами: *macrophotografie* (макросъемка), *macrocosme* (макромир), *macropolicy* (макрополитика), *macrotechnique* (макротехнология). Данный тип связи характерен для языка СМИ (60 %).

Конфикс *tele-* происходит от греческого наречия *tẽle* «далеко», которое образовано от существительного *télos* со значением «конечная цель». В современном французском языке он является достаточно частотным словообразовательным элементом, благодаря развитию информационных и компьютерных технологий [2. С. 100], т. к. используется для обозначения частей техники или средств связи: *téléfax* (телефакс), *téléphone* (телефон), *télégraphe* (телеграф), *télégrammes* (телеграммы), *télécommunications* (телекоммуникации). Употребление данного словообразовательного конфикса является характерным для основной лексики французского языка (70 %). Для некоторых лексем возможно различное написание — слитно, раздельно или через дефис: *télé animateur* (телеведущий), *t*élémarketing (телемаркетинг). Доля французских существительных, в которых конфикс *tele-* является частью эндогенного сложного существительного не превышает 13 %.

Сложные существительные в английском языке подразделяются на 16 типов в зависимости от синтаксической связи между компонентами. Высокочастотными оказались следующие: сущ.+сущ (50 %): *snail mail* (почтовое сообщение), *Internet protocol* (интернет протокол), *resource accountability* (подотчетность ресурсов), *Internet use* (пользование интернетом), псевдо-конфикс+сущ. (26 %): *cyberspace* (киберпространство), *metatext* (метатекст), *web magazine* (интернет-журнал), *hyperlink* (гиперссылка), прил.+сущ. (20 %): *free access* (свободный доступ), *mobile access* (мобильный доступ), *future Internet* (интернет будущего), *mobile networks* (сотовые сети), *global environment* (глобальная среда), а также малочисленные конструкции типа *business-to-business* (бизнес для бизнеса), *print-on-demand* (печать по требованию), *port-to-port connection* (межпортовая связь) (8 %). Данные три типа, по мнению лингвиста Ж. Турнье, составляют почти 90 % всех сложных английских существительных [10. С. 127].

Стоит заметить, что наиболее многочисленная группа сущ.+сущ. (50 %) тем не менее не является самой частотной в среде интернет-пользователей. Примечательно, что по статистике, приведенной в работе французских лингвистов, данный тип связи характерен для языка научной фантастики (50,3 %), физико-химических исследований (20 %) и в области киноиндустрии [3. С. 650].

Сложные существительные, имеющие одним из компонентов псевдо-конфикс, составили 26 % от всего объема выборки. Многие исследователи (и мы в их числе) сходятся во мнении, что именно данный тип синтаксической связи является наиболее характерным для интернет лексики.

Тип связи прил.+сущ. составил 20 % всей выборки и оказался на третьем месте по частотности синтаксических связей. По статистике, приведенной в работах Ж. Турнье, данный тип связи характерен для терминологии физической химии и составляет 18 % от всех сложных существительных в английском языке [10. С. 128]. Как замечает С. Арониан в английской интернет-лексике данный тип связи мог бы встречаться чаще при отсутствии псевдо-конфиксов, которые часто замещают в связке компонент прилагательного, например, *email* (электронная почта), *ebook* (электронная книга), *e-card* (электронная карта), где «е» выражает «*electronic*» [3. С. 651].

Тип синтаксической связи глаг.+сущ. в нашей выборке был выявлен реже (менее 1 %). Следует также отметить наличие отглагольных существительных типа *browser* (браузер), *integrator* (интегрирующее устройство), *connection* (соединение) и проч., которые также участвуют в формировании связи типа сущ.+сущ., например, *internet browser* (интернет-браузер), *connection Wi-Fi* (wifi соединение) [3. С. 651].

Для корпуса французского языка характерным оказался низкий уровень заимствований, где сложные существительные классифицируются по принципу происхождения компонента и синтаксических связей между ними. Так, компонентами могут быть эндогенные или экзогенные сложные существительные [2. С. 59]. В первом случае все компоненты сложного существительного являются французского происхождения, как например, *groupe de discussion* (фокус-группа), *attaque de ver* (атака вируса «червь»), во втором — один компонент французского, а другой английского происхождения, например, *canal de chat* (канал чата). В последнем случае все компоненты сложного существительного подчинены правилам синтаксиса французского языка.

Экзогенные сложные существительные, в которых все компоненты имеют иностранное происхождение, называются англицизмами, например, *backdoor* (служебная дверь). Учитывая синтаксические связи между компонентами, можно сделать вывод относительно того, являются ли рассматриваемые сложные существительные кальками с английского языка или образованы по правилам французского языка.

Анализ синтаксических связей показал, что большая часть выборки сложных существительных, входящих во французский корпус интернет-лексики, являются эндогенными (более 80 %), в то время как экзогенных (включая англицизмы) было выявлено 15 %. Возможная причина такого низкого показателя английских заимствований состоит в том, что анализируемые лексические единицы часто состоят из двух и более формантов и редко бывают собственно заимствованиями. Обычно легче заимствуются короткие слова, не является исключением и интернет-лексика — *bug* (ошибка), *popup* (всплывающее окно) и. т. д., чаще употребляемые только в разговорном языке между программистами. Семантические заимствования и аббревиации типа франц. *agent intelligent* (интеллектуальный агент) > англ. *clever agent* (программа Интеллектуальный агент) интегрируются в синтаксис французского языка и причисляются к категории эндогенных сложных существительных.

Также причиной низкой доли заимствований может быть характер корпуса рассматриваемой лексики. Французские журналы, выбранные в качестве источника материала являются общедоступными и содержат лексику интернет-новостей, которая интересует многих пользователей интернета. Уровень заимствований, таким образом, будет выше в специализированных изданиях, чем в общедоступных, так как нет необходимости облегчать понимание осведомленных читателей переводом специальных терминов.

Для французского языка конструкции сущ.+прил. и сущ.+сущ. являются широко распространенными [6. С. 345]. Тип синтаксической связи сущ.+сущ. во французском и английском языках составил около 20 % выборки, например, *type code source* (тип исходного кода), *adresse IP* (адрес интернет-протокола), *accès Internet* (доступ в интернет). Тип связи псевдо-конфикс+сущ. составил 25 %: *cybercafé* (киберкафе), *télétravail* (дистанционная работа), *nétiquette* (сетевой этикет). Так же, как и в английском во французском языке псевдо-конфиксы часто замещают компонент прилагательного в данном

типе связи, например, *e-courrier* (электронная почта), *e-tourisme* (электронный туризм), где «е» означает *courrier electronique (электронная почта)*, *tourisme electronique (электронный туризм). Французские псевдо-конфиксы встречаются реже, чем в лексике английского языка, так как являются собственно заимствованиями из последнего.*

Нами также была замечена структура типа сущ.+*de*+сущ., однако не являющаяся по словам Кокурека спецификой французского интернета [7. С. 129—135]. Основная причина возникновения данной структуры — это калька с английского языка: франц. *outil derecherche* (инструмент поиска) < англ. *search tool* (инструмент поиска), франц. *courrier électronique* (электронная почта) < англ. *electronic mail* (электронная почта). Калька является быстрым и простым средством перевода иностранных терминов. Около 70% сложных существительных с синтагматической связью между компонентами в общем французском языке содержат предлог *de* [6. С. 358].

Влияние современных средств коммуникации на все сферы жизни современного человека предполагает, что английские неологизмы быстро внедряются в корпус иностранных языков, в том числе во французский и эффективно распространяются, особенно в отсутствие соответствующих терминов в родном языке. В случае с неологизмами французские лингвисты совместно со специалистами в области компьютерных технологий могут не всегда иметь время для создания полностью эндогенного термина, смоделированного для замены заимствования, например, **франц.** *accès à distance* **(удаленный доступ) < англ.** *remote access* (удаленный доступ), франц. *clé de chiffrement* **(ключ шифрования) < англ.** *encryption key* (ключ шифрования) или работа над заимствованным термином не осуществляется, как например, франц. *bloqueur de popup* (блокировка всплывающих окон), *filtrage d'email* (фильтрация электронной почты), *chasseur de bug* (охотник за ошибками).

Также для терминологии французского интернета распространенной считается конструкция псевдо-конфикс+сущ., которой уступает по мнению Тете и Бечири конструкция сущ.+прил., использующая редко в сфере компьютерных технологий [5,9].

Однако феномен псевдо-конфиксов не является особенностью только английского или французского языков. Данное свойство характерно для всего интернета в мире. Безусловно, влияние английского языка на французский велико, но статистика показывает, что лингвистические кальки все же преобладают над собственно заимствованиями, по крайне мере, в интернет-лексике, а значит французский язык пытается создавать свои собственные неологизмы, подражая английскому, но не американизируясь полностью.

Несомненно, от типа анализируемого корпуса слов зависит уровень заимствований. Интернет-лексика содержит больше специализированных компьютерных выражений и, следовательно, заимствований, чем другие источники. Однако, наличие 15% заимствований в анализируемой выборке является показателем некоторой популярности во французской интернет-лексике экзогенных сложных существительных, в том числе англицизмов. Несмотря на усилия французских властей ограничить внедрение английского языка во все сферы жизни французов, число заимствований растет, и многие лингвисты связывают это с активным распространением английских неологизмов в различных областях французского языка, а не с активным формированием их французских эквивалентов. Конечно, употребление или отказ от англицизмов — это выбор носителей языка, причем молодое поколение французов все чаще говорит «да» англицизмам за их простоту формы и принадлежность их лидирующей сегодня англосаксонской культуре.

Список литературы

1. Баринова, С. О. Слоговые и сложнослоговые английские сокращения, используемые в сети Интернет / С. О. Баринова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 67. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slogovye-i-slozhnoslogovye-angliyskie-sokrascheniya-ispolzuemye-v-seti-internet.

2. Жилюк, С. А. Использование заимствований в системе немецкого словообразования: дис. … канд. филол. наук / С. А. Жилюк. — Спб., 2015. — 231 с.

3. Ahronian, C. Les noms composés anglais et français du domaine d'Internet: une radiographie bilingue / C. Ahronian, H. Béjoint // Meta. — 2008. — Vol. 53, is. 3. — P. 648—666.

4. Bauer, L. Morphological Productivity. — Cambridge: CUP, 2001.

5. Beciri, H. La neologie dans le domaine microinformatique professionnel en francais et en anglais: creation lexicale et explication en contexte / H. Beciri // These de doctorat. — Paris: Universite Paris VIII, 1999.

6. Candel, D. Francais scientifique et technique / G. Antoine, B. Cerquiglini (dir.) // Histoire de la langue francaise (1945—2000). — Paris: CNRS, 2000. — P. 339—369.

7. Kocourek, R. La langue francaise de la technique et de la science. — Wiesbaden: Brandstetter, 1991.

8. Savary, A. Recensement et description des mots composés — méthodes et applications / A. Savary // Thèse de doctorat en Informatique Fondamentale. — Paris: Université de Marne la Vallée, Paris VII, 2000.

9. Tetet, C. La terminologie de l'alpinisme dans les dictionnaires/ C. Tetet // Meta 39—4. 1994. — P. 651—661.

10. Tournier, J. Structures lexicales de l'anglais. — Paris: Nathan, 1991.

Сведения об авторе

Коваленко Виктория Сергеевна — преподаватель иностранных языков, кафедра иностранных языков, Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского. Саратов, Россия. v.s_17@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 81—85.

COMPOUND NOUNS IN ENGLISH AND FRENCH INTERNET LEXIS

V.S. Kovalenko
Saratov State Medical University. Saratov, Russia. v.s_17@mail.ru

In this article, the author analyzes lexis of the field of computer technologies used by English-speaking and French-speaking Internet users. The object of the research is compound nouns, because this particular lexical category reflects salient features of English borrowings impact on the French language. The study is conducted on the data from English and French web-magazines that publish content on new computer technologies, web-design and their influence on culture, economy and politics of the two countries. The research also presents different classifications of compound nouns in English and French, in which English compound nouns are classified according to syntactic relationships between word components, and French ones — according to their origin.

Keywords: *compound nouns, anglicisms, pseudo-confixes, English Internet lexis, French Internet lexis.*

References

1. Barinova S. Slogovye i slozhnoslogovye anglijskie sokrascheniya, ispolzuemye v seti Internet [Syllabic and complex syllabic English abbreviations used in the Internet]. *Izvestia RGPU im. A. I. Gerzena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], 2008, no.67, pp. 18—20. (In Russ.).

2. Zhiluk S. *Ispolzovanie zaimstvovaniy v sisteme nemetskogo slovoobrazovaniya*: dis. … kand. filol. Nauk [The use of borrowings in the system of German word building. Thesis]. St. Petersburg, 2015. (In Russ).

3. Ahronian C., Béjoint H. Les noms composés anglais et français du domaine d'Internet: une radiographie bilingue. *Meta,* 53 (3), pp. 648—666, doi:10.7202/019245ar. (In French).

4. Bauer L. Morphological Productivity. CUP, Cambridge, 2001.

5. Beciri H. La neologie dans le domaine microinformatique professionnel en francais et en anglais: creation lexicale et explication en contexte. *These de doctorat*. Paris: Universite Paris VIII, 1999. (In French).

6. Candel D. Francais scientifique et technique. *Histoire de la langue francaise (1945—2000).* Paris: CNRS, 2000. pp. 339—369. (In French).

7. Kocourek R. La langue francaise de la technique et de la science. Wiesbaden, Brandstetter, 1991.

8. Savary A. Recensement et description des mots composés — méthodes et applications. *Thèse de doctorat en Informatique Fondamentale*. Paris: Université de Marne la Vallée, Paris VII, 2000. (In French).

9. Tetet C. La terminologie de l'alpinisme dans les dictionnaires. *Meta, 1994, no.* 39-4, pp. 651—661. (In French).

10. Tournier J. *Structures lexicales de l'anglais.* Nathan, Paris, 1991. (In French).

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 86—91.

УДК 81.119
ББК 81.2

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10113

ЭВОЛЮЦИОНИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМОГО КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

О. В. Котлярова

Владимирский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия

В представленной статье, мотивируя свою позицию результатами этико-лингвистического эксперимента, а также лексико-фразеологическим анализом культурно-значимого концепта *власть*, автор высказывает мнение об эволюционировании обсуждаемого концепта. Такая позиция подтверждает теорию динамичности и лабильности русской языковой картины мира, отражающей особенности национальной ментальности.

Ключевые слова: *культурно-значимый концепт, русская языковая картина мира, эволюционирование концептов, динамичность языковой картины мира, власть.*

Интересной мыслью, поддерживаемой лингвистами XXI в., становится мысль о когнитивной революции. Словарь «Лингвистических терминов» под редакцией Т. В. Жеребило фиксирует следующее определение термина *когнитивная революция* — радикальные перемены, которые произошли в американской лингвистике в конце 50-х — начале 60-х гг. [8]. Безусловно, процесс, зародившийся в русле американской науки, имеет влияния на всю исследовательскую парадигму. Одним из проявлений когнитивной революции является мысль о скоростном реформировании и динамики концептосферы русского народа.

По нашему мнению идею когнитивной революции вполне оправданно можно свести к тенденции динамичности и лабильности русской языковой картины мира.

Следствием классификации полученных данных, а также лексико-фразеологического анализа обсуждаемого концепта становится мысль об эволюционировании русской языковой картины мира.

Можно предположить, что концепт *власть* начинает менять не только периферийные характеристики, но и ядерную составляющую, что свидетельствует о глубинных ментальных изменениях.

Под дискурсом власти традиционно понимается «систематизированное и упорядоченное определенным образом использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность, а именно, конкретно целенаправленные способы: способ мышления и способ коммуникативно-речевой практики, которые связаны с осуществлением социальной власти. То есть. дискурс есть выражение власти, и *власть* выражается в дискурсе — через систему взаимосвязанных речевых/текстовых средств, форм и приемов воздействия» [17. **С.** 68].

Административно-политический дискурс представляет интерес в связи с наиболее частотным употреблением лексемы, обозначающей концепт *власть*.

Анализ культурно-значимых концептов русской языковой картины мира, безусловно, не ограничивается исследовательским интересом к одному концепту и требует дальнейшего изучения концепта *власть* с позиции его взаимообусловленности с другими концептами.

Исследования структуры, а также ядерных и периферийных составляющих концепта *власть* продолжают оставаться актуальными. См., например, исследования Д. В. Илиевой [10]; И. В. Коноваленко [12]; О. В. Котляровой [13] и др.

Концепт *власть* активно изучается в контексте медиадискурса, определяемого в качестве новой властной парадигмы. Медиапространство XXI в. посредством информационной доступности и открытости имеет значимое влияние на развитие современного социума, на изменение культурного уровня представителей общества, на формирование системы ценностей национального самосознания. Вопросам реализации власти в медиадискурсе и власти самого медиадискурса над философско-культурным потенциалом общества посвящены работы И. В. Ашиновой [1]; И. В. Ерофеевой [7]; М. В. Кипенко [11] и др.

В связи с тем, что одним из основных свойств концепта является его взаимообусловлен-

ность с другими концептами, а также по причине специфичности конкретных культур, прикрепленных к конкретным языкам, одно из актуальных направлений изучения концепта *власть* посвящено репрезентации данного концепта в разных языках и разных культурах. Интересны работы: И. В. Игнатовой [9]; Т. В. Печагиной [14]; и др.

Изучению концепта *власть* в русской языковой картине мира посвящено достаточное количество работ. см., например, исследования А. Д. Васильева [4]; М. В. Гавриловой [6] и др.

В последнее десятилетие особый исследовательский интерес направлен на изучение репрезентации концепта *власть* в социально-философском и культурологическом дискурсе. См. работы В. В. Васильева [3]; В. Н. Волкова [5] и др.

Хочется отметить, что концепт *власть* традиционно репрезентуем в многочисленны фразеологических единицах. Его периферийные и ядерные характеристики зафиксированы в пословицах, поговорках, художественной литературе.

Большой толковый словарь под редакцией С. А. Кузнецова фиксирует следующее определение лексемы *власть* — 1) только ед. Право и возможность распоряжаться, повелевать, подчинять своей воле; 2) чего. только ед. Могущество, господство, сила; 3) только мн.: власти, -ей. Начальство, должностные лица, управляющие и распоряжающиеся на данной территории; 4) только ед. Политическое господство; право управления государством или регионом; органы, наделённые таким правом; 5) орган государственного управления, правительство; 6) только мн.: власти, -ей. церк. [2].

Словарь сочетаемости слов русского языка под редакцией П. Н. Денисова и В. В. Морковкина очерчивает широкий круг сочетаемостных возможностей существительного *власть*.

В первом значении «Право и возможность распоряжаться кем-либо, чем-либо, подчинять своей воле»:

— власть *большая, полная, безраздельная*;

— власть кого, чего (о человеке) *родителей, отца, командира*;

— *страх* перед властью;

— *обладать, воспользоваться, наслаждаться* властью;

— за власть *бороться*; из-под власти *освободиться*; к власти *стремиться* [15].

Во втором значении «государственное управление и его органы; политическое господство» существительное власть имеет сочетаемостные возможности:

— *новая, существующая, демократическая, республиканская, бюрократическая* власть;

— при какой-либо власти *жить, работать, трудиться*;

— власть *принадлежит* кому-либо, *перешла в руки* кого-либо [СССРЯ].

В третьем значении «Лица, обличенные полномочиями, администрация, начальство» существительное власть имеет следующие возможности сочетаемости:

— *местные, городские, районные, военные* власти;

— власти чего — *города, провинции*;

— у*важать, поддерживать, критиковать* власти [15].

В четвертом значении «Могущество, влияние» существительное власть демонстрирует следующие возможноси сочетания с другими словами:

— *большая, огромная, безграничная* власть;

— *оказаться, находиться* во власти кого-либо, чего-либо [15].

Анималистическая семантика концепта власть в русской языковой картине мира определяется метафорами *орла* и *льва*.

Наиболее традиционная метонимическая модель — это ассоциация власти с правителем, царем. Ср, к примеру: *Без царя земля вдова*; *Царь города бережет*; *Царь от бога пристав* [16 С. 29].

Близость царя к богу и *отношение царя к народу* являются основополагающими фразеологическими сферами. Налицо противоположность и дуальность восприятия образа власти с наличием положительных и отрицательных характеристик.

Мелиоративная оценка власти соотносится с фразеологическими единицами: *Бог помилует, а царь пожалует; Кто богу не грешен, царю не виноват; Все во власти божьей да государевой; Без бога свет не стоит, без царя земля не правится; Перед одним богом царь ответ держит; Коли царь Бога знает, Бог и царя и народ знает*.

Пейоративная характеристика власти отражается в фразеологизмах: *За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует; Народ согрешит — царь умолит; Царь согрешит — народ не умолит; Суд царев, а правда — Божия; Без правды боярской царь Бога прогневит* [16 С. 29].

Советское и постсоветское лингвистическое пространство сформировало периферийную концептосферу власти: *начальник, шеф, командир,*

большая шишка, большой перец, вожак стаи, главный.

К метафоричным составляющим концепта власть необходимо отнести лексемы:

— обозначающие определенный механизм: *рычаг, руль, пульт управления, бразды правления, часовой механизм, пружина власти, машина власти*;

— обозначающие живой организм: *корни, ветви, недра власти; расцвет, мутации, перерождения власти*;

— обозначающие болезни: атрофия власти, пуль, температура власти, парадич власти, немощь власти, агония власти, коллапс власти.

Результаты лексико-фразеологического анализа концепта *власть* демонстрируют дуальную структуру концепта, имеющего мелиоративные и пейоративные ядерные характеристики.

Лексема, вербализующая концепт в русском языке, имеет широкий спектр сочетаемостных возможностей, а также является составной частью большого количества фразеологизмов.

Современная русская языковая картина мира, склонная к динамичности, демонстрирует изменения ментальных характеристик носителей русского языка на примере множества концептов. К таким эволюционирующим концептам, на наш взгляд, нужно отнести и концепт *власть*.

В этой связи небезосновательным кажется прибегнуть к анализу данных этико-лингвистического эксперимента, направленного на выявление динамичных характеристик концепта *власть*.

При реализации этико-лингвистического эксперимента, представляющего собой ассоциативный опрос, было протестировано 234 человека (103 государственных и муниципальных служащих) и 132 студента.

Основным результатом анализа представленных данных стала гипотеза качественного изменения концепта власть. Неоспоримо сохранение дуального, противоречивого отношения к феномену власти.

К устойчивым словосочетаниям, подтверждающим мелиоративные характеристики концепта относятся: *доверие к власти* (52 %), *активизация власти* (34 %), *сохранение власти* (34 %), *одобрение власти* (32 %), *активные действия властей* (17 %), *мобилизация власти* (11 %).

К словосочетаниям со словом-стимулом власть с отрицательной коннотацией необходимо отнести: захват власти 52 %, недоверие к властям (34 %), агрессия властей (33 %), информационная атака на население (32 %), ложная демократия (17 %).

Важно отметить, что в ментальности русского человека появляется более спокойное восприятие власти. *Власть как данность. Власть как нечто обыденное, повседневное и нормальное. Восприятие власти без пиетета и страха.* Несмотря на сохранение двойственного отношения к феномену власть, а значит и дуальной ядерной структуры, подразумевающей наличие и отрицательных и положительных коннотаций в качестве составляющих ядра, по нашему мнению, основные характеристики концепта начинают меняться.

В речи представителей властных структур и публичных деятелей появляются словосочетания: *адекватность власти, справедливая власть, спокойная власть.*

По данным проведенного нами ассоциативного эксперимента наиболее распространенными атрибутами к слову-стимулу *власть* стали слова: *справедливость* (33 %), *сила* (40 %), *Путин* (65 %).

Основываясь на результатах лингвистического эксперимента, можно сделать вывод об эволюционировании концепта *власть*. Власть становится неотъемлемой частью повседневной жизни гражданина демократического общества, она направлена на поддержание гражданских прав и свобод. Власть утрачивает экспрессивную окраску, становится нейтральным понятием.

Итогом представленной становится мысль, подтверждающая эволюционирование концепта.

По нашему мнению, концепт *власть* подвержен положительным тенденциям. Ядерные характеристики концепта изменяются от пейоративных к нейтральным и от нейтральных к положительным. Такие изменения прослеживаются на лексико-фразеологическом уровне и подтверждены данными ассоциативного эксперимента.

Транзитивное состояние власти имеет практическое значение, заключающееся в формирование долгосрочных и краткосрочных стратегий по преодолению кризиса в обществе и государстве, налаживании отношений между гражданами и представителями власти, эффективного взаимодействия между обществом и властью. Изменение общественного отношения и динамичность концепта *власть* правомерно назвать положительной тенденцией изменения русской языковой картины мира.

Список литературы

1. Ашинова И. В. Репрезентация концепта «Власть» в гламурном дискурсе / И. В. Ашинова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. — № 12—1. С. 22—25.

2. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. Первое издание. — СПб.: Норинт. — 1998.

3. Васильев А. Д. Вербализация концепта «Власть» в языковом сознании красноярцев / А. Д. Васильев // Вестник Красноярского педагогического университета им. В. П. Астафьева. — № 2 (37). — С. 207—213.

4. Васильева В. В. Вопрос соотношения понятий «Государственный служащий» и «Должностное лицо»: проблемы законодательной регламентации / В. В. Васильева // В сборнике: Современное состояние и пути развития науки XXI века сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. — 2017. — С. 294—295.

5. Волков В. Н. Концепт «Дисциплинарной власти» в современном культурологическом дискурсе / В. Н. Волков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2012. — № 19 (2). — С. 10—17.

6. Гаврилова М. В. Концепт «Власть» в инаугурационных выступлениях российских президентов / М. В. Гаврилова // Социология власти. — 2011. — № 8. — С. 43—52.

7. Ерофеева И. В. Концепт «Власть» в медиадискурсе: дихотомия репрезентации / И. В. Ерофеева // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2009. — № 1. — С. 167—171.

8. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов -е изд., испр. и доп. / Т. В. Жеребило. — Назрань: Пилигрим. — 2010. — 486 с.

9. Игнатова М. С., Деменкова Н. Г. К вопросу о законодательном закреплении понятий «Государственный служащий» и «Должностное лицо» / М. С. Игнатова, Н. Г. Деменкова // Административное право и процесс. — 2010. — № 2. — С. 25—27.

10. Илиева Д. В. Ядро концепта «Власть» и его приядерная зона со смысловым концептом «Подчинение» сквозь призму болгарских паремий / Д. В. Илиева // Magister Dixi. — 2013. — № 4 (12). — С. 66—73.

11. Кипенко М. В. Лексическая объективация концепта «Власть» в языке газеты «Комсомольская правда» / М. В. Кипенко // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. — № 4 (84). — С. 238—245.

12. Коноваленко И. В. Структура концепта «Власть» (по данным ассоциативного эксперимента) / И. В. Коноваленко // Вестник Омского университета. — 2011 — № 3. — С. 168—171.

13. Котлярова О. В. Некоторые тенденции функционирования лексических единиц в речи государственных служащих / О..В. Котлярова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2018. — № 3 (126). — С. 77—81.

14. Печагина Т. В. Концепт «Власть» в немецкой детской фентези / Т. В. Печагина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 33. — С. 166—168.

15. Словарь сочетаемости слов русского Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. — Москва: Рус. яз. — 1983. — 686 с.

16. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр.и доп. — М.: Академический Проект. — 2001. — 990 с.

17. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. — М.: Флинта. — 2006. — 136 с.

Сведения об авторе

Котлярова Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия. olya-apriori@yandex.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 86—91.

EVOLUTION OF THE CULTURALLY SIGNIFICANT CONCEPTS "POWER", "OFFICIAL", "SOCIETY" IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

O.V. Kotlyarova
Vladimir branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia. olya-apriori@yandex.ru

The present article, on the grounds of the results of an ethical-linguistic experiment, as well as a lexical-phraseological analysis of the culturally significant concept of *power*, analyzes the evolution of the concept discussed. The article demonstrates the deformation of nuclear and peripheral characteristics of the concept. The experiment ascertained the transition from the pejorative and neutral characteristics to positive characteristics in the core of the concept of *power*. The research confirms the theory of dynamism and lability of the Russian language picture of the world, reflecting the peculiarities of national mentality. The change in the attitude of representatives of the Russian society to the cultural phenomena of *power* and *governance* confirms the formation of an updated system of values and positive dynamics of the Russian language picture of the world.

Keywords: *culturally significant concepts, Russian language picture of the world, evolution of concepts, dynamic language picture of the world, power.*

References

1. Ashinova I.V. Reprezentatsiia kontsepta *"Vlast'"* v glamurnom diskurse [Representation of the concept of *"Power"* in the glamorous discourse]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social Sciences]. 2014. — No. 12—1. Pp. 22—25. (In Russ.).

2. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka.* [Large explanatory dictionary of the Russian language] Pod red. S. A. Kuznetsova. Pervoe izdanie. — SPb.: Norint. — 1998. (In Russ.).

3. Vasil'ev A.D. Verbalizatsiia kontsepta *"Vlast'"* v iazykovom soznanii krasnoiartsev [Verbalization of the concept *"Power"* in the language consciousness of Krasnoyarsk] *Vestnik Krasnoiarskogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk state pedagogical University them. V. P. Astafieva]. No 2 (37). — Pp. 207—213. (In Russ.).

4. Vasil'eva V.V. Vopros sootnosheniia poniatii *"Gosudarstvennyi sluzhashchii"* i *"Dolzhnostnoe litso"*: problemy zakonodatel'noi reglamentatsii / V. V. Vasil'eva [The question of correlation between the concepts Of *"civil servant"* and "Official": problems of legislative regulation] V sbornike: *Sovremennoe sostoianie i puti razvitiia nauki XXI veka sbornik statei po itogam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [In the collection: the Current state and ways of development of science of the XXI century collection of articles on the results of the International scientific and practical conference] 2017. Pp. 294—295. (In Russ.).

5. Volkov V.N. Kontsept *"Distsiplinarnoi vlasti"* v sovremnnom kul'turologicheskom diskurse [The concept of *"Disciplinary power"* in modern cultural discourse] *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo state University of culture and arts] 2012. No 19 (2). Pp. 10—17. (In Russ.).

6. Gavrilova M.V. Kontsept *"Vlast'"* v inauguratsionnykh vystupleniiakh rossiiskikh prezidentov [The concept of *"Power"* in the inauguration speeches of Russian presidents] *Sotsiologiia vlasti* [Sociology of power] 2011. No 8. — Pp. 43—52. (In Russ.).

7. Erofeeva I.V. Kontsept *"Vlast'"* v mediadiskurse: dikhotomiia reprezentatsii [The concept of *"Power"* in the media discourse: dichotomy of representation] *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta.* [Bulletin of the TRANS-Baikal state University]. 2009. No 1. Pp. 167—171. (In Russ.).

8. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov [[Dictionary of linguistic terms]. 5-*e izd., ispr. i dop. Nazran': Piligrim*. 2010. — 486 p. (In Russ.).

9. Ignatova M.S., Demenkova N. G. K voprosu o zakonodatel'nom zakreplenii poniatii *"Gosudarstvennyi sluzhashchii"* i *"Dolzhnostnoe litso"* [On the issue of legislative consolidation of the concepts Of *"civil*

servant" and "Official"] *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and procedure] 2010. No. 2. Pp. 25—27. (In Russ.).

10. Ilieva D.V. Iadro kontsepta "Vlast'" i ego priiadernaia zona so smyslovym kontseptom "Podchinenie" skvoz' prizmu bolgarskikh paremii / D. V. Ilieva [The core of the concept of "Power" and its nuclear zone with the semantic concept of "Subordination" through the prism of Bulgarian paroemias]. *Magister Dixi* [Magister Dixi]. 2013. No 4 (12). Pp. 66—73. (In Russ.).

11. Kipenko M.V. Leksicheskaia ob"ektivatsiia kontsepta "Vlast'" v iazyke gazety "Komsomol'skaia pravda" [Lexical objectification of the concept "Power" in the language of the newspaper "Komsomolskaya Pravda"] *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Humanities series]. No 4 (84). Pp. 238—245. (In Russ.).

12. Konovalenko I.V. Struktura kontsepta "Vlast'" (po dannym assotsiativnogo eksperimenta) [The structure of the concept of "Power" (according to the associative experiment)]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2011. No 3. Pp. 168—171. (In Russ.).

13. Kotliarova O.V. Nekotorye tendentsii funktsionirovaniia leksicheskikh edinits v rechi gosudarstvennykh sluzhashchikh [Some tendencies of functioning of lexical units in the speech of civil servants]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of Volgograd state pedagogical University]. 2018. No 3 (126). Pp. 77—81. (In Russ.).

14. Pechagina T.V. Kontsept "Vlast'" v nemetskoi detskoi fentezi / T. V. Pechagina [Concept "Power" in German children's fantasy]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2011. No 33. Pp. 166—168. (In Russ.).

15. Slovar' sochetaemosti slov russkogo iazyka. Pod red. P. N. Denisova, V. V. Morkovkina. [Dictionary of compatibility of Russian words] Moskva: Rus. iaz. 1983. 686 p. (In Russ.).

16. Stepanov Iu.S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Izd. 2-e, ispr.i dop. — M.: Akademicheskii Proekt. 2001. 990 p. (In Russ.).

17. Cherniavskaia V.E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeistviia* [The discourse of power and the power of discourse the impact of voice Problems]. M.: Flinta [M.: Flint], 2006. — 136 p. (In Russ.).

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 92—97.

УДК 81
ББК 811

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10114

АЛЛОФРОНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ

З. Г. Кульшарипова
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

В данной статье представлены результаты исследования комментариев на английском языке из электронных изданий The Guardian и Daily Mirror на предмет аллофронии. Дана классификация аллофронных элементов, или противоречий, в лексике и стилистике. Кроме того, выделены виды противоречий, наиболее часто используемых в комментариях.

Ключевые слова: *интернет-коммуникация, интернет-комментарий, аллофрония, противоречие, фразеологическая единица, метафора, ирония.*

Введение

Интернет-коммуникация получает все большее значение в современном обществе. Ее распространение связано с общей доступностью средств связи, расширением границ общения, дополнительными возможностями, позволяющими общаться удаленно с неограниченным количеством людей, поэтому современные исследователи акцентируют внимание на изучении особенностей языка данного, относительно нового, вида коммуникации [1; 3; 4; 5; 6].

Одним из популярных видов общения в интернет-среде являются комментарии. В данной работе были проанализированы интернет-комментарии из электронных периодических изданий The Guardian и The Daily Mirror с целью установить особенности языка интернет-комментариев на английском языке, а именно — использование в комментариях аллофронных элементов, которые представляют собой «нестандартный, противоречивый, аритмичный аспект языка с ассиметричной структурой, предполагающий имплицитное, ментальное высказывание, стоящее за языковой единицей» [2. С. 124]. В данной работе рассматриваются аллофронные противоречия, среди которых можно выделить метафору, парадокс, юмор, окказионализмы, иронию и др.

Метафора

Метафора представляет собой употребление слова или выражения в переносном смысле на основе сходства. Можно выделить следующие примеры употребления метафоры в комментариях:

1. Семантическая метафора, которая представляет собой узуальную, общеязыковую или «избитую» метафору, являющуюся общеупотребительной и не несущей художественного смысла.

Среди комментариев, содержащих метафору можно выделить следующие:

— неодушевленный предмет уподобляется живому существу на основе сходства внешности или функций:

«The market for the computer entertainment industry is still young but its already a monster» (Здесь и далее в примерах сохранена авторская орфография и пунктуация);

«*Bringing in 7.5 billion or 15 billion and going along way until the vultures got their greedy finger on it*»;

«The golden hand shake pension wins every time...»;

«Thank you Aditya for your persistent and eye-opening reporting on this issue»;

«At the same times the poor countries should expel those British companies that milk those countries»;

«This act is a bureaucratic nightmare for local councils, costing millions and millions of £££ to implement and you know what?»;

«*Monye is colour blind*».

— неодушевленный предмет уподобляется другому предмету на основе сходства функций:

«Absolutely spot on. Why is it that local journalists can ask pertinent and relevant questions and the national media continues to be a pawn in the game of the powerful?»;

«Nagging but legitimate doubts» — same fig leaf for racism as the «legitimate concerns» over immigrants of the Leave campaign»;

«He talks about brexit being a form of great crusade, supported by the vast majority of the UK that could be 'thwarted' by evil remainers who are, like reds, under every bed».

2. Прагматическая метафора — индивидуальная, художественная или образная метафора, которая не является общеупотребительной, и применяется автором для художественной выразительности.

Нижеприведенные примеры представляют собой противоречия, так как описывают определенные понятия или предметы путем уподобления их предметам, семантически не связанным с описываемыми понятиями, на основе внешнего сходства:

«To be fair we do have rather more obligation than most. Bathing the globe in pink for three centuries has its consequences»;

«People in britain today live in there own little bubbles they don't even talk to each other», — противоречие заключено в уподоблении замкнутого образа жизни существованию в пузыре;

«Cameron turned PMQs into a farce. With the Tory 'wall of noise' and his school boy insults. It became totally meaningless in 2010»;

«Any common sense shown on these pages will get red arrowed»;

«Not sure who red flagged you…»;

«No, just commenting on the dog whistle to racists that government spokespersons cannot resist using...».

Ирония

Ирония представляет собой слово или целое выражение, употребляемое в противоположном смысле, с целью насмешки.

«Too right. Like yourself I often follow people home from foodbanks. In one case I peeped through the window and they not only had a cat but also a TV!» — сочетание глагола have с разнородными существительными создает комический эффект. В данном примере комментатор иронизирует над тем, как некоторыми его собеседниками оценивается имущественное положение бедствующих людей.

Примеры комментариев с иронией можно сгруппировать следующим образом:

1. Ирония, связанная с произошедшими событиями: горькой и злой насмешкой пронизан следующий комментарий — *«People "experiencing food insecurity". Next they'll tell us that about 70 people in Greenfell Tower experienced "vital signs instability"»,* в котором комментатор насмехается над тем, как власти могут завуалировать страшные события из жизни людей, которые, ко всему прочему, привели к тяжелым последствиям.

«ah! I knew brexit would get into this story. Well done».

«Vote Conservative again — show the world you read the Sun» — в данном случае автор насмехается над аудиторией известного британского таблоида The Sun.

2. В следующих комментариях содержится ирония над властью — «*If only we could develop a vaccine against the Conservative Party:)»* — лексическая единица «вакцина» употреблена в нетипичном для нее контексте, что создает противоречие.

«Gove lied? Really? Well I for one am shocked!» — в данном случае противоречие заключено в том, эксплицитно автор комментария подвергает сомнению тот факт, что «правительство солгало», но имплицитно он в этом уверен.

«Gove breaking a pledge!!! NO!!! I simply refuse to believe it».

Следующие комментарии — примеры развернутой иронии — *«Can we put out an urgent appeal for a Brain Donor? Jeremy Hunt is desperate for a brain with intellect. He may die of utter stupidity if a transplant isn't forthcoming. Donate a Brain to Jeremy Hunt and make his Xmas a time of good cheer..... and ours too».*

«Tories will flog anything that doesn't belong to them.....even your organs GS You're welcome to my giblets but please make sure I'm actually dead first».

3. Насмешка над отдельно взятой личностью — *«You must be a Tory. Humans don't talk like that».* Здесь противоречие заключено в том, что автор противопоставляет приверженцев Tory человеку, как одному из видов живых существ.

«It seems the Maybot virus is spreading fast and wild through tory ranks. The recent reboot failed, the virus must be quarantined, fully deleted and fast before the whole system crashes».

«She looks awful, she is awful, please go away, far away like the moon or Mars maybe!».

«Ha! She has a magic money tree when it comes to bribing the DUP to stay in power».

«Ruth Davidson and David Mundell are Tories and fully support Theresa May and her Cabinet of Clowns. In fact David Mundell is actually a member of said Cabinet (though his main responsibility is making the coffee at meetings)». Фраза Cabinet of Clowns, образованная от термина Cabinet (кабинет министров), содержит в себе насмешку, т. к. сравнивает представителей данного кабинета власти с клоунами.

«I see you are struggling with your mother tongue again, what does 27& mean?»

«What? Are you a real person complete with a brain and a heart and everything?»

Юмор

Юмор — это особый вид комического, в котором внешне комическая трактовка сочетается с внутренней серьезностью.

Юмор, содержащийся в следующем комментарии, заключается в уподоблении разнородных понятий — «*Brexit=Christmas/Farmers=Turkeys/ This of course wont end well!*».

Парадокс

Парадокс — это утверждение, которое расходится с общепринятым мнением.

В следующей фразе парадокс заключен в использовании лексических единиц с противоположным значением, относящихся к одной и той же ситуации: «*So right, but so wrong!*».

«*Seems 'UBER' and many more businesses i suspect we'll never even get to hear about are in favour of this current system in order to exploit/use people to make them RICH...*» — здесь противоречие заключается в использовании глагола *exploit* «эксплуатировать, т. е. использовать в своих целях» с целью действия, выраженного этим глаголом — *to make them rich* «обогатить их, т. е. сделать что-то для них».

«*I really can't help but feel that the survivors are being used as pawns by 'activists', who're promising them the moon on a stick if they keep on rejecting offers of permanent accommodation, in order to inflict reputational damage on the Tories*» — противоречие состоит в том, что невозможно поместить такой огромный объект, как Луна, на палочку.

Зевгма

Зевгма основана на нарушении логического тождества, что создает комический эффект.

В данном примере комичность достигается через сочетание глагола have «иметь» с абстрактным существительным imagination «воображение» и конкретным существительным wallet «кошелек» — «*If you have no imagination and a full wallet, I guess its easy if lazy thinking to equate the NHS to a supermarket*».

В следующей фразе объединены несочетаемые понятия «еда», «деньги» и «ядерный реактор» — «*Little Kim's Dad and G'dad did the same thing. Saber rattled to get food, money or in the case of Bill Clinton, a nuclear reactor. He thinks the same thing will work with Trump. It won't. But, he keeps doing the same thing over and over expecting a different result*».

В данном примере автор объединяет выдуманных персонажей таких как Санта Клаус и зубная фея с реальным событием — *«Well if you belive in Gove's promise then you will also believe in Santa Claus, tooth fairy and WMD in Iraq, i. e. you are stupid».*

«You lot really are stuck in the past, complete with reds under the bed, pesky foreigners and WW2 references. It is pathetic. Grow up» — противоречие заключается в сочетании разнородных понятий.

Контаминация

Контаминация — это возникновение нового слова в результате смешения частей двух слов или выражений. Сочетание разнородных понятий создает эффект противоречия: *Brexitannia, Brexitland, a megaconglomerateomnibastard, marypoppins/crustycorbyn/centrepoint*.

Синойкиоза

Синойкиоза представляет собой сочетание противоположностей, что само собой создает противоречие.

«That it is not shoking, is shoking».

«We shall have to agree to disagree on that».

Фразеологизмы

Фразеологизмы по своей структуре представляют собой аллофронию, т. к. основываются на переносе значения. Можно выделить следующие группы фразеологизмов, встречающихся в интернет-комментариях:

1. Фразеологические сращения (аллофрония заключается в несоответствии между формой и содержанием):

«I remember when we had to go cap in hand to the IMF because of Labour policies».

«They and the gambling commission also turn a blind eye to problem gamblers that open up multiple accounts to feed addiction» — логическое противоречие, связанное с двумя взаимоисключающими понятиями.

«Well it is a British enquiry, the establishment always find that lessons will be learned, and no heads will roll».

«Gotta get off the high horse, especially when you have reached it through no means of hard work».

«I agree fully with this, we should not be providing handouts to the third world, we should only be helping them, their governments need to be bold and step up to the plate and fix the corruptions that are going on their in their countries/governments».

«Labour needs to be a broad church, but there must be some connections with its political direction…».

«So the answer according to some people was to give Kober and Lendlease carte blanch to build luxury flats all over the borough».

2. Фразеологические единства (метафорическое значение фразеологизма определяется значениями его компонентов):

«If they sit in silence while this goes from bad to worse, why do we give them seats in the Lords?»

«You took the Words out of my mouth… «.

«If I was a European I would have washed my hands of the UK by now».

«Have you ever been to India? The level of poverty there is jaw dropping».

«Well, analyse this article and criticise…don't just throw muck. Use your loaf, if you have one. There's lenty of history here online».

«Unfortunately with a government like the Tories it would be a total impossibility they would never let that amount of money slip through their fingers».

3. Фразеологические сочетания (содержат в своем составе непосредственное противоречие, в понятии есть признак, не свойственный ему):

«The Guardian may weep oceans of crocodile tears but its vitriolic anti-Corbyn stance shows it true colours».

«There are people in our community who just can't make ends meet».

«How about we just admit that this white elephant isn't fit for purpose, unless its purpose is wholly political».

«Any way rich of Mr Trump to bring this up considering he has blood on his hands in regards to the 4 american soldiers killed in Niger».

«Kids' attention spans and patience has been shot to pieces by the quick reward dopamine cycle that is social media and YouTube» — абсурдное противоречие, объединение признаков из разных областей.

«For gods sake they also voted this shower of a government in!!!».

«Sick to death of people speaking on my behalf».

«I would pay an extra 1 % on my tax without batting an eyelid so long as the NHS is where it goes».

«Plenty to do with the proportion of Thatcher Right to Buy Council houses that end up in the pockets of private landlords, subsidised by us».

«As opposed to a whole government born with a silver spoon in the're mouths».

«There is very little incentive for drug companies to invest in a cure, why kill the goose that lays the golden egg?».

«Talk about biting the hand that feeds you».

«Even when we've finished negotiating with the EU, running at China, India and the USA would be quite silly because we'll probably be welcomed with a fist rather than an embrace».

«What do you expect from Gove — a man? who makes a pig's ear of everything». Be careful what you wish for. The moderate Labour representation is being replaced systematically by Momentum-driven, intolerant extremists. The people of Haringey actually have little influence over this insidious expropriation of their borough. It will end in tears».

«And your big idea? Cut wages. Yup, you know it makes sense. Not. You know what they say: Pay peanuts you get monkeys».

Переосмысление фразеологических единиц

В комментариях зачастую встречаются случаи употребления фразеологизмов с измененной структурой.

1) Развернутые фразеологизмы:

«Best now to make it work rather than crying over what most of you consider to be spilt milk».

«Obviously aid isn't sustainable, which is why those countries should raise the price of things people in the west rely upon so people here can't always get their have their cake and eat it».

2) Видоизмененные фразеологизмы:

«Time to turn our swords into hospital beds: time to sack the Tory thieves». Изменена фразеологическая единица «turn swords into plowshares».

«Hunt goes from bad to horrible (from bad to worse) each time he opens his mouth».

«Merry trolling!:)» (Merry Christmas).

«Give a man a fish and he can eat for a day. Give him a fishing rod and he can feed himself (Give a man a fish and you feed him for a day. Teach a man to fish and you feed him for a lifetime). Alternatively, don't poison the fishing waters, abduct his great-grandparents into slavery, then turn up 400 years later on your gap year talking a lot of shite about fish».

Заключение

Как видно из приведенных примеров, использование аллофронии характерно для комментариев на английском языке. На основе изученного материала (около 100 единиц) можно сделать следующие выводы:

1. Чаще всего в интернет-комментариях встречаются фразеологические единицы (42 %), ирония и метафора (по 20 %), менее употребительными являются парадокс, зевгма и контаминация (по 5 %), а также синойкиоза (3 %).

2. Использование аллофронии преобладает среди читателей The Guardian — (62 %). При этом наибольшее число комментариев приходится на тематику «Society» (Общество) и «Politics» (Политика) — 51 % и 42 % соответственно. Были также рассмотрены комментарии из области «Opinion» (Мнение) — 7 %.

Поскольку интернет-коммуникация нуждается в дальнейшем изучении — исследования в данной области будут продолжены. В следующей работе планируется провести сравнительный анализ интернет-комментариев к статьям на английском и русском языках.

Список литературы

1. Абдуллина, Л. Р. Интернет-комментарии как отражение национального мировосприятия (на материале французского и русского языков) / Л. Р. Абдуллина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 1. — URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2016/01/2016—01—01.pdf.

2. Ганеев Б. Т. Противоречия в языке и речи: монография / Б. Т. Ганеев // Уфа, 2004. — 472 с.

3. Каменева В. А. Интернет-комментарий к англоязычным статьям политической и культурной тематики. Коммуникативные цели / В. А. Каменева // Политическая лингвистика. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kommentariy-k-angloyazychnym-statyam-politicheskoy-i-kulturnoy-tematiki-kommunikativnye-tseli.

4. Рейтблат А. И. Комментарий в эпоху интернета (методологические аспекты) / А. И. Рейтблат // Журнальный зал. — URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/re8.html.

5. Щипицина Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария / Л. Ю. Щипицина // Филология и искусствоведение. — URL: https://cyberleninka.ru/article/v/zhanrovyy-status-setevogo-kommentariya.

6. Crystal D. Language and the Internet. NY, 2004. (In English).

7. Herring S. Computer-Mediated Discourse 2.0 / S. Herring, J. Androutsopoulos // URL: http://info.ils.indiana.edu/~herring/herring.androutsopoulos.2015.pdf.

8. Herring S. Commentary: Contextualizing Digital Discourse / S. Herring // URL: http://ella.slis.indiana.edu/~herring/commentary.2011.pdf.

9. Herring S. Introduction to the pragmatics of computer-mediated communication / S. Herring, D. Stein, T. Virtanen // URL: http://ella.slis.indiana.edu/~herring/CMC.pragmatics.intro.herring.et.al.pdf.

10. Herring S. Computer-Mediated Discourse / S. Herring // URL: http://ella.slis.indiana.edu/~herring/cmd.pdf.

Сведения об авторе

Кульшарипова Зиля Гумеровна — аспирант кафедры русского языка, Башкирский государственный университет им. М. Акмуллы. Уфа, Россия. zilya.kulsharipova@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 92—97.

ALLOPHRONY IN THE ENGLISH-LANGUAGE INTERNET-COMMENTS

Z.G. Kulsharipova
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmula, Ufa, Russia. zilya.kulsharipova@mail.ru

This article presents the results of a study of allophrony on the materials of comments in the English language in electronic publications of The Guardian and The Daily Mirror. Units representing allophrony were selected using the continuous sampling method. Allophrony is a non-standard, contradictory, arhythmic aspect of a language with an asymmetric structure, implying an implicit, mental statement behind a linguistic unit. The classification of allophronic elements, or contradictions, is given in the paper; such elements as metaphor, irony, humor, paradox, zeugma, contamination, synocchiozy and phraseological units are described. The types of contradictions that are most often used in the comments are identified, among them there are metaphor, irony and phraseological units. The article will be of interest to researches, students in the field of linguistics / philology studying Internet comments and allophrony.

Keywords: *Internet communication, Internet comment, allophrony, contradiction, phraseological unit, metaphor, irony.*

References

1. Abdullina L.R. Internet-kommentarii kak otrazhenie nacional'nogo mirovospriyatiya (na materiale francuzskogo i russkogo yazykov) [Internet comments as the reflection of the national identity (on the basis of French and Russian languages)]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Vestnik of VGU. Series: Philology. Journalism], 2016, no. 1. Available at: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2016/01/2016-01-01.pdf, accessed 16.04.2018 (In Russ.).

2. Ganeev B.T. *Protivorechiya v yazyke i rechi* [Contradictions in language and speech]. Ufa, 2004. 472 p.

3. Kameneva V.A. Internet-kommentarij k angloyazychnym stat'yam politicheskoj i kul'turnoj tematiki. Kommunikativnye celi [Internet commentary on English-language articles on political and cultural topics. Communicative goals]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kommentariy-k-angloyazychnym-statyam-politicheskoy-i-kulturnoy-tematiki-kommunikativnye-tseli, accessed 16.04.2018 (In Russ.).

4. Rejtblat A.I. Kommentarij v ehpohu interneta (metodologicheskie aspekty) [Commentary in the Internet Age (Methodological Aspects)]. *Zhurnal'nyj zal* [Journal Hall]. Available at: http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/re8.html, accessed 16.04.2018 (In Russ.).

5. Shchipicina L.Yu. Zhanrovyi status setevogo kommentariya [Genre status of network commentary]. Filologiya i iskusstvovedenie [Philology and Art Sciences]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kommentariy-k-angloyazychnym-statyam-politicheskoy-i-kulturnoy-tematiki-kommunikativnye-tseli, accessed 29.04.2018 (In Russ.).

6. Crystal D. *Language and the Internet*. NY, 2004.

7. Herring S., Androutsopoulos J. *Computer-Mediated Discourse 2.0.* Available at: http://info.ils.indiana.edu/~herring/herring.androutsopoulos.2015.pdf, accessed 16.04.2018.

8. Herring S. *Commentary: Contextualizing Digital Discourse.* Available at: http://ella.slis.indiana.edu/~herring/commentary.2011.pdf, accessed 16.04.2018.

9. Herring S. *Introduction to the pragmatics of computer-mediated communication.* Available at: URL: http://ella.slis.indiana.edu/~herring/CMC.pragmatics.intro.herring.et.al.pdf, accessed 29.04.2018.

10. Herring S. *Computer-Mediated Discourse*. Available at: URL: http://ella.slis.indiana.edu/~herring/cmd.pdf, accessed 29.04.2018.

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 98—105.

УДК 811.161.1.81'373 **DOI 10.24411/1994-2796-2019-10115**
ББК 81.2Вье-3

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «РЕЧЬ» В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Нгуен Бик Нгок
Томский государственный университет. Томск, Россия

Статья посвящена сопоставительному анализу групп фразеологизмов, объединённых семантикой «акустические свойства речи» и «характеристика речевой способности человека» в русском и вьетнамском лингвокультурах. Анализируются сходства и различия в пределах каждой семантической группы в разных языках. Устанавливается, что оба языки вычленяют соответственные группы и структурируют их по единому типу: тихая — громкая речь; высшая речевая способность и низкая речевая способность. Но отражение семантики фразеологизмов осуществляется с опорой на не пересекающиеся лингвокультурологические образы. В русском фразеологическом фрагменте доминируют образы, связаны с именами органов производства речи — соматизмами и с характеристикой речевого процесса, во вьетнамском — с различными видами чувственного восприятия (поглощение пищи, вкусовая и слуховая перцепция).

Ключевые слова: *фразеологизм, фразеологическая картина мира, лингвокультурология, речевая деятельность.*

Язык как важнейший инструмент человеческого общения является не только средством обработки мысли и закрепления результатов мыслительной деятельности, но и хранилищем культуры каждого народа. Культурные представления этноса, отражаясь в языке, формируют особую языковую картину мира. В ее изучении главная роль отводится лексическому уровню языка, и в особенности фразеологии. Фразеологические единицы отражают традиции, быт, менталитет народа и его историю, выделяя тем самым ценности, значимые для определенной лингвокультуры. При этом «именно фразеология как бы навязывает носителям языка особое видение мира, ситуации» [10. С. 40]. В. Н. Телия утверждает, что «фразеологический состав языка — это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [13. С. 9].

Фразеологическая система языка исследуется как в русской, так и вьетнамской современной лингвистике в разных аспектах, из которых можно выделить структурно-семантический [8; 11], нацеленный на изучение структурных особенностей фразеологических единиц, выражающих те или иные смысловые типы; идеографический [1], разрабатывающий принципы формирования тематических классов фразеологизмов; лингвострановедческий [5; 12; 15], описывающий фразеологизмы как единицы, дающие определенные сведения о стране изучаемого языка.

К наиболее разрабатываемым в настоящее время относится лингвокультурологический аспект, исследующий фразеологию в рамках проблемы «язык и культура». При этом изучение именно фразеологического состава языка является наиболее перспективным в описании культуры этноса и его картины мира. Общепризнанным в лингвокультурологии считается утверждение о том, что фразеологизмы — наиболее насыщенные культурными смыслами единицы языка, поскольку присущая им устойчивость и воспроизводимость образов есть одна из форм коллективной культурной памяти [4].

Лингвокультурологическое направление развивается в работах В. Н. Телия, М. Л. Ковшовой, В. И. Зимина, Н. Г. Брагиной, Е. О. Опариной и др. О его активной разработке свидетельствуют выходящие сборники научных статей, такие как «Фразеология в контексте культуры» (1999), «Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках» (2004) и другие. Несмотря на имеющийся обширный материал по лингвокультурологическому исследованию фразеологизмов русского языка, а также большого количества работ, выполненных в сопоставительном ключе (русский / английский, русский / немецкий, русский / французский), можно отметить, что почти не изученной остаётся лингвокультурная специфика русской и неблизкородственной ей вьетнамской фразеологии.

Данная статья представляет собой теоретико-сопоставительный анализ фрагментов русской и вьетнамской фразеологической картины мира, отражающих речевую деятельность человека в соответствующих лингвокультурах.

Материалом исследования послужили русские и вьетнамские фразеологические единицы речевой деятельности, представленные в следующих словарях: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова; Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В. Н. Телия; Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / под ред. В. М. Мокиенко; Фразеологический словарь русского литературного языка А. И. Федорова; Thành ngữ tiếng Việt. Нгуен Лык; Từ điển thành ngữ và tục ngữ Việt Nam. Нгуен Лан; Từ điển giải thích thành ngữ tiếng Việt. Нгуен Ньы И, Нгуен Ван Ханг, Фан Суан Тхань.

Необходимо отметить, что фразеологические единицы речевой деятельности составляют значительную часть фразеологизмов в языковой системе. Именно эта группа отражает многовековые наблюдения над поведением человека в процессе речи, характеристику речи, что в свою очередь является культурно-информационным ресурсом, рассказывающим об особенностях менталитета народа.

Необходимо указать, что основой для отбора единиц изучаемого поля явились признаки, выработанные как в русской, так и во вьетнамской лингвистике, которые составляют сущность понятия «фразеологическая единица». Они выделяются в трудах ведущих в данной области учёных В. В. Виноградова, Д. Н. Шмелёва, В. Л. Архангельского, Н. М. Шанского, В. П. Жукова, В. Н. Телия, Нгуен Тхиен Зан и др. С опорой на данные признаки в предпринятом описании под фразеологической единицей понимается относительно устойчивая, воспроизводимая в речи, раздельнооформленная, содержащая переосмысление всего сочетания слов или отдельных его компонентов и обладающая целостным значением единица языка.

Исходя из разного понимания в науке объёмов фразеологии, необходимо отметить, что в данной работе рассматривается её «узкий» объём, включающий фразеологизмы-идиомы, и не рассматриваются пословицы, поговорки, афоризмы (подробнее об этом см.: [13. С. 58]). В отборе вьетнамских фразеологизмов мы опирались на классификацию вьетнамских фразеологизированных единиц, представленную в исследовании Данг Ван Куанг, в соответствии с которой отбирались только сравнительные и метафорические фразеологизмы; фиксированные фразеологизированные единицы (вводные конструкции и фиксированные единицы-идентификаторы) не рассматривались [7. С. 207—210].

В предпринятом исследовании фразеологическое поле «речь» предстает очень наполненным. По данным русских фразеологических словарей, в него входит более 200 единиц русского языка. По данным вьетнамских фразеологических словарей, фразеологическое поле «речь» составляют более 160 единиц вьетнамского языка. Это объясняется значимостью речевой деятельности человека для любого этнического сообщества.

Чем более разработанной в языковом плане является та или иная референтная сфера, тем больше разноаспектных характеристик она получает. Наблюдение над единицами фразеологического поля речевой деятельности позволяет выделить ряд аспектов, по которым характеризуется речь носителями русского и вьетнамского языкового сознания. Эти аспекты отражают особо важные для русского и вьетнамского человека признаки, которые получают образную форму выражения, приобретая тем самым устойчивость и воспроизводимость.

Аспекты характеристики речи, существующие в русском и вьетнамском языке, наблюдаются и в других языках, так как отражают общечеловеческий ход мысли. Но, как показывают многие сопоставительные исследования, наряду с общностью семантики фразеологизмов, функционирующих в разных языках, выделяются и различия, которые могут проявляться как в значении фразеологизмов, так и в их форме. Таким образом, исследование сходства и различий тех или иных фрагментов мира в представлениях носителей разных языков является важной лингвокультурологической задачей, поскольку результаты такого сопоставления предоставляют данные о характере видения мира носителями определенной лингвокультуры.

Анализ фразеологических единиц поля «речь» позволяет вычленить в его пределах группы, характеризующие речевую деятельность человека с разных точек зрения. Формирование групп базируется на семантическом критерии: в основе каждой из них лежит определённый аспектируемый признак, вокруг которого группируются фразеологические единицы, обнаруживающие общность семантики.

В настоящем исследовании представлено описание некоторых групп, составляющих поле «речь». Можно выделить совокупность фразеологических единиц, в которых оцениваются формальные характеристики речи, и в частности ее акустические свойства. Эта группа отражает громкость речи, или, иначе, повышенное акустическое свойство:

— *Во всё горло.* Очень громко (кричать, орать, петь, хохотать). — *Мы стояли на берегу, кричали во всё горло и размахивали руками.* В. Чудакова, Чижик — птичка с характером. — *В это время хотел проскользнуть в переулок Алёшка Чепалов со своими, но Семён осадил его, рявкнул во всё горло: — Не лезь, вошь, вперёд таракана! — и замахнулся нагайкой.* К. Седых, Даурия. — *Чумаков, откинувшись назад, хохотал во всё горло. Он смеялся так, что на глазах его выступили слёзы.* М. Шолохов, Тихий Дон. — *Продавцы варёного риса, кипятка для чая и засушенных ящериц во всё горло хвалили свой товар.* Н. Тихонов, Друг народа.

— *Во всю глотку.* Прост. Очень громко (кричать, орать и т. п.) — *Слова о его покупке мёртвых душ были произнесены во всю глотку.* Гоголь. Мертвые души. — *Возникает гвалт, и громче всех кричит, не уставая цыган. Товарищи цыгана тоже орут во всю глотку.* М. Горький. Ярмарка в Голтве.

— *Драть [надрывать] горло [глотку].* Прост. Очень громко говорить, кричать, петь и т. п. *Иван Никифорович начал рассматривать петуха, который стоя на крыльце изо всей мочи драл горло.* Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. — *Если он думает, что я пойду на клирос и буду петь в хоре, так это напрасно. С какой стати? Потому что у меня бас, так я непременно должен горло драть.* И. Потапенко. Овца. — *[Кларл] слушал, как петух с придыханием прилежно надрывает глотку.* А. Н. Толстой. Петр Первый. — *Дронов выскочил вперед, и надрываясь, рявкнул: Встать, прокурор идет! Из камеры наслышался смешливый голос — Ну и пусть идёт. Чего ты глотку дерёшь? Я не глухой.* Г. Марков. Строговы.

— *Во весь рот.* Прост. Очень громко (кричать, орать и т.п). — *Меньшиков бежал через плавучий мост среди низкорослых стрелков — ингермандлацев, потрясая шпагой, кричал во весь рот. Все солдаты кричали во весь рот.* Л. Толстой. Петр Первый. *Он не раскрыл парашюта, и Лунин решил все кончено. Продолжая кричать во весь рот, Лунин круто спикировал и понесся вниз вслед за падающим Серовым, словно собирался резаться в лес.* Н. Чуковский. Балтийское небо.

— *Разевать глотку.* Грубо прост. Громко говорить, кричать, орать, хохотать и т. п. *[Афанасий Яклич] с величайшим раздражением вслушивался, как хохотали мужики, и бормотал себе в бороду: — Обрадовались, разинули глотки!* А. Эртель. Гарденины…

— *Развязать горло.* Прост. Экспрес. Раскричаться, расшуметься. — *А что, Карл Хрестьяныч дома? — С лягавой сукой, с Динкой, на заводь к Оке отбыть изволили, — буркнул чуть не во всё горло городовой. Городничий поднял кулак и примолвил своему подначальному: — Что горло-то развязал? Скотина! На пожаре, что ли, ты?* Мельников-Печерский. На горах.

— *Распускать губы*. Прост. Презр. 1. Орать, громко ругаться. — *А ты потише. Чего губы распустил? — Что-о? — вскипел Сухарько. — Ты ещё разговариваешь, рвань несчастная!* Н. Островский. Как закалялась сталь. — *Казаки! — обратился он к вольнице. — Я выбран громадой и веду войско, а не баранье стадо. Что губы распустили, из-за чего перегрызлись? Атаманы, сотники в спорки схватились, в муть гущи подбавили.* Е. Фёдоров. Ермак.

— *В голос.* Так громко, что всем слышно (кричать, плакать и т. п.). Ср. на голос — *Ах ты, мошенник этакой! Ведь я тебе кричал в голос: сворачивай, ворона, направо!* Гоголь, Мёртвые души. — *Парома, подай, эй!-кричали почти в голос, стоя на мостках несколько человек.* Н. Наумов. У перевоза. — *Князя, заплаканного, трепещущего, выводили в коридор Бьоринг и спутник его. Князь рыдал в голос, обнимал и целовал Бьоринга.* Достоевский. Подросток.

— *Во весь [в полный] голос.* Очень громко (говорить, петь и т. п.). — *Куда мне ехать! — в полный голос ответил Ерофей Кузьмич.* М. Бубеннов. Белая берёза. — *Он со силой отодвинул дверь, шагнул в коридор, где уже толпились с чемоданами пассажиры, и во весь голос сказал: — Ну, вот и матушка Москва!* Федин Костер.

— *Благим матом кричать.* Очень громко, неистово, исступленно (кричать, орать, выть, вопить и т. п.) — *Кто-то в нашем отделении вскочил с своего ложа и благим матом кричал «караул! грабят!». Это вопиял Удав, которому приснилось, что произошла третья дележка, и что его при этой дележке… опять позабыли!* Салтыков-Щедрин, За рубежом. — *Мальчики повалились друг на друга, стукнулись головами, заорали благим матом.* В. Катаев. Белеет парус одинокий. — *Староста наш в канаву залез: старостиха в подворотне застряла, благим матом*

кричать, свою же дверную собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес… И. Тургенев. Записки охотника.

— *Что есть духу.* Очень громко (кричать, орать, выть вопить и т. п.). — *Замахал руками, закричал что было духу своим: — Братцы, выручай!* Л. Толстой. Кавказский пленник.

— *Что есть силы* (сил) [мочи]. Очень громко (кричать, орать, выть вопить и т. п.). — *В колыбели с полночи. Бьется, плачет, что есть мочи, Беспокойное дитя.* Полежаев. Баю-баюшки-баю. *Наконец кто-то ринулся из толпы к парню и, ухватив его за плечи, крикнул что было силы: — Эй, Петруха, мотри, укусит… пусти!* Григорович, Антон-Горемыка.

— *Во всю ивановскую.* Очень громко (кричать, храпеть и т. п). — *Того господина, например из 10-го нумера, который горланил во всю ивановскую, «Оду на вольность», я видел потом чишайшим штаб-лекарем.* Пирогов, Дневник старого врача. — *Ономедни пришел, [дьякон] пьяный-препьяный и орет во всю ивановскую: — Близко не подходи, изобью! Я было хотела скрутить его, да он такую затрещину дал, что свету божьего невзвидела.* Решетников. Ставленик.

— *На весь базар.* Очень громко (кричать). — *Вот он всходит на крыльцо. Вот хватает за кольцо. Что есть силы в дверь стучится. Чуть что кровля не валится. И кричит на весь базар, словно сделался пожар.* П. Ершов. Конёк-Горбунок.

Единицам, репрезентирующим громкую речь, в русском материале противостоит лишь один фразеологизм, обозначающий речь с пониженными акустическими свойствами:

— *Гробовым голосом говорить.* Иноск. Глухим, как бы из гроба. — *Пересолин (начальник) открыл дверь и вошел в дежурную. Явись перед чиновниками (игравшими в винт) умерший в прошлом году экзекутор, проговори он им гробовым голосом: «идите за мной, аггелы, в место, уготованное канальям», они не побледнели бы так, как побледнели, узнав Пересолина.* А. П. Чехов. Винт.

Обзор вьетнамских фразеологизмов показывает, что в группу, обозначающую громкую речь, входят следующие единицы:

— *Nói như lệnh vỡ* — говорить громко, словно оглашать приказ.

— *Kêu vỡ làng vỡ nước* — орать, разрушая село, разрушая страну

— *Kêu như dê tế đền* — кричать как козел, приносимый в жертву богу.

— *Rống như bò* — разреветься как корова.

— *Rống lên như cha chết* — разреветься, как будто умер отец.

Антонимичным по значению фразеологизмом, обозначающим тихую речь, является:

— *Thì thầm như kẻ trộm chia của* — шепчут, как будто воры делят украденные вещи.

Таким образом, сравнение фразеологизмов двух языков по параметру «сила звука» обнаруживает как сходство, так и различия.

Сходство состоит в том, что как в русском, так и во вьетнамском языке противопоставление тихой и громкой речи хотя и существует, но проявляется несимметрично, с преимущественным преобладанием громкой речи.

Различия же заключаются в не пересекающихся по смыслу образных основаниях русских и вьетнамских фразеологизмов.

В русском языке представления о громком звуке реализуются с опорой на акустические органы, служащие для его производства. Их названия входят в состав фразеологизмов: *рот, горло, глотка, губы.* Для вьетнамского языка передача громкого звучания через соматическую лексику не характерна.

В фокус фразеологизма может также помещаться непосредственное указание на силу звука, проявляющуюся в голосе: в *голос, во весь голос, что есть силы, что есть духу, что есть мочи, благим матом.*

Ещё один способ образного выражения громкого звучания в русском языке связан с пространством: учитывается большая площадь распространения звука, заполненная другими громкими звуками: *во всю ивановскую, на весь базар.*

Громкий звук во вьетнамском языке, в отличие от русского, сравнивается со звуками, издаваемыми животными: *кричать как козел, разреветься как корова.*

Такие лексические единицы, как *разреветься*, *орать*, имеют сниженный характер. По оценке вьетнамского народа, громкая речь — это неприятный звук, он всегда ассоциируется с неприятными событиями, которые, если случатся, то приведут к каким-нибудь плохим результатам. Поэтому громкая речь сравнивается с неприятной ситуацией жизни, с переживанием душевной (к*ак будто умер отец*) и физической боли (*козёл, приносимый в жертву, корова, которую убивают на мясо*), а также с неприятным содержанием приказа: оплатить налог, взять в армию и т. п. (*оглашать приказ*).

Так же как и в русском языке, громкий звук отчасти связывается с семантикой пространства, но во вьетнамском фразеологизме сила звука передаётся прежде всего через разрушительные

действия, которые распространяются на большое расстояние: *разрушая село, страну.*

Высоко разработанной во фразеологическом поле речь является группа, объединённая семантикой «характеристика речевой способности человека», которая в обоих языках строится по принципу противопоставления богатой и бедной речи.

В русском языке богатая, находчивая, красивая речь передаётся через следующие единицы:

— *Боек на язык [на слова].* Находчив в разговоре, красноречив. *Возня с хозяйством обратил ее в вечно движущуюся и бойкую на слова женщину.* Гончаров. Обрыв. *[Семенов:]Козьму я знаю в доль и поперек. Он боек на язык, упрям и дерзок.* Островский. Козьма Захарьич Минин. Сухорук.

— *Острый на язык.* Разг. Экспрес. К*то-либо остроумен, язвителен и т. п. Была она смолоду... смугла лицом, с быстрыми, серыми, глубоко посаженными глазами. За то её мать Фомича, острая на язык старуха, прозвала «Долблёные глаза».* Б. Можаев. Живой!

— *Язык хорошо подвешен*. Прост. Экспрес. Кто-либо умеет свободно, гладко говорить, писать. *Дэнэм был тут как тут, никогда не упустит случая сострить. Язык у него подвешен. Весь класс засмеялся, и я вместе с ними — на сей раз он сострил удачно.* Э. Брейтуэйт. Учителю — с любовью. — *Думаю, что незабвенный Иван Александрович, если бы удачно женился, мог бы быть… журналистом, у него хорошо язык был подвешен*. О. Басилашвили. Наедине со всеми.

— *Языком как на гуслях играет. Иноск.* Ловко, бойко, сладко говорит. — *Вчера ко мне благородная просить на бедность приходила, так она языком-то, как на гуслях играла. Превосходительством меня называла, в слезы ввела*. Островский. Не все коту масленица.

— *За словом в карман не лезет [полезет]***.** Разг. Одобр. Находчив в беседе, в споре, красноречив. *Сашка Быков сразу к ней и завёл фривольный разговорчик. Она за словом в карман не лезет. Он ей: «Чего ты перезреваешь! Смотри, так и замуж не выйдешь». А она в ответ: «Не волнуйся, старой девой не помру. Придёт время — поступлю так, как хочу я, а не мои соседи».* В. Инфатьев. Функция времени.

— *Владеть даром слова*. Устар. Обладать способностью выразительно, красноречиво говорить, писать. *Особенным даром слова Хвалынский не владеет или, может быть, не имеет случая высказать своё красноречие, потому что не только споры, но вообще возражения не терпит*. Тургенев. Два помещика. *[Кураев] был человек в обществе видный, резкий немного на язык, любил порезонёрствовать и владел даром слова.* Писемский. Тюфяк.

— *Заливаться [залиться] соловьём*. Разг. Шутл. Говорить красноречиво, витиевато, оживленно. *Он ел мало… и лишь изредка вскидывал глазами на Калломейцева, который… заливался соловьем*. Тургенев. Новь.

— *Говорит как пишет (как по писаному)*. Иноск. Толково, обстоятельно. — *Как по писаному она прочитала ему свой взгляд на брак и на замужество.* Лесков. Захудалый род. *Мы пустые песни пели И громких слов любили праздный шум.* П. М. Ковалевский. Нашим сверстникам. *Что говорит! — и говорит как пишет!* Грибоедов. Горе от ума.

Характеристика бедной речи представлена фразеологизмами:

— Не уметь, не мочь связать двух слов. Разг. Ирон. Быть неспособным связно сказать что-либо, изложить свои мысли. *Я решительно отказался выступать завтра, — очень расстроен смертью Алёши, в голове каша, не сумею связать двух слов* (Вересаев. К жизни).

— Язык плохо подвешен. Разг. Ирон. Кто-либо не умеет свободно, гладко говорить, косноязычен. *Но англичане и так всё поняли. Они не так хорошо острят, как французы, язык у них подвешен хуже, но отлично понимают остроты и намёки*. Н. Задорнов. Война за океан.

Во вьетнамскую группу со значением красноречия входят следующие единицы:

— *Ăn sóng nói gió* — досл. Поглощать (есть) волны и ветер (бурю). Уметь говорить очень сильные по звуку и по ценности слова; авторитетная речь, которую все будут слушать.

— Ăn to nói lớn — глотать пищу большими кусками (есть много), Уметь говорить очень сильные по звуку и по ценности слова; авторитетная речь, которую все будут слушать.

— *Khéo tay hay miệng* — досл. умелые руки, ловкий рот. Человек ловок во всём, в том числе умеет хорошо, умно говорить.

— *Mau mồm mau miệng* — досл. проворный рот ловкие губы. Человек способен быстро облечь в слова свою мысль, проявить умелость в коммуникации.

— Ăn nên đọi nói nên lời — досл. уметь есть, уметь говорить. Чётко выражать свои мысли.

— *Nói con kiến trong lỗ cũng phải bò ra/nói rắn trong lỗ cũng phải bò ra.* — досл. говорить так сладко (красиво, складно, нежным певучим голосом), что змеи (муравьи) из пещеры / отверстия тоже выползают.

— *Nói dẻo như kẹo* — досл. ловко говорить как конфеты (гибко говорить как тянучка).

— *Nói ngọt như đường* — говорить сладко как сахар.

— *Ngọt như mía lùi* сладко говорить как печеный сахарный тростник.

— *Nói như mật rót vào tai* — досл. говорить, словно вливать мед в уши.

— *Nói như ru* — говорить как баюкать. Красота речи утешает, умиротворяет.

— *Xuất khẩu thành chương* — досл. извлекать из уст ритмическую прозу / стихи.

— *Nhả ngọc phun châu* (устар. книжн.) — досл. выплевывать яшму, выдувать жемчуг.

Отсутствие красноречия у человека выражается фразеологическими единицами:

— Ăn không nên đọi, nói không nên lời. — досл. не уметь ни есть, ни говорить, как следует.

— *Lúng búng như ngậm hột thị* — досл. говорит невнятно, будто во рту косточки восточной хурмы.

Сопоставление русских и вьетнамских фразеологических единиц рассматриваемой семантической группы также выявляет как сходство, так и различия.

В обоих языках высоко оценивается способность выразительно, красноречиво, складно говорить, что подтверждается количественным преобладанием фразеологизмов, обозначающих красноречие, над единицами, маркирующими его отсутствие.

Однако языки почти не пересекаются в выборе образов, лежащих в основе характеристик высокой / низкой речевой способности.

В русских фразеологизмах основой создания образа служит прежде всего главный орган в производстве речи — язык. Ему приписываются свойства бойкости (боек на язык), остроты (острый язык), гибкости или отсутствие таковой (язык хорошо подвешен / плохо подвешен), подвижности (языком как на гуслях играет).

Ещё одним средством выражения красноречия выступает слово как материализованный результат речевой деятельности (за словом в карман не лезет, владеть словом (даром слова), не уметь связать двух слов); а также характеристика процесса речевой деятельности через сопоставление с пением соловья (заливаться соловьём), и наконец, уподобление спонтанной устной речи её письменному продуманному варианту (говорит как пишет).

Во вьетнамском языке образы красноречия во многом базируются на разных видах чувственного восприятия. Первое из них — поглощение пищи (поглощать (есть) волны и ветер (бурю); глотать пищу большими кусками, то есть уметь говорить очень сильные по звуку и по ценности слова).

Сфере еды отводится очень важное место во вьетнамской культуре. Большое значение имеет умение хорошо есть, вести себя за едой, строго соблюдая этикетные правила и т. п.. Именно поэтому красивая, убедительная речь соотносится с поглощением пищи.

Со сферой еды связаны и фразеологические единицы, базирующиеся на вкусовом восприятии: красноречие ассоциируется со «сладкими» словами.

Это такие компоненты, как mật — мед», «mía — сахарный тростник», «đường — сахар», «kẹo — конфеты» и «kẹo kéo — тянучка».

Высокая речевая способность человека может выражаться через характер звучания речи, которой приписываются такие свойства, как певучесть (говорить как баюкать), ритмичность (извлекать из уст ритмическую прозу / стихи), сладость (говорить так сладко, что змеи из пещеры тоже выползут).

Красноречие человека может уподобляться его способности извлекать изо рта драгоценные камни (выплёвывать яшму, выдувать жемчуг).

Наконец, основой для красноречия могут служить, как и в русском языке, органы, участвующие в производстве речи (ловкий рот, проворные губы).

Низкая речевая способность, то есть неумение чётко выразить мысль, сравнивается с помехами в производстве речи (говорит невнятно, будто во рту косточки восточной хурмы).

Таким образом, проведённый сопоставительный анализ позволяет говорить, с одной стороны, об универсальности членения мира русским и вьетнамским языковым сознанием: оба языка аспектируют такие характеристики речи, как её акустические свойства и характер проявления речевой способности человека.

С другой стороны, очевидно, что в пределах рассматриваемых групп поля «речь» существует своеобразный, почти не пересекающийся взгляд на мир, характеризующийся разными доминантами в каждой лингвокультуре.

Список литературы

1. Артына М. Н. Идеографическая группа «речевой акт» как референт фразеологической номинации: автореф. дис. … канд. филол. наук / М. Н. Артына — СПб., 2010. — 38 с.

2. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — СПб., 1998. — 704 с.

3. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. — М., 2010. — 784 с.

4. Брагина Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры./ Н. Г. Брагина — М., 1999. — С. 131—138

5. Верщагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верщагин, В. Г. Костомаров. — М., 1980. — 320 с.

6. Войнова, Л. А. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. — М., 1968. — 544 с.

7. Данг Ван Куанг. Система фразеологизированных единиц во вьетнамском языке / Данг Ван Куанг // Культура и цивилизация. — 2016. — Том 6. № 6А. — С. 205—213.

8. Ковшова М. Л. Опыт семантического поля в описании идиома // Фразеология в Машинном фонде русского языка. Сб. статей / отв. ред. В. Н. Телия. — М., 1990. — С. 80—88

9. Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / ред. В. Н. Телия. — М., 2004. — 344 с.

10. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию: учеб. пособие / В. А. Маслова. —2-е. Изд., стер. — М., 2004. — 202с.

11. Нгуен Ван Ханг. Структурные и семантические особенности четырехкомпонентных фразеологизмов в современном вьетнамском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук / Нгуен Ван Ханг — М., 1994. — 19 с.

12. Новикова К. Ю. Лингвострановедческий анализ эмоционально-экспрессивных фразеологических единиц: автореф. дис. … канд. филол. наук/ К. Ю. Новикова — М., 1998. — 19 с.

13. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М., 1996. — 288 с.

14. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров — М., 2008. — 828 с.

15. Чжоу Хань Жуй. Фразеологизм как этнокультурный феномен: лингвострановедческий аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук / Чжоу Хань Жуй. — Майкоп., 2014—18 с.

16. Nguyễn Lân. Từ điển thành ngữ và tục ngữ Việt Nam / Nguyễn Lân. — Hà Nội, 2000. — 353 с.

17. Nguyễn Lực. Thành ngữ tiếng Việt / Nguyễn Lực. — Hà Nội, 2004. — 842 с.

18. Nguyễn Như Ý. Từ điển thành ngữ Việt Nam / Nguyễn Như Ý, Nguyễn Văn Khang, Phan Xuân Thành. — Hà Nội., 1993. — 679 с.

Сведения об авторе

Нгуен Бик Нгок — аспирант кафедры русского языка, Томский государственный университет. Томск, Россия. ngocnb85@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 98—105.

PHRASEOLOGICAL FIELD “SPEECH” IN RUSSIAN AND VIETNAMESE LINGUISTIC CULTURES

Nguyen Bich Ngoc
Tomsk State University, Tomsk, Russia. ngocnb85@gmail.com

The article is devoted to a comparative analysis of groups of phraseological units united by the semantics “acoustic properties of speech” and «characteristics of a person’s speech ability» in Russian and Vietnamese linguocultures. Similarities and differences within each semantic group in are analyzed. It is established that both languages isolate the respective groups and structure them according to a single type: quiet — loud

speech; higher speech ability and low speech ability. But the reflection of the semantics of phraseological units is based on non-overlapping linguocultural images. In the Russian phraseological representations images predominate, which are associated with the names of the speech production organs — somaticisms, and with the characteristics of speech process, in Vietnamese — with various kinds of sensory perception (eating, taste and auditory perception).

Keywords: *phraseology, phraseological picture of the world, linguoculturology, speech activity.*

References

1. Artyna M.N. *Ideograficheskaya gruppa «rechevoj akt» kak referent frazeologicheskoj nominatcii* [Ideographic group «speech act» as a referent of the phraseological nomination: author's abstract]. St. Petersburg, 2010. 38 p. (In Russ.).

2. Birikh A.K., Mokiyenko V.M., Stepanova L.I. *Slovar' russkoj frazeologii: istoriko-etimologicheskijj spravochnik* [Dictionary Russian phraseology: Historical and etymological reference]. Saint Petersburg, 1998. 704 p. (In Russ.).

3. Teliya V. N. (ed.). *Bolshoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Large phrasebook of the Russian language]. Moscow, 2010. 784 p. (In Russ.).

4. Bragina N.G. Fragment lingvokul'turologicheskogo leksikona (bazovye ponyatie) [Fragment of linguistics-cultural lexicon (basic concept)] // *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. — Moscow, 1999. 336 p. (In Russ.).

5. Vershchagin E.M., Kostomarov V.G. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic and regional studies of word theory]. Moscow, 1980. 320 p. (In Russ.).

6. Vojnova, L.A., Zhukov V.P., Molotkov A.I., Fedorov A.I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Phraseological Dictionary of Russian]. Moscow, 1968. 544 p. (In Russ.).

7. Dang Van Kuang. Sistema frazeologizirovannykh jedinits vo v'yetnamskom yazyke [System of phraseological units in Vietnamese] // *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2016, vol. 6, no. 6A, pp. 205—213. (In Russ.).

8. Kovshova M.L. Opyt semanticheskogo polja v opisanii idioma [Experience of the semantic field in the description of the idiom] // *Frazeologiya v Mashinnom fonde russkogo yazyka* [Phraseology in the Machine Fund of Russian Language] / V. N. Teliya (ed.). Moscow, 1990. Pp. 80—88. (In Russ.).

9. Teliya V.N. (ed). *Kul'turnyye sloi vo frazeologizmakh i v diskursivnykh praktikakh* [Cultural strata in phraseological units and in discursive practices] Moscow, 2004. 344 p. (In Russ.).

10. Maslova V.A. *Vvedeniye v lingvokul'turologiju* [Introduction to linguistics-cultural]. Moscow, 2004. 202 p. (In Russ.).

11. Nguyen Van Khang. *Strukturnyye i semanticheskiye osobennosti chetyrekhkomponentnykh frazeologizmov v sovremennom v'yetnamskom yazyke* [Structural and semantic features of four-component phraseological units in modern Vietnamese language]. Moscow, 1994. 19 p. (In Russ.).

12. Novikova K.Yu. *Lingvostranovedcheskiy analiz emotsional'no-ekspressivnykh frazeologicheskikh yedinits* [Ethnolinguistic analysis of emotionally expressive phraseological units: author's abstract]. Moscow, 1998. 19 p. (In Russ.).

13. Teliya, V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology, semantics, pragmatics, linguistic-cultural aspect]. Moscow, 1996. 288 p. (In Russ.).

14. Fodorov A.I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of Russian Literary]. M., 2008. — 828 p.

15. Chzhou Khan' Zhuy. *Frazeologizm kak etnokul'turnyy fenomen: lingvostranovedcheskiy aspekt* [Phraseology as an ethno-cultural phenomenon: ethnolinguistic aspect]. Maykop, 2014. 18 p. (In Russ.).

16. Nguyen Lan. *Tu dien thanh ngu va tuc ngu viet nam* [Dictionary of Vietnammese phraseology and proverbs]. Hanoi, 1996. 353 p. (In Vietnamese).

17. Nguyen Luc. *Thanh ngu tieng viet* [Vietnamese Idioms]. Hanoi, 2004. 842 p. (In Vietnamese).

18. Nguyen Nhu Y, Nguyen Van Khang, Phan Xuan Thanh. *Tu dien thanh ngu viet nam* [Dictionary of Vietnammese phraseology]. Hanoi, 1993. 679 p. (In Vietnamese).

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 106—112.

УДК 130.121.4 **DOI 10.24411/1994-2796-2019-10116**
ББК 81

АНТРОПОМОРФИЗМ В ЯЗЫКЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОПЛОЩЕНИЯ

***С. А. Песина*[1,2], *Л. Г. Юсупова*[3], *И. Р. Пулеха*[4]**

[1] *Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов*

[2] *Санкт-Петербургский государственный университет*

[3] *Уральский государственный горный университет*

[4] *Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова*

Когнитивная лингвистика подчеркивает важность изучения феномена «воплощение» (телесности) через призму исследования центральной роли человеческого тела (его строения и функционирования). Идея воплощенности используется для описания социального и культурного контекста, в котором функционируют тело человека, осуществляется познание и развивается язык. В статье верифицируется гипотеза о том, что человеческое тело в значительной степени определяет жизненно важные аспекты нашего опыта и существования в целом.

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, воплощение, метафора, семантическая структура слова, концепт, сознание.*

Природа нашей биологической морфологии (включая строение и функционирование нашего тела) вместе с природой той физической среды, с которой мы взаимодействуем, определяет почти все аспекты нашего опыта и существования в целом. Концептосферы, которые формируются в наших когнитивных областях, и характер реальности, о которой мы думаем и говорим, взаимодействуют с нашим телом: то, что мы можем воспринимать и понимать зачастую вытекает из нашего воплощенного опыта.

С точки зрения лингвокогнитивных аспектов нашего подхода, речь пойдет об обеспечении преемственности языкового мышления носителями языка с помощью традиционно сложившихся категорий, отражающих информацию о жизненном укладе, повседневной практике носителей языка и т. п. В этой связи нас интересует степень антропоморфности наиболее употребимых в обиходе лексем языка и то, как антропоморфность участвует в формировании семантических структур полисемантов, а следовательно, и языковой картины мира [6; 7].

Семантическое пространство, исследуемое в данной работе, связано с антропоморфным отражением реальности как отличительной особенностью одного из наиболее значительных сегментов концептуальной и языковой картины мира. В целом такое знание заключается в аккумулировании наиболее устоявшихся в языковом сообществе знаний и представлений об окружающей реальности, запечатленных в структуре многозначных слов, номинирующих как тело человека, так и объекты, составляющие ближайшее окружение человека. Соответственно это представляет интерес для когнитивной лингвистики, поскольку речь идет о структурировании и далее хранении целых пластов информации вместе с соответствующими когнитивными механизмами, необходимыми для извлечения того или иного значения в процессе их актуализации. Поскольку подобные механизмы предполагают функционирование таких семантических примитивов, как инварианты, речь пойдет об инвариантном методе анализа взятых для анализа семантических полей.

При антропоморфическом подходе используется принцип развития языка в тесной связи с бытием человека, когда именно человек становится центром языковой и концептуальной картин мира и мерилом духовных и материальных ценностей. Считая себя центром реальной действительности, индивид воспринимает все окружающее как отражение своего существования. При этом поиски системообразующего начала именно образного и эмоционально-чувственного антропоморфического начала в содержательной организации языковых лексем привели нас к семантическому анализу лексики. Данный подход являет собой системный подход к исследованию номинатив-

ных процессов с выявлением национально-специфических особенностей антропоморфной картины мира носителей языка.

В самом широком понимании гипотеза воплощения (телесности) связана с утверждением о том, что физические, познавательные и социальные ниши человека обусловливают наши концептуальные и лингвистические системы. С этой точки зрения человеческий разум должен нести отпечаток воплощенного опыта (в традиционной лингвистике — антропоцентризм: a house stands on a hill / дом стоит на холме).

В физиологическом смысле термин «воплощение» соотносится с изменениями в развитии, которые переживает организм, трансформируясь от зиготы к плоду или от ребенка к взрослому индивиду. Таким образом, столь же важное значение термина «воплощение» соотносится с эволюционными изменениями, которые переживает организм по ходу своей генетической истории.

В нейрофизиологическом смысле термин «воплощение» отсылает нас к определенным нейронным структурам и областям, которые соотносятся с такими функциями, как метафорическая проекция, интеграция схем изображения, ориентированных на зрителя в визуальной системе, и т. д. Подобные нейронные структуры и регионы могут также восприниматься как модели активности на концептуальном и психологическом уровне обработки.

Воплощение имеет и феноменологический смысл, в котором он может отсылать нас к ассоциациям между нашим телом и актами сознательного и продуманного размышления о различных структурах нашего опыта. Многие черты познания «воплощены», т. е. они глубоко зависят от характеристик физического тела.

В этом смысле логично, что Р. Декарт выступал против идеи воплощения знания, поэтому «воплощение» также используется как сокращенный термин для картезианского философского соотношения ума и тела. Так, на примере трактовки значения термина «треугольник» Декарт пришел выводу о том, что знание бесплотно, то есть принципиально не зависит от какого-либо конкретного телесного ощущения.

Наконец, термин «воплощенность познания» теперь также широко используется в когнитивной робототехнике. Вариант реализации схематичных изображений часто ассоциируется с проектами роботов-гуманоидов, в частности, с теми случаями, когда работа, выполняемая роботами, зависит от конкретных морфологических характеристик тела робота (морфология используется здесь в биологическом, а не в лингвистическом смысле).

Вышеупомянутые идеи привели к сегодняшней путанице в отношении того, что именно термин «воплощение» означает в когнитивной лингвистике. Так, некоторые теоретики утверждают, что этот термин связан с лингвокультурной теорией воплощения, исследованиями в области схематичности мыслительных процессов, в то время как другие научные школы настаивают на попытках увязать воплощение с изучением физиологических и нервных ощущений человека.

Данная путаница в использовании термина «воплощение» в когнитивной лингвистике связана также с первоначальной формулировки гипотезы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, касающейся структурирования метафор. В частности, авторы утверждали, что мы обычно довольно предсказуемо (т. е. по определенным алгоритмам) проецируем образные и схематические модели знаний из более воплощенного исходного домена на менее понятный целевой домен с целью лучшего понимания [9]. Другими словами, каждое отображение между элементами источника и элементами цели имеет однонаправленный характер: схема отображения проецируется от источника к цели, а не от цели к источнику.

И все же современные формулировки гипотез воплощения основаны на том факте, что в когнитивной лингвистике теории имеют некоторую нейронную и физиологическую направленность. Мы абсолютно согласны с тем, что телесная воплощенность человека крайне важна для изучения его концептуальных структур. В этой связи можно привести следующее высказывание: «advocates of the disembodied mind will, of course, say that conceptual structure must have a neural *realization* in the brain, which just *happens* to reside in a body. But they deny that anything about the body is essential for characterizing what concepts are» [9. С. 46]. Исследования в когнитивной науке подтверждают наличие взаимозависимости концептуальных и перцептивных процессов, с одной стороны, и физиологических и нейрофизиологических — с другой.

Возвращаясь к проблемам, связанным с исследованием воплощенного сознания в лингвистике, мы можем констатировать тот факт, что одна и та же нейронная система, участвующая в осмыслении того, как устроено и функционирует

наше тело, играет центральную роль в процессах концептуализации и, далее, в вербализации сформированных концептов. То есть, важнейшим аргументом в пользу гипотезы воплощения служит тот факт, что одни и те же нейронные механизмы, отвечающие за активность более низкого уровня, такие как восприятие и движение, считаются важнейшими для развития когнитивных способностей более высокого уровня, а именно, причинной обусловленности наших поступков, умозаключений и концептуализации в целом. Так, по их мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона «the very properties of concepts *are created* as a result of the way the brain and body are structured and the way they function in interpersonal relations and in the physical world» «Свойства концептов формируются в результате того, как структурированы мозг и тело, и как они функционируют в межличностных отношениях и физическом мире» [9. С. 37]. Очевидно в будущем нейролингвистике предстоит исследование процессов взаимодействия конкретных нейронных и физиологических процессов для более детального изучения концептуальной деятельности человека в различных средах и культурах.

Что касается когнитивной лингвистики, то теория воплощения может дать объяснение так называемой проблеме «сложных метафор» (complex metaphors), которые классифицируются как концептуальные метафоры (Дж. Лакофф). Их логическая абстрактная сущность понимается как часть физического мира, отражающего объекты разной степени важности.

В нашу задачу входит поиск и реконструкция присущего языку цельного, хотя и несколько обиходного (наивного) взгляда на мир. Это своего рода коллективная философия, которая навязывается, являясь обязательной для всех носителей языка. При этом акцент ставится на антропоморфическую целостную языковую картину мира. Исходя из этого, следует выделить также и антропоморфную картину мира как фрагмент целостной языковой картины мира, описанный и представленный средствами метафор, метонимий и фразеологических единиц как основных видов тропов. Оказавшись в лингвокультурной среде конкретного языка внутри соответствующего языкового контента, усваивая соответствующие реалии, индивид попадает в синергетически развивающееся культурное и языковое пространство.

В рамках данной статьи на материале конкретных семантических структур слов мы продемонстрируем тот факт, что наш организм (точнее его строение и функционирование) определяет жизненно важные аспекты нашего мышления и существования. Описание функционирования человеческого тела абсолютно спроецировано как на окружающие нас объекты, так и на абстрактных понятиях, зачастую трудных для осмысления.

Так, главное значение английского существительного arm можно интерпретировать как «верхняя конечность человеческого тела от плеча до запястья», т. е. рука. Представленные ниже метафоры отражают сравнение различных объектов и артефактов с внешним видом и функцией человеческой руки. Эта часть исследования направлена на демонстрацию того, что является исходной основой в формировании и расшифровке метафорических значений.

Так, метафора arm — «a narrow strip of water or land projecting from a larger body» основана на сравнении узкой полоски воды/земли с человеческой рукой, которая является продолжением (проекцией) тела человеческого в той же степени, как узкий пролив/мелководье / песчаная отмель представляется в форме выступающей из более крупного участка земли частью ландшафта. В основе этого значения лежат семантические компоненты strip of water/land, projecting from a larger part, narrow).

Значение arm of a company/organization основано на сравнении филиала какой-либо организации с рукой человека, функционирующей самостоятельно, но являющейся частью тела (в основе значения компоненты a division of a company/organization, smaller part of it).

В приведенных и последующих значениях реализуется антропоморфический принцип концептуализации и далее номинации объектов и явлений окружающей среды, где человек, помещая себя в центр, становится главным ориентиром, точкой отсчета и олицетворением всех окружающих объектов и явлений, которым он приписывает собственные характеристики [1; 2; 3]. Данные объекты воплощаются, уподобляясь внешнему виду, строению и функционированию тела человека, как наиболее близкого из всех осязаемых объектов. Поскольку эти объекты и явления выглядят и «ведут себя» так же, как и человек, происходит просвечивание или осциллирование сквозь семантику этих воплощенных объектов семантики и/или визуализированного фонового представления о соответствующей части тела человека.

Так, метафорическое значение arm of angles (any of the usually two parts of a chromosome lateral to the centromere) основано на схематическом представлении луча (в геометрии), проходящего через одну точку и образующего стороны угла. При этом поднятые под углом руки человека, вполне могут напоминать такую геометрическую фигуру, как комбинацию двух полулинейных лучей с общей точкой. В основе семантики этого значения можно выделить следующие компоненты: combination of two half-lines/rays, with a common endpoint.

Таковы метафоры arm of an anchor (основана на сравнении части якоря от его «макушки к лапе» с отведенными в стороны руками человека), а также arm of a chromosome (any of the usually two parts of a chromosome lateral to the centromere). Последняя представляет собой любую из обычно двух боковых частей хромосомы, которая уподобляется руке человека (компоненты one of the two threadlike structures of nucleic acids, carrying genetic information, lateral).

Следующее значение представляет интерес, поскольку оно полностью подтверждает тот факт, что данное многозначное слово передает о понятие любом объекте, внешний вид которого и его функция, положение или форма связаны с человеческой рукой: arm is a thing comparable to an arm in a form or function; anything considered to resemble an arm in appearance, position, or function: arm of a counterweight / completed machine / cables / stabilizer / cultivators / bridge / tractor / robotic / landing / sea / record player etc.

Итак, человек мыслит антропоцентрически (человек — центр мироздания) и антропоморфически (все вокруг функционирует по образу и подобию того, как устроено и функционирует тело человека и, наоборот, свойства наиболее важных для человека объектов переносятся на него самого). При этом антропоцентрический/антропоморфический способ концептуализации и вербализации реальности является как универсальным, так и национально специфичным.

Данный подход ставит во главу угла системный взгляд на значение слов, которое рассматривается как рефлекс суммы знаний, которую содержит в себе соответствующая когнитивная структура. Поиски именно системообразующего начала наивного образного антропоморфического начала в содержательной организации языка послужили стимулом к инвариантному семантическому анализу лексики.

Помимо этой специфической особенности анализируемого полисеманта, существует еще одна важный вопрос, связанный с семантическим тождеством многозначного слова: что именно скрепляет все значения слова, не давая ему распасться на омонимы. Эта проблема может быть решена с помощью признания внеконтекстного инвариантного значения, имеющего общий характер, который формируется на основе функционирования слова на уровне языковой системы.

Осуществленный эмпирически компонентный анализ метафорических значений позволил выявить наиболее частотные семантические составляющие всех переосмысленных значений. Такие компоненты, как something long/narrow, lateral, projects from a larger structure и a smaller division of a company/organization отражают антропоморфное мировоззрение среднего носителя языка о том, что рука — это важнейшая функциональная составная часть намного более сложного и значительного по размеру и строению главного объекта, и эта часть как бы выступает из более крупной структуры. Анализ привел к объективной постановке подобного абстрактного информативного ядра полисеманта (его лексического инварианта).

В этой связи наше мышление довольно предсказуемо и по определенным алгоритмам проецирует образные и схематические модели знаний из более воплощенного исходного домена на менее понятный целевой домен с целью лучшего оперирования понятиями.

Выявленный абстрактный схематический конструкт позволяет зафиксировать стереотипное антропоморфное отражение человеком объектов и явлений, соответствующих как наивной, так и научной (arm of angles in maths) картинам мира, преломленного человеческого отражения реальности как определенный этап в развитии его сознания.

Итак, в рамках данной статьи на материале конкретной семантической структуры слова мы продемонстрировали, что наш организм (точнее его строение и функционирование) предопределяет жизненно важные аспекты нашего мышления, вербализации и в целом существования. Описание функционирования человеческого тела абсолютно спроецировано как на окружающие нас объекты, так и на абстрактных понятиях, часто трудных для осмысления [7].

Ввиду того, что лексема содержит выявленные антропоцентрические компоненты, связанные

с человеческим телом, способным генерировать новые ассоциации, можно предположить, что анализируемый полисемант продолжит свое антропоцентрическое развитие в направлении лексического инварианта [4; 5; 10]. Функционирование в сознании выделенного лексического конструкта вытекает из того факта, что человеческое сознание запоминает ситуации, когда в смысловых структурах высказываний были реализованы данные образные компоненты.

Итак, представленный выше фрагмент анализа частотных лексических единиц антропоморфического характера продемонстрировал наш взгляд на окружающую реальность сквозь призму воплощенного сознания. При этом познаваемая реальность во многом основана на природе нашего уникального человеческого воплощения. Можно с уверенностью утверждать, язык не отражает окружающий нас мир непосредственным образом: он отражает нашу уникальную человеческую трактовку понимания мира. В этой связи мы рассматриваем наш мир через объектив собственного воплощения.

Это не означает, что когнитивные лингвисты отрицают существование объективного физического мира, независимого от людей. Теперь они начинают все больше осознавать, что части внешней реальности, к которым у нас есть концептуальный доступ, в значительной степени ограничены как нашей собственной экологической нишей, к которой мы адаптировались, так и природой нашего воплощения. Подобный взгляд на реальность получил название экспериментализм или эмпирический реализм. Экспериментальный реализм признает, что существует внешняя реальность, которая отражается в понятиях и языке. Эта реальность опосредуется нашим уникальным человеческим опытом, который накладывает ограничения на природу этой реальности. Благодаря тому, что мы адаптированы к конкретной экологической нише, которая имеет определенную форму и конфигурацию, наши тела и сознание обязательно обеспечивают какое-то одно особое отношение к миру или способ его видения среди многих возможных перспектив.

Тот факт, что наш опыт воплощен, т. е. в какой-то степени структурирован в зависимости от физиологических параметров и особенностей функционирования нашего тела и нашей нервной системы, имеет существенные последствия для протекания процессов познания и их дальнейшего выхода в язык. Важным следствием изучения процессов концептуализации и механизмов структурирования и хранения накопленной информации, в том числе языковой, является тот факт, что это знание приоткрывает завесу тайны относительно того, каково наше представление о том, что такое реальность.

Список литературы

1. Дружинин А. С., Песина С. А. Фигура наблюдателя как ключевой фактор семантической интерпретации времен в обучении грамматике английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 11. — С. 194—197.

2. Назарова О. Л., Песина С. А. Социальный характер языка как совокупность коллективных типизированных знаковых ситуаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 134—140.

3. Песина, С. А. Методика определения содержательного ядра многозначного существительного современного английского языка / С. А. Песина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки. — 2005. — № 5 (11). — С. 51—59.

4. Песина, С. А. От инварианта многозначного слова к лексическому прототипу / С. А. Песина // Вопросы когнитивной лингвистики: Материалы международной конференции. — Тамбов, 2006. — № 2. — С. 53—61.

5. Песина, С. А. Функционирование полисемантов в механизмах речепроизводства / С. А. Песина // Фразеологические чтения памяти профессора В. А. Лебединской. Вып. 4. — Курган, 2008. — С. 113—115.

6. Песина, С. А. Функционирование слова в процессах мышления и коммуникации / С. А. Песина // Когнитивные исследования языка. — Вып. VIII. Проблемы языкового сознания. — М.; Тамбов, 2011. — С. 79—81.

7. Песина, С. А. Когнитивные механизмы профилирования профессионального знания: формирование понятий / С. А. Песина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — Филология. Искусствоведение. Вып. 57. — № 24 (239). — С. 43—45.

8. Песина, С. А. Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка / С. А. Песина. — М., 2014.

9. Lakoff, G., Johnson, M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought. — New York, 1999.

10. Novikov D. N., Pesina, S. A. Biosemiotics and Prototype Semantics in Understanding Lexical Polysemy: Implications for Applied Linguistics // The magic of innovation. New techniques and technologies in teaching foreign languages/Edited by Dmitry A. Kryachkov, Elena B. Yastrebova, Olga A. Kravtsova. Newcastle upon Tyne, 2015. P. 275—294.

Сведения об авторах

Песина Светлана Андреевна — доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой английского языка Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессор кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета. spesina@bk.ru

Юсупова Ляля Гайнулловна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языка и деловой коммуникации, Уральский государственный горный университет. lyalyax@bk.ru

Пулеха Ирина Рудольфовна — кандидат филологических наук, доцент, Магнитогорский государственный технический университета им. Г. И. Носова. irinapulekha@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 106—112.

ANTHOPOMORPHISM IN LANGUAGE BY MEANS OF EMBODYMENT

S.A. Pesina
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia spesina@bk.ru

L.G. Yusupova
Ural State Mining University, Ekaterinsburg, Russia lyalyax@bk.ru

I.R. Pulekha
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia irinapulekha@mail.ru

Cognitive linguistics takes its inspiration from traditions in psychology and philosophy that emphasize the importance of human experience, the centrality of the human body, and human-specific cognitive structure and organization, all of which affect the nature of our experience. According to this empiricist view, the human mind — and therefore language — cannot be investigated in isolation from human embodiment. The notion of embodiment is used to refer to the *social* and *cultural* context in which the body, cognition, and language are perpetually situated. By our recent investigations *of metaphorical mapping* we can provide the proof that a human body determines vital aspects of our existence and experience.

Keywords: *cognitive linguistics, embodiment, metaphor, semantic structure of the word, concept, consciousness.*

References

1. Druzhinin A.S., Pesina S.A. Figura nabljudatelja kak kljuchevoj faktor semanticheskoj interpretacii vremen v obuchenii grammatike anglij-skogo jazyka // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 11. S. 194—197.

2. Nazarova O.L., Pesina S.A. Social'nyj harakter jazyka kak sovokupnost' kollektivnyh tipizirovannyh znakovyh situacij // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2016. № 3. S. 134—140.

3. Pesina S.A. Metodika opredelenija soderzhatel'nogo jadra mnogoznachnogo sushhestvitel'nogo sovremennogo anglijskogo jazyka [The method of determining the content core of a polysemous noun of modern English]. *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena: Obshhestvennye i gumanitarnye nauki* [Bulletin of Herzen

State Pedagogical University, Social and Human Sciences: Scientific Journal], 2005, № 5 (11), pp. 51—59. (In Russ.).

4. Pesina S.A. Ot invarianta mnogoznachnogo slova k leksicheskomu prototipu [From the invariant of a polysemous word to a lexical prototype]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of Cognitive Linguistics]. Tambov, 2006, no 2, pp. 53—61. (In Russ.).

5. Pesina S.A. Funkcionirovanie polisemantov v mehanizmah recheproizvodstva [Functioning polysemant in the mechanisms of speech production]. *Frazeologicheskie chtenija pamjati professora V. A. Lebedinskoj* [Phraseological readings in the memory of Professor V. A. Lebedinskaya]. Issue 4. Kurgan, 2008, pp. 113—115. (In Russ.).

6. Pesina S.A. Funkcionirovanie slova v processah myshlenija i kommunikacii [Functioning of the Word in the Processes of Thinking and Communication]. *Kognitivnye issledovanija jazyka. Issue VIII. Problems of linguistic consciousness* [Cognitive Studies of the Language]. Moscow; Tambov, 2011, pp. 79—81. (In Russ.).

7. Pesina S.A. Kognitivnye mehanizmy profilirovanija professional'nogo znanija: formirovanie ponjatij [Cognitive mechanisms for professional knowledge profiling: the formation of concepts]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija i iskusstvovedenie. Issue 57* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Vypusk 57. Philology and Art History], 2011, no 24 (239), pp. 43—45. (In Russ.).

8. Pesina S.A. *Invariantnost' v kognitivnoj lingvistike i filosofii jazyka* [Invariance in Cognitive Linguistics and the Philosophy of Language]. Moscow, 2014. (In Russ.).

9. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought.* New York, 1999.

10. Novikov D.N., Pesina, S.A. Biosemiotics and Prototype Semantics in Understanding Lexical Polysemy: Implications for Applied Linguistics // *The magic of innovation. New techniques and technologies in teaching foreign languages* / Edited by Dmitry A. Kryachkov, Elena B. Yastrebova, Olga A. Kravtsova. Newcastle upon Tyne, 2015. P. 275—294.

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 113—117.

УДК 811.161.1
ББК 81.2

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10117

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОЙ ПРИРОДЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНВЕРСИВОВ

А. В. Подкорытова
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Статья посвящена общетеоретическому исследованию лексических конверсивов, их специфических особенностей. В работе раскрывается и обосновывается когнитивная природа конверсных единиц, описываются особенности и перспективы применения когнитивно-ономасиологического анализа к конверсной номинации и его возможных результатов. Установлено, что конверсные единицы способны отражать когнитивную сущность языка; посредством когнитивно-ономасиологического анализа конверсной лексики можно определить основные ономасиологические структуры и установить те концептуальные структуры знания, которые стоят за исследуемыми номинациями.

Ключевые слова: *лексические конверсивы; категоризация; концептуализация; когнитивная ономасиология; ономасиологическая категория; ономасиологический базис; ономасиологический признак.*

Содержание понятия конверсии представлено в различных науках и направлениях: в философии, логике, математике, лингвистике, социологии, экономике, психофизиологии, религии. Конверсия (от лат. conversio) буквально означает «превращение, изменение», то есть «служит для обозначения всякого вида переворачивания или переложения, перестановки, транспонирования» [1. С. 199]. Истоки происхождения понятия конверсии уходят своими корнями в глубокую древность. Еще Аристотель в своем известном труде «Категории» идентифицирует ключевой признак конверсных отношений — соотносимость языковых единиц в их бинарной оппозиции: «Все, соотнесенное с другим, высказывается по отношению к вещам, находящимся во взаимной зависимости с ними: так, раб называется рабом господина, а господин — господином раба…» [2. С. 1132—1133].

Термин конверсность в лингвистическом его представлении впервые был определен в 1963 г. известным английским исследователем языка Дж. Лайонзом как «отношение, имеющее место между buy ‘покупать’ и sell ‘продавать’ или husband ‘муж’ и wife ‘жена’» [9. С. 493]. Конверсивы как лексико-семантическая категория, как один из способов парадигматического объединения лексики (наряду с антонимическими, синонимическими, омонимическими, гиперо-гипонимическими отношениями) исследованы неполно: до сих пор остается недостаточно разработанным ряд проблем, связанных с особенностями и механизмами образования лексических конверсивов, их функционирования, их когнитивной природы. На наш взгляд, это связано прежде всего с тем, что конверсивы долгое время и достаточно подробно изучались только с позиций синтаксиса как выразители субъектно-объектных отношений в предложении, где референтами являются соотносительные залоговые формы. Ср.: *Учитель проверяет диктант* ↔ *Диктант проверяется учителем; Садовник выращивает цветы* ↔ *Цветы выращиваются садовником.*

Говоря о современном этапе развития теории конверсологии, важно отметить, что несмотря на довольно многочисленные исследования данного явления зарубежными (Дж. Катц, Р. Лангакер, Ф. Палмер, Э. М. Уленбек, Ч. Филмор и др.) и отечественными (Ю. Д. Апресян, К. И. Бабицкий, А. М. Гильбурд, И. Е. Иванова, О. Г. Ильинская, И. А. Мельчук, Л. А. Новиков, Е. М. Позднякова, Л. Н. Роженцова, И. П. Сусов и др.) учеными в разных аспектах, с разных языковых точек зрения, до сих пор не существует понятийной, терминологической однозначности, не исследовался (по нашим данным) когнитивно-ономасиологический потенциал конверсной лексики современного русского языка. Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью комплексного исследования конверсивов как номинативной сущности, ее когнитивно-ономасиологических характеристик. Не менее важным является, на наш взгляд, необходимость дальнейшей разработки теории конверсологии в целом.

Цель данной работы — обосновать когнитивную природу лексических конверсивов, описать особенности когнитивно-ономасиологического анализа конверсной номинации.

Идея взаимообратности, которую призваны выражать в языке конверсивы, является онтологической по своей сути. Семантическая эквивалентность двух высказываний при использовании различных не синонимичных друг другу языковых средств, способность альтернативными способами описывать один и тот же денотат, синтаксическая синонимия — основные признаки явления конверсности в языке. Этот факт подтверждает основную мысль, выраженную еще в 1961 г. А. К. Жолковским, Н. Н. Леонтьевой и Ю. С. Мартемьяновым, что синонимия языковых выражений возникает не только на базе собственно лексических синонимов, но и с использованием многих других средств языка, к коим авторы относят и «пары слов, выражающих двусторонние отношения», которые представляют одинаковый смысл в зависимости от активности участников ситуации [4. С. 88].

Явление конверсности мы с полным основанием можем отнести к универсальным языковым категориям: трудно представить себе язык, в котором об одной и той же реалии нельзя было сказать поразному, с разных точек зрения. Мы соглашаемся в своей работе с И. Е. Ивановой в том, что конверсивы «репрезентируют самостоятельную идею взаимообратности в языке, присущую в целом научно-философскому познанию, и выражают семантическую противопоставленность лексем в отличие от антонимов, призванных подчеркнуть их качественную противоположность» [5. С. 79] и с С. А. Добричевым, указывающим на то, что «перекрещиваясь и коррелируя с понятиями антонимии и синонимии, конверсность занимает свою «нишу» в системе языка» [3. С. 41].

Говоря о когнитивной природе явления конверсии, важно определить ономасиологический статус лексических конверсивов, ведь по справедливому замечанию Н. И. Панасенко «необходимость ономасиологического анализа определяется тем, что он, являясь логическим развитием структурно-семантического анализа, сам подготавливает когнитивный анализ лексики» [10. С. 43]. По мнению Е. С. Кубряковой, ономасиологическое направление представляет собой раннюю форму когнитивизма [9]. Г. В. Колшанский суть номинации сводил не к тому, что языковой знак обозначает некую вещь или предмет, а к тому, что он «репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека» [Там же. С. 61].

Таким образом, именно благодаря синтезу когнитивного и ономасиологического подходов представляется возможным провести исследования, способные вскрыть механизмы создания конверсных номинаций, определить степень их мотивированности, отнесенность к той или иной ономасиологической категории.

Современный русский язык располагает различными способами репрезентации конверсных отношений.

В настоящей работе к лексическим конверсивам мы будем относить слова, представляющие одну глубинную часть речи, обладающие «потенциальной конверсивностью» (термин О. Г. Ильинской [6. С. 25]), имеющие обращенные ролевые структуры и способные соотноситься с одним денотатом, образуя эквивалентные высказывания. Лексические конверсивы могут быть выражены монорадиксальными и полирадиксальными лексемами основных частей речи: глаголами, существительными, прилагательными и наречиями. Ср., напр.: *подвергать—накладывать (Квартиру подвергли аресту из-за долгов ↔ На квартиру наложили арест из-за долгов), дед—внук (Антон — внук Ивана Сергеевича ↔ Иван Сергеевич — дед Антона), младше—старше (Брат старше сестры на 2 года ↔ Сестра младше брата на 2 года), арендодатель—арендатор (Дмитрий — арендодатель Алексея ↔ Алексей — арендатор Дмитрия)* и др.

Все вышеуказанные примеры представляют собой отражение одной денотативной ситуации посредством разных структурных форм, в данном случае выраженных конверсными моделями предложений, что соответствует главным идеям когнитивистики, в которых постулируется, что «отличительной особенностью реализации концептуальных систем в языке является в то же время тот факт, что одно и то же содержание может быть передано в языке альтернативными средствами» и, что для описания одного и того же объекта, явления в языке существуют, как правило, разные альтернативные формы» [9. С. 313] — в нашем случае это конверсные пары, с помощью которых выполняются указанные условия проявления когнитивности в языке. Особенно интересным представляется объяснение причин проявления такой дихотомии в языке. Так, «настаивая на том, что все процессы, явления, события, вещи и признаки могут быть описаны поразному и с применением разных языковых форм, когнитологи усматривают в этом субъективный характер человеческого восприятия» [Там же].

Когнитивно-семантический подход к исследованию языковых явлений предполагает определение особенностей категоризации и концептуализации. Иначе говоря, в рамках данного направления необ-

ходимо установить, как человеком воспринимается и осмысливается окружающий мир, как результаты познания отражаются в тех или иных языковых значениях. Под категоризацией когнитологи подразумевают осмысление объектов действительности в рамках обобщенных категорий [12].

Ономасиологические категории соотносимы с понятийными; в самом широком понимании это категории предметности, процессуальности и признаковости. Именно в этом состоит основная задача ономасиологического исследования производных номинаций (в нашем случае это лексические конверсивы) — учесть не только принадлежность обозначаемого к самому общему классу явлений действительности, но и принадлежность его к тем подклассам, которые дифференцируются в соответствии в запросами языка. В рамках когнитивной семантики человеку отводится роль наблюдателя и активного субъекта, формирующего значения языковых единиц, а не получающего их в готовом виде; также отводится активная роль в выборе языковых средств выражения для описания той или иной ситуации и в понимании мотивов этого выбора [3]. Е. В. Рахилина подчеркивает, что «под процессом концептуализации понимается определенный способ обобщения человеческого опыта, который говорящий реализует в данном высказывании. Ситуация может быть одна и та же, а говорить о ней человек умеет по-разному, в зависимости от того, как он ее в данный момент представляет — и вот эти представления как раз и называются концептуализациями» [13. С. 3].

Такая трактовка понятия концептуализации вскрывает на глубинном уровне суть явления конверсности, его когнитивную природу, так как именно конверсивы наряду с другими (немногочисленными) средствами языка способны демонстрировать возможные альтернативные способы выбора языковых средств выражения одного и того же денотата, ср.: *отчим↔пасынок* в варианте *Иван Степанович — отчим Лени* актуализирует то, кем является Иван Степанович для Лёни, поэтому субъектом выбирается именно *отчим*: это представляется наиболее важным в рамках данного предложения, тогда как конверсное ему предложение *Лёня — пасынок Ивана Степановича* демонстрирует обратную картину, представляет тот же денотат, ту же реальную ситуацию действительности, однако со смещением акцента на другой субъект — *пасынка*. Здесь мы сталкиваемся с прагматическими факторами языка, влияющими на выбор того или иного конверсива: смещение «фокуса интереса» (термин Д. Зубина) в зависимости от того, что для говорящего представляет наибольший интерес, т. е. находится в фокусе его внимания в данный момент [7. С. 24—25]. В паре конверсных композитов *однополчанин↔однополчанин* выбор субъектного актанта предопределяет актуализированный фрагмент в эквивалентном выражении *Виктор — однополчанин Антона↔Антон — однополчанин Виктора*. Иначе говоря, «несмотря на то, что происходящее в языке «конструирование мира» (the construal of the world) принадлежит человеку, язык предоставляет ему некоторый набор альтернативных средств выражения примерно одной и той же мысли, так что выбранное по воле говорящего средство предлагает, в свою очередь, особую языковую интерпретацию того объекта или той ситуации, что описываются в речи» [8. С. 522].

Исследовав корпус конверсной лексики в объеме 1056 единиц, мы можем сделать предварительный вывод о том, что конверсивы призваны концептуализировать базовые глубинные категории человеческого опыта и знания, такие как БЫТИЕ (*зародить↔заподозрить; создание↔создатель; тухнуть↔тушить; разводиться↔разводиться*), ЧЕЛОВЕК (*врач↔пациент; брат↔сестра; адвокат↔подзащитный; баба↔мужик; друг↔друг*), ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (*сообщать↔узнавать; использование↔служба; импортировать↔экспортировать; ввозить↔вывозить*), ЭМОЦИИ (*запугивание↔боязнь; сердиться↔злить; беспокоить↔волноваться и др.*), ОТНОШЕНИЯ (*уступка↔превосходство; выигрывать↔проигрывать; поставка↔заказ и др.*), СУЩЕСТВОВАНИЕ ВО ВРЕМЕНИ ИПРОСТРАНСТВЕ(*следовать↔предшествовать; слева↔справа*) и другие.

Когнитивно-ономасиологический подход к изучению лексических конверсивов должен позволить не только определить некоторые ономасиологические структуры лексических конверсивов [11], но и помочь выявить глобальные концепты, стоящие за языковым выражением конверсных единиц различной категориальной организации.

Таким образом, лексические конверсивы современного русского языка являются выразителями универсальной для философского познания идеи взаимообратности, в своем основании заключая глубокую когнитивную природу, выраженную в способности альтернативными способами описывать один и тот же денотат, смещая «фокус интереса» (внимания) в зависимости от приоритетности выбора того или иного лексического конверсива

в данной ситуации речи. Применение когнитивно-ономасиологического анализа к моделям лексических конверсивов позволит не только определить их ономасиологические структуры, но и поможет установить основные концепты и те структуры знания, которые стоят за исследуемыми моделями.

Список литературы

1. Адо, Пьер. Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. при участии В. А. Воробьева. М.; СПб. Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. — 448 с.

2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. — 1392 с.

3. Добричев, С. А. Конверсные отношения в современном английском языке: дис. … докт. филол. наук / С. А. Добричев. — Барнаул, 2005. — 457 с.

4. Жолковский, А. К. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе / А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьева, Ю. С. Мартемьянов. Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов / Ред. Е. Ю. Щербакова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 1056 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

5. Иванова, И. Е. Роль деривационного отражения в решении современных проблем композитологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 8. — Ч. I. С. 78—81.

6. Ильинская, О. Г. Языковая природа конверсии и типы конверсивов в современном русском и английском языках: дис. … канд. филол. наук / О. Г. Ильинская. — Москва, 2006. — 205 с.

7. Краткий словарь когнитивных терминов / [В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац; под общ. ред. Е. С. Кубряковой]. — М.: Филологический фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 245 с.

8. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

9. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Едиториал УРСС, 2010. — 544 с.

10. Панасенко, Н. И. Когнитивно-ономасиологическое исследование лексики: опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений: дис. … докт. филол. наук / Н. И. Панасенко. — Москва, 2000. — 397 с.

11. Подкорытова, А. В. Ономасиологические модели конверсных девербативов со значением абстрактного действия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. — № 4—2 (70). С. 139—142

12. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2010. — 314 с

13. Рахилина, Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2000. — Т. 59. — № 3. С. 3—15.

Сведения об авторе

Подкорытова Алёна Викторовна — аспирантка кафедры филологии и методики, Иркутский государственный университет. Иркутск, Россия. office_4951@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 113—117.

THE FEATURES OF THE COGNITIVE NATURE OF LEXICAL CONVERSIONS

A.V. Podkorytova
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. office_4951@mail.ru

The article is devoted to the general theoretical study of lexical conversives and their specific characteristics. The paper reveals and substantiates the cognitive nature of converse units, describes the features and prospects

of application of cognitive-onomasiological analysis to the converse nomination and its possible results. It is established that the converse units are able to reflect the cognitive essence of language; by means of cognitive-onomasiological analysis of the converse vocabulary it is possible to determine the basic onomasiological structures and to establish the conceptual structures of knowledge that are behind the studied nominations. Thanks to this approach to the study of conversives it is possible to reveal the mechanisms of creating converse nominations, to determine the degree of their motivation, belonging to a particular onomasiological category.

Keywords: *lexical conversives; categorization; conceptualization; cognitive onomasiology; onomasiological category; onomasiological basis; onomasiological feature.*

References

1. Ado P̓er. *Duhovnie uprajneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual praxis and ancient philosophy]. V. A. Vorobjov (translator), Moscow; St. Petersburg, Stepnoj veter publ.; Kolo publ., 2005. — 448 p. (In Russ.).

2. Aristotel̓. *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Policy. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk, Literatura publ., 1998. 1392 p. (In Russ.).

3. Dobrichev S.A. *Konversnye otnosheniya v sovremennom anglijskom yazyke: dis. ... dokt. filol. nauk* [The converse relations in the modern English language. Thesis]. Barnaul, 2005. (In Russ.).

4. Zholkovskij A.K., Leont'eva N.N., Martem'yanov Yu.S. *O principial'nom ispol'zovanii smysla pri mashinnom perevode* [On the principal use of meaning in machine translation] E. Yu. Shherbakova (ed.), Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury publ., 2004. 1056 p. (In Russ.).

5. Ivanova I.E. Rol' derivacionnogo otrazheniya v reshenii sovremenny'x problem kompozitologii [The Role of derivation reflected in the decision of modern problems of compositely]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], 2015, no. 8, pp. 78—81 (In Russ.).

6. Il'inskaya O.G. *Yazykovaya priroda konversii i tipy konversivov v sovremennom russkom i anglijskom yazykax: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic nature of conversion and types of conversions in modern Russian and English. Thesis]. Moscow, 2006. (In Russ.).

7. Dem'yankov V.Z., Kubryakova E. S., Luzina L. G., Pankracz Yu. G. *Kratkij slovar' kognitivnyx terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. E. S. Kubryakova (ed.), Moscow, Filologicheskij fak-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. 245 p. (In Russ.).

8. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: towards knowledge of language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury publ., 2004. 560 p. (In Russ.).

9. Lajonz Dzh. *Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku* [Introduction to theoretical linguistics]. Moscow, Editorial URSS publ., 2010. 544 p. (In Russ.).

10. Panasenko N.I. *Kognitivno-onomasiologicheskoe issledovanie leksiki: opy't sopostavitel'nogo analiza nazvanij lekarstvenny'x rastenij*: dis. … dokt. filol. nauk [Cognitive-onomasiological study of vocabulary: the experience of comparative analysis of names of medicinal plants. Thesis]. Moscow, 2000. (In Russ.).

11. Podkorytova A.V. Onomasiologicheskie modeli konversny'x deverbativov so znacheniem abstraktnogo dejstviya [Onomasiological models of converse deverbatives with the meaning of abstract action]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], 2017, no. 4-2 (70), pp. 139—142. (In Russ.).

12. Popova Z.D. Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST: Vostok — Zapad publ., 2010. 314 p. (In Russ.).

13. Raxilina E.V. O tendenciyax v razvitii kognitivnoj semantiki [On the tendencies in the development of cognitive semantics]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences. Series of literature and language], 2000, T. 59, no. 3. (In Russ.).

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 118—122.

УДК 070
ББК 76.032

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10118

КОММУНИКАТИВНЫЕ РОЛИ ЖУРНАЛИСТА НА ТЕЛЕВИДЕНИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ВЕДУЩИХ НОВОСТНОЙ ПРОГРАММЫ «ВЕСТИ: ПРИМОРЬЕ»)

О. Н. Семакина
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Коммуникативные роли — всё ещё не учтенное понятие в исследовании современных ТВ редакций и коммуникативной лингвистике. В статье осмысливается профессиональная деятельность журналиста и закреплённая за ней коммуникативная роль. Автор делит журналистский корпус на группы специалистов и описывает речевое поведение ведущих информационной программы «Вести: Приморье». В написании статьи использовались эмпирический и функциональный методы исследования, позволившие изучить ролевые категории журналистов на региональном телевидении.

Ключевые слова: *коммуникативная роль, коммуникативные намерения, ведущий программ, информационный выпуск.*

«Роль» как социальную категорию впервые выделил американский психолог Дж. Мид в 1934 г. Мид определил роль как систему предписаний, которая создается в результате процесса взаимодействия и зависит от статуса [6. С. 122—123]. В современных исследованиях коммуникативные роли связывают с категориями «персональность» [1. С. 12—16], «статус» [3. С. 2—3], «позиция» [2. С. 145—149]. И всё же многие учёные сходятся во мнении, что роль напрямую зависит от статуса конкретного лица. «Поведение индивида в соответствии со своим статусом называется ролью» [5. С. 8]. С этой точкой зрения согласимся и мы, уточнив, что в рамках телевизионной журналистики, статус, в первую очередь, будет зависеть от должности, которую занимает специалист. В профессиональной среде должность определяет положение сотрудника в редакционной иерархии, то есть его профессиональный статус. Более того в соответствии с должностной инструкцией каждый конкретный журналист имеет свои права и обязанности. А правовые отношения также являются характеристикой статуса [4. С. 43].

Кроме того, статус сотрудника будет определяться и его социальными характеристиками (возраст, пол, наличие образования, доход). Н. К. Кравченко выделяет две основные группы факторов в соответствии, с которыми образуется коммуникативная роль [3. С. 6]:

1) статистические с фиксированным набором переменных. Это личные, культурные, социальные характеристики;

2) динамические факторы. Это встречная роль, поведение собеседника, ситуация.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существует прямая связь статуса и роли, а в профессиональной сфере статус человека будет определяться его должностью и в меньшей степени социальными характеристиками и ситуацией.

Коммуникативные роли могут быть долговременными и кратковременными [10. С. 71]. Коммуникативная роль журналиста, при выполнении им профессиональных обязанностей, будет считаться долговременной и закреплённой за конкретным специалистом. Кратковременные коммуникативные роли также используются журналистом, но в определенных ситуациях: при внутри редакционной коммуникации и личностном общении[1]. Итак, долгосрочная коммуникативная роль журналиста-телевизионщика соответствует его профессиональному статусу. Региональные филиалы Всероссийской государственной телерадиокомпании (ВГТРК) по штату сотрудников принципиально не различаются. Стандартный набор журналистских должностей (за небольшими исключениями) выглядит следующим образом:

— корреспондент (журналист-универсал: пишет репортажи различной тематики);

— специальный корреспондент или репортёр (имеет специализацию; работает со сложными политическими, экономическими, криминальными темами; занимается аналитикой);

[1] В статье рассматриваются долговременные коммуникативные роли, закрепленные за журналистом ТВ его профессиональными обязанностями.

— продюсер (осуществляет поиск тем, разрабатывает синопсис специальных материалов, занимается логистикой);

— ведущий (пишет текстовую информацию для программы, конструирует выпуск, выдает в прямом эфире готовый новостной продукт);

— шеф-редактор руководит редакцией (координирует и управляет работой всех выше перечисленных специалистов, вычитывает и корректирует тексты работников редакции, выдает разрешение на выход в эфир, занимается логистикой, является посредником между руководством и исполнителями).

Особенно выразительно проявляется ролевое поведение журналиста при выполнении им профессиональных обязанностей, то есть при коммуникации со зрителем. Корреспондент, репортёр, ведущий вырабатывают особый речевой стиль, с помощью которого зритель мог бы идентифицировать журналиста. Создание персонифицированной «текстовой реальности» [7. С. 20—27] — одна из задач коммуникативной роли ведущего информационной программы и корреспондентов. То, насколько качественно задача будет реализована, зависит от таланта и творческих способностей конкретного сотрудника. Также в распоряжении ведущих и корреспондентов новостей есть и невербальные средства общения со зрителем: определенный стиль в одежде, специфичные мимика и жесты, проксемика, паралингвистика и прочее.

Коммуникативные роли корреспондента, ведущего, шеф-редактора, продюсера в обязательном порядке предполагают речевое действие. Регулятором речевого поведения становится коммуникативное намерение. «Коммуникативные намерения (интенции) говорящего, его целеустановки реализуются именно в высказывании» [8. С. 50—51]. В нашем случае, в текстовой информации — в новостных сводках. Рассмотрим речевое поведение ведущих информационной программы «Вести: Приморье».

Информационная программа «Вести: Приморье» является основным новостным продуктом Государственной телерадиокомпании «Владивосток», которая вещает на всей территории Приморского края. Хронометраж новостного выпуска составляет в среднем 20 минут (в зависимости от рекламного наполнения). ГТРК «Владивосток», как и большинство региональных компаний, практикует журналистскую универсальность. Но при этом есть и «основной состав» ведущих: Елена Богданова, Татьяна Бережная, Станислав Бабко.

При реализации коммуникативной роли ведущего информационного выпуска специалисты будут использовать различные коммуникативные намерения. З. С. Смелкова предлагает следующую типологию намерений в коммуникации:

— намерение проинформировать — описать, рассказать, отчитаться о событии;

— намерение убедить — склонить адресата к своему мнению, используя аргументы и доказательства;

— намерение внушить — обратиться к чувствам адресата, используя эмоциональные средства воздействия;

— намерение побудить к действию — убедить адресата в необходимости действия, например, пойти на выборы [9. С. 111].

Намерение проинформировать — очевидное и самое распространённое намерение в коммуникативном поведении ведущих именно новостных программ. Предоставить аудитории информацию — цель и задача новостного выпуска. С информсводок начинает программу «Вести: Приморье» С. Бабко: «*Сегодня во Владивосток доставили троих граждан Франции, спасенных в Тихом океане. Молодые люди путешествовали на яхте, но вблизи берегов Коста-Рики во время сильного шторма на лодке произошла поломка*» [Бабко, 11.04.18]. Интересна особенность Приморского края в информационно-коммуникационных отношениях. Тематическая специфика региона: морская тема. Приведём примеры. Новость о ЧП на воде занимает первые позиции в выпуске. Е. Богданова: «*Рыболовное судно «СаншИро Мару» под российским флагом, приписанное к порту Холмск, столкнулось в Японском море с моторной лодкой. Один из её пассажиров погиб*» [Богданова, 28.05.18]. Морская тема у приморских журналистов может быть и в спортивном информационном блоке. Татьяна Бережная: «Гребцы со всего Приморья и Хабаровска сразились за медали Чемпионата нашего края по гребле на байдарках и каноэ» [Бережная, 20.06.18]. Портретные зарисовки о «людях моря» находят место в новостном выпуске региональной компании. Но обязательное условие — информационный повод. Елена Богданова: «*Во Владивостоке открыли мемориальную доску Виктору Миськову — многолетнему руководителю Дальневосточного морского пароходства, почётному гражданину города*» [Богданова, 28.05.18]. Так как ведущий новостей находится в рамках информационного жанра, то его коммуникативное намерение проинформировать будет самым распространенным.

Намерение убедить встречается в информационном выпуске значительно реже. Убеждение — приём аналитического жанра. Детальное обсуждение какой-либо темы осуществляется в специальных программах. Показательные примеры коммуникативной роли ведущего с намерением убедить: «Время покажет» на Первом канале с Екатериной Стриженовой и Анатолием Кузичевым, «60 минут» на канале Россия-1 с Евгением Поповым и Ольга Скабеевой. В этих аналитических ток-шоу намерение убедить, внушить зрителю «правильный» взгляд на события в стране является основополагающим. В программе «Вести: Приморье» убеждение аудитории осуществляется не в прямом озвучивании «правильной» версии события, а в завуалированном виде. С. Бабко пишет: «*В крае продолжается успешная реализация государственной программы по соцсопровождению семей*» [Бабко, 11.04]. «Успешная реализация» — это оценка действий краевой власти, которая звучит не от героев сюжетов, а от ведущего. Таким образом, С. Бабко вышел за рамки объективности, положительно оценив качество работы губернатора края и профильных департаментов. Зависимость региональной компании от местной политической элиты прослеживается и в текстах Т. Бережной: «*Широкие возможности для участия в развитии экономики Приморья представил китайским инвесторам глава Приморья Андрей Тарасенко в Харбине*» [Бережная, 18.06.18]. «*Широкие возможности*» — вновь оценочная информация и попытка убедить аудиторию в верном экономическом курсе, взятом губернатором. На основании этих примеров, можно сделать вывод о том, что коммуникативное намерение убедить в информационном выпуске «Вести: Приморье» прослеживается в политических темах. Ведущий использует убеждение для создания положительного образа местной власти — что является, вероятно, не личностным желанием ведущего, а определяется информационной политикой региональной телевизионной компании ГТРК «Владивосток».

Намерение внушить также слабо выражено в работе ведущих программы «Вести: Приморье». Это объясняется тем, что для этого коммуникативного намерения необходима богатая эмотивная составляющая сюжета. Материал должен быть на острые социальные темы или описывать чрезвычайные происшествия. «Горячих» тем в регионах мало, а информационных выпусков много. Журналисты вынуждены искусственно преувеличивать значимость событий, усиливать трагизм. Достигается это с помощью сравнений, гипербол, ярких эпитетов, аллегорий, эмоциональной лексики. Елена Богданова: «*Но пока всё это* [расширение железнодорожного полотна] *делают исключительно за счёт нервов местных жителей и разрушения поселковых дорог* [Богданова, 30.05.18]. Продолжает этот текст синхрон (фрагмент интервью) местной жительницы: «*Ночью это невозможно, оно всё время тututu и свистки эти, и гудки, и стук».* Эмоциональные средства воздействия использует и Т. Бережная, обращаясь к чувствам зрителей: «*В Кавалерово вынесли обвинение нерадивой матери. Какого наказание заслуживает женщина, бросившая троих детей зимой без продуктов и тепла?*» [Бережная, 20.06.18].

Коммуникативное намерение побудить к действию распространено именно в региональных телекомпаниях. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, локальная журналистика обладает регулятивной функцией, мощным организаторским ресурсом. Во-вторых, так журналисты стараются обозначить свою близость к аудитории, что вызывает доверие у зрителя. С. Бабко даёт в эфире рекомендации, проявляя заботу о зрителе: «*Утеплиться всё же придётся. Новая рабочая неделя не спешит радовать приморцев солнцем*» [Бабко, 06.06.18]. Ведущие программы «Вести: Приморье» регулярно приглашают свою аудиторию на различные открытые, массовые мероприятия: на спортивные турниры (поболеть за свою команду), на выставки, городские и краевые конкурсы, ярмарки, праздничные концерты и т. д. Татьяна Бережная приглашает приморцев на школьный выпускной: «*Одним из главных его фрагментов станет небывалый фейерверк, который наверняка захотят посмотреть десятки тысяч горожан*» [Бережная, 20.06.18]. Е. Богданова: «*В экспозиции можно увидеть авторские книги ручной работы… Выставка будет работать всего шесть дней — по адресу Пушкинская, 25. Вход абсолютно свободный*» [Богданова, 28.05.18]. Интересно, что ведущий может побудить зрителя к действию в интересах компании. Например, ГТРК «Владивосток» имеет свои региональные окна сразу на четырех каналах: России-1, России-24, Россия-Культура, с недавнего времени еще и на кабельной ветке «Восток-24». Согласно информационной политике ГТРК «Владивосток» ведущим рекомендовано анонсировать программы, интервью, рубрики на смежном, корпоративном канале. В профессиональной терминологии эта отсылка к другой вещательной сети имеет название

«комплементарное программирование». С. Бабко: «*Фильмы фестивальной программы в этом году посмотрели свыше двух с половиной тысяч зрителей. Сейчас показ работ идёт на телеканале «Восток-24»* [Бабко, 22.04.18].

Основываясь на примере работы ГТРК «Владивосток», можно сделать следующие выводы. Во-первых, ведущие программы «Вести: Приморье» в своём речевом эфирном поведении используют различные коммуникативные намерения: чаще всего намерение проинформировать и побудить к действию свою аудиторию; реже отмечаются коммуникативные намерения внушить и убедить (это объясняется информационным жанром программы и не хваткой «горячих» тем в регионах). Во-вторых, коммуникативная роль журналиста определяется его должностью. Позиция сотрудника в редакционной иерархии обусловлена его правами и обязанностями, закреплёнными в должностной инструкции. Коммуникативные роли журналистов на телевидении (на примере ВГТРК): корреспондент, специальный корреспондент, продюсер, ведущий программ и шеф-редактор. Коммуникативная роль журналиста — это его речевое поведение, намерения, цели; это индивидуальные позиции, которые принимает индивид в той или иной ситуации. Также на реализацию коммуникативной роли влияют социальные характеристики специалиста (гендерная принадлежность, возраст, образование и проч.) и коммуникативная ситуация. Коммуникативная роль в журналистской среде подразумевает формальный подход к коммуникации, который обусловлен профессиональными рамками.

Список литературы

1. Абрамов, Б. А. Понятийная категория коммуникативных ролей и средства выражения ее частных значений / Б. А. Абрамов // Иностранный язык в школе. 1986. -№ 6. — С. 12—16.

2. Газифов, Р.А. К вопросу о статусно-ролевых характеристиках коммуникантов / Р. А. Газизов, Г. Ф. Искандерова // Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции 11—12 декабря 2012, г. Уфа. Том 1 / отв. ред. Ф. Г. Фаткуллина. — С. 145—149.

3. Кравченко, Н. К. Коммуникативная роль / Н. К. Кравченко // Режим доступа: http://discourse.com.ua/data/uploads/books/kommunikativnaja-rol.pdf.

4. Крысин, Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих / Л. П. Крысин // Социально-лингвистические исследования. — М.: Наука, 1977. — С. 42—51.

5. Кущенко, Н. С. Психолингвистические особенности ментального лексикона / Н. С. Кущенко. — Саратов.: Саратовский государственный социально-экономический университет, 1998. Режим доступа: http://www.seun.ru/content/info/learndepart/faculty/fes/2/10/konf/kuchenko.pdf

6. Мид, Дж. От жеста к символу / Дж. Мид // Американская социологическая мысль. — М.: МГУ, 1994. — С. 496.

7. Муравьева, Н. В. Речевые механизмы коммуникативных конфликтов: на материале текстов массовой информации: дис. … д-ра филол. наук / Н. В. Муравьева. — М., 2002. 451 с. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/rechevye-mekhanizmy-kommunikativnykh-konfliktov-na-materiale-tekstov-massovoi-informatsii#ixzz5LS56hiII

8. Олешков, М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. / М. Ю. Олешков // Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. — Нижний Тагил, 2006. — 146 с.

9. Смелкова, З. С. Риторические основы журналистики / З. С. Смелкова. — Москва: Флинта, 2009. — 320 с.

10. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. — Воронеж, 2001. 266 с.

Сведения об авторе

Семакина Ольга Николаевна — аспирант Дальневосточного федерального университета (Департамент коммуникаций и медиа), шеф-редактор Службы информационных программ ГТРК «Владивосток». Владивосток, Россия. olle-89@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 118—122.

COMMUNICATIVE ROLES OF THE JOURNALIST ON TV AND THEIR IMPLEMENTATION (BASED ON THE WORK OF THE LEADING NEWS PROGRAM "VESTI: PRIMORYE")

O.N. Semakina
Far East Federal University, Vladivostok, Russia.

The article is devoted to the understanding of the communicative role of a journalist on television. Studies of communicative roles are carried out in psychology, sociology, linguistics. The communicative roles of journalists were not previously considered, which is the novelty of this research. In the article, the professional activity of the journalist and the communicative roles assigned to them are considered. We divide the journalistic corps into groups of specialists and describe the speech behavior in the leading information program «Vesti: Primorye». We use empirical and functional research methods, which permit studying the role categories of journalists on regional television. Our employment with one of the leading information programs «Vesti: Primorye» allows us to use extensive empirical material in the article, to cite examples of speech behavior and communicative intentions of the presenters and anchorpersons. The article concludes that the communicative role of a journalist on TV is in the first place dependent on their position; social and situational factors are taken into account to a lesser extent.

Keywords: *communicative role, communicative intentions, leading programs, news program.*

References

1. Abramov B.A. Ponjatijnaja kategorija kommunikativnyh rolej i sredstva vyrazhenija ee chastnyh znachenij [A conceptual category of communicative roles and means of expressing its particular meanings]. *Inostrannyj jazyk v shkole* [Foreign language in school]. 1986. № 6. pp. 12—16.

2. Gazifov R.A., Iskanderova G.F. K voprosu o statusno-rolevyh harakteristikah kommunikantov [To the question of status-role characteristics of communicants]. *Kognitivnyj i kommunikativnyj aspekty diskursivnoj dejatel'nosti* [Cognitive and communicative aspects of discursive activity], Proceedings of the International Scientific and Practical Conference 11—12 December 2012, Ufa. Volume 1 / otv. Ed. F. G. Fatkullina. pp. 145—149.

3. Kravchenko N.K. Kommunikativnaja rol' [Communicative role]. Access mode: http://discourse.com.ua/data/uploads/books/kommunikativnaja-rol.pdf.

4. Krysin L.P. Rechevoe obshhenie i social'nye roli govorjashhih [Speech communication and social roles of speakers]. — M.: Science, 1977. pp. 42—51.

5. Kushhenko N.S. Psiholingvisticheskie osobennosti mental'nogo leksikona [Psycholinguistic features of the mental lexicon]. — Saratov.: Saratov State Social and Economic University, 1998. Access mode: http://www.seun.ru/content/info/learndepart/faculty/fes/2/10/konf/kuchenko.pdf

6. Mid Dzh. Ot zhesta k simvolu [From the gesture to the symbol]. *Amerikanskaja sociologicheskaja mysl'* [American sociological thought]. — M.: MGU, 1994. pp. 496.

7. Murav'eva N.V. Rechevye mehanizmy kommunikativnyh konfliktov: na materiale tekstov massovoj informacii: dis. … d-ra filol. nauk [Speech mechanisms of communicative conflicts: on the material of the texts of the mass media]. — M., 2002. pp. 451. Access mode: http://www.dissercat.com/content/rechevye-mekhanizmy-kommunikativnykh-konfliktov-na-materiale-tekstov-massovoi-informatsii#ixzz5LS56hiII

8. Oleshkov M.Ju. Osnovy funkcional'noj lingvistiki: diskursivnyj aspekt: ucheb. posobie dlja studentov fak. rus. jaz. i lit. [Fundamentals of Functional Linguistics: Discursive Aspect]. *Nizhnetagil'skaja gosudarstvennaja social'no-pedagogicheskaja akademija* [Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy]. — Nizhny Tagil, 2006. pp. 146.

9. Smelkova Z.S. Ritoricheskie osnovy zhurnalistiki [Rhetorical basis of journalism]. — Moscow: Flint, 2009. pp. 320.

10. Sternin I.A. Vvedenie v rechevoe vozdejstvie [Introduction to speech influence]. — Voronezh, 2001. pp. 266.

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 123—128.

УДК 81'42
ББК 81.1

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10119

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Н. А. Сидорова[1], Е. В. Лимарова[2], И. Н. Тупицына[3]

[1] *Военный университет Министерства обороны РФ, Москва Россия*

[2] *Российский государственный социальный университет, Москва, Россия*

[3] *Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы Правительства г. Москвы, Москва, Россия*

В статье указывается, что речевая коммуникация создает необходимые условия для реализации языковых явлений на всех уровнях. Для исследования функционирования языка в межкультурном взаимодействии предлагается привлекать анализ психических сущностей участников коммуникативного акта, при этом пристальное внимание обращено к феномену аксиологической детерминированности речевого взаимодействия участников такого рода взаимодействия. Авторы статьи приходят к выводу, что данный подход будет иметь позитивные этнолингвокультурные последствия для успешной организации межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *речевая коммуникация, межкультурная коммуникация, языковые явления, аксиологическая детерминированность.*

Как известно, межкультурное взаимодействие возможно осуществлять в рамках социального взаимодействия лишь в условиях речевого общения. При этом коммуниканты (участники речевого общения, т. е. речевой коммуникации), как правило, являются представителями различных лингвокультур.

Именно коммуникативный процесс естественным образом организует межкультурное взаимодействие людей, а взаимодействие представителей разных лингвокультур в коммуникативном процессе служит основой социализации коммуниканта и его последующей культурации в том или ином этническом социуме. Участие в коммуникативном процессе является весьма важным фактором для развития личности в коммуникативном пространстве того или иного этноса, для её становления как языковой личности, и в определенной мере как коммуникативной личности, возможно и для возможностей её будущего развития в плане коммуникативных возможностей, наконец. Именно в речевом общении человек получает не только возможность взаимодействовать с другими, исходя из своих потребностей, мотивов и ценностей, но и соотносить свое поведение с поведением других членов коллектива. Из этого следует, что независимо от того, какой вид общения актуализируется, непосредственное или опосредованное, именно в речевой коммуникации, по преимуществу, человек реализует свои потребности, ценности, предпочтения.

В условиях межкультурной речевой коммуникации у коммуниканта есть возможность оказывать влияние на партнера по общению, получать знания о разворачивающейся ситуации и об окружающем его мире, узнавать и осваивать различного рода ценности, познавать специфику тех или иных отношений этносов в обществе, способов этнической идентификации и самоидентификации и прочее. Известно, что каждый этнос является носителем общечеловеческих ценностей, облекающихся в национальные формы. Каждая нация владеет определенной национальной ментальностью, собственными представлениями об окружающем мире, определенным набором ценностей, которые можно рассматривать как ментальные образования. В рамках нашего исследования считаем уместным предложить определение природы ценности, сформулированное наиболее универсальным образом: «Ценности — то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем, и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением» [4].

Вполне очевидно, что ценность является не свойством какой-либо вещи, а сущностью и одновременно условием полноценного бытия личности. Наличие множества человеческих потребностей

и способов чувствования объясняет существование разнообразия оценок, и в результате, то, что для одного имеет большую ценность, для другого — малую или вообще никакой. При оценивании одного и того же явления, события с помощью индивидуально-личностных и этно-социальных ценностных критериев возможны значительные расхождения. В связи в этим мы считаем необходимым разграничить этнические ценности и ценности конкретных индивидов. Естественно, что для многих людей доминирующими будут являться ценности его этноса, между тем как индивидуальные ценности являются показателями личностного отношения к явлениям, событиям, отношениям и проч.

Между человеком, его потребностями и действительностью существует мир ценностей, который играет огромную роль в развитии общества — этот мир ценностей представляет собой факторы, направляющие характер деятельности как отдельного человека, так и народа, нации. Ценности — главные руководители человеческой жизнедеятельности. И хотя в человеческой жизни часто наблюдается противоречие между ожидаемым результатом, проецируемым ценностями, и реальностью, значение ценностей в жизнедеятельности людей это обстоятельство не снижает. Причина в том, что человек зачастую предъявляет ценностные ожидания, не соотносимыми с его потребностями и возможностями, — отсюда и возникает противоречие между коммуникативным ожиданием и коммуникативным результатом.

Изучение влияния ценностей на речевую коммуникацию дает основание предположить, что в языковую картину мира общающихся входят устойчивые формулы языковых построений, связанные с определенными стереотипными ситуациями, правилами, аксиологическими нормами речевого поведения и отклонениями от них. Как верно было подмечено И. Н. Тупицыной, «обратившись к исследованию человеческого фактора в языке или проблемы «человека в языке», ученые осознают, что невозможно познать язык сам по себе, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю — к человеку…» [8. С. 21]. Очевидно, что в языковую картину мира личности входят представления о разнообразных свойствах, нормах, правилах речевой коммуникации, совокупность которых можно обозначить как *коммуникативная картина мира*. Весьма интересным представляется в перспективе исследование этнокультурной социальной специфики представлений в плане межкультурной коммуникации.

В свое время Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров утверждали, что язык «будучи одним из основных признаков нации, выражает культуру народа, который на нем говорит, т. е. национальную культуру» [2. С. 207]. Данное определение мы позволим себе расширить аксиологической составляющей языковых явлений, которые актуализируют ценностные предпочтения личности.

Для углубления исследования языка в аспектах ценностного рассмотрения его употребления мы видим наиболее уместной концепцию Л. В. Щербы, который, указывая на многогранность самого феномена языка, выделял в нем языковой материал, языковые системы и речевую деятельность [10]. Именно речевая деятельность, по утверждению великого отечественного ученого, должна рассматриваться как ведущий аспект языка. В теории речевой коммуникации вслед за Л. В. Щербой провозглашается идея объединяющей силы речевой деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов, Е. В. Сидоров). При рассмотрении речевой коммуникации в отечественном языкознании ведущей концепцией принимается деятельностная концепция. Данное видение проблемы позволяет исследовать язык «с целью описания присущей ему внутренней системности, установление единиц его организации, приходится исходить из регулярной повторяемости свойств языковых явлений» [5. С. 11]. Следовательно, условием, при котором языковые явления смогут обрести материальную возможность актуализации, являются условия речевой коммуникации. Соответственно, межкультурное взаимодействие становится возможным только в условиях речевой коммуникации, речевого общения. Тем не менее нельзя обойти стороной такой важный аспект, как «взаимодействие поликультурных коммуникантов в среде монолингвального речевого общения» [6. С. 359]. Здесь мы говорим о том, как взаимодействие в условиях речевого общения, межкультурного общения, активизирует различные психические процессы, в частности восприятия, реакции, памяти, т. к. зачастую в процессе межкультурного общения коммуниканты, представители разных лингвокультур, пользуются в общении одним языком. В связи с этим важным оказывается исследование не только вышеперечисленных сущностей, но и не менее важного явления — аксиологической детерминированности речевого взаимодействия партнеров. Исследование

речевого общения индивидов, представителей разных лингвокультур, в рамках данного подхода будет иметь позитивные этнолингвокультурные последствия для успешной организации межкультурной коммуникации.

Изучение речевого общения с точки зрения аксиологически детерминированного подхода открывает новые перспективы в рассмотрении данного явления и широкое поле деятельности для ученого. Исследование языка как отражения системы культурных ценностей, обусловивших принятые в конкретном этническом обществе модели поведения, указывает на рост внимания отечественных и зарубежных ученых к вопросам, связанным с влиянием на межкультурную коммуникацию этнически ориентированных факторов. В связи с этим мы исследуем коммуникативно значимые ценности в речевом общении и описываем их роль в процессе речевой коммуникации. Н. А. Сидорова предлагает называть коммуникативно значимыми ценности такие, которые определяют «возможность, содержание, формы и структуру коммуникации, а именно такие, без которых коммуникация оказывается невозможной» [7. С. 176]. В связи с этим мы полагаем, что представители определенной лингвокультуры в межкультурном речевом общении в качестве коммуникативных могут предъявлять как этнические, так и индивидуальные ценности.

Иными словами, становится вполне очевидным, если какое-то явление, какие-то отношения, впечатления представителями одного этноса мыслятся как правильные, нормативные, то представители другой лингвокультуры, другого этноса могут совершенно не понять и не принять такой ценностный выбор. Указанная ценностная отстраненность будет проявляться в их поведении, а именно в их речевом поведении. Овнешненные [термин Е. Ф. Тарасова] ценностные образы, картины мира будут реализовываться в коммуникативных актах. Такие коммуникативные акты могут реализовываться под влиянием аксиологической детерминации по различным направлениям, как-то: комплимент, похвала, сочувствие, осуждение, инвектива, угроза, разоблачение, неодобрение действий, выражение дружеского расположения, уважительного отношения — и ряда тактических векторов: оценка личности, ласковое снисхождения, пожелание, совет, мольба, просьба, приказ, представление, выражения благодарности и др.

Обратимся к языковым примерам.

1) В русском, английском и корейском языках есть языковые предъявления, в которых говорящий обозначает такую ценность, как «уважение культуры другого этноса, соблюдение его норм и правил»: *«В чужой монастырь со своим уставом не ходят»,* «*Do in Rome as the Romans do*», *«Не спорят с семьей умершего о дне поминовения»* (корейская пословица). Из приведенных примеров следует, что представители данных лингвокультур в своей основе имеют общую ценность. Вместе с тем, как этносы, они различны. Корейцы — это единая, самодостаточная и самобытная культурно-этническая общность, говорящая на одном языке и гордящаяся своей абсолютной национальной целостностью. Ни монгольское нашествие, произошедшее много веков назад, ни колониальное господство Японии, завершившееся лишь в 1945 году, ни постоянные контакты в Китаем не привели к этнической ассимиляции корейцев. В плане этнической представленности полной противоположностью Корее являются Россия и США: «Мы, американцы, — дети плавильного тигля» — заявил в свое время президент Теодор Рузвельт [9. С. 27]. Как видим, насколько противоположны в моно- и полиэтническом аспекте указанные общества, настолько их может объединить единая ценность «уважение к образу жизни другого народа».

2) Следующий момент демонстрирует общую коммуникативную ценность для американцев и русских: «нехорошо интересоваться личной жизнью другого»: *«mind your own business*» — незыблемое правило американцев; русские тоже считают, что *«не лезь в душу», «не сунь нос в чужой вопрос».* Тем не менее, в повседневной жизни американцы обычно дружелюбны, могут пригласить, например, новых соседей на чашечку кофе. Русские обладают национальными качествами гостеприимства и дружелюбия. Однако коммуникативная ценность «*mind your own business*» и «не лезь в душу» не меняет своего содержания в американской и русской культурах. Говорящий, в подходящий момент, если он разделяет указанную ценность, может предъявить ее реципиенту.

Что касается корейцев, то они тяготеют к сильной групповой солидарности и больше зависят от личных связей и родственных отношений. Как причина, объясняющая это правило в поведении данного этноса, может рассматриваться изначальная жизнь в корейской деревне, в которой жила группа семей, принадлежащих одному клану. Все они были заняты общим делом, как правило, у них были схожие интересы. В современной Корее закрепился феномен «КЕ», который обозначает «связь, согласие». «Ке» может иметь значение

организации, в которую объединились люди, организация имеет свой денежный фонд, который пополняется регулярным сбором денег с каждого участника. Деньги расходуются на общие нужды. Естественно предположить, что для корейского этноса ценность, сходная по содержанию с «mind your own business», вряд ли будет возможна.

3) Ценность «совместное времяпрепровождение». Это ценность характерна как для корейцев, так и для русских. Основная еда корейцев кимчи — острая еда, состоящая из капусты, огурцов или других овощей, заквашенных с красным перцем и разными приправами. Это блюдо часто готовят не только с родственниками, но и с соседями. По способу приготовления это блюдо напоминает русскую квашеную капусту, которую тоже заготавливают зимой и тоже совместно с родственниками. Данная ценность представлена в корейской фразе, которой хозяйки начинают беседу зимой: *«Вы уже закончили свой кимджан?»* «Кимджан» — это заготовка «кимчи» для зимнего хранения в больших чанах, хранящихся во дворе или на балконах. В российских деревнях тоже существовал обычай заготовки овощей на зиму впрок, этот обычай назывался «капустки». Сходная с корейцами этническая традиция отражает сходные у корейцев и русских ценности «коллективизм и сотрудничество».

4) Ценность «общаться, сплетничать», по всей видимости, является производной от ценности «совместное времяпрепрвождение» у русских и корейцев. Ведь совершенно ясно, когда хозяйки объединялись для совместного приготовления блюда, они обсуждали различные проблемы, включая личные проблемы своей семьи и личные проблемы других людей. Следовательно, обсуждать личные проблемы было ценным для русских и корейцев.

В России является ценностью осуществлять контроль не только за детьми, но и за соблюдением традиционных норм поведения в быту взрослых. Обычно актуализируют эту ценность женщины средних или преклонных лет. Но не все члены этноса разделяют эту ценность, и тогда в речевом общении между коммуникантами может возникнуть конфликт. Однако те, кому близка эта ценность по индивидуальному восприятию действительности и отношений объектов в ней, в речевой коммуникации могут предъявить свои ценностные предпочтения в следующем тексте: *«Хорошо, что соседка сказала!»* [1].

Совершенно очевидно, что для жителей США такая ценности не характерна, что объясняется прежде всего индивидуалистическим характером культуры американцев, сложившейся в специфических для страны условиях.

Лишь сопоставив некоторые ценности, присущие разным этносам, мы отмечаем их детерминирующее влияние на речевую коммуникацию и речевое поведение участников общения. Таким образом, в речевой коммуникации говорящий предъявляет в тексте ценности для реципиента, чтобы реципиент не только осознал их и воспринял текст, но и для того, чтобы говорящий имел возможность каким-то образом обозначить, что имеет представления о ценностях реципиента. Это условие можно назвать *ценностным законом речевой коммуникации*, т. к. он обусловлен социальной природой самого речевого общения, ибо, как указывал В. Гумбольдт, «никто не должен говорить с другим иначе, чем этот другой говорил бы при равных условиях» [3. С. 52].

Сущность этого требования можно объяснить следующим образом. Реципиент имеет в своем сознании набор эталонов, которые образуют систему его ценностей, систему его знаний, т. е. то, что в сущности и определяет сознание. Структура связей, существующая между эталонами ценностей, является структурой ценностей данного реципиента. Каждому из эталонов соответствует единица внутреннего кода, которая посредством объективации значения, частично закрепленная данным эталоном, связана с одним или рядом знаков естественного языка. Тогда в процессе восприятия речевого сообщения в структуре сознания реципиента могут возбуждаться те или иные ценностные связи и в зависимости от этого будет меняться структура сознания, уже находящаяся в состоянии возбуждения. Другими словами, коммуникативные ценности говорящего через текст оказывают влияние на реципиента, возбуждая ценности последнего и его ценностные представления по поводу состоявшейся речевой коммуникации.

Имея в виду ценностное детерминирование в употреблении языковых единиц в речи, к такого рода употреблениям мы отнесем не только фонологические, лексические, морфологические или синтаксические разновидности одних и тех же исходных единиц, но также и различные по происхождению, однако одинаковые по значению единицы, то есть семантические, морфологические или синтаксические синонимы. При этом было бы неоправданным игнорировать различия между перечисленными явлениями и условиями их возникновения. Так, если при создании фонологических

вариантов вместе с социальной обусловленностью значительную роль играют фонологические признаки звуков, то в синонимичных парах слов очень часто на первый план выступают языковые контакты, заимствования. В основе таких языковых контактов лежат глубокие ценностно-когнитивные мотивы, обусловившие создание определенных вариантов языка.

В свое время профессор В. М. Солнцев указывал на языковую вариативность как на мощную тенденцию развития языка, проявляющуюся на всех языковых уровнях. Изучение языковой вариативности всегда было тесно связано с разработкой общего понятия «национального языка». Л. П. Якубинский объяснял причины формирования национальных языков внешними процессами, происходившими при становлении нации. Профессор и академик Г. В. Степанов был создателем концепции «национального варианта» на материале испанского языка. В аспекте нашего видения настоящей проблемы концепцию аксиологической определенности употребления языка позволяют дополнить исследования когнитивного уровня и ценностного потенциала участников коммуникативного процесса.

Благодаря одновременно динамическому и содержательному подходу к изучению феномена детерминации ценностей в межкультурном общении становится возможным выявлять разного рода коммуникативные проблемы, которые ускользают при культурологическом или социально ориентированном исследования. Структурные особенности исследований, такие как анализ закономерностей порождения и восприятия дискурса, деятельностный аспект речевой коммуникации дополняются эталонами ценностно группового и ценностно индивидуально-специфического отношения к этнокультурным нормам речевого общения. Не отдавая предпочтения конкретным ценностям участников общения, следует указать, что метод исследования аксиологической детерминации речевого взаимодействия партнеров в условиях различия их лингвокультур способен скорректировать парадигму эффективности межкультурной речевой коммуникации.

Список литературы

1. Будина О. Р., Шмелева М. Н. Город и народные традиции русских / О. Р. Будина, М. Н. Шмелева. — М.: Наука, 1989. — 252 с.

2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Индрик, 2005. — 1038 с.

3. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт фон. // Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт фон. — М.: Прогресс, 1984. — С. 34—298.

4. Менцер, П. Лекции Канта по этике / П. Менцер. — Берлин, 1924. — Реж. дост.: http:www.gumer. Info /bibliotik_Buks/Culture/Gus_Etika/30php

5. Сидоров, Е. В. Онтология дискурса / Е. В. Сидоров. — М.: Издательство ЛКИ, 2009. — 232 с.

6. Сидорова Н. А. Монолингвальная среда — поликультурная проблема / Н. А. Сидорова. // Вестник МНЭПУ. — М.: Академия МНЭПУ, 2015. Т. 7. — С. 357—361.

7. Сидорова Н. А. Основы лингвоаксиологической концепции речевой коммуникации. — Автореферат дис. …доктора филол. наук / Н. А. Сидорова. — М.: Военный университет, 2011. — 47 с.

8. Тупицына, И. Н. Речевая коммуникация: личностно-когнитивное измерение / И. Н. Тупицына. — М.: Издательство РГСУ, 2005. — 220 с.

9. Шлезингер А. М. Циклы американской истории / А. М. Шлезингер. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. — 692 с.

10. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — М.: КомКнига, 2007. — 432 с.

Сведения об авторах

Сидорова Наталья Анатольевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, ВУ МО РФ, Москва, Россия. natuzz@rambler.ru

Лимарова Елизавета Валерьевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой лингвистики и перевода, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия. limarovaev@rgsu.net

Тупицына Ирина Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры социального управления и экономики, Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы Правительства г. Москвы, Москва, Россия. tupitsyna@rgsu.net

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 123—128.

AXIOLOGICAL ASPECT OF LANGUAGE COMPARISONS IN CROSS-CULTURAL INTERACTION

N.A. Sidorova
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, natuzz@rambler.ru

E.V. Limarova
Russian State Social University, Moscow, Russia, limarovaev@rgsu.net

I.N. Tupitsyna
Moscow Institute for rising qualifications of social workers, Moscow, Russia, tupitsyna@rgsu.net

The authors of the article indicate that speech communication creates the necessary conditions for the realization of linguistic phenomena at all levels. To study the functioning of the language in intercultural interaction, it is proposed to involve the analysis of the psychic essences of participants in the communicative act, while close attention is paid to the phenomenon of axiological determinism of the speech interaction of participants of this kind of interaction. The authors of the article come to the conclusion that this approach will have positive ethnolinguistic and cultural consequences for the successful organization of intercultural communication.

Keywords: *speech communication, cross-cultural interaction, linguistic phenomena, axiological determinism.*

References

1. Budina O.R., Shmeleva M.N. *Gorod i narodnye tradicii russkih* [City and Russian folk traditions]. Mosow, Nauka Publ., 1989. 252 p. (In Russ.).
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture. Linguistic and cultural studies in teaching Russian as a foreign language]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1038 p. (In Russ.).
3. Gumboldt, V. fon. O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyanii na duhovnoe razvitie chelovechestva [About the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1984. pp. 34—298. (In Russ.).
4. Mencer, P. *Lekcii Kanta po etike* [Lectures on ethics by Kant]. Berlin, 1924. Available at: http://www.gumer.info/bibliotik_Buks/Culture/Gus_Etika/30php, accessed 05.09.2018. (In Russ.).
5. Sidorov, E.V. *Ontologiya diskursa* [Discourse ontology]. Moscow, LKI Publ., 2009. 232 p. (In Russ.).
6. Sidorova N.A. Monolingval'naya sreda — polikul'turnaya problema [Monolingual environment — a multicultural problem]. *Vestnik MNEHPU* [Bulletin of MNEPU], 2015, no.7. pp. 357—361. (In Russ.).
7. Sidorova N.A. *Osnovy lingvoaksiologicheskoj koncepcii rechevoj kommunikacii* [Fundamentals of linguoaxiological concept of speech communication. Abstract of thesis]. Moscow, 2011. (In Russ.).
8. Tupicyna, I.N. *Rechevaya kommunikaciya: lichnostno-kognitivnoe izmerenie* [Speech Communication: Personality and Cognitive Dimension]. Moscow, RGSU Publ., 2005. 220 p. (In Russ.).
9. Shlezinger A.M. *Cikly amerikanskoj istorii* [American History Cycles]. Moscow, Progress Publ., 1992. 692 p. (In Russ.).
10. Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 432 p. (In Russ.).

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 129—137.

УДК 81'42
ББК 81.2-5

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10120

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ДИСКРЕДИТЕМА» КАК О ЕДИНИЦЕ ДЛЯ АНАЛИЗА КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ

Д. В. Сиротин
Международный институт менеджмента ЛИНК, Жуковский, Россия

В статье дается краткая характеристика лингвистики политического дискурса как одного из направлений современного языкознания. Определяется место и роль коммуникативной стратегии дискредитации в политическом дискурсе. Предлагается новый термин «дискредитема» для обозначения лингвистических единиц, реализующих данную стратегию в политическом дискурсе.

Ключевые слова: *политический дискурс, коммуникативная стратегия, дискредитация, лингвополитология.*

Лингвистика политического дискурса как направление современной лингвополитологии. Во второй половине XX в. в лингвистике обозначилось новое направление, получившее название дискурс-анализа. Хотя было дано множество определений термина «дискурс», подчеркивающих разные аспекты данного явления, в большинстве трактовок дискурс понимался как реально произнесенный текст, сопровождаемый различными экстра-, паралингвистическими и прочими факторами. Необходимость учета этих факторов как раз и стала той линией, позволявшей разграничить понятия «текст» и «дискурс», и, таким образом, — отделить лингвистику текста от дискурс-анализа. Если понятие «текст» признавалось статичным набором грамматических структур, то «дискурс» представлял собой речь, «погруженную» непосредственно «в жизнь» [22. С. 137]. По этой причине термин «дискурс» не применяется по отношении к текстам, составленным, например, на древних языках, так как в этом случае отсутствуют признаки динамики, являющиеся обязательными для дискурса. Ведущими отечественными и зарубежными учеными в области дискурс-анализа выступили Н. Д. Арутюнова, Т.А. ван Дейк, В. И. Карасик, В. З. Демьянков, Р. Водак и другие [Там же].

В каждой трактовке дискурс освещается поразному. Так, например, в подходе, предложенном ученым Т.А. ван Дейком, дискурс может быть выделен на жанровой основе. Заметим, что Т.А. ван Дейк не отождествляет в данном случае «дискурс» и «жанр»: первое понятие шире последнего. Под дискурсом, пишет ван Дейк, следует понимать не просто жанр, но «совокупность жанров, организованных в соответствии с социальными принципами, ассоциируемая с определенной сферой общества» [24. С. 196] (перевод наш. — *Д. С.*). Следовательно, можно говорить о таких разновидностях дискурса, как, например, новостной дискурс, медицинский, научный или политический дискурс. В этой трактовке понятия «дискурс» широкое распространение в работах современных зарубежных и отечественных лингвистов получил политический дискурс (ПД) — совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией [и] проверенных опытом» [2. С. 6]. ПД неразрывно связан с политиками, то есть, лицами, принимающими в нем непосредственное участие [23. С. 12], а главная особенность этой разновидности дискурса заключается в воспроизводстве политической власти и доминирования [Там же. С. 11].

Лингвистика политического дискурса — междисциплинарное направление, однако, эта междисциплинарность особо подчеркивается современным подходом к анализу ПД. Дело в том, что анализ современного политического дискурса осуществляется в рамках так называемой лингвополитологии (или политической лингвистики) — лингвистической отрасли, сочетающей в себе лингвистику и политологию, а также ряд других смежных дисциплин [16. С. 43]. Политический дискурс является «центральным понятием политической лингвистики» [Там же. С. 44], фактически — ее объектом.

Являясь по своей сути мультидисциплинарным направлением, лингвополитология (политическая лингвистика) «тесно связана и с науками, изучающими индивидуальное, социумное и национальное сознание», например, с «социальной психологией,

культурологией, социологией, политологией, этнографией» [21. С. 7]. Вслед за В. А. Масловой, в нашей работе мы признаем равнозначными термины «лингвополитология» и «политическая лингвистика», поскольку проблематика противопоставления данных терминов учеными либо не поднималась [6; 13], либо «лингвополитология» выступала синонимом «политической лингвистики» [16]. Исключением выступает работа А. В. Зайцева, в которой утверждается, что отличие лингвополитологии от политической лингвистики заключается в характере взаимоотношений власти и общества. Если «политическая лингвистика <…> фактически исключает <…> интеракцию власти и общества» [10. С. 25], то лингвополитологический подход подразумевает «не субъект — объектное воздействие, а субъект — субъектное взаимодействие, то есть диалог государства и гражданского общества» [Там же]. Возможно, что данное разграничение было бы релевантным для исследований с уклоном в общественные науки, но, поскольку наша работа не носит подобного социологического характера, мы признаем термины «лингвополитология» и «политическая лингвистика» эквивалентными друг другу.

Итак, лингвополитология — современное направление, объектом которой можно считать политический дискурс. Что же входит в ее методологию? По мнению З. И. Комаровой, методом лингвополитологии является «межпарадигмальная и междисциплинарная интеграция методов, […] направленных на изучение политической коммуникации, политического дискурса с целью создания условий для […] выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности» [13. С. 27]. Более подробно методика лингвополитологии рассмотрена у Н. Д. Голева: *прямые (наблюдаемые) дискурсивные практики* включают в себя: бытовые; социальные; мемуары и дневники с политическим содержанием; школьные сочинения по социальной тематике. Среди *специально моделируемых дискурсивных практик* Н. Д. Голев выделяет эксперимент и опрос. *Опосредованно отраженные дискурсивные практики* находят отражение в различных источниках, например, художественной литературе и текстах СМИ [6].

Коммуникативная стратегия дискредитации в политическом дискурсе. Важное направление в рамках анализа политического дискурса (далее — АПД) занимает лингвистический анализ речей политических лидеров, прежде всего — прагматических средств языкового воздействия. В частности, исследователь О. С. Иссерс указывает, что воздействие на реципиента в политических речах осуществляется посредством определенных коммуникативных стратегий и тактик: стратегии, единицы более крупного уровня, реализуются посредством тактик [11; 12]. По мнению О. О. Никифоровой, стратегия — это «план осуществления чего-либо», а тактика — «конкретные способы реализации этого [намерения]» [17. С. 129]. Стратегия — это «реализация коммуникативных целей адресанта посредством построения плана своего речевого поведения, зависящего от коммуникативной ситуации, личности и имиджа коммуникантов», направленная на определенные цели [15. С. 158].

Особый интерес для лингвополитологического анализа представляет коммуникативная стратегия дискредитации (далее — КСД). Являясь неотъемлемой частью политического дискурса, КСД, как правило, содержится в тонких, весьма умело завуалированных намеках на критику, несостоятельность, неуспех и т. п. Например, коммуникативная стратегия самопрезентации, которая может быть противопоставлена КСД как ее антипод, таких тонких намеков, как правило, не содержит, и поэтому представляет меньший интерес для лингвистического анализа.

Коммуникативная стратегия, направленная на дискредитацию оппонента, может реализоваться при помощи речевых *тактик уничтожения доверия, развенчания притязаний, критики* и т. п. [12. С. 166—167; 20]. Например, к тактике развенчания притязаний часто прибегал 44 президент США Б. Обама во время предвыборной гонки 2008 г.:

(1) Another soldier waves goodbye as he leaves on another tour of duty in a war that should've never been authorized and never been waged [http://obama-speeches.com].

(2) <…> if [John McCain] spent some time in the schools of South Carolina <…> he'd understand that we can't afford to leave the money behind for No Child Left Behind <…> [Там же].

В случае (1) КСД реализуется посредством речевой тактики «развенчание притязаний» (по мнению выступающего, война ни в коем случае не должна была начинаться, поскольку спровоцировала новые проблемы, а не решила уже существовавшие на тот момент). В случае (2) Б. Обама говорит о программе «No Child Left Behind», начатой при правлении Дж. Буша-младшего, опровергая её эффективность.

Иногда о явном наличии речевой тактики может свидетельствовать прямое упоминание объекта дискредитации. Приведенный ниже пример взят из выступления президента США Д. Трампа на Генеральной Ассамблее ООН:

(1) International criminal networks traffic drugs, weapons, people; force dislocation and mass migration; threaten our borders; and new forms of aggression exploit technology to menace our citizens [https://theconservativetreehouse.com].

Упоминание о «преступных сообществах» уже само по себе уничтожает доверие к объекту дискредитации, поэтому стратегия реализуется здесь при помощи тактики «уничтожение доверия».

Модель коммуникации и коммуникативные стратегии в политическом дискурсе. Из приведенных примеров видно, что важную роль при анализе КСД играют такие параметры, как контекст высказывания, объект дискредитации, целевая аудитория. Хотя исследователи подчеркивают коммуникативный характер речевой стратегии дискредитации (см.: [12]), в исследованиях, посвященных данной тематике, коммуникативная природа этой стратегии выявлена не до конца. Здесь мы можем рассмотреть КСД как акт коммуникации, и, следовательно, связать КСД с одной из моделей коммуникативного акта. Эта связь становится оправданной и более очевидной, если учитывать междисциплинарный характер лингвополитологии и, в целом, политического дискурса, в рамках которого и выделяется рассматриваемая нами стратегия. На настоящее время в теории коммуникации обозначено большое количество моделей коммуникации, среди которых — модели Аристотеля, Романа Якобсона, Гарольда Ласуэлла и других [25. С. 25—26]. Какая именно модель будет наиболее подходящей для анализа КСД? Во-первых, следует учитывать, что политическая речь как публичное выступление имеет, как правило, субъектно-объектную направленность (в отличие от, например, межличностного диалога или полилога). Во-вторых, в некоторых моделях присутствуют компоненты, не релевантные или мало релевантные для условий политической коммуникации. Так, информационный шум, выделяемый в модели Шеннона-Уивера [Там же. С. 26], вряд ли имеет место быть, скажем, во время предвыборных дебатов либо выступления лидера страны на трибуне Генассамблеи ООН. В коммуникативной модели Р. Якобсона, помимо адресанта, адресата и контекста, выделяются также код, контекст и контакт. Маловероятно также, что три последних параметра — контакт и код — релевантны при анализе политической речи, поэтому в нашей схеме они опущены: *кодом* в политической коммуникации почти всегда выступает естественный вербальный язык, эта коммуникация, как правило, не осуществляется посредством других знаковых систем. Контакт между участниками присутствует практически всегда, а поэтому он не важен. Напротив, релевантными категориями остались *адресант* и *адресат*, *сообщение*, *контекст*, *реакция*. При этом введение понятий *субъект* и *объект дискредитации* (вместо адресанта и адресата соответственно) потребовалось, чтобы подчеркнуть однонаправленный характер речевого сообщения в политической лингвистике: политическая речь не предполагает обычно немедленного ответа от аудитории (в отличие от того же диалога). Таким образом, адресантом (тем, кто дискредитирует) мы называем говорящего, — *субъектом дискредитации.* Адресатом выступает, с одной стороны, тот, кого дискредитирует говорящий (мы назовем его *объектом дискредитации*), а с другой стороны — *целевая аудитория*. Отметим, что границы целевой аудитории размыты, поскольку политическая речь может быть адресована определенной политической группе, либо всей стране, либо, в отдельных случаях, всему мировому сообществу. Параметру *сообщение* соответствует *лингвистический контекст*, а критерию обстановка — внеязыковой, *экстралингвистический контекст*. В первом случае под *контекстом* мы понимаем ближайшее окружение слова (словосочетание, абзац), во втором — *контекст ситуативный, политический*, в котором произносится политическая речь. Этот параметр представляется важным, так как одна и та же речь, произнесенная в разной экстралингвистической обстановке, может усилить восприятие эффективнее, чем языковые средства воздействия. Следовательно, различие *лингвистического* и *экстралингвистического контекста* важно для анализа КСД.

Итак, взяв за основу несколько моделей коммуникации (Аристотеля, Якобсона и Шеннона-Уивера), мы оставили только наиболее важные компоненты, существенные для реальных условий политической коммуникации (см. табл. 1).

Ниже приведена табл. 2, в которой проанализированы упомянутые ранее примеры употребления коммуникативной стратегии дискредитации, взятые из речей президентов США, Б. Обамы и Д. Трампа.

Таблица 1

Модель Аристотеля	Модель Р. Якобсона	Модель Г. Ласуэлла	Предлагаемая нами модель
Оратор	Адресант	Коммуникатор	Субъект дискредитации
Речь	–	Сообщение	Лингвистический контекст
Аудитория	Адресат	Коммуникант	Объект дискредитации
			Целевая аудитория
Эффект	–	Обратная связь	Реакция
Обстановка	Контекст	–	Экстралингвистический контекст
–	Код	–	–
–	Контакт	–	–
–	–	Канал передачи	–

Таблица 2

Параметр	Пример (1)	Пример (2)	Пример (3)
Субъект дискредитации	Б. Обама		Д. Трамп
Объект дискредитации	Дж. Буш-младший	Джон Маккейн	(Конкретные лица не названы)
Целевая аудитория	Электорат		Страны — члены ООН; мировое сообщество
Лингвистический контекст	Эффект речевого воздействия усиливается за счет повторов и синтаксических параллелизмов		
Экстралингвистический контекст	Предвыборная гонка 2008 г.		Мировой финансовый кризис; нестабильность в ряде регионов планеты
Реакция	Усваиваемость текста высокая. На этот параметр влияет *лингвистический контекст* (см. выше)		

Дискредитема как единица реализации КСД. Переходя к непосредственно принципам лингвистической обработки политических речей, содержащих коммуникативную стратегию дискредитации, отметим, что наиболее важным представляется *определить* саму *языковую единицу дискредитации* и *правила ее вычленения из окружающего контекста*. Для обозначения этой единицы мы введем термин «дискредитема» (ср.: фонема — минимальная фонетическая единица, морфема — минимальная морфологическая единица, транслатема — единица перевода). На момент введения термина (12 октября 2017 г.) термин не был закреплен в других лингвистических работах.

Отметим, что вербальные средства, реализующие КСД, рассматриваются во многих работах. Среди наиболее частотных способов указываются такие приемы, как употребление метафор, использование лексики с отрицательной коннотацией, применение выразительных средств языка [19. С. 8; 14. С. 176]. *Имеющаяся обширная типология позволяет, на наш взгляд, говорить о неких общих языковых средствах реализации КСД*, а, следовательно, возникает необходимость введения общего понятия, применимого ко всем перечисленным случаям.

Итак, какими же свойствами обладает дискредитема? Во-первых, как любой языковой знак, она характеризуется *планом содержания* и *планом выражения* (в другой терминологии — означаемое и означающее) [7. С. 92]. С точки зрения плана содержания дискредитема представляет собой семантическое единство; в плане же выражения — слово либо (чаще) словосочетание. С прагматической точки зрения, дискредитема актуализирует коммуникативную стратегию дис-

кредитации. Можно утверждать, что, если коммуникативная стратегия дискредитации — это явление более высокого уровня, то дискредитема — уровня более низкого. Совокупность дискредитем на микроуровне как раз и актуализирует коммуникативную стратегию дискредитации на макроуровне. Во-вторых, *дискредитема представляет собой когнитивно-прагматическое единство*, что выражается в целом в спаянности этих подходов к исследованию политического дискурса. Дело в том, что целью любого политического текста является воздействие и речевое манипулирование [4. С. 95; 9. С. 3]. В рамках исследований, посвященных политическому дискурсу, часто встречаются такие направления, как анализ концептов, метафор, фреймов и категорий в политических речах [1; 3; 8; 19]. При этом сама дискредитация может также рассматриваться не только как стратегия, но и как фрейм или концепт, актуализируемый в речи [19; 20]. Вероятно, дискредитема может содержать в себе когнитивные метафоры, фреймы, а также актуализировать концепт «дискредитация». Когнитивный и прагматический подход взаимно дополняют друг друга, поскольку, зная особенности человеческого мышления, можно определить практические навыки наиболее эффективного речевого воздействия. И наоборот, зная реакцию целевой аудитории на определенные высказывания, можно определить универсальные категории мышления этой аудитории.

Следовательно, нам представляется важным определить правила нахождения дискредитемы, то есть установить, каким образом ее можно выделить из окружающего контекста. Для иллюстрации приведем несколько примеров.

i) Our people and our homeland face no direct threat from *the invasion of Crimea* [http://obamaspeeches.com].

Мы определили, что дискредитемой является, как правило, словосочетание. Для того, чтобы выделить ее в предложении, нужно прежде всего, определить: без какой части предложения дискредитация не будет актуализирована? Скорее всего, без слов *the invasion of Crimea.* Теоретически, предложение могло иметь такое завершение: *from *those countries.* Это высказывание может звучать как простой комментарий, и дискредитации здесь не будет. Отсюда первый критерий — *семантическое и грамматическое единство.*

Однако этого еще недостаточно, чтобы однозначно пометить словосочетание как дискредитему. Мы уже говорили, что семантико-грамматический критерий, по сути, есть только формальная, но не содержательная сторона дискредитемы. Поэтому необходимо найти содержательную сторону. Ответим на вопрос: подрывается ли доверие к чему-либо или к кому-либо в этом контексте? Ведь Б. Обама говорит о «вторжении в Крым», — слово *invasion* имеет в данном контексте отрицательную коннотацию. Но даже коннотации может быть недостаточно — например, коммуникативная стратегия дискредитации может реализовываться при помощи эмоционально и стилистически не окрашенной лексики [20. С. 87]. Поэтому обратимся к описанной ранее коммуникативной модели: присутствует ли здесь хотя бы большинство компонентов, перечисленных в табл. ? Мы видим, что есть и субъект, и объект дискредитации (правительство России), и целевая аудитория (мировое сообщество), и экстралингвистический контекст (события 2014 года, связанные с присоединением Крыма к России, получившие название «Крымской весны»). Следовательно, отмеченный отрезок речи можно отметить как дискредитему.

ii) *Authority* and *authoritarian powers seek to collapse the values, the systems, and alliances* that prevented conflict and tilted the world toward freedom since World War II [https://theconservativetreehouse.com].

В примере *ii* говорящий дискредитирует неназванные «авторитарные режимы». Дискредитема выявляется при помощи указанной ранее последовательности шагов: (1) выявление семантически и грамматически связанных между собой слов, без которых дискредитация была бы невозможна и (2) проверка по критериям схемы акта коммуникации. Здесь под критерий (1) подходит сразу речевой отрезок из нескольких слов: *Authority*, *authoritarian powers seek to collapse the values, the systems, and alliances.*

В примере *iii* в состав дискредитемы войдут определяемое слово *government* и придаточные предложения:

iii) We are more compassionate than a government that lets veterans sleep on our streets and families slide into poverty; that sits on its hands while… the… American city drowns before our eyes [http://obamaspeeches.com].

На этапе (2) мы сопоставляем выделенные речевые отрезки с параметрами коммуникативной модели (табл. 1). Результат сопоставление приведен в табл. 3.

Итак, идентификация дискредитем осуществляется в два этапа. Сначала идет поиск плана

Таблица 3

Параметр	Пример (i)	Пример (ii)	Пример (iii)
Субъект дискредитации	Б. Обама	Д. Трамп	Б. Обама
Объект дискредитации	Правительство России	Конкретные лица не названы	Республиканская партия
Целевая аудитория	Мировое сообщество		Электорат
Лингвистический контекст / Реакция	Анафоры и повторы в предыдущих предложениях усиливают эффект	Восприятие усиливается за счет синтаксических параллелизмов и повторов	
Экстралингвистический контекст	Речь в Брюсселе (март 2014 г.)	Выступление на Генассамблее ООН (2017 г.)	Выступление перед электоратом

выражения — грамматико-семантического единства. После этого проверяется содержательная сторона потенциальной дискредитемы, в ходе чего она разбирается по коммуникативным компонентам.

Предлагаемый нами термин «дискредитема» позволяет снять ряд вопросов, возникающих при анализе коммуникативной стратегии дискредитации, поскольку он унифицирует терминологию, а предложенный нами подход выделяет конкретные критерии для поиска конкретных языковых единиц. Подобные термины могут создаваться, на наш взгляд, при анализе других коммуникативных стратегий, выделяемых в рамках дискурс-анализа.

Список литературы

1. Алимпиева, Р. В., Таран, С. В. Концептуализация света и цвета как способ выражения перцептивной доминаты в поэтическом тексте (На материале поэзии А. Блока и М. Волошина) / Р. В. Алимпиева, С. В. Таран // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2012. — № 8. — С. 93—98.

2. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — М.: Знание. — 1991. — 64 с.

3. Боярская, Е. Л. Категоризация как базовая когнитивная процедура / Е. Л. Боярская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2011. — № 2. — С. 18—28.

4. Виноградова, С. А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе / С. А. Виноградова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 2. — С. 95—101.

5. Голев, Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы / Н. Д. Голев // Современная политическая лингвистика: тезисы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29.09—6.10.2011) / гл. ред. А. П. Чудинов. — ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2011. — С. 66—69.

6. Голев, Н. Д. Обыденный Политический дискурс на сайтах Рунета с фашистским и антифашистским содержанием (сопоставительное лингвистическое исследование) / Н. Д. Голев, А. В. Шанина // Политическая лингвистика. — 2013. — № 2 (44). — С. 178—185.

7. Гринев-Гриневич, С. В. Основы семиотики: учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневич, Э. А. Сорокина. — М.: Флинта-Наука, 2012. — 254 с.

8. Дейнека, В. С. Роль метафоры в современном политическом дискурсе / В. С. Дейнека // Инновационная наука. — 2015. — № 5. — С. 71—74.

9. Денисюк, Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект.: дис. … канд. филол. наук / Е. В. Денисюк. — Екатеринбург, 2004. — 200 с.

10. Зайцев, А. В. Лингвополитология vs политическая лингвистика: возможен ли диалог? / А. В. Зайцев // Litera. — 2012. — № 1. — С. 25—81.

11. Иссерс, О. С. Паша-»Мерседес», или речевая стратегия дискредитации / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. — 1997. — № 2. — С. 51—54.

12. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М.: ЛКИ. — 2012. — 288 с.

13. Комарова, З. И. Лингвополитология как частная парадигма современной лингвистики: методологический аспект / З. И. Комарова // Политическая лингвистика. — 2012. — № 4 (42). — С. 23—33.

14. Кренделева, А. Н. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии в интервью региональных политиков / А. Н. Кренделева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2013. — № . 2. — С. 173—178.

15. Крячкова, А. П. Реализация стратегии дискредитации оппонента в политическом дискурсе Германии / А. П. Крячкова // Вестник МГИМО. — 2015. — № 3 (42). — С. 157—161.

16. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В. А. Маслова // Политическая лингвистика. — 2008. — № 1 (24). — С. 43—48.

17. Никифорова, О. О. Дискредитация противника в парламентских дебатах / О. О. Никифорова // Политическая лингвистика. — 2013. — № 4. — С. 129—135.

18. Полатовская, О. С. Когнитивные особенности фрейма-сценария «Дискредитация» в немецком политическом дискурсе (на примере политических дебатов) / О. С. Полатовская // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2014. — № 1 (26). — С. 20—26.

19. Полатовская, О. С. Сопоставительное исследование когнитивного сценария «дискредитация» в современном американском и немецком политическом дискурсе: дис. … канд. филол. наук / О. С. Полатовская. — Сургут, 2014. — 208 с.

20. Сиротин, Д. В. Политический дискурс как средство реализации коммуникативных тактик (на примере выступления Б. Обамы) // Языки в современном мире: материалы X международной конференции: [сборник] / [отв. ред. Л. В. Полубиченко]. — М.: КДУ, 2012. — С. 511—517.

21. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика. Учебное пособие / А. П. Чудинов. — М.: Флинта: Наука. — 2006. — 254 с.

22. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. — М.: «Советская энциклопедия». — 1990. — 685 с.

23. Dijk, T. A. van What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. — 1997. — P. 11—52.

24. Dijk, T. A. van Ideology. A multidisciplinary approach / T. A. van Dijk. — London: Sage Publications. — 1998. — 384 p.

25. Narula, U. Communication Models. — Atlantic Publishers & Distributors (P) Limited. — 2006. — 121 p.

Сведения об авторе

Сиротин Дмитрий Владимирович — магистр лингвистики, старший преподаватель кафедры лингвистики, Международный институт менеджмента ЛИНК. Жуковский, Россия. dsir-89@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 129—137.

ON CONSIDERING THE TERM ‘DISCREDITEME’ AS A UNIT FOR ANALYZING COMMUNICATIVE STRATEGY OF DISCREDITING

D.V. Sirotin
International Institute of Management LINK, Zhukovsky, Russia. dsir-89@mail.ru

The article overviews linguistics of political discourse as a separate branch of linguistics, considering both Russian and foreign discourse analysis schools. Political linguistics is seen as presumably the main framework to analyse political discourse from linguistic point of view. While many works seemingly lack the very notion of the linguistic unit that performs the discrediting, it is necessary to clearly realize what is being analyzed, or what one should look for, when analyzing the communicative strategy of discrediting. Herewith, the author suggests introducing the term ‘discrediteme’ to denote a linguistic unit that realizes the strategy of discrediting in political discourse. Linguistically, its length can vary from a single word or a couple of words to a whole sentence. Obviously, being constituents realizing a communicative strategy, discreditemes do not

act isolatedly but within a communicative model. Therefore, it seems necessary to consider not only discredi-temes as linguistic units but also the models that they are actualized in. This article also includes a model that may fit most communicative situations in political discourse where discrediting occurs.

Keywords: *political discourse, communicative strategy, discrediting, political linguistics.*

References

1. Alimpieva R.V., Taran S.V. Kontseptualizatsiya sveta i tsveta kak sposob vyrazheniya pertseptivnoy dominaty v poeticheskom tekste (Na materiale poezii A. Bloka i M. Voloshina) [Light and color conceptualization as a means of expressing perceptive dominants in poetic texts (on the material of the poetry of A. Block and M. Voloshin)]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [The Baltic Federal University Bulletin], 2012, no. 8, pp. 93—98. (In Russ.)

2. Baranov A.N., Kazakevich E.G. *Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii* [Parliamentary debate: traditions and innovations]. Moscow, Znanie Publ., 1991. 64 p. (In Russ.)

3. Boyarskaya E.L. Kategorizatsiya kak bazovaya kognitivnaya protsedura [Categorization as a basic cognitive procedure]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [The Baltic Federal University Bulletin], 2011, no. 2, pp. 18—28. (In Russ.)

4. Vinogradova S.A. Instrumenty rechevoy manipulyatsii v politicheskom mediadiskurse [Speech manipulation tools in political mediadiscourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Cognitive Linguistics Issues], 2010, no. 2, pp. 95—101. (In Russ.)

5. Golev N.D. (ed.) Obydennaya lingvopolitologiya: problemy i perspektivy [Common political linguistics: problems and prospects]. *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern political linguistics], Ekaterinburg, 2011, pp. 66—69. (In Russ.)

6. Golev N.D., Shanina A.V. Obydennyy Politicheskiy diskurs na saytakh Runeta s fashistskim i antifashistskim soderzhaniem (sopostavitel'noe lingvisticheskoe issledovanie) [Common political discourse in fascist and anti-fascist Runet sites]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2013, no. 2 (44), pp. 178—185. (In Russ.)

7. Grinev-Grinevich S.V., Sorokina E.A. *Osnovy semiotiki: ucheb. posobie* [The Essentials of Semiotics: A Handbook]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2012. 254 p. (In Russ.)

8. Deyneka V.S. Rol' metafory v sovremennom politicheskom diskurse [The role of metaphor in modern political discourse]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative arts], 2015, no. 5, pp. 71—74. (In Russ.)

9. Denisyuk E.V. *Manipulyativnoe rechevoe vozdeystvie: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt: dis. ... kand. filol. nauk* [Manipulative speech impact: a communicative-pragmatic aspect]. Ekaterinburg, 2004. (In Russ.)

10. Zaytsev A.V. Lingvopolitologiya vs politicheskaya lingvistika: vozmozhen li dialog? [Lingvopolitology vs. political linguistics: May there be a dialogue?] *Litera*, 2012, no. 1, pp. 25—81. (In Russ.)

11. Issers O.S. Pasha-'Mersedes', ili rechevaya strategiya diskreditatsii [Pasha 'the-Mercedez', or the speech strategy of discrediting]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University]. 1997, no. 2, pp. 51—54. (In Russ.)

12. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics in Russian speech]. Moscow, LKI Publ., 2012. 288 p. (In Russ.)

13. Komarova Z.I. Lingvopolitologiya kak chastnaya paradigma sovremennoy lingvistiki: metodologicheskiy aspekt [Political linguistics as a restricted paradygm of modern linguistics: A methodological aspect]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2012, no. 4 (42), pp. 23—33. (In Russ.)

14. Krendeleva A.N. Strategiya diskreditatsii kak sposob realizatsii rechevoy agressii v interv'yu regional'nykh politikov [The strategy of discrediting as a way to realize speech aggression in regional politicians' inverviews]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science journal of Volgograd State University]. 2013, no. 2, pp. 173—178. (In Russ.)

15. Kryachkova A.P. Realizatsiya strategii diskreditatsii opponenta v politicheskom diskurse Germanii [Realizing the strategy of discrediting an opponent in German political discourse]. *Vestnik MGIMO* [MGIMO Herald]. 2015, no. 3 (42), pp. 157—161. (In Russ.)

16. Maslova V.A. Politicheskiy diskurs: yazykovye igry ili igry v slova? [Political discourse: language game or a game of words?]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2008, no. 1 (24), pp. 43—48. (In Russ.)

17. Nikiforova O.O. Diskreditatsiya protivnika v parlamentskikh debatakh [Discrediting an opponent in parliamentary debations]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2013, no. 4, pp. 129—135. (In Russ.)

18. Polatovskaya O.S. Kognitivnye osobennosti freyma-stsenariya 'Diskreditatsiya' v nemetskom politicheskom diskurse (na primere politicheskikh debatov) [Cognitive features of 'discreditation' frame-script in German political discourse (on the example of political debates)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 2014, no. 1 (26), pp. 20—26. (In Russ.)

19. Polatovskaya O.S. Sopostavitel'noe issledovanie kognitivnogo stsenariya 'diskreditatsiya' v sovremennom amerikanskom i nemetskom politicheskom diskurse: dis. … kand. filol. nauk [A comparative research of 'discreditation' cognitive script in modern US and German political discourse. Thesis]. Surgut, 2014. (In Russ.)

20. Sirotin, D.V. *Politicheskiy diskurs kak sredstvo realizatsii kommunikativnykh taktik (na primere vystupleniya B. Obamy)* [Political discourse as a means of realizing communicative tactics (on the example of Barack Obama's speech] // Yazyki v sovremennom mire: materialy X mezhdunarodnoy konferentsii: [sbornik] [Languages in the modern world: 10th international conference proceedings [collected works]] / [otv. red. L.V. Polubichenko]. — M.: KDU, 2012. — P. 511—517. (In Russ.)

21. Chudinov A.P. *Politicheskaya lingvistika. Uchebnoe posobie* [A Textbook on politcal linguistics]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2006. 254 p. (In Russ.)

22. Yartseva V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow, 1990. 685 p. (In Russ.)

23. Dijk T.A. van. What is Political Discourse Analysis? *Belgian Journal of Linguistics*, 1997, pp. 11—52.

24. Dijk T.A. van. *Ideology. A multidisciplinary approach*. London, Sage Publ., 1998. 384 p.

25. Narula U. *Communication Models*. New Delhi, Atlantic Publishers & Distributors (P) Limited Publ., 2006. 121 p.

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 138—144.

УДК 81.3
ББК 81.2

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10121

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЛИНГВОФОНЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ И ИХ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Ф. Р. Халимова

Самаркандский государственный институт иностранный языков, Самарканд, Узбекистан

В статье рассматриваются лингвофонетические свойства поэтических текстов, обладающих концептуально-эстетической информацией и способных оказать коммуникативное влияние на читателя либо слушателя, поэтому, если не учитывать концептуальность и эстетичность лингвофонетики при переводе, это может повлиять на выражение поэтических текстов, которое может исказиться.

Ключевые слова: *коммуникативный эффект, прагматическое влияние, лингвофонетические средства, твёрдый звук, мягкий звук.*

Искусство вообще и поэзия, в частности, держится на том, чтобы посредством сцепления слов, образов, красок, звуков и звучаний вызвать у людей те или иные художественные переживания. При этом художественное переживание в рамках произведения искусства приобретает назначение — оценку действительности. В рамках такого назначения художественное переживание начинает выполнять не только побуждающую, но и селекционирующую, а также организующую функцию. В результате все произведение, сколь бы ни было разнообразно его содержание, «получает единый эмоциональный коэффициент, который выражается с помощью различных языковых единиц» [5. С. 47].

Поэтическое произведение — своего рода «сгусток» эмоций, которые поэт посылает адресатам, и «формы поэтических текстов направлены на создание эмоций и ощущений, и лишь затем — на сообщение информации» [9. С. 79].

Учитывая то, что определённое прагматическое влияние каждой языковой единицы на слушателя или читателя создаёт коммуникативный эффект, можно выделить три основных фактора, определяющих свойства этого влияния. «Во-первых, это выражение смысла. Во-вторых, восприятие информации связано с характером знаков выражения, поскольку информация может быть изложена в разных формах, и автор выбирает определённые речевые средства, чтобы оказать определённое влияние. В-третьих, прагматическое влияние выражения связано с восприятием реципиента» [6. С. 230]. Каждая единица выражения обладает прагматическими свойствами, и по-разному функционирует в определённых коммуникативных актах. Анализ формы и смысла способствует выявлению этих свойств, однако очень сложно определить характер реального влияния текста на реципиентов.

По мнению А. Паршина, «при передаче информации источник с коммуникативной целью выбирает языковую единицу с предметно-логическим, а также коннотативным содержанием, и далее ищет способ выражения для установления между ними связи с необходимым смыслом. В результате текст приобретает определённый прагматический потенциал для оказания коммуникативного влияния на реципиента. Информация, выражаемая прагматикой текста, должна быть связана со способом выражения, и только тогда она будет обладать объективной сущностью, свойственной восприятию и анализу» [7. С. 45]. Действительно, признаками модальности являются средства выражения, различающие разные коммуникативные действия и своеобразие выражаемого смысла. Например, «как бы ни были близки по смыслу поцелуй, рисунок сердечка, нарисованный красным карандашом, и выражение «Я тебя люблю», они обладают разной силой влияния. Значит, существует необходимость классификации коммуникативных актов с точки зрения задач, выполняемых единицами языковой системы» [8. С. 59].

Как известно, знаки языка производят положительное, отрицательное или нейтральное впечатление на людей, воздействуют на них и могут вызвать определённую реакцию. Текст также обладает такими способностями.

И. Н. Шадрина высказывает следующее мнение о звуковой организации поэтической речи: «текст

воспринимается реципиентом как совокупность составляющих его звуков, определенным образом структурированных. Причем восприятию поэтического текста присущ универсализм: текст представляет собой звуковую материю, вещество, репрезентированное в разных языках модификациями этой материи. Фоника поэтических текстов актуализирует эмоционально — смысловые отношения, фиксированные в тексте, направляет и организует ассоциации» [11. С. 8].

Е. А. Титова считает, что «фонические приемы, среди которых выделяются звуковые повторы, явления благозвучия и неблагозвучия, звукоподражания и звукосимволизма, способны передать основную идею произведения, так как именно в стихотворном языке они получают особую смысловую нагрузку, тесно сливаясь с содержанием» [9. С. 112]. Опираясь на исследования таких видных лингвистов, как Л. Блумфильд, С. В. Воронин, А. П. Журавлев, В. В. Левицкий, М. С. Майоран, С. Ньюман, И. Фазылов, И. Фоналдь, А. С. Штерн и Р. О. Якобсон, Е. А. Титова в своей научной работе выделяет 5 основных видов звуковых значений с учётом анализа поэтических произведений: 1) «светлые», «мажорные», «нежные»; 2) «нейтральные»; 3) «темные», «минорные», «жесткие»; 4) «напряженные»; 5) «агрессивные» [9. С. 64].

Фонетические средства в составе поэтических текстов, а именно, повтор звуков, звукоподражание, символика звуков, благозвучие и неблагозвучие, называются в нашем исследовании лингвофонетическими средствами.

В узбекской поэзии звуки в зависимости от их произношения и смыслового значения могут быть твёрдыми, мягкими, нейтральными или агрессивными. Частое употребление в поэзии мягких звуков, а именно символика звуков, повторение звуков (аллитерация, ассонанс, анафора, эпифора и. т. д.) или звукоподражание создаёт благозвучие и вызывает у читателя положительные эмоции. Если же в поэтическом тексте часто употребляются твёрдые звуки, это приводит к неблагозвучию и вызывает негативные эмоции, тем не менее, большое количество таких звуков повышает силу влияния текста на читателя.

При переводе поэтического текста большую значимость имеет его прагматический потенциал, так как поэзия может оказывать влияние на эмоциональное состояние читателя. «Задачей переводчика является воссоздание прагматически адекватного текста с помощью других языковых средств» [1. С. 75].

Прагматическое влияние на реципиента информации составляет важнейшую часть любой коммуникации, в том числе и межъязыковой. Воссоздание прагматических отношений в процессе перевода требует от переводчика эффективного и правильного использования языковых средств.

Конечно, на языке перевода невозможно сохранить все свойства оригинала, однако при выражении поэтического текста не следует забывать, что эстетическое эмоциональное влияние, прежде всего, оказывается с помощью лингвофонетических средств.

Вначале проанализируем выражение лингвофонетических средств, важных для выражения прагматики, при переводе жанра газелей, занимающего видное место в узбекской классической литературе.

Далее следует лингвофонетический анализ газели Алишера Навои «Эл дарди ёрин кам ўлур».

Эл ***да****рди ёрдин кам ўлур, ↓ мен****да*** *ёр йўқ,*
*Кўнглум****да*** *юз туман* ***га****му ↓ бир* ***га****мғусор йўқ.*
*Жон риш****та****сини чирмадим ўқун****ға****, войким,*
Тиғинг ***ба****ғирни ёрдию ↓ тикмак****ка*** *тор йўқ.*
Деманг ***га****мида йиғлама кўп ихтиёрсиз,*
*Беихтиёрлиқ****да*** *манг****а*** *↓ ихтиёр йўқ.*
Тутса ***қа****рор бир нафас оллим****да****, вах, не суд,*
*Ким, ул нафас рами****да*** *↓ кўнгул****ға*** *қарор йўқ.*
Десамки, тарки ишқинг этай бутма, эй парий,
*Ким, тел****ба****лар ҳадиси****ға*** *кўп ↓ эътибор йўқ.*
Чиқ рўзғор аҳлидин осойиш истасанг,
*Ким, мун****да*** *****ға****йри тафри****қа****и ↓ рўзғор йўқ.*
Ўзни Навоий айлама усрук бу базм аро,
Ким, ***да****ҳр айши бо****да****си****да*** *↓ жуз хумор йўқ.*

(«Бадеъ ул-васат», газель 312)

Способность газели пробудить негативные эмоции у читателя можно увидеть прежде всего через слова и выражения с отрицательной коннотацией: *дард (страдание), юз туман ғам (много горя), Тиғинг бағирни ёрди (твои шипы раскололи гору), ғамида йиғлама (не плачь во время горя), рамида (испуганный), тарки ишқинг (безответная любовь), телба (сумасшедший), осойиш истасанг (если желаешь покоя), тафриқа (разделение, расставание), усрук (пьяный)*. На наш взгляд, концептуальное значение газели — «отсутствие возлюбленной». Однако, Навои здесь не имел в виду отсутствие любимой женщины, на примере возлюбленной здесь понимается друг, духовный наставник, близкий человек. Лирический герой подвергается страданиям, люди в такой период ищут поддержки и утешения у близких людей и друзей, однако здесь сказано, что у героя стихотворения отсутствует близкий человек, которому он мог бы рассказать о своих страданиях. Поскольку газель имеет негативное содержание, она читается в пониженном тоне.

В газели эффективно используется звук «твёрдое «а», кроме того, часто встречаются звукосочетания «д+а», «ғ+а», а также применяются для рифмы сочетания «т+а», «к+а», «қ+а», «г+а», «б+а». Мы утверждаем, что эти резкие, агрессивные звуки и звукосочетания очень важны для усиления негативного смысла. Вместе с тем, частое употребление звуков «қ», «ғ», «р» вызывает неблагозвучие. Произношение этих звуков считается более сложным по отношению к другим звукам, и оно нарушает мягкость, созвучие в произношении слов. Даже большинство маленьких детей не сразу могут произнести эти звуки. Однако, как видим, именно эти звуки и звукосочетания привлекают внимание читателя и способствуют проявлению негативных душевных переживаний лирического героя.

Задавая вопрос о цели существования переводных поэтических текстов, С. Ф. Гончаренко сам отвечает на него: «наверное, для того, чтобы осуществить еще более сложный коммуникативный процесс: духовное общение между автором и такими его читателями, которые воспитаны в лоне другого (неавторского) языка и другой культуры». Для адекватного восприятия стихотворения представителем другой культуры поэтическая версия должна воссоздавать художественное единство содержания и формы оригинала, воспроизводить его как живой и целостный поэтический организм, а не как мертвую фотокопию или безжизненную схему, сколь точной в деталях она бы ни была. Иными словами, поэтический перевод обязан стать живым близнецом оригинала и активно включиться в полнокровный литературный процесс на языке перевода. «Естественно, что во имя этой цели — сохранения того главного, ради чего и существует поэзия, то есть сохранения и воспроизведения самостоятельной поэтической ценности переводчик не должен переводить текст дословно. Разумеется, для этого он должен быть, во-первых, отзывчивым поэтом, а во-вторых, — столь же чутким филологом» [4].

«Для современных взглядов на художественный перевод определяющим является требование максимально бережного отношения к объекту перевода и воссоздания его как произведения искусства в единстве содержания и формы, в национальном и индивидуальном своеобразии» [10. С. 38—42].

Газель Алишера Навои «Эл дарди ёрин кам ўлур» была переведена на английский язык Азамом Обидом:

A sweetheart heals the pain, I do not have love mate,
My soul's full of heaviness, but no compassionate.
I tied my heart to your arrow, to who can I wail now,
Your edge cut my flesh and blood — no thread to renovate
Do not tell unwillingly I am mourning over her,
In this disinclination, I am at random state.
To decide to be with me awhile for sweet in vain,
Since that time in my heart the decision will abate.
Hey, peri, don't believe me if I part with your love,
It's good to disregard what madmen annotate.
You want to live in peace, abandon population,
Here except for much ado has nothing to relate.
Navoi, in this feast don't make yourself a drunk,
No man from this world's wine can luxuriate.

Каждая строка оригинала состоит из 12-13 слогов, тогда как в переводе — из 13-14 слогов. При переводе поэтического текста это естественно, а именно, количество слогов может различаться на 1-2. При переводе также можно увидеть явление какофонии. Мягкие звуки употреблены в качестве аллитерации или ассонанса, а именно, они не повторяются, а мажорные и минорные звуки даются смешанно. С целью передачи отрицательной эмоции оригинала, переводчик использовал в ударных слогах взрывные твёрдые согласные звуки: [t], [k], [b], [p], [g].

Рифма оригинала («…ор йўқ») выражена посредством закрытых слогов и минорных звуков, а в переводе для создания минорной интонации был использован суффикс [eit]. В тексте на узбекском языке часто употребляется звук «твёрдое «а» с целью передачи нервного, напряжённого состояния лирического героя, однако, при переводе можно увидеть больше «мягкости», поскольку «твёрдые» и «мягкие» гласные звуки употребляются в одинаковом количестве. Например, из «мягких» гласных звуков [i:] употребляется 7 раз, [ei] — 12 раз, [ou] — 4 раза (всего 23 раза), тогда как из «твёрдых» гласных звуков [æ] и [e] — 26 раз, [ʌ] — 9 раз (всего 35 раз). Остальные звуки считаются нейтральными.

Роль лингвофонетических средств при передаче отрицательных эмоций в тексте оригинала и перевода можно увидеть с помощью сравнительного анализа на примере табл. 1.

В ходе анализа можно увидеть эффективное использование нечётких, минорных, энергичных, сильных звуков при создании негативной интонации. В оригинале путём использования повтора звуков «д», «ғ», «т», «б», «қ», «а» и «о» автору удалось выразить искренние чувства, оказать коммуникативное влияние на читателя, а именно передать негативное состояние лирического героя. Переводчик Азам Обид также выбирает нечёткие,

Таблица 1

*Эл **да**рди ёрдин кам ўлур, ↓ мен**да** ёр йўқ, Кўнглум**да** юз туман **ға**му ↓ бир **ға**мғусор йўқ.*	***A** swee**the**ar**t** heal**s** the **p**ain, I **d**o n**ot** h**a**ve love ma**t**e, My soul's full of h**ea**viness, **b**u**t** n**o** comp**a**ssiona**t**e.*
*Жон риш**та**сини чирмадим ўқун**ға**, войким, Тиғинг **ба**ғирни ёрдию ↓ тикмак**ка** тор йўқ.*	*I **tie**d my hea**r**t **t**o your **arr**ow, **t**o who **ca**n I wail now, Y**our** e**dg**e cu**t** my flesh **and** b**l**oo**d** — n**o** thr**ead** **t**o **r**eno**v**ate*
*Деманг **ға**мида йиғлама кўп ихтиёрсиз, Беихтиёрлиқ**да** манг**а** ↓ ихтиёр йўқ.*	***D**o no**t** **t**ell unwillin**g**ly I **a**m mourning over h**er**, In **th**is **d**isinclina**t**ion, I **a**m **at** r**a**n**d**om st**a**te.*
*Тутса **қа**рор бир нафас оллим**да**, вах, не суд, Ким, ул нафас рами**да** ↓ кўнгул**ға** қарор йўқ.*	***T**o **d**eci**d**e **t**o **b**e with me awhile for swee**t** in vain, Since th**at** **t**ime in my hea**r**t **the** **d**ecision will **ab**a**t**e.*
*Десамки, тарки ишқинг этай бутма, эй парий, Ким, тел**ба**лар ҳадиси**ға** кўп ↓ эътибор йўқ.*	*Hey, peri, **d**on't **b**elieve me if I **par**t with your love, It's **g**oo**d** **t**o **d**is**reg**ar**d** wh**a**t m**ad**men **a**nno**t**a**t**e.*
*Чиқ рўзғор аҳлидин осойиш истасанг, Ким, мун**да** **ға**йри тафри**қа**и ↓ рўзғор йўқ.*	*You w**an**t **t**o live in peace, **aba**n**d**on population, Here **ex**cep**t** for much **ad**o has nothing **t**o **r**ela**t**e.*
*Ўзни Навоий айлама усрук бу базм аро, Ким, **да**ҳр айши бо**да**си**да** ↓ жуз хумор йўқ.*	*Navoi, in **th**is feas**t** don't ma**k**e yourself a **dr**un**k**, N**o** m**a**n **fr**om **th**is w**orl**d's wine c**a**n lu**xur**ia**t**e.*

минорные, сильные и слабые звуки [t], [k], [b], [p], [g], [æ], [o], и таким образом воссоздаёт отрицательную тональность оригинала.

Поэтические переводы с английского на узбекский язык впервые были выполнены в нашей стране в 30-е гг. XX века, первым учёным-переводчиком, непосредственно занимавшимся поэтическим переводом, был Санджар Сиддик. Такие поэты-переводчики, как Хамид Алимджан, Усман Насыр (1930—50 гг.), впоследствие Юсуф Шомансур, Шункор, Джуманияз Джаббаров, Рауф Парфи, Шукрулла, Мухаммад Али, Зохиджан Абидов, Аскад Мухтар, Хамид Гулям, Тураб Тула, Уйгун, Азиз Абдураззак (1960—1980 гг.), Максуд Шайхзода, Комил Яшен, Джамол Камол, Сулейман Рахмон (1980—1990 гг.), Хусниддин Шарипов (1990—2000 гг.) осуществляли переводы с помощью языка-посредника, тем не менее, они оставили глубокий след в истории перевода Узбекистана, внесли свой вклад в развитие поэтического перевода, и познакомили узбекского читателя с классическими произведениями Шекспира, Ленгстона Хьюза, Байрона, Генри Лонгфелло, Бёрнса.

Сонеты Шекспира впервые были переведены на русский язык выдающимся переводчиком С. Маршаком, а на узбекский язык их перевёл Юсуф Шомансур с русского языка, а именно, с помощью языка-посредника. М. Бакоева в своей научной работе исследовала перевод 66-сонета Шекспира, выполненного Юсуфом Шомансуром, и, согласно её утверждению, «перевод характеризуется созвучностью мыслей, язык и стиль оригинала отражены частично, анафора, форма и ритм проработаны мастерски» [2. С. 31]. Так, перевод стихотворения, переведённого с английского на узбекский язык с помощью языка-посредника, получил высокую оценку исследователей, и далее мы рассмотрим, в какой степени в нём отражаются лингвофонетические свойства (табл. 2).

Таблица 2

Sonnet 66	66-й сонет
***T**ire**d** wi**th** **a**ll **th**ese, **for** **rest**ful **dea**th I **cr**y, As, **t**o **b**eho**ld** **des**ert **a** **beg**gar **bor**n, And nee**d**y **no**thing **tr**immed in **jo**llity, And purest faith unhappily **forswo**rn, And **gilded** **h**onor shamefully misplace**d**, And mai**d**en **vir**tue **rud**ely **strumpeted**, And **r**ight perfection **wr**on**g**fully **dis**g**r**ace**d**, And **str**en**gth** by limping sway **dis**a**bled**, And **art** ma**de** **t**ongue-**tied** by **au**thor**i**ty, And folly (**doctor**-like) **contro**lling **sk**ill, And simple truth misc**all'd** simplic**i**ty, And **cap**tive **good** **atte**nding **cap**tain ill: **T**ire**d** with all these, from these would I **be** **go**ne, Save that, **to** **d**ie, I leave my love al**o**ne.*	***Ў**лимни **чор**лайман. **Тоқат** **қ**илмайман. **Садоқат**гўй **қадру-қимм**а**тларга** ҳеч. **Соддаликни** м**азах** **қ**илм**оқда** **ёлғо**н, Ҳашам**дор** либо**сда**, — ҳ**ар** н**арсак**и пуч. **Нафрат**имга **дучор**: ҳукмки ноҳ**ақ** — **Ка**мол**отга** **за**вол, иффа**тк**и — пайм**о**л, Ш**арм**а**нд**а**ликл**арки**, — **қ**илинар **ардоқ,** **Қ**у**дратк**и, — **за**ифлик **ча**нги**да** лол. **Рост**ликки, — н**одо**нлик аъмоли**дадир**, **Тен**та**к**ликки, — ни**қоб** киймиш **до**но**дай**, Илҳо**мк**и, — **оғзи**да **қ**улф ва **занжир**, **Тақвок**и, — илл**ат**нинг ф**ар**мо**н**ига ш**ай**. Нимаики **қ**ў**рд**им, — **бар**и **бадкирдор**, Лекин сени **қ**а**ндоқ** **т**а**шлаб** ке**тай**, **ёр**.*

Главным концептом стихотворения является «несправедливость», «ненависть». Как видим, идея, выраженная на языке оригинала, нашла своё отражение также и в переводе. Шекспир в данном сонете попытался передать читателям чувство страдания от безысходности, ненависть к несправедливости, и автору это удалось. В переводе также сохранён порядок рифм оригинала.

В оригинальном тексте в основном повторяются гласные [æ], [ɔ:], [ə], [ɔ] способствующие возникновению жалобного, грустного звучания. Ещё одно свойство, характерное для лингвофонетики английского языка — это сочетания согласных букв. Как утверждал Блумфильд, каждое буквосочетание обладает определённой символикой, а именно смысловым признаком [3. С. 504]. В данном стихотворении повторение буквосочетаний [st] — *re**st**ful, pure**st**, mispla**ce**d, **st**rumpeted, disgra**ce**d, **st**rength,* [ld] — *behe**ld**, gi**ld**ed, disab**le**d, miscal**l'd**,* [sw] — *for**sw**orn, **sw**ay*, [pl] — *sim**pl**e, sim**pl**icity*, [pt] — *ca**pt**ive, ca**pt**ain* не только создаёт какофонию, но и придаёт стихотворению отрицательный смысл. В тексте часто употребляются твёрдые, сильные согласные звуки [t], [d], [k], [r], [g].

Слово a**nd** в оригинале употреблено в анафорическом смысле, а в переводе оно передаётся с помощью суффикса **-ки**. Твёрдые, а именно энергичные, сильные согласные звуки употреблены в сонете последовательно, а именно в аллитерационном порядке: *wi**th** all **th**ese, **t**o **b**eho**l**d **d**eser**t** a **b**eggar **b**orn, wron**g**fully dis**g**raced, stre**ng**th by limpi**ng**, ar**t** ma**d**e **t**ongue — **t**ied by author**i**ty, **c**ontrolling, s**k**ill, **cap**tive good a**tt**ending **cap**tain.*

Перевод выполнен с помощью языка-посредника, тем не менее, можно увидеть высокое мастерство переводчика, поскольку в сонете воссоздаётся чувство ненависти к несправедливости. В стихотворении в основном повторяются твёрдые, сильные гласные «а» и «о», и именно эти звуки получают ударение, создавая при этом отзвук гнева. Верно, что в переводе сонета встречаются также другие гласные звуки, более мягкие по звучанию, однако они нейтрализуются, употребляясь вместе со звонкими согласными.

В стихотворении создаётся негармоничное произношение из-за дрожащих звуков «р», а также твёрдо звучащих звуков «т», «д», «б», «к».

В переводе также имеются твёрдые согласные звуки, употреблённые в аллитерации: *то**қ**ат **қ**илмайман садо**қ**атгўй **қ**адру-**қ**имматларга, ҳа**р** на**р**саки, но**д**онлик аъмоли**д**а**д**ир, **б**ари **б**адкирдор, **т**ашлаб ке**т**ай.*

Создание отрицательной эмоции у читателя посредством лингвофонетических средств данного стихотворения можно прокомментировать с помощью табл. 3.

Таблица 3

Роль лингвофонетических средств в создании отрицательной эмоции в 66-м сонете Шекспира и в косвенном переводе Юсуфа Шомансура

Отрицательная эмоция в оригинале	Отрицательная эмоция в переводе
Частое употребление гласных [æ], [ɔ:], [ə], [ɔ]	Частое употребление гласных «о» и «а»
Употребление твёрдых согласных [t], [d], [k], [r], [g].	Употребление агрессивных звуков «қ», «р», и твёрдых звуков «т», «д», «б», «к»
Повторение буквосочетаний [st], [ld], [sw], [pl], [pt].	Нейтрализация мягких гласных

Из проведённого анализа можно сделать вывод о том, что лингвофонетические средства имеют особый способ выражения в каждом языке, независимо от того, передаёт ли стихотворение позитивный или негативный смысл. Благодаря мастерству, интуитивным способностям и когнитивным знаниям переводчика Юсуфа Шомансура, ему удалось воссоздать на узбекском языке функцию лингвофонетических средств в 66-сонете Шекспира. Однако, на примере этого стихотворения видно, что лингвофонетические средства, позволяющие передать коммуникативный эффект и эмоции оригинала, играют важную роль при переводе, выполняемом с помощью языка-посредника, кроме того, качество перевода связано с мастерством, когнитивным знанием и интуитивными способностями переводчика.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. — СПб., 2004. — С. 75.
2. Бакоева, М. Инглиз ва америка адабиётидан ўзбек тилига шеърий таржима ва қиёсий шеършунослик муаммолари / М. Бакоева. —Тошкент, 2015. — С. 31.
3. Блумфильд, Л. Язык. Пер. с англ. Е. С. Кубряковой // Под ред. и с предисл. М. М. Гухман / Л. Блумфильд. — М., 1968. — С. 504.

4. Гончаренко, С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии [Электронный ресурс] / С. Ф. Гончаренко, 2005 // http://orus.slavica/org/node/1734

5. Додонов, Б. И. Эмоция как ценность / Б. И. Додонов. — М., 1978. —С. 47.

6. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. — М., 1990. — С. 230.

7. Паршин, А. Теория и практика перевода [Электронный ресурс] / А. Паршин // http://teneta.ru/rus/prevd/parshin-and_teoria-i-praktika-perevoda/htm

8. Сафаров, Ш. С. Прагмалингвистика / Ш. С. Сафаров. — Тошкент, 2008. — С. 59.

9. Титова, Е. А. Прагматический аспект передачи звукоизобразительных средств при переводе поэтических текстов (на материале английского и русского языков): дис. …канд. филол. наук / Е. А. Титова. — Челябинск, 2006. — С. 79.

10. Топер, П. М. Перевод и литература: творческая личность переводчика / П. М. Топер // Вопросы литературы. Вып. 6, 1998. — С. 38—42.

11. Шадрина, И. Н. Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент текста перевода (экспериментальное исследование на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук / И. Н. Шадрина. — Горно-Алтайск, 2001.

Сведения об авторе

Халимова Фируза Рустамовна — PhD докторант, преподаватель кафедры теории и практики перевода, Самаркандский государственный институт иностранных языков. Самарканд, Узбекистан. firuzahalimova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 138—144.

PRAGMATIC PECULIARITIES OF LINGUOPHONETIC MEANS IN POETIC TEXT AND THEIR COMPARATIVE ANALYSIS IN TRANSLATION

F.R. Halimova
Samarkand state institute of foreign languages, Samarkand, Uzbekistan. firuzahalimova@mail.ru

The article deals with linguophonetic peculiarities of poetic texts, which as a part of the poetic text possess the conceptually-aesthetic information, and are capable of making communicative impact on the reader or the listener. Therefore, if not to consider these means in translation, it can affect their expression which can be deformed. Linguistic signs can produce positive, negative or neutral impressions on readers, and by this influence can cause certain reaction. The text also possesses such abilities. Phonetic means as a part of poetic texts, namely, sound repetitions, onomatopoeia, sound symbolics, harmony and disharmony are called linguophonetic means in our research. Pragmatic influence on information recipient makes up the major part of any communications, including interlingual. Reconstruction of pragmatic relations in translation process demands effective and correct usage of linguistic means from the translator.

Keywords: *communicative effect, pragmatic influence, linguaphonetic means, firm, soft.*

References

1. Alekseyeva, I. S. *Vvedenije v perevodovedenije* [Introduction in transtology] / St. Petersburg, 2004. (In Russ.).

2. Bakoyeva, M. *Ingliz va amerika adabiyotidan ozbek tiliga sheriy tarjima va kiyosiy shershunoslik muammolari* [Poetic translation of English and American literature into Uzbek and comparative poetry problems] Tashkent, 2015. (In Uzb.).

3. Blumfild, L. *Jazyk*. [Language]. Per. s angl. [Translated by E. S. Kubrjakova]. Pod red. i s predisl. M. M. Guxman [Under reduction and foreword by M. M. Gukhman]. Moscow, 1968. (In Russ.).

4. Goncharenko, S. F. *Poeticheskiy perevod i perevod poezii* [Poetictic translation and translations of poems] Elektronnyy resurs [Electronic resourse]. 2005 // http://orus.slavica/org/node/1734

5. Dodonov, B. I. *Emosija kak sennost* [Emotion as value]. Moscow, 1978. (In Russ.).

6. Komissarov, V. N. *Teorija perevoda* [Translation theory] Moscow, 1990. (In Russ.).

7. Parshin, A. *Teorija i praktika perevoda* [Theory and practice of translation]. Elektronnyy resurs [Electronic resourse]. http://teneta.ru/rus/prevd/parshin-and_teoria-i-praktika-perevoda/htm

8. Safarov, Sh. S. *Pragmalingvistika* [Pragmalinguistics]. Tashkent, 2008. (In Uzb.).

9. Titova, Je. A. *Pragmaticheskiy aspekt peredachi zvukoizobrazitelnyx sredstv pri perevode poeticheskix tekstov (na materiale angliyskogo i russkogo jazykov)* [Pragmatical aspects of giving sound figurative means in translation of poetic texts (on basis of English and Russian materials — Chelyabinsk. (In Russ.).

10. Toper, P. M. *Perevod i literatura: tvorcheskaya lichnost perevodchika* [Translation and literature: creative character of translator)]. Voprosy literatury. Vyp. 6. [Problems in literature. Ed. 6]. Moscow. (In Russ.).

11. Shadrina, I. N. *Fonosemanticheskaya dominanta kak strukturaobrazuyushiy component teksta perevoda (eksperimentalnoe issledovanie na material russkogo I angliyskogo yazikov)* [Phonosemantic dominants as the structural composition of the translating text (experimental research on the basis of Russian and English languages)]: avtoref. diss …kand. filol. nauk [autoref. of disser of cand. philol. sciences]/ I. N. Shadrina. — Gorno-Altaysk, 2001 (In Russ.).

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 145—150.

УДК 811.111'37
ББК 81.001,2

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10122

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Н. А. Цыбина

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматриваются способы конструирования гендерной идентичности в политическом дискурсе. Проанализировав стратегии нормативного и манипулятивного конструирования гендера, а также языковые средства, используемые для создания дискурсивного образа политика, возможно заключить, что данный феномен носит амбивалентный характер.

Ключевые слова: *политический дискурс, гендер, гендерная идентичность, конструирование гендера.*

Повышенный интерес как к проблемам дискурсивной, так и гендерной лингвистики дает возможность объединить две области лингвистической науки в рамках единого исследования.

Все члены общества являются участниками разных видов дискурса, определяемого, по словам ван Дейка, как существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерными чертами которого являются интересы, цели и стили [4]. По мнению Е. И. Шейгал, борьба за власть — основная тема и движущий мотив политической сферы общения [8]. Поэтому политический дискурс относится к такому типу общения, который характеризуется высокой степенью манипулирования. Как считают лингвисты, основное назначение политического дискурса заключается в необходимости внушить адресатам те или иные действия или суждения, которые считаются политически правильными. Поэтому речь политика характеризуется использованием символов. Успешность речи будет зависеть от того, насколько используемые символы соответствуют настроению адресата. Отношение адресата также играет немаловажную роль. Политики, пользующиеся популярностью и доверием, могут рассчитывать на достижение цели, используя средства малой интенсивности, в противном случае необходимо прибегать к более интенсивным средствам воздействия на массовое сознание [3].

Гендерная направленность политического дискурса состоит в том, что от мужчин ожидают, как правило, более интенсивных средств, а от женщин, напротив, — мало интенсивных. При несоблюдении этой нормы, когда речь политика-мужчины выглядит вялой, а речь женщины-политика — грубой и прямолинейной, снижается эффект воздействия на аудиторию [3].

Одним из важных аспектов языкового конструирования имиджа политических деятелей является соответствие гендерным нормам и ожиданиям. Как показано в книге Н. Фэрклоу «Язык и власть», стиль поведения и дискурсивные стратегии известного премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер, занимавшей маскулинную позицию лидера, оправдал ожидания избирателей в отношении своего гендера., несмотря на то, что она проводила жесткие экономические реформы [2]. Недаром Маргарет Тэтчер получила прозвище «железной лэди».

В настоящее время пристальному вниманию подвергается вторая женщина — политический лидер Великобритании — Тереза Мэй, получившая прозвище «Madam Brexit». Данная статья посвящена анализу лингвистических средств конструирования гендерной идентичности премьер-министра Терезы Мэй и ее стратегий позиционирования как политического лидера страны.

Внимание гендерных категорий в современной лингвистике связано с представлением о мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности), которые различаются в зависимости от ситуации у разных людей. В основе этого различия лежат так называемые кластерные модели [2], когда несколько когнитивных моделей образуют кластер, психологически более базовый, чем каждая из моделей, взятая отдельно.

Гендерная асимметрия заключается в количественном превосходстве политических лидеров — мужчин. Женщин-политиков меньше, но, тем не менее, можно говорить о кластере «женщина — политик» в англоязычном политическом дискурсе, наряду с категорией «политическая жена», которая, согласно британскому журналу «New Statesman», делится на несколько типов и характеризуется как:

«современная женщина» с успешной карьерой и независимыми взглядами; « супруга-воительница», помогающая мужу добиться успехов; «преданная подруга», занимающаяся семьей в то время, как муж занимается политикой; и «покинутая жена», старающаяся быть лояльной и терпеливой к неверному мужу-политику [2].

Большинство лингвистов сходятся во мнении, что гендер — это социальный конструкт, социальная модель женщин и мужчин, которая определяет их положение и роль в обществе. Однако учеными из различных сфер научной деятельности была установлена относительность представлений о «маскулинности» и «фемининности», поскольку в разных культурах эти понятия могут не совпадать. Это несовпадение и привело к возникновению понятия гендер.

Системное изучение особенностей речевого поведения мужчин и женщин началось в 60—70 гг. XX в. Бурное развитие гендерной лингвистики связано с изучением «женского языка» в работе Робин Лакофф «Language and Woman's Place». Течение феминизма существенно повлияло на развитие теории гендера. По словам А. В. Кирилиной, феминисты выдвинули положение о господстве в общественном сознании патриархата, в связи с чем все тексты и дискурсивные практики характеризуются мужскими ценностями, что навязывается членам общества [4]. Как отмечается А. В. Кирилиной, гендерной лингвистике предшествовала феминистская лингвистика, продолжающая до сих пор существовать как критика языка, согласно которой необходимо переосмыслить и изменить языковые нормы. Такое сознательное нормирование языка является продуктивным, особенно в политическом дискурсе [4].

В некоторых исследованиях языка и гендера различие между речевым поведением мужчин и женщин было неоспоримым и трактовалось в рамках трех идеологических парадигм [1]. Одна из этих парадигм, парадигма дефицитности (О. Есперсон, Ф. Маутнер, Р. Лакофф), подчеркивает женскую ущербность в языке. Мужской язык воспринимается нормативным, женский — как отклонение от нормы. Р. Лакофф сконцентрировала внимание на том, что женская речь является «слабой», «неуверенной» и «безвластной». Это объясняется воспитанием девочек в семье и обществе, что приводит к подчиненному положении женщины в обществе. Можно отметить, что в концепции Р. Лакофф отражаются черты двух других парадигм: парадигмы доминирования и парадигмы различия.

Парадигма доминирования (Ч. Крамери, Д. Спендер, В. ДеФрансиско и др.) занимается проблемами гендерного неравенства.

Парадигма различия (Д. Таннен) трактует коммуникацию между мужчинами и женщинами с позиции «разных, но равных» культур. В рамках данного исследования целесообразно исходить из положения о гендере как о продукте социальной коммуникации: гендерная идентичность создается во взаимодействии с другими людьми. Такой подход дает возможность изучить вербальные стратегии, которые не только способствуют, но и мешают воспроизводству гендерных стереотипов. Таким образом гендер рассматривается как продукт дискурса (в настоящем исследовании — политического дискурса), а гендерная идентичность создается языком.

Учитывая специфику политического дискурса, можно отметить две формы конструирования гендера: манипулятивное и нормативное конструирование.

Речевое поведение гендеров базируется на исторических сложившихся стереотипах, зафиксированных в языке. Исходя из этого положения, представляется возможным утверждать, что гендерный стереотип является совокупностью представлений о поведении мужчин и женщин. Не вызывает сомнения тот факт, что стратегии поведения мужчин и женщин различаются, как различаются и стратегии речевой коммуникации. Однако при анализе гендерной вариативности в языке необходимо обращать внимание на роль и статус участников речевой коммуникации (политического дискурса), а также на коммуникативные задачи, которые ставят перед собой коммуниканты.

По мнению Д. Таннен, женщины относятся к общению как средству установления дружеских отношений, общих интересов и выражению солидарности. При этом их взаимодействие не иерархично, в отличие от общения мужчин, для которых оно предстает как конкуренция [1].

Тереза Мэй, будучи политическим лидером страны, должна учитывать речевые стратегии и выбор языковых средств, чтобы показать их связь со своим статусом премьер-министра Великобритании.

Проведенный анализ языкового материала, взятого из газетных статей The Evening Standard, The Guardian за 2017—2018 гг., показал, что Тереза Мэй, получившая прозвище «Madam Brexit», считается слабым лидером, несмотря на поддержку ряда сторонников своей партии. Ключевым эпитетом, который формирует дискурсивный

портрет Т. Мэй в СМИ, является прилагательное weak (7). Гендерно релевантными являются также дескрипторы hopeless (4), dull (5), shell-shocked (2), robotic (3), vulnerable (3), repetitive (2), impersonal (1). Иными словами, ее имидж не несет представление о сильном политике, а подчеркивает гендерную женскую идентичность.

Важная роль в конструировании гендерной идентичности принадлежит когнитивной метафоре. Милитарная метафора свойственна политическому дискурсу. Как и при проведении боевых действий, политический дискурс, по мнению В. З. Демьянкова, имеет целью уничтожить противника, что соответствует стратегии дискредитации личности оппонента. Противник подвергается высмеиванию, либо подвергаются сомнению его аргументы и мнения по разным темам [3]. Т. Мэй, как женщина-политик, попадает в сферу приоритетных интересов мужественности, что ведет к конструированию маскулинности. Гендерно маркированными являются лексические единицы военной тематики, несущие маскулинную символику: to fight, to put targets, the front, attacks, a war cabinet, to trigger. Образ премьер министра апеллирует к архетипу воина — Mrs May told the reporters on the place she was «not a quitter» when asked if she would *fight* the next general election as party leader. «*We will fight* these elections, we *will fight them strong and hard»* [9]. Meanwhile senior ministers are also preparing the first discussions on Britain's future relationship with the EU by *Mrs May's so-called «Brexit war cabinet»* [9].

Конструирование женственности в политическом дискурсе представляет собой комплекс разнообразных приемов: идентифицирующие и оценочные номинации (политические ярлыки), ключевые эпитеты, гендерно значимые аллюзии и антитезы.

В политическом дискурсе женственность структурируется при помощи метафор, относящихся к традиционным представлениям о том, что составляет основу жизни женщины: приготовление пищи, рукоделие, покупки, уборка дома, садоводство, воспитание детей [2]. Доминирующее место среди метафор, используемых для конструирования гендерной идентичности Т. Мэй, занимает метафора женщина-кулинар. Программа по выходу из Евросоюза представлена как рецепт — Pretty soon, the prime minister will need to do something she has studiously avoided since taking the job and tell us what *Brexit recipe she wants.* To purists, Remain or Leave, the MP is an unsatisfactory hybrid, talking hard Brexit while her stance in Brussels delivers *a softer, slow-cooked one* [10].

Стратегия дефеминизации в политическом дискурсе принадлежит метафоре войны. Различные сферы жизни, в том числе и политические действия, представляют собой поле битвы: отношения с соратниками по партии, внешними организациями и другими странами. Милитарная метафорическая модель обладает разнообразными сигнификативными и денотативными значениями: выборы представляются как битва, критика оппонента — как атака, успех — как победа.

May's record as home secretary was not «that great», he (Lord Harris Peckham) described *her attacks* on aspects of capitalism and big business as «stupid», and warned she was making a mistake by criticizing excessive pay [10].

The prime minister snatched victory from the jaws of defeat in December by securing the EU27's agreement that sufficient progress had been reached to proceed to the next stage of negotiations [10].

She has some quiet wins to celebrate (Christmas) with her (favoured) gin and tonic this weekend [10].

Следует, однако, подчеркнуть, что лексическая сочетаемость единиц «attack», «victory», «win», указывает на негативную коннотацию: атака — глупая, ошибочная, победы — тихие, либо с трудом схваченные из тисков поражения. В подобном контексте такие лексические единицы направлены на дискредитацию дискурсивного портрета Т. Мэй. Метафора войны, в которую вписана Т. Мэй, отражает стратегию дискредитации в политическом дискурсе.

Значительную роль в создании женской идентичности играют сравнения, основанные на архетипе женщины-матери. Однако отсутствие тем «семья», «дом», «воспитание детей» являются гендерно значимыми факторами в структурировании образа Т. Мэй. Премьер министр замужем, что отражается в обращении к ней — Mrs May, но детей у нее нет.

He (J. Corbyn) said he felt «*sorry» for Mrs May, because she genuinely thinks her defining mission is to deliver Brexit* [9].

Нормативное конструирование гендера акцентируется в попытке Т. Мэй предстать как женщина-домохозяйка — … she insisted she was not robotic and gave the presenters *a box of her homemade brownies to make the point*… [10].

…the prime minister said *she had baked chocolate brownies herself* at Downing Street[10].

Отвечая на критику, что ей лучше заниматься кулинарий, чем управлять страной, Т. Мэй отвечает — *I'm a woman*, *I can multitask* and do them both

at the same time [10]. Подчеркивая свою гендерную принадлежность, Т. Мэй стремится отстаивать феминистические взгляды. Феминизм Т. Мэй проявляется также в статье с использованием гендерно значимой аллюзии «Leading lady: *Theresa May calls for woman to play James Bond*»: I think it's a great move forward for girl power that there is going to be a female Doctor Who (Jodie Whitaker). And one day there should be *a female James Bond* [10].

Т. Мэй позиционирует себя как политического лидера, обладающего реальной властью, отходя от стереотипного представления о женской гендерной идентичности, что не оправдывает ожидания социума: *I'm here to do the job* that I believe needs to be done and that what *I'm going to focus on*. *I'm doing the job* that I believe is right for the British people. *I'm here for the long term* [10]. Т. Мэй прибегает к манипулятивному гендерному конструированию посредством категоричных высказываний, которые, однако, не вписываются в традиционные положения о речевом поведении женщины.

Представляется интересным с точки зрения конструирования гендера исторический ярлык-аллюзия — Т. Мэй получила политическое прозвище «Madam Brexit» — British prime minister Theresa May was left smirking at a press conference with her Polish counterpart on Thursday after an interpreter accidentally called her «*Madam Brexit*» [10]. В отличие от М. Тэтчер, прозванной «The Iron Lady», прозвище Т. Мэй имплицитно подчеркивает ее отношение к процессу выхода Великобритании из Евросоюза. В данном случае применяется стратегия высмеивания, что также относится к желанию дискредитировать субъекта политического дискурса. По словам В. З. Демьянкова, смех является мощным оружием в политическом дискурсе, так как он имеет целью унизить противника и откорректировать его поведение [3].

Рассмотрев и проанализировав контексты, относящиеся к политическому образу Терезы Мэй, представляется возможным установить прототипические признаки в рамках кластера «женщина-политик»:

1) нерешительность в принятии решений — She 's *changed her mind too many times*. «She's as vulnerable as she's ever been», one backbencher told the Guardian. «*She's got to make a decision*». Boles told the Sun that he wanted … *May to lead, be bold and definite* [10]. She will also have to tackle controversial issues such as post-Brexit immigration, and some of her MPs fear *she is hampered by timidity* and her lack of a solid majority [10].

2) слабость руководства страной — May is seen as *a hamstrung leader whose days in office may be numbered*. This is a prime minister who will be seen in Beijing as *a paper tiger who pretends to take tough positions but, in fact, is as weak as it gets*. Chinese officials … will see her as *a biddable leader who is quite weak* [10].

3) неумение общаться с людьми —She can, however, only succeed in these terms if her personal reputation for political management improves from a low base. To that end, small signs of a change in style are under way. The recent trip to Cyprus to visit military families and encounter small children was a tentative move towards softening a brittle image. A former Downing Street communications director notes that *May has finally broken away from a «fear of meeting people»* that afflicted her after her election disappointment. She was also furious with her staff (and probably herself) for mishandling the aftermath of the Grenfell Tower disaster so badly. A calculation aimed at ensuring that she was not shown to be on the end of a shouting match of public anger left *her looking callous and unmoved when those afflicted were in need of direct contact* [10].When *she's comfortable with somebody, she can be good company* [10].

4) зависимость во взглядах — Downing Street declined on Monday to comment on reports that the German chancellor Angela Merkel had told reporters in a private meeting that whenever she asks May what she is seeking, *the prime minister responds «make me an offer»* [10]. *The prime minister may have little choice* but to accept the bulk of the proposals despite considerable anger among hardline Brexit supporters on the Tory backbenchers [10].

Дискурсивный образ Т. Мэй, составленный при помощи использования различных приемов и стратегий, а именно: метафорических моделей, стратегии дискредитации, включающую высмеивание и дефеминизацию, включает два аспекта конструирования гендера. С одной стороны, это первичное конструирование гендера самой Т. Мэй, с другой стороны, — вторичное конструирование гендерной идентичности в текстам масс-медиа.

Критические комментарии по поводу профессиональных качеств премьер-министра наглядно демонстрируют традиционное представление о женщине — зависимость от окружающих и слабость, что непосредственно переносится на политический статус Т. Мэй. Амбивалентность стратегии дискредитации женщины-политика заключается в использовании идей соответствия

и несоответствия традиционным стереотипам женственности. Несоответствие стереотипным представлениям состоит в неумении Т. Мэй налаживать общение и устанавливать дружеские отношения, а также в резкости и авторитарности речевого поведения, к которым Т. Мэй прибегает для установления доминантой роли в политическом дискурсе. Таким образом, представляется возможным констатировать, что дискурсивный портрет премьер-министра Великобритании Терезы Мэй, занимающей маскулинную позицию политического лидера страны, включает элементы пренебрежительной оценки ее деятельности. Т. Мэй не пользуется популярностью и не вызывает доверия как общественности и политических оппонентов, так и некоторых соратников по партии. Гендерная вариативность допустима при конструировании гендерной идентичности, поскольку необходимо учитывать статус участника политического дискурса. Высокий общественный статус Т. Мэй может оправдать использование стратегий, не свойственных при построении женской гендерной идентичности. Следует, однако, отметить тот факт, что собственный дискурсивный образ Т. Мэй резко отличается от вторичного гендерного конструкта. Это подчеркивает амбивалентность дискурсивного образа премьер-министра Великобритании Т. Мэй.

Список литературы

1. Гриценко, Е. С. Становление гендерной лингвистики в контексте общего развития науки о языке / Е. С. Гриценко: Учебное пособие для студентов и аспирантов. — Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2007. — 121с.

2. Гриценко, Е. С. Гендер в английской лингвокультуре / Е. С. Гриценко, А. О. Лалетина, М. В. Сергеева: Коллективная монография. — Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. —218с.

3. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. — М., 2002. — С. 32—43.

4. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М., 1989. — 312с.

5. Кирилина, А. В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике / А. В. Кирилина // Общественные науки и современность. — № 4. —2000. — С. 138—143.

6. Кириллова, О. Ю., Кукушкина, А. Г. Гендер как сложный социокультурный процесс конструирования обществом различий в мужских и женских ролях / О. Ю. Кириллова, А. Г. Кукушкина // Вопросы общего языкознания и когнитивной лингвистики: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т. — Чебоксары, 2012. — С. 26—30.

7. Лакофф, Р. Язык и место женщины / Р. Лакофф // Введение в гендерные исследования. — Харьков, 2001. — С. 784—798.

8. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. пед. ун-т. — Волгоград: «Перемена», 2000. — 368с.

9. The Evening Standard [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.standard.co.uk. — Дата обращения: 8.09.2017, 9.09.2017, 22.12.2017, 31.12.2017, 29.01.2018, 30.01.2018, 22.01.2018, 1.02.2018, 3.02.2018, 5.02.2018.

10. The Guardian [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www. guardian.co.uk. — Дата обращения: 8.09.2017, 18.09.2017, 22.12.2017, 24.12.2017, 9.01.2018, 19.01.2018, 22.01.2018, 28.01.2018, 29.01.2018.

Сведения об авторе

Цыбина Надежда Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород, Россия. tsnadezhda@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 145—150.

THE GENDER ASPECT OF POLITICAL DISCOURSE

N.A. Tsybina
Nizhny Novgorod state linguistics university, Nizhny Novgorod, Russia. tsnadezhda@yandex.ru

The article deals with the description of the image of a woman-politician in political discourse. The article highlights means to construct gender identity in political discourse. One of the most important aspects of gender construction is correspondence to gender norms and expectations of masculinity and femininity based on cluster models. Gender construction in political discourse represents a complex of various means such as political tags, key epithets, gender relevant allusions and cognitive metaphors. The discourse image of a woman-politician comprises gender variation. After analyzing the strategies of normative and manipulative gender construction, as well as language means used to create the discourse image of a woman-politician, it is possible to conclude that this phenomenon is ambivalent.

Keywords: *political discourse, gender, gender identity, gender construction.*

References

1. Gricenko E.S. Stanovlenie gendernoj lingvistiki v kontekste obshhego razvitija nauki o jazyke [of grender linguistics in the context of the general development of linguistcs]. N. Novgorod, 2007. 121p. (In Russ.).
2. Gricenko E.S., Laletina A. O., Sergeeva M. V. *Gender v angliiskoj lingvokulture* [Gender in English lingvoculture]. N. Novgorod, 2008. 218 p. (In Russ.)
3. Dem'jankov V.Z. Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoj filologii [Political discourse as an object of politological philology] *Politicheskaja nauka. Politicheskij diskurs: Istorija i sovremennye issledovanija* [Political science. Political discourse: history and modern studies]. Moscow, no. 3, pp. 32—43. (In Russ.)
4. Dijk T.A. van. *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, 1989. (In Russ.).
5. Kirilina A.V. Gendernye issledovanija v zarubezhnoj i rossijskoj lingvisike [Gender research in foreign and Russian linguistics]. *Obtshhestvennye nauki I sovremennost'* [Social sciences and modern time], 2000, no. 4, pp. 138—143. (In Russ.)
6. Kirillova O.Yu., Kukushkina A.G. Gender kak slozhnyj sociokul'turnyj process konstruirovanija obshhestvom razlichij v muzhskih I zhenskih roljah [Gender as a complex sociocultural process of social constructing differences of masculine and feminine roles]. *Voprosy obshhego jazykoznanija I kognitivnoj lingvistiki* [Questions of general linguistics and cognitive linguistics]. Cheboksary, 2012. pp. 26—30.
7. Lakoff R. Jazyk I mesto zhenshhiny [Laguage and Women's place]. *Vvedenije v gendernyje issledovanija* [Introduction to gender studies]. Har'kov, 2001, pp. 784—798. (In Russ.).
8. Shejgal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd, 2000, 368 p. (In Russ.).
9. The Evening Standard. Available at: http: // www.standard.co.uk., accessed 8.09.2017, 9.09.2017, 22.12.2017, 31.12.2017, 29.01.2018, 30.01.2018, 22.01.2018, 1.02.2018, 3.02.2018, 5.02.2018.
10. The Guardian. Available at: http: // www. guardian.co.uk., accessed 8.09.2017, 18.09.2017, 22.12.2017, 24.12.2017, 9.01.2018, 19.01.2018, 22.01.2018, 28.01.2018, 29.01.2018.

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 151—158.

УДК 81
ББК 81

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10123

О ВЗАИМОВЛИЯНИИ ВИРТУАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО МИРОВ В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н. В. Часовский, П. В. Часовский
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена осмыслению проблемы взаимовлияния виртуального и реального миров в современном коммуникативном пространстве. Компьютерные игры, мемы и социальные сети рассматриваются авторами как специфические инструменты взаимодействия людей в информационном обществе. Утверждается, что игровое виртуальное пространство постепенно охватывает социум, проникая в экономическую, культурную и политическую сферы. Справедливо и обратное, поскольку меняющаяся социальная реальность оказывает мощное воздействие на виртуальный мир. И то, и другое отражается в языковой коммуникации.

Ключевые слова: *компьютерные игры, интернет-мем, коммуникация, социальная реальность, виртуальный мир, информационное общество, геймификация.*

Современный человек, живущий в условиях глобального процесса когнитивного усложнения мира, стремясь уйти от реальных жизненных проблем, выбирает различные виды коммуникации, среди которых значимое место занимают виртуальные — компьютерные игры, игровые приложения на смартфонах и планшетах. Игра как таковая приобрела сегодня чрезвычайно высокий статус не только в лингвистике [3], но и в мире в целом. Это связано с эпохой постмодерна, для которой характерны отказ от признания объективной истины, от константного значения знака; абсолютизация субъективизма; неразличение кажимости и сущности. Потребность в такого рода «развлечениях» поддерживается двумя основными факторами. С одной стороны, для многих людей желание проводить время за виртуальной (компьютерной) игрой объясняется стремлением заполнить личностную пустоту, избавиться от обусловленных ею ощущений скуки и страха перед будущим. Главным при этом становится получение удовлетворения, возможность выхода за рамки привычных моделей поведения, снятия накладываемых социумом ограничений и в конечном счете — свобода самовыражения. Другим фактором выступает всеобъемлющая геймификация социального пространства как целенаправленный процесс, осуществляемый в коммерческих целях.

Объектом внимания в настоящей статье являются дискурсивные взаимосвязи между формируемым посредством сети Интернет, в том числе компьютерными играми, виртуальным миром и миром реальным, неотъемлемой частью которого является общение в социальных сетях.

В информационном обществе, «глобальной инфосфере» [6. С. 149], где приоритетом выступает манипулирование символами, идеями, образами, многократно увеличивается доля интеллектуального труда и от человека требуется не только умение оперировать знаниями, но и способность к творчеству. Не случайно трансатлантические корпорации активно вводят в стратегии эдвертайзинга приемы геймификации. Так, по данным аналитики компании REES46, занимающейся комплексной автоматизацией маркетинга и продаж для интернет-магазинов, «в 2017-м году объемы российского e-Commerce достигли отметки в один триллион рублей. <…> показатель вырос более, чем в два раза с начала 2017-го года» [3]. Президент АКИТ (Ассоциация компаний интернет-торговли) Алексей Федоров считает, что в скором времени китайские гиганты типа Ali Express могут захватить российский рынок. Ярким примером геймификации жизни социума может служить нашумевшая игра «Клевер», разыгрывающая промокоды на Ali Express и клеверсы за регистрацию в приложении китайского интернет-магазина (где реализованы, по сути, возможности консенсусной коммуникации, в понимании Е. В. Шелестюк [11]).

Подвижный характер структуры информационного общества, обусловленный меняющимися информационными потоками, определяет в целом гибкий характер и многообразие социальных форм и отношений [2. С. 166]. Это подтверждают заполонившие российское интернет-пространство

всевозможные предложения онлайн-курсов, онлайн-школ, как официальных, так и неофициальных, которые получили название «инфобиз». Геймификация целенаправленно применяется здесь для активизации и последующего вовлечения пользователей в воронку продаж. При этом инфопродукты зачастую приобретаются пользователями не для повышения уровня своей квалификации, а для получения «ачивки» (достижения), внешнего символа престижа. Лишь часть покупателей (около 10 %) действительно приобретает инфопродукты для самообразования.

Ускоряющийся ритм жизни и ничем не ограниченные информационные потоки приводят индивидов к желанию сократить временные затраты и получить как можно больше удовольствия за меньшее количество времени. Для миллионов людей оптимальным выбором при решении этой проблемы оказываются виртуальные игры. На этом фоне игровая индустрия развивается ускоренными темпами. Все больше людей вовлекается в игровой процесс в разных ролях: игрок, зритель, создатель. Начиная с 1997 года, времени появления первой лиги киберспортсменов «The Cyberathlete Professional League» (CPL), вовлеченность участников в виртуальные игры постоянно растет. 2001 год ознаменован проведением первого в мире глобального турнира по компьютерным играм «World Cyber Games» (WCG) с призовым фондом в 600 тысяч долларов. Участниками главного турнира года стали победители квалификаций в разных странах. Всего в турнире приняли участие 430 геймеров из 33 стран мира. По сути, этот турнир можно приравнять к Олимпийским играм в киберспорте.

С 2011 года проводится чемпионат мира по игре League of Legends, основанной на карте DotA игры Warcraft III: The Frozen Throne. Если в 2011 году призовой фонд чемпионата составлял 100 000 долларов, то уже в 2016 году — 5 070 000 долларов, в 2018 году — 2 250 000 долларов. Общий призовой фонд с 18.06.2011 по 03.11.2018 насчитывает 20 992 646 долларов [15]. В 2011 году прошел первый турнир «The International» по игре Dota 2 под руководством компании-разработчика. Призовой фонд турнира в 2011 году составил 1 600 000 долларов, а в 2018 году — 25 532 177 долларов [12].

На сайте ведущего мирового поставщика игр и аналитики виртуального спорта Newzoo размещена статья, в которой говорится, что, по данным на 2018 год, в мире насчитывается «более 2,3 миллиарда активных геймеров, из которых 46 %, или 1,1 миллиарда, тратят деньги на игры. Рынок игр достигнет 137,9 млрд долл. США в 2018 году, а цифровые доходы составят 91 % рынка или 125,3 млрд долл. США. Впервые мобильные игры будут составлять более половины всех доходов, а смартфон и планшетные игры растут +25,5 % в годовом исчислении до 70,3 млрд долларов» [4]. Приведенная статистика демонстрирует стремительное распространение киберспорта и виртуальных игр в современном мире. Стоит учесть также, что многие люди, интересующиеся киберспртом, не имея возможности принимать непосредственное участие в отборочных турнирах, остаются вовлеченными в данную сферу в качестве зрителей.

Разнообразие и реалистичность современных виртуальных игр поражают воображение (о классификациях компьютерных игр см.: [9; 10]). Существуют различные их жанры — от стратегий и различных симуляторов до шутеров (от англ. *shoot* стрелять). Во многих играх присутствуют сцены насилия, что, по мнению некоторых специалистов, является причиной «срывов» у подростков, повышения агрессии в обществе и даже асоциализации его членов. Как правило, волны возмущения жестокостью в играх и желание подобные игры запретить возникают после событий, получивших общественный резонанс и связанных с угрозой жизни и ущербом здоровью людей.

Очередная волна выступлений против компьютерных игр возникла в связи с событиями 17 октября 2018 года в Керчи, когда 18-летний студент политехнического колледжа Владислав Росляков открыл стрельбу и устроил взрыв в учебном заведении, в результате чего 21 человек погиб и более 50 пострадали. Это событие широко освещалось в различных средствах массовой информации. Не обошло его вниманием и радио «Вести FM», где на следующий после трагедии день в утреннем выпуске передачи Владимира Соловьева и Анны Шафран «Полный контакт» выступил интернет-эксперт Филипп Гросс-Днепров. В ходе анализа содержимого страницы Владислава Рослякова приглашенный эксперт в прямом эфире дал следующее описание игры под названием «Дока 2 трейд»: «Это игра, где ты убиваешь зомби, или ты сам есть зомби, где ты убиваешь самыми изощренными способами людей. То есть там ты можешь придумать свою определенную местность, то есть можешь придумать ту же школу, так же ее взорвать, убить. Но там более изощренная ситуация. Там ты не изготавливаешь бомбу. Тебе дается различное оружие, ты можешь трейд делать» [5].

Приведенное описание вызвало негодование как у ведущих, так и слушателей. Негативное отношение к упомянутой игре возникло прежде всего у людей, никак не связанных с виртуальными играми. Данное Гросс-Днепровым описание породило у них страх за психологическое состояние детей и подростков, которые могут быть вовлечены в игровой процесс. У людей, интересующихся компьютерными играми, описание игры вызвало, скорее, недоумение, поскольку указанной экспертом игры не существовало на момент выхода передачи в эфир.

Мы решили проверить достоверность сведений Филиппа Гросс-Днепрова. По нашему запросу ВКонтакте было выдано 10 страничек Владимира Рослякова, 9 из которых имели на аватарке фото «керченского стрелка» и при ближайшем рассмотрении оказались фейками. На странице, в большей степени подпадающей под категорию «реальная», последняя запись сделана в 2014 году. Как выяснилось, в течение нескольких лет до известных событий молодой человек использовал другое имя — Анатолий Смирнов, однако под этим именем на стене ВКонтакте не содержится ни одной записи. Следовательно, эксперт дал ложную оценку состояния дел.

Заметим, что реакция пользователей Рунета на «Доку 2» оказалась выше, чем на само трагическое событие. Так, Яндекс по запросу «дока 2» выдает 92 млн результатов, а по запросу «керченский стрелок» — 23 млн. (рис. 1).

Проведенный нами анализ запросов в поисковых системах показал, что интернет-пользователи целенаправленно искали игру, названную экспертом. Ниже приведена статистика запросов по сочетанию слов «дока 2» и «дока 2 трейд» (рис. 2, 3). Благодаря приложению Google Trends, позволяющему выяснить, как часто ищут определенное слово или словосочетание по отношению к общему объему поисковых запросов, видно, что до эфира, прошедшего 18.10.2018, по запросу «дока 2» и «дока 2 трейд» наблюдалась нулевая активность, в то время как 18.10.2018 она достигла максимального значения.

Сходная статистика представлена и в поисковой системе Yandex. Yandex Wordstat позволяет оценить общую частотность показов контекстных объявлений Яндекс.Директ путем анализа пользовательских запросов. На рисунке приведены результаты запроса по словосочетанию «дока 2» по регионам (рис. 4).

Принимая во внимание эти факты, делаем вывод, что на момент выхода передачи в эфир игры с названием «Дока 2» не существовало и эксперт ввел слушателей и ведущих в заблуждение. Данный пример показывает, что ложное высказывание, если оно имеет значимость для интернет-сообщества, может привести к резкому росту поисковых запросов и повышению пользовательской активности в целом, включая обсуждение темы в социальных сетях.

Отметим, что название «Дока 2» созвучно наименованию упомянутой выше популярной игры «Dota 2», а «Дока 2 трейд» напоминает «Dota 2 trade», виртуальный рынок по обмену предметами игры Dota 2. При этом описание, данное экспертом несуществующей игре, не соответствует содержанию реальной игры. Хотя в игре «Dota 2» и присутствуют сцены насилия, они не столь реалистичны и жестоки, как это было преподнесено в интервью: жертвами выступают выдуманные существа, а не виртуальные подобия людей, как во многих других играх (например, в шутерах). Интернет-эксперт охарактеризовал игру как

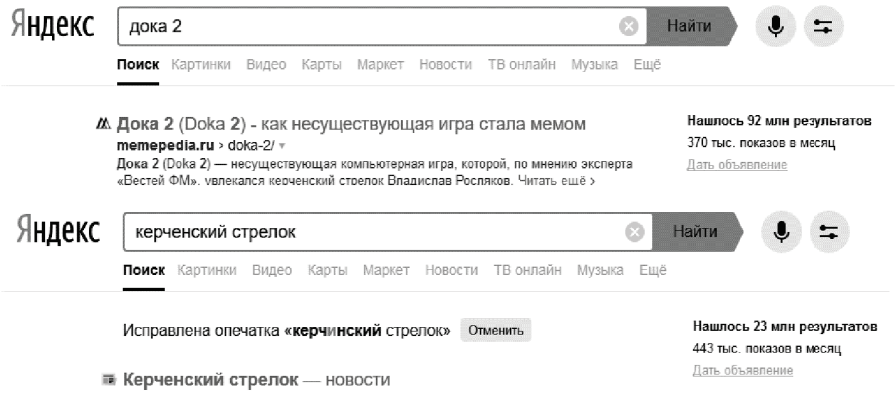


Рис. 1

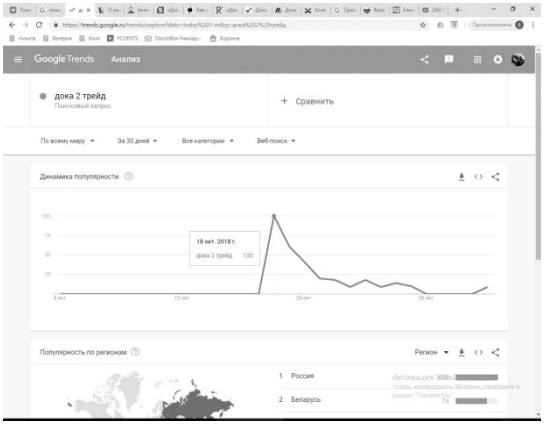


Рис. 2

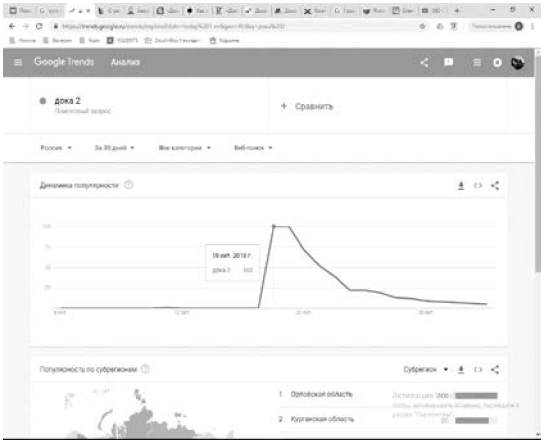


Рис. 3

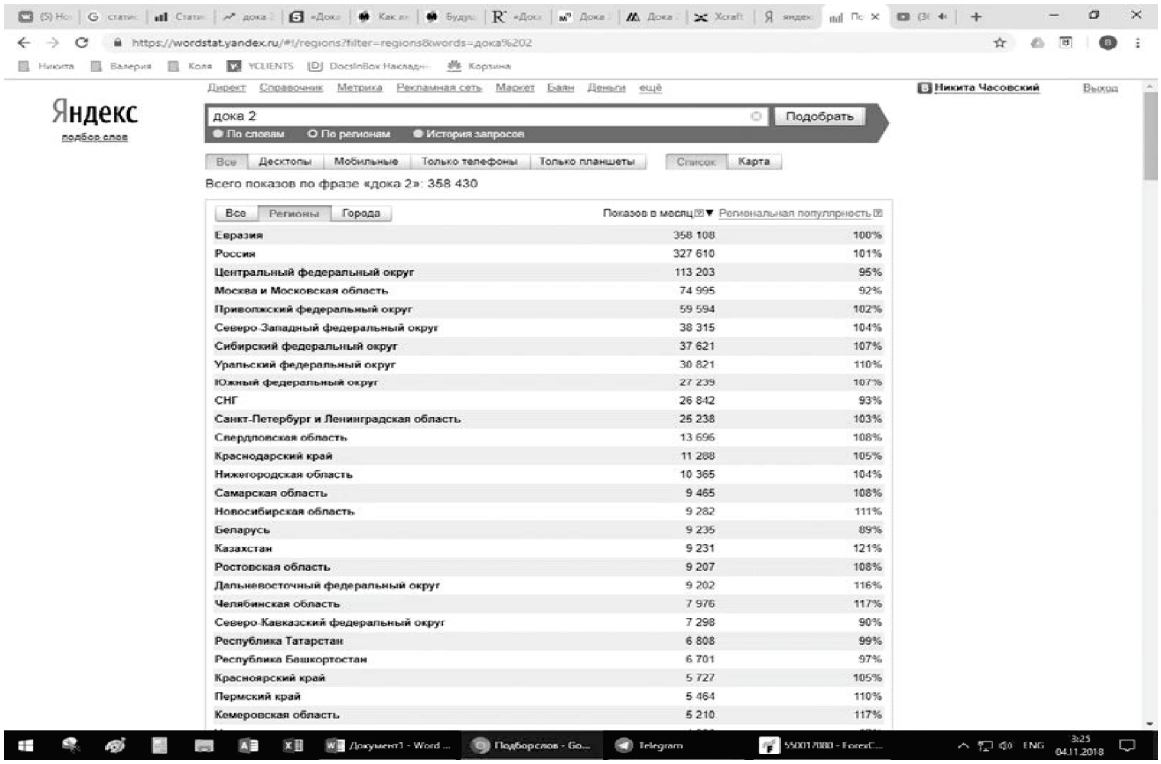


Рис. 4

разрушающую детскую и подростковую психику, тем самым возложив вину за агрессивное поведение подростков на компьютерные игры. Мы полагаем, что игры, скорее, служат местом, куда подростки пытаются скрыться от негативного влияния социума, от проблем с родителями и одноклассниками, однокурсниками.

Интернет-сообщество моментально отреагировало на высказывания Филиппа Гросс-Днепрова, сделанные им в эфире радиостанции «Вести FM» и размещенные в Twitter'е, посредством интернет-мемов (рис. 5, 6).

Такая реакция во многом обусловлена тем, что в Dota 2 играет более десяти миллионов пользователей. В мемах ярко и убедительно представлена односторонность оценки виртуальных игр как инструмента дегуманизации, средства формирования отрицательных свойств человека, а серьезный разговор по следам реальной трагедии незаметно был переведен в игровую плоскость. Последнее вполне согласуется с общей тональностью общения в виртуальном пространстве (подробнее об этом см. [1; 8]).

Использование в мемах слов с отрицательной оценочностью: «гнобят», «бьют», «убивать», «злой», как в приведенных примерах, или «резать», «кишки», «педофил» и проч. в других мемах — выражают агрессивный настрой, передают объективно существующее напряжение в обществе. Однако показанное здесь сведение негативных явлений

Рис. 5

Рис. 6

к играм как их главной причине рождает иронию, поскольку любому здравомыслящему человеку ясно, что компьютерные игры выступают, скорее, следствием, чем причиной указанных проблем.

Помимо интернет-мемов, пользователями был создан трейлер по мотивам несуществующей игры, текст которого составлен из высказываний интернет-эксперта [13]. В целом содержание трейлера высмеивает некомпетентность Ф. Гросс-Днепрова, при этом видеоряд сформирован на основе игры Dota 2.

Еще дальше пошли разработчики игр. Взяв за основу высказывания эксперта по поводу несуществующей компьютерной игры, они анонсировали выход игрового продукта под названием «DOKA 2 KISHKI EDITION», который был разработан в кратчайшие сроки и увидел свет 6 ноября 2018 года [14]. В качестве описания игры дословно воспроизводятся фразы из эфира радио «Вести FM»: «DOKA 2 KISHKI EDITION — это игра, где ты убиваешь зомби или ты сам есть зомби, это такая игра, где ты убиваешь самыми изощренными способами людей, то есть там можно придумать определенную местность». В конце описания разработчиками добавлено лишь одно предложение: «Спасибо тебе за мое рок детство», где содержится намек на рок-культуру как еще одну зону порождения негативно оценочных смыслов (рис. 7).

В мобильном онлайн-сервисе Google Play также появилась игра «Дока 2», разработанная компанией Quantum Scope. Суть игры сводится к убийству зомби. На 4 ноября 2018 года игра насчитывала более 10 тысяч скачиваний, а ее рейтинг составил 4.4 из 5.

Итак, можно констатировать, что публикация непроверенных данных упомянутого «интернет-эксперта» породила цепную реакцию в интернет-среде: привела к созданию интернет-мемов, видеомемов и даже игр. При этом создателям игры не потребовалось проводить специальную рекламную кампанию, так как они воспользовались моментом, поймали так называемый «хайп» (от англ. *hype* шумиха, ажиотаж). В итоге слова эксперта привлекли внимание не только к конкретной (не существовавшей ранее) игре, но и к игровой индустрии в целом.

После трагедии в Керчи Елена Мизулина, член Совета Федерации РФ, предложила ужесточить законодательство в отношении социальных сетей и видеоигр. По словам сенатора, данные по подобным преступлениям в России и за рубежом показывают, что «все нападавшие были активными пользователями соцсетей» и «увлекались видеоиграми, содержащими сцены насилия». В частности, Мизулина предложила внести поправки в закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», прописав в нем требование к разработчикам компьютерных игр о запрете «размещения информации, считающейся насильственной». По словам Мизулиной, современные игры «приближены к реальной жизни»: «Там отрубают головы не Змею Горынычу, а реальным людям». За нарушение закона сенатор предложила увеличить штрафы.

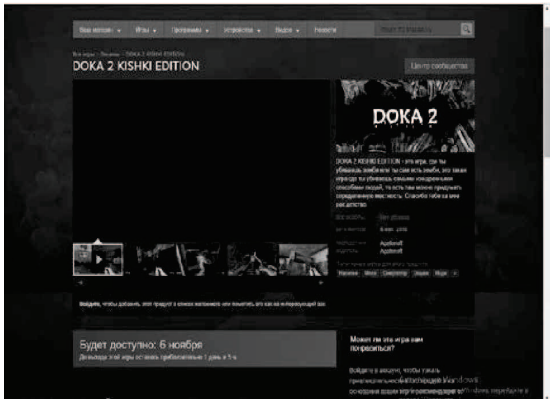


Рис. 7

Таким образом, некомпетентное интервью, данное на серьезной медиаплощадке, повлекло за собой появление мощнейшего общественного отклика, в большей степени развернувшегося в виртуальном пространстве. Реалии современного информационного общества таковы, что игровое виртуальное пространство постепенно охватывает социум, проникая из развлекательной сферы в сферу экономическую, культурную и даже политическую. По этой причине компьютерные игры и виртуальное пространство в целом представляют значительный интерес для всестороннего научного изучения.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ / Е. И. Голованова, Н. В. Часовский // Вестник Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 5 (360). — С. 135—141.

2. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова. — М.: Элпис, 2008. — 304 с.

3. Мечковская, Н. Б. Игровое начало в современной лингвистике: избыток сил или неопределенность целей? / Н. Б. Мечковская // Логический анализ языка: Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Индрик, 2006. — С. 30—41.

4. Онлайн-шопинг в цифрах: главная статистика // Shopolog. URL: https://www.shopolog.ru/metodichka/analytics/onlayn-shoping-v-cifrah-glavnaya-statistika(дата обращения: 04.11.2018).

5. Отчет Newzoo за 2018 год: взгляд на рынок глобальных игр // Newzoo — ведущий мировой поставщик игр и аналитики esports. URL: https://newzoo.com/insights/articles/newzoos-2018-report-insights-into-the-137—9-billion-global-games-market/(дата обращения: 04.11.2018).

6. Рябцева, Н. К. «Контент» — «коннект» — «texting» в новом информационном киберпространстве / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Гнозис, 2016. — С. 149—160.

7. Свобода в Сети приводит к трагедиям * Полный контакт с Владимиром Соловьевым (18.10.18) // Youtube — видеохостинг. URL: https://www.youtube.com/watch?v=dGi9flv7Vlg (дата обращения: 04.11.2018).

8. Часовский, Н. В. Игровые интенции мем-групп (на примере восприятия челябинского метеорита) / Н. В. Часовский // Челяб. гуманитарий. — 2013. — № 1 (22). — С. 55—59.

9. Часовский, П. В. Компьютерные игры как один из способов взаимодействия с виртуальной реальностью / П. В. Часовский // Когнитивные исследования языка. — 2014. — № 18. — С. 578—581.

10. Часовский, П. В. Семиотика «Easter eggs», или Игровое начало в компьютерных играх» / П. В. Часовский // Вестник Челяб. гос. ун-та. — 2012. — № 36 (290). — С. 63—66.

11. Шелестюк, Е. В. Психолингвистические факторы консенсусного речевого взаимодействия / Е. В. Шелестюк // Вестник Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 26 (355). — С. 133—143.

12. Dota 2 | The International 2018 // Cybersport. URL: https://www.cybersport.ru/base/tournaments/the-international-2018 (дата обращения: 04.11.2018).

13. DOKA 2 Trade — трейлер [Пародия] // Youtube — видеохостинг. URL: https://www.youtube.com/watch?v=PWhD-YAK76g (дата обращения: 04.11.2018).

14. DOKA 2 KISHKI EDITION // Steam — сервис цифровой дистрибуции компании Valve. URL: https://store.steampowered.com/app/967250/DOKA_2_KISHKI_EDITION/ (дата обращения: 04.11.2018).

15. League of Legends World Championship [Электронный ресурс] // Esportsearnings.URL: https://www.esportsearnings.com/leagues/190-lol-world-championship (дата обращения: 04.11.2018).

Сведения об авторах

Часовский Никита Вячеславович — соискатель кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. nikita-nox@mail.ru

Часовский Павел Вячеславович — соискатель кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. pasha-chas@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 151—158.

ON THE INTERACTION OF VIRTUAL AND REAL WORLDS IN THE MODERN COMMUNICATIVE SPACE

N.V. Chasovsky
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nikita-nox@mail.ru

P.V. Chasovsky
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pasha-chas@mail.ru

The article is devoted to the problem of interaction between virtual and real worlds in the modern communicative space. The authors consider computer games, memes and social networks as specific tools of human interaction in the information society. It is argued that the virtual gaming space gradually covers society, penetrating into the economic, cultural, scientific and political spheres. The opposite is also true, since changing social reality has a powerful impact on the virtual world. Both are reflected in language communication.

Keywords: *computer games, Internet meme, communication, social reality, virtual world, information society, gamification.*

References

1. Golovanova E.I., Chasovskij N.V. Internet-mem kak element vizualizacii v SMI [Internet meme as an element of visualization in the massmedia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 5 (360), pp. 135—141. (In Russ.).

2. Golovanova E.I. *Kategoriya professionalnogo deyatelya: Formirovaniye. Razvitiye. Status v yazike* [The category of professional figure: Formation. Development. Status in the language]. Moscow, 2008. 304 p. (In Russ.).

3. Mechkovskaya N.B. Igrovoye nachalo v sovremennoy lingvistike: izbitok sil ili neopredelennost tzeley? [Game beginning in modern linguistics: excess forces or ambiguity of goals?]. *Logicheskij analiz yazyka: Konceptual'nye polya igry* [Logical analysis of language: the Conceptual field of the game]. Moscow, 2006. Pp. 30—41. (In Russ.).

4. *Onlain shopping v tzifrah: glavnaya statistika* [Online shopping in numbers: home statistics]. Available at: https://www.shopolog.ru/metodichka/analytics/onlayn-shoping-v-cifrah-glavnaya-statistika.

5. *Otchet Newzoo za 2018 god: vzglyad na rinok globalnih igr* [Newzoo report for 2018: a look at the global games market]. Available at: https://newzoo.com/insights/articles/newzoos-2018-report-insights-into-the-137—9-billion-global-games-market/.

6. Ryabtseva N.K. "Kontent" — "konnekt" — "texting" v novom informatzionnom kiberprostranstve ["Content' — "connect" — "texting" in a new informational cyberspace]. *Logicheskij analiz yazyka. Informacionnaya struktura tekstov raznyh zhanrov i ehpoh* [Logical analysis of language. Information structure of texts of different genres and epochs]. Moscow, 2016. Pp. 149—160. (In Russ.).

7. *Svoboda v Seti privodit k tragediyam * Polniy kontakt s Vladimirom Solovyovim* [Freedom on the Web leads to tragedies * Full contact with Vladimir Solovyov (10/18/18)]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=dGi9flv7Vlg.

8. Chasovskij N.V. Igroviye intentzii mem grup (na primere vospriyatiya Chelyabinskogo meteorite [Meme groups' game intentions (by the example of perception of a Chelyabinsk meteorite)]. *Chelyabinskij gumanitarij* [Chelyabinsk humanities], 2013, no. 1 (22), pp. 55—59. (In Russ.).

9. Chasovskij P.V. Kompyuterniye igri kak odin iz sposobov vzaimodeystviya s virtualnoy realnostyu [Computer games as one of the ways of interaction with virtual reality]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2014, no. 18, pp. 578—581. (In Russ.).

10. Chasovskij P.V. Semiotika «Easter eggs» ili igrovoye nachalo v komputernih igrah [Semiotics «Easter eggs» or the game beginning in computer games]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 36 (290), pp. 63—66. (In Russ.).

11. Shelestyuk E.V. Psiholingvisticheskiye faktori konsensusnogo rechevogo vzaimodeystviya [Psycholinguistic factors of consensus speech interaction]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 26 (355), pp. 133—143. (In Russ.).

12. *Dota 2* | The International 2018. Available at: https://www.cybersport.ru/base/tournaments/the-international-2018.

13. *DOKA 2 Trade trailer [Parodiya]* [DOKA 2 Trade — trailer [Parody]]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=PWhD-YAK76g.

14. *DOKA 2 KISHKI EDITION.* Available at: https://store.steampowered.com/app/967250/DOKA_2_KISHKI_EDITION/.

15. *League of Legends World Championship.* Available at: https://www.esportsearnings.com/leagues/190-lol-world-championship.

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 159—171.

УДК 81'27:39
ББК Ш100.621+Ш100.63

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10124

ЯЗЫКОВОЕ РАЗВИТИЕ: ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Е. В. Шелестюк, В. Э. Будейко
Челябинский государственный университет

В статье представлена концепция языкового развития, лингво-конструктивистской телеологии, понятия развитого языка, в том числе, в применении к языку международного общения. Представлена философская, методологическая, лингвистическая критика понятия и термина «развитие». В отношении языкового развития рассмотрены три стороны языка как коммуникативной системы с позиции Л. В. Щербы: речевая деятельность, языковая система и языковой материал; проанализированы три функции речевой деятельности с позиции В. В. Колесова: коммуникация, трансляция и трансмутация. Выделены свойства развитого языка, затронут вопрос противоречивости использования развитого живого языка в качестве языка международного общения. Определены характеристики языковой эволюции и инволюции. Обозначена важность деятельностного подхода и целенаправленности языкового развития как субъективного фактора исследуемого процесса. Отмечено негативное влияние ограничительной, «субтрактивной» нормализации языка.

Ключевые слова: *развитие, развитие языка, методология, наука, знаки, деривация, производные, термин, понимание.*

Постановка проблемы

Понятие «языковое развитие», на первый взгляд представляющееся достаточно очевидным, при более пристальном рассмотрении оказывается спорным. В лингвистике принято говорить об эволюции языка в самом широком смысле, т. е. о качественных изменениях в его системе в результате внутриязыковых и экстралингвистических процессов, о языковом же развитии речь может идти преимущественно в смысле развития речевых способностей в онтогенезе, социальной и культурной дифференциации и усложнении языка, то есть о развитии речевой деятельности. Но релевантно ли понятие развития по отношению к языку как знаковой системе? Если понимать развитие как простую динамику изменений, то можно констатировать развитие любых языков, даже исчезающих или испытывающих субтрактивное влияние доминантных языков. Изучение языка в динамике существовало давно: сравнительно-историческое языкознание, лексикография на исторических принципах, историческая лингвистика, глоттогония — этапы и направления такого изучения.

Если же термин «языковое развитие» предполагает не просто изменение, а некое улучшение, прогресс, эволюцию, то мы неизбежно должны оценивать эти явления в оппозиции к понятиям ухудшения, регресса и инволюции. Можно ли говорить об улучшении и ухудшении, эволюции и инволюции, прогрессе и регрессе языка? Можно ли говорить о совершенствовании языка как стремлении к некоей цели, акме, вершине, к которой стремится языковое развитие?

В основном мы наблюдаем стихийное, нецеленаправленное языковое изменение, хотя большинство сфер деятельности человека: экономика, социальное развитие, даже духовная сфера — в определённой степени направляются в то или иное русло перемен. Получается, что такая важная сфера социальной и духовной жизнедеятельности человека, как языковое развитие, отдано на откуп стихийным процессам. Отсюда — бесконтрольное заимствование, калькирование лексики и языковых образцов доминантной англоязычной лингвокультуры, форенизация самого языкового строя, сведение пополнения исконного лексического состава преимущественно к единицам сленговой, жаргонной и сниженно-просторечной лексики. Высокий стиль перестает творчески развиваться с помощью родных ресурсов. Художественные и публицистические дискурсы перестают использовать исконные словообразовательные средства, образно-идиоматический и синтаксический потенциал родного языка. Есть ли предпосылки для целенаправленного культивирования, строительства и совершенствования национального языка и, если да, то каковы должны быть принципы лингво-конструктивистской телеологии?

Наконец, сочетание «развитый язык», несмотря на кажущуюся очевидность, как терминологическое понятие в научных кругах не принято; есть понятие развития отдельных подсистем языков, например, говорят о языках с развитым вокализмом / консонантизмом; морфологией (суффиксацией, префиксацией, агглютинацией и т. п.); системой склонения и спряжения. Реже и преимущественно в отношении искусственных языков говорят о развитой словообразовательной, лексической и синтаксической системах, подразумевая количество, разнообразие и продуктивность лексики, словообразовательных средств, синтаксических структур. Но релевантен ли признак «развитый» по отношению к естественному языку?

Данная статья представляет собой попытку рассмотреть проблему развития языка и прийти к определённым ответам на поставленные вопросы.

Определение понятия и термина «развитие»

Калькированный термин «развитие» взят или из немецкой словоформы Entwícklung, *f* [21. С. 611], или из французской кальки développement, *m,* развёртывание, расширение [7. С. 278], как словоформа морфологически аналогичная иностранному слову [18. С. 169]. Допуская два варианта источника калькирования можно утверждать, что термин вошёл через западноевропейские образ и модель в русский язык в кон. XVIII в. В религиозно-идеологическом и мифологическом проекте «Просвещения» XVII—XVIII вв. представлялось или даже предполагалось, что нечто (вещь, явление, сочетание форм) развивается, раскручивается из первоначальной праформы, которая уже в себе содержит некую схему (модель, форму, идею) этого направленного изменения к лучшему, более совершенному. Предполагалось, что сама схема, модель была или может быть заложена или Богом, или природой, или случайностью, или внутренней закономерностью — утверждение основывалось на вере, исходно присутствующей в участниках упомянутого проекта. Заметим, что утверждение было и остаётся проблематичным, т. е. сомнительным до настоящего времени.

Позднее Э. Г. Юдин определяет понятие «развитие» как «необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов». Только одновременное наличие всех трёх указанных свойств выделяет, по утверждению Юдина, процессы развития среди других изменений [32. С. 409]. Исходя из этого, если изменения возвращаются, то это, по сути, процессы циклического воспроизведения постоянной функции системы. Если же отсутствует закономерность в изменениях, то это очевидно случайные процессы, иногда катастрофического (от греч. καταστροφή — «поворот», «переворот») вида. При отсутствии направленности такие изменения не могут накапливаться качественно и положительно, и потому процесс изменения лишается свойственной развитию единой и внутренне взаимосвязанной линии, вектора, направления. Итак, в само́м понятии «развитие» изначально закладывается идея направления, хотя до настоящего времени среди языковедов нет единого обоснованного утверждения относительно направленности, т. е. телеологии развития языка. В общем «способность к развитию составляет одно из всеобщих свойств материи и сознания», — утверждает Э. Г. Юдин [там же].

Телеологическая неопределённость порождает теоретическую полемику о путях развития языка и способах его оптимизации (например, языковом планировании), об искусственном вмешательстве (языковой политике) в исторический процесс языковых изменений.

После 1991 г., когда были открыты некоторые возможности для методологической и философской критики диалектического и исторического материализма, были обнаружены любопытные материалы, вскрывающие некоторые слабые стороны понятия и термина «развитие» применительно к разным научным объектам. В числе критиков мы видим и писателей, и экономистов, и филологов, и философов, и богословов, и представителей искусства. Число критиков не убывает, но растёт.

В. В. Кожинов, анализируя термин «прогресс» и «развитие» писал: «в соответствующей статье Большой Советской Энциклопедии (т. 21, издан в 1975 году) сначала заявлено, что прогресс есть «переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному» (с. 28), а потом сказано, что «понятие прогресса неприменимо ко Вселенной в целом, т. к. здесь отсутствует однозначно определённое направление развития» (с. 29). Это вроде бы надо понять так, что в развитии человеческого общества (в отличие от Вселенной в целом) царит одно вполне «определённое» направление развития (к совершенству), однако в другом месте статьи говорится, что «в досоциалистических формациях… одни элементы социального целого систематически прогрессируют за счёт других», то есть, говоря

попросту, что-то улучшается, а что-то одновременно ухудшается… И даже «социалистическое общество… не отменяет противоречивости развития». Эти оговорки в официальном издании советского времени, по существу, *отрицают* идею прогресса, ибо оказывается, что приобретения в то же самое время ведут к утратам. И крайне сомнительно само уже «выведение» бытия людей из бытия Вселенной в целом, где даже с точки зрения самих прогрессистов нет прогресса (в смысле «совершенствования»); ведь люди, в частности, представляют собой не только особенный — общественный, социальный — феномен, но и явление природы, элемент Вселенной в её целом… Словом, можно рассуждать о прогрессе как определённом развитии, изменении, преобразовании общества, но представление о прогрессе как о некоем принципиальном «улучшении», «совершенствовании» и т. п. — это только *миф* новейшего времени — с XVII — XVIII веков (основательный повод для размышлений даёт тот факт, что ранее в сознании людей господствовал противоположный миф, согласно которому «золотой век» остался в прошлом…). Миф о всё нарастающем «совершенствовании» человеческого общества наглядно опровергается простым сопоставлением конкретных и целостных воплощений этого общества на разных — отделённых столетиями и тысячелетиями — стадиях… кто, в самом деле, решится утверждать, что Платон и Фидий, Христовы апостолы и император Марк Аврелий, Сергий Радонежский и Андрей Рублев менее «совершенны», нежели самые «совершенные» люди нашего времени, которым предшествовал столь длительный человеческий «прогресс»?… Несмотря на то, что миф о прогрессе в последнее время заметно дискредитировался, он всё же остаётся достоянием большинства (или, пожалуй, даже подавляющего большинства) «цивилизованных» людей. Ведь как уже сказано, вера в прогресс явилась заменой веры в Бога, а люди не могут жить вообще *без* веры. И масса людей проникнута всецело иллюзорным убеждением, что, «усовершенствуя» существующее общество, они — или хотя бы их дети — обретут подлинное удовлетворение и счастье» [12. С. 31—32] (*авторский курсив).*

Подытоживая своё исследование о «прогрессе и развитии» на большом историческом и фактическом материале, В. В. Кожинов пишет, что уровень понимания и глубины мыслей «так называемых, прогрессистов» прямо зависит от уровня их духовной зрелости, не ума, а именно духовной мудрости свойственной цельной личности; иными словами: чем ниже духовная зрелость, тем более яростно, примитивно и поверхностно мыслит «прогрессист» [там же С. 34].

Языковедческой иллюстрацией изменений в языке за счёт других ресурсных перемен, когда языковая эволюция переходит в инволюцию, является фрагмент больших фонетических перемен в древнегреческом языке начала нашей эры, о чём пишет М. Н. Славятинская: «В системе вокализма различия гласных по долготе и краткости постепенно исчезали, во II—III вв. по Р.Х. это привело к смене типа ударения — музыкального на динамическое; сложная система дифтонгов стала упрощаться ещё с V в. до Р.Х., когда монофтонгизировался дифтонг ου; свёртывание (инволюция) греческого вокализма привела к тому, что гласные ι и η, а в некоторых регионах также υ совпали в произношении [i] (итацизм, или йотацизм). К I в. до Р.Х. полностью исчезла из письма йота в дифтонгах с 1-м долгим гласным» [23. С. 438]. Эта частная иллюстрация может служить доводом в пользу утверждения, как за счёт одной страты развёртывается другая языковая страта.

Философ К. Н. Леонтьев (1831—1891), исследовавший процесс развития на обширном историческом материале, подытоживая свои рассуждения, писал следующее: «*Идея же развития* собственно соответствует в тех реальных, точных науках, из которых она перенесена в историческую область, *некоему сложному процессу* и, заметим, *нередко вовсе противоположному с процессом распространения, разлития,* процессу как бы враждебному этому последнему процессу» [Леонтьев 2003: 74—75].

Здесь же К. Н. Леонтьев даёт определение развития — это «*постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему* (как видим, это один из основных признаков языковой эволюции, противоположное ведёт к инволюции. — *В. Б.*), постепенная индивидуализация, *обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой — от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений.* Постепенный ход от бесцветности, от *простоты к оригинальности и сложности.* Постепенное осложнение элементов составных, *увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства.* Так что *высшая точка развития* не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, *есть высшая степень сложности, объединённая таким внутренним деспотическим*

единством» [там же: с. 75] (выделено авторским курсивом). Анализируя явления органической, общественной, государственной, культурной жизни за последние 7000 лет К. Н. Леонтьев приходит к следующей схеме развития: а) период первоначальной простоты (древние общества), б) период цветущей сложности (средние века и до средины XIX в.), в) вторичное смесительное упрощение, которое предвещает проблематичное продолжение этого процесса. К. Н. Леонтьев отмечает, что третьему (современному) периоду свойственно расстройство формы (или форм выражения, смесительность), сопровождаемое *общностью с окружающим* (т. е. эклектикой), где «*форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи* (содержанию, содержанию традиции. — *В. Б.*) *разбегаться*. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет» [там же: 82]. Заметим, что разрушение формы в XXI в. становится приметой времени.

Из этого образного, метафорического определения, как нам представляется, следует: а) современная господствующая методология филологии есть методология заёмная, перенесённая из точных наук, термин и понятие взяты из иной по сущности методологической базы; б) развитие не есть процесс линейный (это, пожалуй, самое популярное заблуждение) и непрерывный в своих качественных изменениях; в) действительное развитие применительно к языку нуждается в некоей дополнительной энергии, исходящей от человека. Антропологический характер и антропологическую мотивацию в совершенствовании языковой деятельности обсудим ниже.

Применительно к антропологическому аспекту в сравнительном языковедении В. фон Гумбольдт утверждал, что законы развития языка зависят от законов развития духа [22. С. 159]. Понятия «духовное», «дух» имеют длительную историю подмен XX в., однако они глубоко и добросовестно исследованы в нашей культуре. Понятие «дух / духовное» определяется следующим образом: дух проявляется в трёх видах: а) страх Божий, который есть благоговейный трепет пред величием Божиим, неразрывно связанный с верою в истину Божественного бытия; б) совесть, указывающая человеку, что право и что неправо, что угодно Богу и что неугодно, что должно и чего не должно делать и мыслить сообразно духовным законам. Совесть не только указывает, а и понуждает человека исполнять указываемое (так называемый, трансцендентный опыт), за исполнение совесть награждает утешением души и духа, а за неисполнение наказывает внутренним угрызением, душевным беспокойством, мятежностью души и духа, ибо совесть есть внутренний судия человека — блюститель закона духовной жизни (известно, что наш народ называет совесть «гласом Божиим» в душе человека); в) жажда Бога, которая есть искание Бога, стремление к соединению с Богом, ибо ничем тварным и земным дух человеческий удовлетвориться не может, поскольку каждый человек сколькими и сколь разнообразными благами не обладал бы, ему всё желается чего-то большего; таковая неудовлетворённость доказывает, что у духа человеческого есть стремление к высшему, идеальному, абсолютному [1]. Как правило, духовные проявления в человеке выражаются и в духовном языковом творчестве: поэзии, прозе, верлибре. Это духовное языковое творчество можно изучать, оно требует от творческого человека богатого, выразительного, точного, логичного, уместного, правильного языка и особенно нуждается в нём. Поскольку дух народа творит своеобразные формы, то русский народ создал в течение тысячелетия свой богослужебный язык, привив ветвь древнеболгарского церковного языка к древнерусскому основанию — в итоге получился церковнославянский язык русского извода (русской редакции с 988 г. по настоящее время), а в современной страте литературного языка — образовался новый церковно-религиозный стиль русского литературного языка (XIX—XXI вв.) [25. С. 612—616].

Возражения могут быть сняты адекватным подходом к национальным особенностям русского языка и языкового сознания. А. С. Хомяков так определил расхождение между западным и русским подходом к проблеме познания: с XI в. Запад (католицизм и католическая схоластика) решение познания истины усматривал в деятельности ratio, а Восток (восточное православие и его патристика) — в целостности познающего человеческого духа: «Рим разорвал всякую связь между познанием и внутренним совершенством духа» [27. С. 55].

На это же методологическое и онтологическое расхождение пространно указывал И. В. Киреевский: «Стремясь к истине умозрения, восточные мыслители заботятся, прежде всего, о правильности внутреннего состояния мыслящего духа; западные — более о внешней связи понятий. Восточные, для достижения полноты истины, ищут внутренней цельности разума: того, так сказать, средоточия

умственных сил, где все отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство. Западные, напротив того, полагают, что достижение полной истины возможно и для разделившихся сил ума, самодвижно действующих в своей одинокой отдельности…» [15. С. 274]. Вероятно, именно поэтому западная методология от целомудрия познающей истину личности оставила нам только научный стиль и заботу о научной этике, т. е. форму, не наполненную соответствующим духовным содержанием.

Доминирование западной парадигмы в познании мира, как мы полагаем, привело ко внутреннему разделению между людьми и грядущим чередующимся перманентным кризисам, в том числе к умиранию и гибели языков. Ежегодно, по данным ЮНЕСКО в мире вымирает около 90 языков.

Указывая на законы развития языка, Б. А. Серебренников указывал на то, что развитие характеризуется «прежде всего в росте словарного состава языка и в увеличении количества значений слов… Слова становятся способными передавать самые тонкие значения» [22. С. 160]. Опираясь на труды наших отечественных лексикографов, в словарном составе русского языка мы наблюдаем явное инволюционное падение, начиная с XVIII столетия, многих показателей, включая лексический потенциал, способный передавать тонкие значения духовного состояния человека.

Раскрывая сущность сознательной направленности жизни человека, биолог, физиолог А. А. Ухтомский, изучив сознательную жизнедеятельность людей и животных, вывел как общую доминанту русского народа стремление к абсолютной правде и добру [26]. И. А. Ильин (1883—1954) отмечал духовность как доминанту русского народа [10. С. 8]. Митрополит Иоанн (Снычев) также писал о главном общем свойстве русского человека как о начале святости, искании абсолютного добра [11]. Отсюда следует, что культура добра и правды должна была каким-то образом отразиться в словаре русского языка. И это так. Словари XI—XVII вв. отражают эту духовную направленность: более 200 дериватов с корнем -добр- и прав-/правд-, не считая слов с приставками мы находим в текстах этого времени. Иная картина в словарях XX в., указывающих на показатели, уступающие прежним в 3—4 раза, чем отмечается очевидное падение культуры добра и правды в русском народе. Увеличение количества слов специальных, технических и научных терминов в русских словарях выражает общую направленность противоположную духовному устремлению человека, т. е. направленность бытоулучшения, обмирщённости, утилитаризма, прагматизма.

Вектор развития (языковая телеология) зависит от высокой цели, цели связанной с духовными предметами, то время как практическая деятельность может обходиться низкими стилем, простыми формами выражения, весьма формально и поверхностно связанными с человеческой сущностью и глубиной понимания, душой и духом. Прирост лексики на прагматическом уровне носит временный характер, в связи с нарастанием технического прогресса лексическая система порождает обилие специальных средств в деловом, научном, технологическом, техническом стилях (согласно гипотезе Б. Н. Головина), такая лексика относительно быстро устаревает, поскольку держится на смене технических предметов, технологий; лексика, связанная с этими предметами периодически уходит в историзмы. Иное мы наблюдаем на высоком уровне стилей книжного, духовного свойства, где лексика удерживается столетиями, порождая новые дериваты и значения. Таким образом, цель и направленность развития языка прямо зависят от того, чему служит народ: правде или пользе. Отсюда возможно определиться с терминами, о каком развитии надо вести речь: о духовном развитии языка или об утилитарной направленности его изменений. Качество лексики, характер её новаций и заимствований определить не составит труда.

Речевая коммуникация и языковое развитие

Исходя из понимания Л. В. Щербой теории языка, речевая коммуникация складывается из трёх составляющих: речевой деятельности, языковой системы и языкового материала [31]. Несмотря на особую значимость речи, заключающуюся в её повседневном, насущном употреблении, несмотря на наблюдаемость речевой деятельности и определяемых ею дискурсов, сама речь и речевая деятельность базируются на состоянии языковой системы и языкового материала, их гибкости, богатстве, развитости, позволяющих выполнять основные функции языка: коммуникативную, когнитивную, номинативную, кумулятивную. В языковой системе большую роль играет объём и многообразие

языковых средств: лексики, которая свидетельствует о величине и сложности тезауруса, системы понятий и концептов той или иной лингвокультуры; идиоматики; продуктивных словообразовательных средств; синтаксических конструкций, позволяющих выразить сколь угодно логически сложные, прагматически и семантически насыщенные мысли. В языковом материале важен объём, стилистическое и жанровое разнообразие накопленного корпуса речений на том или ином языке, обилие паремических, афористических, прецедентных высказываний, прецедентных текстов, несущих закрепившиеся в языковом сознании того или иного народа смыслы. Таким образом, развитием языковой системы и богатством языкового материала обеспечивается комбинаторная гибкость, предметно-логическая точность и прагматическая успешность речи. Языковая система и языковой материал составляют устойчивый материализованный субстрат для функционирования речи, для речевой деятельности, они представляют собой язык в константном, фиксированном виде, а речевая деятельность есть язык в подвижном, видоизменяющемся виде.

Помимо теоретических положений Л. В. Щербы, некоторые глубокие замечания о развитии в языке были высказаны В. В. Колесовым [13]. Исследователь определил три сферы (аспекта, составляющих) речевой деятельности, успешное функционирование которых свидетельствует о развитии языка:

А) коммуникация, общение с помощью языковых знаков осуществляется между ныне живущими поколениями людей и происходит в сфере настоящего; это воплощённое *сознание* функционально взаимно равных участников общения;

Б) трансляция, перенесение, перевод *знания* от старших к младшим через обучение; это переход от прошлого в настоящее, где основным участником неравного процесса оказывается учитель;

В) трансмутация, перемена, обмен при появлении нового знания в творчестве познания, которое устремлено от настоящего в будущее, где основным лицом этой языковой деятельности является учёный-новатор (филолог, учёный поэт, писатель, poeta doctus).

Необходимым условием, обеспечивающим успешное развитие трёх аспектов речевой и языковой деятельности, является *понимание*, которое безусловно основывается на уважении и любви (заметим, на категориях духовно-нравственных). Вектор, синтезирующий *знание*, *сознание*, *познание*, движется из прошлого в настоящее, из настоящего — в будущее. «Разрыв постепенности в организации семантической структуры языка грозит бедой: возможно нарушение традиции, падение семантической энергии слова, разрушение сложной системы стилей (см. выше идею К. Н. Леонтьева о современном разрушении формы. — *В. Б.*). Диалектика развития семантических структур определяется взаимным соотношением всех трёх сфер речевой деятельности. Предпочтение информационно-коммуникативных сфер всем остальным ведёт к уничтожению традиции и прекращает развитие нового знания» [13. С. 10—11]. Иными словами, нарушение этих общих условий ведёт к инволюции языка.

Понятие развитого языка включает определённые признаки, среди которых важными, на наш взгляд, можно считать следующие:

1) большое количество лексики, отражающее множество понятий и концептов, обозначенных этой лексикой;

2) широкая употребимость, широкая контекстуальная и стилистическая приемлемость разнообразной лексики, включая архаизмы и лексические инновации;

3) простое и лёгкое словообразование и, одновременно, понятийно и коннотативно разнообразные морфологические средства; легкость, продуктивность, логичность словообразовательных способов с минимальным количеством исключений и ограничений;

4) богатый и разнообразный синтаксис: разнообразие сложных предложений, синтаксических оборотов, союзов, выражающих те или иные нюансы логических отношений между предметами, а также модальность;

5) простое словоизменение: ограниченное число словоизменительных морфем; простота, логичность и унифицированность систем склонения и спряжения, грамматических парадигм изменяемых частей речи с минимальным количеством исключений и ограничений; простота, логичность и унифицированность выражения грамматических категорий;

6) небольшое количество неполных парадигм, «недостаточных» частей речи;

7) широкая полисемия, семантические процессы и изменения семантической структуры слов на прозрачной, логичной основе.

Таким образом, богатство и разнообразие лексической, словообразовательной и синтаксиче-

ской систем могут свидетельствовать о языковой эволюции, а сложность словоизменительной системы, нарушение логики языка и обилие исключений из правил могут вести к языковой инволюции.

Несмотря на позитивную коннотацию понятия «развитый язык», по мнению теоретиков искусственного международного вспомогательного языка, чрезмерное проявление перечисленных выше признаков препятствует использованию развитого национального языка в качестве языка международного общения. Для международного вспомогательного языка противопоказана языковая сложность — в идеале этот язык должен быть как можно более простым. Усложняющими факторами языков являются: 1) разнообразие элементов; так, если в каком-то языке восемь согласных, а в другом — 60, то первый язык по системе согласных проще, чем второй; 2) невзаимнооднозначное соответствие между формой и значением на уровне грамматики языка: если одна и та же форма в некотором языке образуется десятью разными способами, то это сложнее, чем если эта форма образуется одним способом, скажем, в английском языке множественное число у абсолютного большинства существительных образуется регулярно при помощи одного и того же окончания -s, а в русском и немецком — множеством способов, ср. нем. Baum — Bäume, Vater — Väter, Ziegel — Ziegel, Rand — Ränder; дерево — деревья, отец — отцы, кирпич — кирпичи, край — края; 3) невзаимнооднозначное соответствие между формой и значением на уровне фразы (текста), согласование; так, множественное число по-английски выражается один раз — в окончании существительного, а в русском языке — и в окончании прилагательного, и в окончании существительного [20].

Таким образом, сложная лексическая система, грамматика, фонетика затрудняют коммуникацию, не позволяют языку оптимально эффективно выполнять его основную — коммуникативную — функцию. Эта функция, являющаяся центральной для языка международного общения, предполагает упрощение, экономию языковых средств. Так, количество слов в языке не должно быть чрезмерно большим, их изучение не должно занимать слишком много времени, нужен тезаурус, необходимый и достаточный для эффективной коммуникации; не должно быть обязательным изучение редкой лексики, имеющей избирательное словоупотребление из-за валентностных, стилистических, контекстуальных, коннотативных ограничений. Не желательно изобилие словоизменительных морфем, сложные системы склонения и спряжения, множественные исключения из правил, так называемые «неполные» парадигмы, «недостаточные» части речи, затрудняющие выполнение языком коммуникативной функции. В то же время, неудобны и слишком обширные полисемия и омонимия, порождающие двусмысленности, включая омонимичные словоизменительные средства, а также отсутствие или минимум словоизменения и словоизменительных средств, чрезмерно повышающие роль порядка слов в предложении, особенностей произнесения слов (например, разные типы тонического ударения) и других дополнительных факторов.

И. Гаршин на примере английского отмечает, что это развитый язык с логичным, простым для формулировки мысли синтаксисом и гибкой словообразовательной системой, которая позволяет носителям «на лету» создавать слова для любых новых понятий — как научно-технических терминов, так и культурных явлений с тонкостями эмоционального отношения к ним. Причём, что очень важно — слова краткие. Но, в то же время, неудержимо обогащая свой словарный запас, английский становится чрезмерно громоздким. Кроме того, английский язык не годится на роль международного поскольку в нём произношение слабо связано с написанием слов и достаточно сложная фонетика, делающая непонятной «английскую» речь народов со значительно отличающимися артикуляционными привычками. Таким образом, английский язык следует признать одним их самых развитых языков мира, но его недостатки представляются слишком значительными для признания за ним статуса мирового языка, и существует необходимость искусственного «всеобщего планового языка» [8].

По мнению интерлингвистов, в принципе любой национальный язык слабо годится на роль международного: а) потому что это даёт ничем не оправданное преимущество представителям одних наций в ущерб другим (языковой шовинизм); б) потому что нет и не будет согласия в выборе такого языка; в) потому что изучение другого национального языка до высокого продуктивного уровня — тяжёлая задача, сопряжённая с отвлечением ресурсов (времени, умственных усилий, памяти) от других дисциплин, при этом во многих случаях не увенчивающаяся значимым успехом.

Предварительные выводы и рекомендации

Выше мы затронули основополагающий комплекс составляющих развития вообще и языкового развития, в частности. Исходя из вышеизложенных положений, цель языка, вектор его развития (языковая телеология) связаны с духовными предметами, с сущностью, душой и духом народа. Развитие прогресса порождает обилие языковых средств в деловом, научном, технологическом, техническом стилях, однако развитие языка этим далеко не ограничивается, поскольку лексика, связанная с этими предметами, периодически уходит в историзмы. Иное мы наблюдаем на высоком уровне стилей книжного, духовного свойства, где лексика удерживается столетиями, порождая новые дериваты и значения. Этой лексикой и соответствующими понятиями и определяется вектор языкового развития от традиции к инновации.

Мы можем говорить об эволюции, прогрессе в развитии языка, если соблюдаются следующие условия: 1) принцип синергии, упорядоченного взаимодействия языковой системы с внешней средой и компонентов внутри системы с оптимальной эмерждентностью; синергетическая языковая система стабильна и благоприятна для коммуникации, трансляции и трансмутации знаний в соответствии с онтологией той или иной лингвокультуры, с лингвистической и культурной традицией; 2) улучшение выполнения национальным языком всех основных языковых функций (коммуникативной, когнитивно-номинативной, экспрессивной, кумулятивной, транслятивной, трансмутативной); 3) постоянное обогащение лексики на основе исконного словообразовательного материала, а не заимствований из lingua franca; развитие исконных (родных) словообразовательных средств; лёгкость создания и ассимиляции неологизмов из национального морфемного материала, калькирование иностранных неологизмов; сохранение важных старых слов и концептов, особенно абстрактных, культурообразующих и культуродифференцирующих; 4) разработка синтаксиса, обогащение союзов и синтактико-риторических конструкций с целью выражения различных логических отношений и прагматических установок; 5) реализация принципа широкой употребимости, предполагающего широкую контекстуальную и стилистическую приемлемость литературных единиц родного словаря, включая архаизмы и лексические инновации; 6) улучшение коммуникативных свойств речи на высоком уровне речевого проявления: правильности речи, точности, логичности, чистоты, красоты, выразительности, богатства и разнообразия, уместности; качество порождаемых текстов должно анализироваться по этим параметрам. Понятие же инволюции, регресса языка, вероятно, предполагает такое состояние языка, когда он: 1) лишается синергии, гармонии, распадается на разнородные компоненты и функции, не скреплённые общей функцией (целью); прекращает продуцирование нового знания в русле традиции; 2) недостаточно эффективно выполняет свои функции, утрачивает способность стимулировать мышление на продуцирование новых смыслов, коммуницировать, номинировать, накапливать и развивать культурные концепты и константы; 3) «съёживается», сворачивает «высокие» дискурсы на исконном языковом материале, утрачивает лексику, а вместе с ней понятия и смыслы, теряет продуктивность исконных словообразовательных морфем; 4) проявляет обеднение (бедность) синтаксиса, логических средств связности, синтактико-риторических конструкций; 5) ограничивает употребимость литературной лексики, налагает множество формальных, контекстуальных и стилистических ограничений, способствует появлению «недостаточных» слов, выпадению из словаря ценных обозначений (в т. ч. деховных понятий); 6) не способствует улучшению коммуникативных свойств речи на высоком уровне речевого проявления, с готовностью создавая и ассимилируя исконную лексику и речевые образцы лишь низких регистров.

Помимо обсуждаемых выше объективных закономерностей языкового развития, важны и целенаправленность и деятельностный подход в отношении языка говорящих на нем субъектов. Постулируем следующую закономерность: *в какой язык вкладываются ресурсы, тот язык и развивается, и развивается он в той мере, в какой в него вкладываются ресурсы*. То есть если прикладываются усилия и тратится время учебы на изучение языка, финансово поощряется написание учебных пособий на нём, создается тренд и финансируется написание художественных и публицистических произведений на этом языке, официально-деловых и научных текстов, изучается его литературное наследие, создаются словари и корпуса и т. д., то язык увеличивается в отношении дискурсов, расширяется в отношении количества лексических единиц и оборотов,

углубляется в отношении семантико-смысловой ёмкости. Языковой материал на нём обогащается, обогащается и система, позволяющая в речевой деятельности артикулировать самые разнообразные смыслы. Если в язык не вкладывают ресурсов, он, напротив, сворачивается и сводится к обыденным формам устного общения.

Заметим, что под выражением «вкладываться в язык» мы понимаем вложение ресурсов именно в языковое развитие: написание литературы на языке, разработку словообразовательных средств, словотворчество в соответствии с традициями и инновациями и т. д. — все это с *минимальными ограничениями в ходе нормализации языка*. Ограничительная, «субтрактивная» нормализация, нацеленная на исключение из словарей лексики, не соответствующей тем или иным жёстким нормам, на ограничение хождения тех или иных выражений простым фактом отказа от их регистрации в словарях, не способствует языковому развитию. В России, к сожалению, на протяжении десятилетий доминировала эта тенденция, именно поэтому академические словари русского языка содержат значительно меньше единиц языка, чем их бытует в реальности. То есть языковой материал недостаточно эффективно обрабатывается, из языковой системы легкомысленно отсеиваются ценные единицы речевого опыта. Этому есть много подтверждений, приведём здесь хотя бы факт значительно большего объема лексических единиц по сравнению с обычными словарями в переводческих ресурсах, на которых пользователи могут самостоятельно добавлять адекватные переводные эквиваленты, например, в multitran.ru. Отказ от включения в словари лексики абстрактного, духовного плана на основании ее якобы «архаичности», а также окказиональных, хотя и удачных, продуктов словотворчества вредит языковому развитию. Негативный эффект ограничительной нормализации состоит также в том, что она не расширяет словообразовательных и синтаксических возможностей языка; в словарях и справочниках не фиксируются словоупотребления, «разламывающие» негибкие лексико-грамматические парадигмы так называемых недостаточных глаголов, существительных, прилагательных, а отсутствие образцов словоупотребления может вести к значительному количеству единиц, которые возможно употребить только в определённых ограниченных формах и контекстах. Слов с неполной парадигмой, недостаточными формами и ограниченным словоупотреблением в русском языке, к сожалению, много больше, чем в гибком и многообразном английском.

Если мы предпочитаем вкладывать ресурсы в иностранный язык — точнее, в т. н. «глобальный» английский язык, то мы, как и другие страны мира, способствуем его обогащению, «разбуханию» дискурсов на нём, а также его закреплению в различных сферах социального взаимодействия, ранее обслуживаемых национальными языками. Если же мы пойдём наперекор навязанной лингвистической моде и начнем вкладываться в развитие национальных языков, то, соответственно, будет обогащаться их языковой материал, языковая система и речь (дискурсы).

Список литературы

1. Аверкій, архим. Духовность и душевность. — Мюнхенъ, 1949. — 12 с. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Averkij_Taushev/duhovnost-i-dushevnost/ Дата обращения 29.07.2018 г.

2. Ахманова, О. С. Терминология лингвистическая / О. С. Ахманова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 509.

3. Биржакова, Е. Э., Воинова, А. А., Кутина, Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка VIII в. Языковые контакты и заимствования. — Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1972. — С. 259.

4. Будейко, В. Э. Ментальные репрезентации в русских азбучных дериватах / В. Э. Будейко // Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII: Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: материалы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике. 22—24.05.2014 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев; отв. ред. Е. И. Голованова. М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Челябинск. гос. ун-т, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. М.: Ин-т языкознания РАН; — Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина; Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2014. — С. 290—293.

5. Будейко, В. Э. Гносеологическая характеристика словаря русских алфавитных дериватов / В. Э. Будейко // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск (ИА и ЭСО РАН). 2014. — № 3 (45). — С. 71—72.

6. Васильева, Н. В. Термин / Н. В. Васильева // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 508—509.

7. Ганшина, К. А. Французско-русский словарь. — М.: Рус. язык, 1987. — 963 с.: табл.

8. Гаршин, И. Постановка проблемы: зачем нужен мировой плановый язык? // URL: http://www.garshin.ru/linguistics/model/crealinguistics.html#_why (01.11.2018).

9. Гринев-Гриневич, С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневич. — М.: Академия, 2008. — 304 с.

10. Ильин, И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Взгляд в даль. Книга размышлений и упований. — М.: Рус. кн., 1998. — 573 с.

11. Иоанн (Снычев). Одоление смуты: Слово к Русскому Народу. СПб.: «Царское Дело», 1995. — 352 с.

12. Кожинов, В. В. Россия. Век XX-й. (1901—1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. Опыт беспристрастного исследования. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 448 с.

13. Колесов, В. В. Философия русского слова. — СПб.: ЮНА, 2002. — 448 с.

14. Кубрякова, Е. С. Деривация / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 129—130.

15. Киреевский, И. В. О характере просвещения Европы. // Критика и эстетика. — М.: Искусство, 1979. — 456 с.

16. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. Изд. 3-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 256 с.

17. Леонтьев, К. Н. Храм и Церковь / Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891). — М.: Изд-во АСТ, 2003. — 636, [4] с.

18. Мещерский, Н. А. История русского литературного языка. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. — 280 с.

19. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/

20. Пиперски, А. Ч. Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2017. — 223 с.

21. РНС — Русско-немецкий словарь. Ок. 53 000 слов / под ред. Е. И. Лепинг, Н. П. Страховой, К. Лейна, Р. Эккерта. — М.: Изд-во «Русский язык», 1978. — 847 с.: табл.

22. Серебренников, Б. А. Законы развития языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 159—160.

23. Славятинская, М. Н. Греческий язык // Православная энциклопедия / Под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006 — Т. XII. — С. 436—443.

24. Степанов, Ю. С. Язык. Причина и Цель Эволюции. / Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр., доп. — М.: Академический Проект, 2001. — С. 903—972.

25. СЭСРЯ — Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. Редколлегия: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 696 с.

26. Ухтомский, А. А. Доминанта. — СПб.: «Питер», 2002. — 448 с.

27. Хомяковъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. Изд. 3. — М., 1886. — Т. 2. — С. 5—107.

28. Шанский, Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, испр., доп. / Под ред. С. Г. Бархударова. — М.: Просвещение, 1971. — 541 с.

29. Шаповалова, О. А. Этимологический словарь русского языка. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. — 240 с.

30. Шелестюк, Е. В. Английский язык как инструмент вестернизации // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сборник материалов II Международной научной конференции. Челябинск, 4—5 апреля 2013 г. / под ред. В. Г. Будыкиной. — Т. 2. — Челябинск: Энциклопедия, 2013. — 355 с. — С. 143—151.

31. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст]: Сборник работ / Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; АН СССР. — Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1974. — 428 с.

32. Юдин, Э. Г. Развитие // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Сов. энциклопедия, 1975. — Т. 21 (Проба — Ременсы). — 639 с.

Сведения об авторах

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. shelestiuk@yandex.ru

Будейко Валерий Эдуардович — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. boudeyko@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 159—171.

LANGUAGE DEVELOPMENT: A PHILOSOPHICAL LINGUISTIC APPROACH

E.V. Shelestyuk
Chelyabinsk State University, shelestiuk@yandex.ru

V.E. Boudeyko
Chelyabinsk State University, boudeyko@yandex.ru

The article presents the concept of language development, linguistic-constructivist teleology, the notion of developed language, including as applied to the language of international communication. The philosophical, methodological, linguistic criticism of the concept «development» is presented. With regard to language development, three aspects of the language are considered from L. V. Scherba's position: speech activity, language system and language material. We also consider three functions of speech activity according to V. V. Kolesov: communication, translation and transmutation. The properties of a developed language are highlighted, the question of the controversy of using a developed living language as a language of international communication is raised. The characteristics of language evolution and involution are determined. The importance of the activism and purposefulness of language development as a subjective factor of the process under study is indicated. The negative impact of restrictive, «subtractive» normalization of the language is emphasized.

Keywords: *development, language development, methodology, science, signs, derivation, derivatives, term, understanding.*

References

1. Ahmanova, O.S. Terminologija lingvisticheskaja (Linguistic Terminology) / O. S. Ahmanova // *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' (Linguistic Encyclopedic Dictionary)* / Ed.-in-Chief V. N. Jarceva. — M.: Sovetslaya enciklopedija, 1990. — P. 509.

2. Averky, Archmandrite. *Duhovnost' i dushevnost' (Spirituality and soulfulness).* — Munich, 1949. — 12 p. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Averkij_Taushev/duhovnost-i-dushevnost/(29.07.2018).

3. Birzhakova, E.Je., Voinova, A.A., Kutina, L.L. Ocherki po istoricheskoj leksikologii russkogo jazyka (Essays on the Historical Lexicology of the Russian Language) // *Jazykovye kontakty i zaimstvovanija (Language contacts and borrowing).* VIII V. — L.: Izd-vo «Nauka», Leningradskoe otdelenie, 1972. — P. 259.

4. Boudeyko, V.E. Gnoseologicheskaja harakteristika slovarja russkih alfavitnyh derivatov (Gnoseological characteristic of the dictionary of Russian alphabetic derivatives) / V. E. Boudeyko // *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture).* Moscow; Magnitogorsk; Novosibirsk. 2014. — № 3 (45). — Pp. 71—72.

5. Boudeyko, V.E. Mental'nye reprezentacii v russkih azbuchnyh derivatah (Mental representations in Russian alphabetical derivatives) / V. E. Boudeyko // *Kognitivnye issledovanija jazyka: Jazyk, poznanie, kul'tura: metodologija kognitivnyh issledovanij (Language, cognition, culture: methodology of cognitive research)*: Materials of the Intern. Congress on Cognitive Linguistics. Issue XVIII. 22—24.05.2014. Eds. N.N. Boldyrev;

E.I. Golovanova. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Tambov: Tambov State University, Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2014. — Pp. 290—293.

6. Ganshina, K.A. *Francuzsko-russkij slovar' (French-Russian Dictionary).* — Moscow: Rus. jazyk, 1987. — 963 p.: tabl.

7. Garshin, I. *Postanovka problemy: zachem nuzhen mirovoj planovyj jazyk? (Problem statement: why is the world planned language needed?)* // URL: http://www.garshin.ru/linguistics/model/crealinguistics.html#_why (01.11.2018).

8. Grinev-Grinevich, S.V. *Terminovedenie (Terminology Studies)* / S. V. Grinev-Grinevich. — M.: Akademija, 2008. — 304 p.

9. Ilyin, I.A. Collected Works: 10 Vols. V. 8. *Vzgljad v dal'. Kniga razmyshlenij i upovanij (Look into the distance. The book of reflection and hope).* — M.: Russkaya kniga, 1998. —573 p.

10. Ioann (Snychev). *Odolenie smuty: Slovo k Russkomu Narodu (Overcoming distemper: A word to the Russian people).* SPb.: «Carskoe Delo», 1995. — 352 p.

11. Khomyakov, A.S. *Complete works.* Ed. 3. — M., 1886. — V. 2. — Pp. 5—107.

12. Kireevskij, I.V. O haraktere prosveshhenija Evropy (On the nature of the enlightenment of Europe) // *Kritika i jestetika (Criticism and aesthetics).* — M.: Iskusstvo, 1979. — 456 p.

13. Kolesov, V. V. *Filosofija russkogo slova (The philosophy of the Russian word).* — SPb.: JNA, 2002. — 448 p.

14. Kozhinov, V.V. *Rossija. Vek XX-j. (Russia. XXth Century).* Istorija strany ot 1901 goda do «zagadochnogo» 1937 goda. Opyt bespristrastnogo issledovanija. — Moscow: Publishing house EKSMO-Press, 2002. — 448 p.

15. Kubrjakova, E.S. Derivacija (Derivation) / E. S. Kubryakova, Yu. G. Pankrats // *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' (Linguistic Encyclopedic Dictionary)* / ch. ed. V. N. Yartseva. — M.: Sov. Encyclopedia, 1990. Pp. 129—130.

16. Lejchik, V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura (Terminology studies: subject, methods, structure)* / V. M. Lejchik. 3rd ed. — M.: LKI, 2007. — 256 p.

17. Leont'ev, K.N. *Hram i Cerkov' (The Temple and the Church)* / Konstantin Nikolaevich Leont'ev (1831—1891). — M.: AST, 2003. — 636 [4] p.

18. Meshherskij, N.A. *Istorija russkogo literaturnogo jazyka (*A History of the Russian literary language). — L.: Publishing House of Leningrad. Univ., 1981. — 280 p.

19. NKRYa — *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka (National Corpus of the Russian language).* URL: http://www. ruscorpora.ru/

20. Piperski, A.Ch. *Konstruirovanie jazykov: Ot jesperanto do dotrakijskogo (Language Design: From Esperanto to Dothraki).* — Moscow: Alpina non-fiction, 2017. — 223 p.

21. RNS — *Russko-nemeckij slovar' (Russian-German dictionary).* 53 000 words / ed. E. I. Leping, N. P. Strakhovoi, K. Lane, R. Eckert. — M.: Publishing house «Russian language», 1978. — 847 p.

22. Scherba, L.V. *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' (Language System and Speech Activity)* [Text]: Work Collection / Ed. L. R. Zinder, M. I. Matusevich; Academy of Sciences of the USSR. — Leningrad: Nauka. Leningrad branch, 1974. — 428 p.

23. Serebrennikov, B.A. Zakony razvitija jazyka (Laws of language development) // *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' (Linguistic Encyclopedic Dictionary)* / ch. ed. V. N. Yartseva. — M.: Sov. Encyclopedia, 1990. — Pp. 159—160.

24. SESRYA — *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka (Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language*) / Ed. M. N. Kozhina, E. A. Bazhenova, M. P. Kotjurova, A. P. Skovorodnikov. — M.: Flinta: Nauka, 2003. — 696 p.

25. Shansky, N. M. and others. *Kratkij jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka (A brief etymological dictionary of the Russian language).* Ed. 2nd, Corr., Ext. / Ed. S. G. Barkhudarova. — M.: Prosveshhenie, 1971. — 541 p.

26. Shapovalova, O.A. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka (Etymological dictionary of the Russian language).* — Rostov-on-Don: Phoenix, 2009. — 240 p.

27. Shelestyuk, E.V. Anglijskij jazyk kak instrument vesternizacii (English as a tool of westernization) // *Sud'by nacional'nyh kul'tur v uslovijah globalizacii (The fate of national cultures in the context of*

globalization). A collection of materials of the II International Scientific Conference. Chelyabinsk, April 4—5, 2013 / Under the editorship of V. G. Budykina. — Vol. 2. — Chelyabinsk: Encyclopedia, 2013. — 355 p. — Pp. 143—151.

28. Slavjatinskaja, M.N. Grecheskij jazyk (The Greek language) // *Pravoslavnaja jenciklopedija (Orthodox Encyclopedia)* / Ed. Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. — M.: Central Scientific Research Center «Orthodox Encyclopedia», 2006 — T.XII. — Pp.436—443.

29. Stepanov, Ju.S. Jazyk. Prichina i Cel' Jevoljucii (Language. The Cause and Purpose of Evolution) / *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury (Constants: Dictionary of Russian culture).* Ed. 2nd, Corr., Ext. — Moscow: Academic Project, 2001. — Pp. 903—972.

30. Uhtomskij, A.A. *Dominanta (Dominant).* — SPb.: «Piter», 2002. — 448 p.

31. Vasil'eva, N.V. Termin (Term) / N. V. Vasil'eva // *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' (Linguistic Encyclopedic Dictionary)* / Ch. ed. V. N. Yartseva. — Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1990. — p. 508—509.

32. Yudin, E.G. Razvitie (Development) // Bol'shaja sovetskaja enciklopedija (The Great Soviet Encyclopedia) / Ch. ed. A.M. Prokhorov. — M.: Sovetskaja encyclopedia, 1975. — Vol. 21.

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 172—177.

УДК 81'25:728.51
ББК 81.18

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10125

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НЕОЛОГИЗМОВ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Г. А. Шушарина
Комсомольский-на Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия

В ходе исследования были рассмотрены особенности словообразования и способов перевода неологизмов в терминологической системе компьютерных технологий. В результате анализа текстов различных интернет-изданий компьютерной тематики были выявлены способы словообразования неологизмов и определены переводческие трансформации, использованные при их переводе на русский язык.

Ключевые слова: *словообразование, перевод, неологизм, переводческая трансформация.*

В современном мире происходят стремительные изменения в сфере глобальных средств коммуникаций, число активных пользователей которых во всем мире увеличивается революционными темпами. Информационные технологии стали одной из движущих сил происходящих в обществе изменений. Под термином «информационные технологии» имеем в виду совокупность программно-технических средств вычислительной техники, а также приемов, способов и методов их применения для выполнения функций сбора, хранения, обработки, передачи и использования информации в конкретных предметных областях.

Лексика — наиболее подвижная часть языка, которая постоянно обновляется, реагирует на изменения в окружающей действительности, т. е. «развивается вместе с жизнью» [4]. Сказанное определяет актуальность данной статьи, которая посвящена осмыслению транслатологических особенностей, обнаруженных в результате анализа переводов материалов сферы компьютерных технологий в языковой паре английский — русский, и выявлению эффективных переводческих стратегий. Предмет исследования составили переводческие трансформации неологизмов.

Лингвистические характеристики неологизмов активно изучаются отечественными и зарубежными лингвистами (Н. М. Шанский, Д. Герберг и др.). В связи с этим в лингвистической науке существует множество определений неологизма, что объясняется различием выделяемых критериев. Имеющиеся определения основаны на следующих критериях: 1) пространственно-временной критерий, подтверждающий возникновение и функционирование неологизма в конкретный период развития общества, на определенном этапе развития языка в той или иной языковой сфере и его отсутствие в непосредственно предшествующий период; 2) психолингвистический критерий, который подчеркивает ощущение носителями языка новизны слова; 3) функциональный критерий, обращающий внимание на выявление слов, созданных для обозначения нового, не известного ранее понятия, реалии или значения; 4) социолингвистический критерий, принимающий во внимание социальную детерминированность появления нового слова, общественную роль обозначаемого; 5) лексикографический критерий — отсутствие слова или его значения в имеющихся современных словарях и последующее словарное представление неологизмов, т. е. их фиксация в неографических источниках; 6) статистический критерий, учитывающий частотность употребления новаций [9].

Н. М. Шанский определяет «неологизмы» как «новые лексические образования, которые возникают в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления, сохраняют ощущение новизны для носителей языка и которые еще не вошли или не входили в общелитературное употребление» [10. С. 158].

Немецкий лингвист Д. Герберг считает, что слово является неологизмом, если: «1) его форма и содержание или 2) только содержание в какой-то момент времени и в течение определенного времени воспринимаются большинством носителей языка как новое» [11. С. 74].

В качестве рабочего определения неологизма в данном исследовании считаем: неологизмы —

слова, значения и сочетания, которые представляют собой лексические инновации данного временного отрезка, внешние и внутренние заимствования в нем, с одной стороны, а также слова и сочетания, ставшие актуальными в указанный период времени, с другой [9].

Неологизмы образуются по различным продуктивным словообразовательным моделям.

В результате анализа выявленных неологизмов в компьютерной сфере и сфере новых информационных технологий были определены следующие основные способы их словообразования: аффиксация, словосложение, конверсия, образование акронима, конечное усечение, начальное усечение, полусокращение, словослияние и вторичная номинация в результате переосмысления уже существующего значения слова. Далее рассмотрим наиболее иллюстративные примеры каждой группы. Материал исследования был собран студентом Комсомольского-на-Амуре государственного университета М. Е. Егоровым.

Аффиксация — это довольно распространённый способ словообразования, заключающийся в образовании новых слов из существующих в языке морфем по продуктивным моделям (суффиксация, префиксация, префиксально-суффиксальный способ). Ярким примером слова, образованного данным способом, является существительное «blogger», которое получено с помощью прибавления суффикса «er» к основе «blog». При этом происходит удвоение корневого согласного «g». Имя существительное «microdrone» образовалось в результате прибавления префикса «micro-» к основе «drone». Ещё одним примером образования слова путём прибавления префикса к основе может служить слово «nanosatellite». Здесь префикс «nano-» прибавляется к основе «satellite».

Словосложение также является продуктивным способом словообразования. Так, существительное «Bitcoin» образовалось в результате сложения двух простых основ «bit» и «coin». Таким же образом получено слово «chatbot»: сложение двух простых основ «chat» и «bot».

Конверсия характерна для английского языка ввиду аналитического характера его строя. Глаголы «to facebook» и «to google» образовались в результате конверсии собственных имён существительных «Facebook» и «Google» соответственно. Имя существительное «redirect» получено в результате конверсии глагола «to redirect».

Примером образования акронима может служить неологизм «2FA», который образован от исходного словосочетания «two-factor authentication». При этом вместо первой буквы используется символьное обозначение цифры два.

Другими примерами акронимов являются термины «AR» и «IoT», образованные от словосочетаний «augmented reality» и «Internet of Things» соответственно.

Примером сокращения может служить неологизм «blog», который получен в результате начального усечения термина «Weblog».

Полусокращения являются специфическим английским подтипом сокращений. Примерами полусокращений могут служить такие термины, как «e-book» или «e-commerce». Здесь акроним «e» (electronic) сочетается с полными основами слов «book» и «commerce» соответственно.

Примером образования нового термина с помощью словослияния может служить термин «clickjacking». В данном случае происходит слияние основы «click» и части основы «hijacking». Ещё одним примером данного вида словообразования является неологизм «cryptocurrency», в котором происходит слияние фрагмента основы слова «cryptographic» и основы «currency». Оба неологизма образованы с помощью приёма амальгамирования, так как исходные основы в своём звуковом составе не имеют общих членов.

Как было отмечено выше, вторичная номинация примечательна тем, что происходит изменение значения уже существующего слова. Например, в настоящее время слово «cloud» — облако, применительно к терминологической системе компьютерных технологий обозначает сервер (или группу серверов), на котором пользователь сети Интернет хранит информацию или производит вычисления. Имя существительное «drone» может употребляться не только в значении «трутень», но и для обозначения беспилотного летательного аппарата.

Довольно часто результатом вторичной номинации является расширение сочетаемости слова с другими словами. Так, в словосочетании «computer vision» сочетаемость данных слов стала возможной благодаря разработке машин, способных производить обнаружение, отслеживание и классификацию различных объектов. Коллокация слов в термине «autonomous vehicle» уместна вследствие разработки транспортных средств, управляемых системами искусственного интеллекта.

В силу своих особенностей перевод неологизмов представляет определённую трудность для переводчика, т. к., сталкиваясь в своей практике с неологизмами в тексте и не имея возможности обнаружить

их в специализированной справочной литературе, переводчик может не понять, какое значение несет в себе данное слово или выражение. Исследователи отмечают, что «эти сложности при переводе приводят к тому, что приходится прибегать к заменам. Замены терминов-неологизмов при переводе технического текста могут также внести дополнительные сложности, а именно — недостаточно точно описать эксперимент, неверно передать данные и вообще основную идею автора. Это может быть результатом того, что использование неологизма было сопряжено с нарушением норм перевода языка и стилистического единства оригинала, и перевода» [6. С. 175]. И. В. Стрелецкая и Е. В. Новаковская в этой связи делают вывод: «переводим понятия, лежащие в смысловой основе высказывания, а не слова. Этим выводом пользуются все без исключения профессиональные переводчики» [8].

Перевод — это вид деятельности, при котором происходит вариативное перевыражение, перекодирование текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке. Эта деятельность осуществляется переводчиком, который творчески выбирает вариант перевода в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, его задач, типа текста и т. д. Процесс выполнения перевода может быть описан различными методами. Одним из них является метод описания процесса перевода с помощью переводческих трансформаций, смысл которых Р. К. Миньяр-Белоручев понимает в «изменении формальных (лексические и грамматические преобразования) или семантических (семантические преобразования) компонентов исходного текста» [3].

Определяя выбор необходимых трансформаций при переводе, «переводчику необходимо помнить о структуре языка и употреблять в связи с этим определенные синтаксические и лексические конструкции» [1. С. 305].

Данная статья основана на классификации переводческих трансформаций, предложенной В. Н. Комиссаровым [2. С. 159]. Согласно его концепции, все переводческие трансформации подразделяются на лексические, грамматические и лексико-грамматические. Стоит отметить, что и многие другие ученые-теоретики перевода имеют по этому вопросу схожую с ним точку зрения.

Рассмотрим применение лексических трансформаций при переводе неологизмов. Среди указанных трансформаций были выделены: переводческая транскрипция, переводческая транслитерация, переводческое калькирование, лексико-семантические замены, описательный перевод.

Характерными примерами использования переводческой транскрипции являются такие неологизмы, как *bitcoin, crowdsale, lootbox* и *startup*, которые соответственно переводятся как *биткоин, краудсейл, лутбокс и стартап*. При этом переведённые термины воспроизводят звучание слов оригинала: *There will not be* ***loot boxes****, and there will not be Pay-to-Win types of microtransactions. There will be things like the accessories in Metal Gear Online, and Forward Operating Base in MGSV: The Phantom Pain* (URL: http:// wccftech.com). — *Здесь не будет ни лутбоксов, ни каких-либо видов pay-to-win. Вместо них в игре присутствуют аксессуары — вроде тех, что были в Metal Gear Online, — и база, подобная той, что была в Metal Gear Solid V: The Phantom Pain* (URL: http:// 3dnews.ru)*; When a new token is created, it is often pre-mined, sold in a* ***crowdsale****/token launch, or both* (URL: http://news.earn.com). — *При создании нового токена он часто предварительно майнится и продается при запуске токена, краудсейлом или обоими способами* (URL: http:// habrahabr.ru).

В некоторых случаях при применении данного приёма исходные термины несколько адаптируются под языковые нормы нового языка. К примеру, термин «to google» часто переводится варваризмом «гуглить», а неологизм «to mine» — «майнить»: *I decided to see how practical it would be* ***to mine*** *Bitcoin with pencil and paper* (URL: http:// righto.com). — *В один прекрасный момент мне захотелось прикинуть, насколько быстро можно майнить биткойны вручную* (URL: http:// habrahabr.ru).

Переводческая транслитерация специфична тем, что в переводимых словах сохраняется графическая, часто непроизносимая, форма оригинала. С помощью переводческой транслитерации переведены такие неологизмы, как *blogger — блогер, hypervisor —гипервизор и redirect — редирект: Hyperconverged platforms include a* ***hypervisor*** *for virtualized computing, software-defined storage, and virtualized networking, and they typically run on standard off-the-shelf servers* (URL: http://www.computerworld.ru). — *Гиперконвергентные платформы, как правило, работают на серверах массовой архитектуры и включают в свой состав гипервизор для виртуальных вычислений, программно-конфигурируемые системы хранения* (URL: http://www.computerworld.ru). *Определенный интерес представляет правописание перевода слова blogger на русский язык. Ранее перевод слова писался с удвоенным согласным (блоггер), однако, на современном этапе слово* пишется с одной буквой «г» (блогер) [7]. Ученые

ссылаются на то, что это слово подчинилось законам русского языка, которые не предполагают появление второй согласной в словоформах, образованных от корней с одной согласной.

При использовании переводческого калькирования переводится каждый элемент исходного слова или словосочетания. Этот приём использован в таких неологизмах, как *2FA (two-factor authentication) — двухфакторная аутентификация, cloud architecture — облачная архитектура и computer vision — компьютерное зрение*: *It's a fact that* ***cloud architectures*** *will evolve in the new few years, and new patterns will emerge as well. New names will come; too, I'm sure* (URL: http:// www.infoworld.com). — *Ведь в ближайшие годы облачные архитектуры продолжат эволюционировать, появятся новые схемы использования и, само собой, возникнут очередные термины* (URL: http:// www.computerworld.ru)*; These are the problems that plague digital advertising, as Eich sees it, and he wants to solve them as so many technologists today want to solve so many problems: by issuing a* ***digital token*** *on a blockchain* (URL: http:// www.americanbanker.com). — *Эйх считает, что все эти проблемы наносят урон диджитал-рекламе. Ему хотелось бы найти решение, поскольку сейчас много новых технологий решающих множество таких проблем: например, путём выпуска цифровых токенов в блокчейн* (URL: http://www. geektimes.ru).

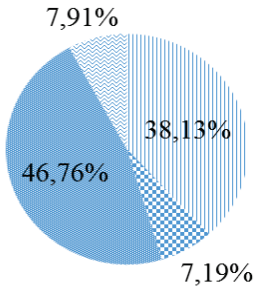
При использовании модуляции исходное слово или словосочетание заменяется по некоторым логическим соображениям. Иными словами, при переводе происходит более глубокое толкование той или иной лексической единицы, в результате чего переводчик логически выводит слово или словосочетание на языке перевода, которое является для исходной единицы контекстуальным синонимом [5]. Так, при переводе термина «digital ad» (онлайн-реклама) учитывается тот факт, что в настоящее время реклама часто размещается в цифровом виде в сети Интернет, иными словами — «онлайн». При переводе неологизма «machine-written content» (автоматически генерируемый контент) переводчик сделал логический акцент на том, что созданный искусственным интеллектом текст генерируется автоматически: *In 2016, you'll be reading (and interacting with) lots more machine-written content* (URL: http:// venturebeat.com). — *В 2016 году вы будете потреблять гораздо больше автоматически генерируемого контента* (URL: http:// habrahabr.ru).

Кроме лексических трансформаций переводчики активно используют грамматические трансформации, а именно, грамматические замены. Необходимость их применения обусловлена своеобразием каждого из двух языков. Например, при переводе словосочетания *facial recognition — распознавание лиц* происходит замена прилагательного *facial* (лицевой), на существительное множественного числа родительного падежа — *лиц*. Ещё одним примером данной переводческой трансформации может служить перевод термина *integration script —интеграционный скрипт*, при котором существительное *integration* (интеграция) заменяется на прилагательное *интеграционный*: *And in 2012, Google and Stanford researchers developed a brain-like neural network for* ***facial recognition*** (URL: http:// www.pcworld.com). — *А в 2012 году исследователи из Google и Стэнфордского университета создали нейронную сеть для распознавания лиц, действующую по аналогии с мозгом* (URL: http:// www.computerworld.ru)*; The prime example of this is checkout.is,* ***the integration script*** *for our entire checkout experience, which allows merchants to embed our button and checkout flow seamlessly into their sites* (URL: http:// medium.com). — *Яркий пример — checkout.is, интеграционный скрипт, полностью охватывающий процесс оформления и оплаты заказа с помощью нашего сервиса, позволяющий мерчантам очень просто и непринужденно встраивать нашу кнопку и механизм оформления заказа в свои сайты* (URL: http:// geektimes.ru).

В тех случаях, когда переводчику не удаётся подобрать эквивалентный термин для перевода, применяется приём описательного перевода, т. е. используются лексико-грамматические трансформации, в результате чего исходная лексическая единица языка оригинала заменяется на словосочетание, раскрывающее её значение. Так глагол *to lifestream* переводится как *вещать в режиме он-лайн*, термин *middleware* описывается как *связующее программное обеспечение*, а слово *ransomware* — как *программа-вымогатель: Real-time updates have led to an increase in the number of people who are now lifecasting or* ***lifestreaming****virtually everything they do* (URL: http:// webdesignerdepot.com). — *Обновления в реальном времени стали причиной того, что многие люди начали вещать в режиме он-лайн все то, что они делают* (URL: http:// geektimes.ru)*; But the signature is only released after the user verifies his presence by clicking a button on the screen, displayed by Intel's Online Connect* ***middleware*** (URL: http:// pcworld.com)**.** — *Подпись проставляется после того, как пользователь уведомляет о своем присутствии нажатием специальной кнопки на экране. Кнопку эту выводит связующее*

программное обеспечение *Intel Online Connect* (URL: http:// www.computerworld.ru)*; Merza gave the example of a typical piece of* ***ransomware****: «We know certain domains were being utilised and being generated by a domain algorithm* (URL: http:// www.computerworld.ru)*. — Возьмем типичный пример программы-вымогателя. Мы знаем, какие домены при этом задействованы и как они генерируются специальным алгоритмом* (URL: http:// www.computerworld.ru).

Таким образом, неологизмы в компьютерном дискурсе являются важным характерологическим средством, отражающим изменения, происходящие как в самом языке, так и информационной жизни общества. Словообразовательные новации и современные переводческие решения заключаются в изменении продуктивности моделей, уже существующих в языке, что отражает общекультурные тенденции современного общества. В результате проделанной работы было установлено, что в терминологической системе компьютерных технологий большинство неологизмов появляется в результате лексико-семантического словообразования, преобладающим способом перевода является переводческое калькирование и переводческая транскрипция.



Наиболее частотные трансформации:
38,13 % — переводческая транскрипция;
7,19 % — переводческая транслитерация;
46,76 % — переводческое калькирование;
7,91 % — модуляция

Список литературы

1. Галеева, Т. И., Казиахмедова, С. Х. Актуальные требования к адекватному переводу официально-делового текста / Т. И. Галеева, С. Х. Казиахмедова, Е. А. Янова // Вестник Удмуртского университета. — 2017. — Т. 27. Вып. 2. — С. 304—314.
2. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. — М.: Р. Валент, 2011.
3. Миньяр-Белоручев, Р. К. Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. — М.: Московский лицей, 1996.
4. Москалёва, М. В. Неологизмы и проблема их изучения в современном русском языке / М. В. Москалева // URL: http://cyberleninka.ru/article/v/neologizmy-i-problema-ih-izucheniya-v-sovremennom-russkom-yazyke.
5. Рыбин, П. В. Теория перевода. Курс лекций / П. В. Рыбин. — М.: МГЮА, 2007.
6. Сизова, Н. З., Березина, И. А. Некоторые особенности употребления авторского неологизма и перевода его значения с русского языка на английский в контексте технического текста / Н. З. Сизова, И. А. Березина, И. П. Касека // URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_25432136_11839883.pd.
7. Справочно-информационный портал Грамота.ру // URL: http://gramota.ru/
8. Стрелецкая, И. В., Новаковская, Е. В. Некоторые особенности перевода экономических текстов с английского языка на русский / И. В. Стрелецкая, Е. В. Новаковская // Мир современной науки. — 2011. — № 6. — URL: http://стройков.рф/translation_scientific_papers.html.
9. Тугуз, Э. А. Лингводискурсивные особенности неологизмов в спортивном дискурсе (на материале английского языка) / Э. А. Тугуз // URL: http://cheloveknauka.com/lingvodiskursivnye-osobennosti-neologizmov-v-sportivnom-diskurse#ixzz5Ix3SQs2U.
10. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. — М., 1964.
11. Herberg, D. Neuer Wortschatz Neologismen der 90-er Jahre im Deutschen / D. Herberg. — Berlin: Walterde Gruyter, 2004. — URL: http://cheloveknauka.com/lingvodiskursivnye-osobennosti-neologizmov-v-sportivnom-diskurse#ixzz5Ix3IDcUd.

Сведения об авторе

Шушарина Галина Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет. Комсомольск-на-Амуре, Россия. galinalmk@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 172—177.

WAYS OF TRANSLATING NEOLOGISMS IN THE SPHERE OF IT TECHNOLOGIES

G.A. Shusharina
Komsomolsk-on-Amur State University Komsomolsk-on-Amur, Russia. galinalmk@yandex.ru

The article presents an analysis of one of the most dynamically growing spheres of translation — translation in IT, namely ways of neologism translation. Undoubtedly, the Internet is the main source of information retrieval and one should pay great attention to the language content. Neologisms in computer discourse are an important characteristic feature that reflects the changes occurring both in the language itself and in the information society life. During the research, the peculiarities of word formation and ways of translating neologisms into the terminological system of computer technologies were considered. When analyzing texts of various Internet editions of computer subjects, ways of word formation of neologisms were revealed, and the transformations used in their translation into the Russian language were determined. Among the frequently used ways of translating, the author singles out translation transcription, translation transliteration, translation loan words.

Keywords: *word formation, translation, neologism, translation transformation.*

References

1. Galeeva T.I., Kaziahmedova S.H. Aktual'nye trebovaniya k adekvatnomu perevodu oficial'no-delovogo teksta [Current requirements for an adequate translation of official business text]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt State University], 2017, vol.27 (2), pp. 304—314. (In Russ.).
2. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translating theory]. Moscow: R. Valent, 2011. (In Russ.).
3. Min'yar-Beloruchev R.K. *Teoriya i metody perevoda* [Theory and methods of translation]. M.: Moskovskij licej, 1996. (In Russ.).
4. Moskalyova M.V. Neologizmy i problema ih izucheniya v sovremennom russkom yazyke [Neologisms and the problem of their study in Russian]. Available at: URL: http://cyberleninka.ru/article/v/neologizmy-i-problema-ih-izucheniya-v-sovremennom-russkom-yazyke, accessed 12.06.2018. (In Russ.).
5. Rybin P.V. *Teoriya perevoda. Kurs lekcij* [Theory of translation. Lectures]. M.: MGYUA, 2007. (In Russ.).
6. Sizova N.Z., Berezina I.A. Nekotorye osobennosti upotrebleniya avtorskogo neologizma i perevoda ego znacheniya s russkogo yazyka na anglijskij v kontekste tekhnicheskogo teksta [Some peculiarities of using the author's neologism and translating its meaning from Russian into English in the context of technical text]. Available at: URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_25432136_11839883.pd, accessed 03.07.2018. (In Russ.).
7. Spravochno-informacionnyj-portal-gramota.ru [Reference portal gramota.ru].Available at: URL: http://gramota.ru/
8. Streleckaya I.V., Novakovskaya E.V. Nekotorye osobennosti perevoda ehkonomicheskih tekstov s anglijskogo yazyka na russkij [Some features of translating economic texts from English into Russian]. *Mir sovremennoj nauki* [The world of modern science], 2011, no. 6. Available at: URL: http://strojkov.rf/translation_scientific_papers.html, accessed 05.07.2018. (In Russ.).
9. Tuguz E.A. Lingvodiskursivnye osobennosti neologizmov v sportivnom diskurse (na materiale anglijskogo yazyka) [Linguistic and discourse features of neologisms in sport discourse дискурсе (on the material of the English language)]. Available at: URL: http:// /cheloveknauka.com/lingvodiskursivnye-osobennosti-neologizmov-v-sportivnom-diskurse#ixzz5Ix3SQs2U, accessed 12.06.2018. (In Russ.).
10. Shanskij N.M. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the modern Russian]. M., 1964. (In Russ.).
11. Herberg D. Neuer Wortschatz Neologismen der 90-er Jahre im Deutschen. Berlin: Walterde Gruyter, 2004, http://cheloveknauka.com/lingvodiskursivnye-osobennosti-neologizmov-v-sportivnom-diskurse#ixzz5Ix3IDcUd.

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 178—187.

УДК 811.112
ББК 81.2

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10126

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ И ИХ ПЕРЕДАЧА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА НЕМЕЦКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Н. В. Ященко

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

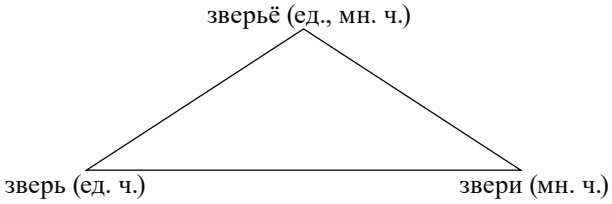
Статья посвящена сопоставительному исследованию собирательных имён существительных в русском, немецком и английском языках. Рассматриваются вопросы сходства и различия категории собирательности в разных языках, вопросы номинации, морфологическая структура собирательных имён, выделяются словообразовательные элементы с собирательным значением в трёх языках. Уделяется внимание вопросам передачи русских собирательных существительных в художественных текстах и словарях на английский и немецкий языки.

Ключевые слова: *категория собирательности, собирательные имена существительные русского, немецкого, английского языков, производное слово, метонимия, словообразование, переводческие соответствия.*

Категория собирательности представляется как «понятийная категория, выражающая трактовку некоторого множества как целостной, нечленимой совокупности однородных предметов» [15. С. 473]. Большая часть отечественных лингвистов отмечает, что категория собирательности совмещает в себе черты единичных и общих понятий. В языке это находит отражение в том, что категория собирательности смыкается, с одной стороны, с грамматической категорией числа, а с другой — с лексической категорией массы (типа «масло», «пух», «медь» и т. п.) [10. С. 473]. Вопрос об отнесении некоторых имён вещественных к собирательным именам существительным до сих пор остаётся открытым. Вещественные и собирательные существительные близки друг к другу. К кругу слов вещественного значения, располагающих формами только единственного числа, примыкают слова, обозначающие овощи, злаки, произрастания, ягоды: репа, морковь, картофель, малина, крыжовник, овес, сено, зелень и т. п. [1. С. 132]. Однако А. Н. Гвоздев относит подобные существительные к собирательным именам, в то время как другие исследователи, следуя за В. В. Виноградовым, причисляют их к вещественным [2. С. 160].

Итак, имена собирательные русского языка грамматически характеризуются отсутствием форм множественного числа, не могут сочетаться с количественными числительными, так как эти существительные не поддаются счёту. При них лишь могут употребляться неопределённо-количественные слова много, мало [14. С. 82].

А. А. Реформатский, исходя из того, что собирательные существительные представляют «по форме единственное», «по значению множественное число», представляет, что формообразование собирательного существительного имеет вид треугольника:



В таком треугольнике собирательное существительное соотносится с однокоренным словом, имеющим форму единственного и множественного числа. В некоторых случаях треугольник может быть построен на основе условных сопоставлений: молодой человек — молодые люди — молодёжь. Для некоторых слов в силу действия морфолого-семантических факторов треугольник вообще построить нельзя (бельё не всё белое) [8].

В германских языках, в частности в немецком и английском, собирательные существительные определяются как слова, единственное число которых охватывает несколько существ или вещей, выражая множественность [18; 20]. Некоторые германисты отмечают, что у собирательных су-

ществительных может образовываться форма множественного числа [3; 18; 19; 20].

Таким образом, в русском языке один из признаков собирательных существительных (отсутствие формы множественного числа) не находит отражения в германских языках: в немецком и английском языке собирательные существительные могут иметь форму множественного числа, а иногда и сами являются существительными во множественном числе.

Морфологическая структура собирательных имён может быть различной. И это можно проследить во всех трёх рассматриваемых языках. Это могут быть корневые слова (*хлам, сор, мусор*; *crowd, herd; die Jugend, der Kram*), слова с определёнными собирательными суффиксами (*бельё, листва, детвора, родня*; *baronage*, *piracy*; *das Birkicht, die Aristokratie*), также со словообразовательными средствами другой семантики в результате переноса значения (например, в слове *администрация — administration — die Administration* — суффикс *-ц*ij*/-tion* не обладает собирательной семантикой, собирательное значение появляется при метонимическом переносе имени действия). Кроме того, метафорический и метонимический переносы также служат для образования собирательных существительных во всех трёх языках (*весь город*).

Собирательные суффиксы относятся к словообразовательным, то есть они используются при образовании производных слов и могут выступать в качестве словообразовательного средства, или форманта [6. С. 242; 10. С. 171].

Производное слово определяется как слово, возникшее в результате аффиксального словообразования [6. С. 215]. Слова считаются производными только в том случае, если для них в языке есть соответствующая производящая основа [10. С. 171], то есть производное слово обязательно должно быть мотивировано другим словом, или соотноситься с ним формально и семантически.

Обобщая данные о собирательных суффиксах, освящённых в отечественной грамматике 1980 и в работах В. В. Виноградова и З. А. Потихи [1; 7; 9], в русском языке можно выделить большое количество суффиксов с собирательным значением: -(е)*ств-* (*духовенство, учительство*), *-j-* (*старьё, вороньё*), *-н'-* (*родня, волосня*), *-няк*/*-ник-* (*березняк, ельник*), *-в-* (*братва, листва*). Реже встречаются слова с суффиксами *-ат*/*(ат)ур*(а) (*пролетариат, аппаратура*), *-ур(а)/-юр(а)* (*доцентура, профессура*), *-щин/-чин-* (вторичное собирательное значение — *полицейщина, солдатчина*), *-от/-ет-* (от абстрактных понятий — *беднота, нищета*), *-ад/ -иада* (*аркада, олимпиада*), *-ик-* (*символика*), *-иан-* (*Чеховиана*), *-зиj/-циj-* (*буржуазия, интеллигенция*), *-ур/-атур-* (*профессура*), *-ариj-* (*инструментарий*), *тиj* и *т' j* (*бытие* и *бытьё*, *житие* и *житьё*, *питие* и *питьё*), *н' j* (*враньё, жраньё* (прост.), *тканьё, варенье, соленье*); *-иц(а)* (*конница, вольница*). В единичных случаях наблюдаются примеры с суффиксами *-ёжь* (*молодёжь*), *-итет (генералитет), -иньj* (ботвинья), *-ач* (*кедрач*), *-ар(а)/вор(а)* (*детвора, мошкара*), *-ярус* (*стеклярус*), *-изм* (*консонантизм*), *-аж* (*картонаж*), *-иль(я)* (*эскадрилья*), *-ай* (*урожай*).

Некоторые суффиксы русского языка имеют коннотацию. По мнению В. В. Виноградова, образования с суффиксом *-н'(а)* иногда имеют презрительно-просторечный оттенок (*матросня, солдатня*), однако не во всех случаях (*четверня, сотня, родня*). Этот суффикс сочетается с основами имён существительных или собирательных числительных [1. С. 111]. В. В. Виноградов полагает, что слова с суффиксом *-щин(а)/чин(а)* производятся часто от имён лиц, деятельность которых служит характерным признаком эпохи, режима, общественных явлений, идейных направлений или выражает их сущность (*обломовщина, карамазовщина, аракчеевщина*). [1. С. 119]

Также значение собирательности могут получать имена существительные, образованные от прилагательных с помощью нулевого суффикса: зелень, дичь, голь, погань, нечисть, гниль, сушь (сухая земля), (сухие ветки), рвань, прель. Существительные женского рода третьего склонения имеют собирательное значение: овощ — овощь (собир.), зерно — зернь (устар.) [9. С. 224].

Таким образом, к ядру поля собирательности в русском языке можно отнести следующие суффиксы: *-(е)ств(о); -j; -н' (а); -иан(а), ик(а), -иj; -ур(а)/атур(а); -в(а), -щин(а)/ чин(а); -от(а)/ет(а); -ежь; -иньj; -ар(а); -вор(а).* Такие суффиксы заключают в себе собирательное значение. Остальные суффиксы располагаются на периферии в разной степени удалённости от ядра.

Собирательные имена («*Kollektiva*», «*Kollektivum*», «*Sammelname*») немецкого языка также имеют ряд словообразовательных средств с собирательным значением. В большинстве грамматик выделяют следующие суффиксы с собирательным значением: *-schaft*, *-tum*, *-ei*/*-erei*, *-heit* [18; 19; 20]. В «Словаре словообразовательных элементов немецкого языка» насчитывается более двух десятков суффиксов с собирательным

значением [11]. М. Д. Степанова к продуктивным немецким суффиксам с собирательным значением относит суффиксы *-ei/-erei* (*die Aktei*), *-keit/-igkeit/-heit* (*die Menschheit*), *-tum* (*das Bürgertum*), *-schaft* (*die Ritterschaft*). Существительные с суффиксом *-igkeit* в собирательном значении употребляются во множественном числе (*die Süßigkeiten* — «сладости, кондитерские изделия»). Суффиксы *-heit* и *-nis* в немецком языке являются продуктивными, но с другими лексическими значениями. Выделяется один суффикс немецкого происхождения *-icht*, являющийся непродуктивным, но частотным (*das Birkicht* — «березняк» (*die Birke* — «берёза»); *das Dickicht* — «заросли, чаща» (*dick* — «толстый, густой»)) [11].

Заимствованных суффиксов с собирательным значением примерно в три раза больше, чем немецких, но для таких суффиксов как *-enz, -tion, -itä*t, *-ade, -erie* значение собирательности, скорее всего, случайно [13. С. 45]. Из всего ряда заимствованных суффиксов лишь два являются продуктивными: *-alien* (употребляется во множественном числе) и *-ik* (*die Archivalien*; *die Musikalien*; *die Mimik, die Symbolik*).

Кроме вышеназванных выделяется ещё ряд непродуктивных заимствованных суффиксов: *-ade /-iade; -age; -aille; -ar; -arium (-erium, -orium); -at (-iat); -ie; -thek; -um (ium); -ur/-tur, atur), -ismus, -iana*.

В немецком языке суффиксы, как правило, не несут какой-либо экспрессивный оттенок, как в русском языке *-j, -н' (я), -щин(а)/-чин(а)*, за исключением нечастотного заимствованного суффикса *-aille*, который имеет пренебрежительный оттенок (*die Journaille* — «презр. журналисты желтой прессы»).

Таким образом, можно выделить 6 продуктивных суффиксов немецкого языка: *-ei/-erei, -keit/-igkeit, -tum, -schaft, -alien* и *-ik*.

Кроме суффиксов германисты, пользуясь термином, введённым М. Д. Степановой в 1953 году, выделяют такое словообразовательное средство как «полусуффиксы» («полуаффиксы»). Под полуаффиксом понимается словообразовательный элемент, являющийся промежуточной ступенью между самостоятельным словом и аффиксом, способный сочетаться с различными производящими основами [12. С. 61]. К «полусуффиксам» с собирательным значением грамматисты относят: *-werk*, *-zeug*, *-gut*, *-kram*, *-material*, *-welt*, *-leute*, *-volk*. Г. Пауль отмечает близость значения существительных с полусуффиксами *-werk и -zeug* к собирательному, но не относит их к собирательным именам [21. С. 85]. В «Словаре словообразовательных элементов немецкого языка» приводится свыше семидесяти примеров с полусуффиксами (*die Filmwelt — «*киноработники, мир искусства», *das Schuhwerk* — «обувь», *der Trödelkram* — «разг. ветошь, старьё», *das Bettzeug* — «постельные принадлежности») [11].

Кроме вышеназванных словообразовательных средств в немецком языке для выражения подобной семантики существует префикс *ge-*. Вильгельм Шмидт определяет значение, придаваемое префиксом *ge-* как:

1) множество существ, которые имеют что-либо общее (*das Getier* — «животные, зверьё» — *das Tier* «животное»);

2) множество веществ (*Gebälk* — «балки»; *Gepäck* — «багаж») [22. С. 110].

Итак, в немецком языке словообразовательными средствами, выражающими собирательное значение, являются суффиксы, полусуффиксы и префикс *ge-*.

Категория собирательности в английском языке может быть выражена также, как и в русском и немецком языках, с помощью аффиксации. В английском языке, как и в немецком, наблюдается использование различных суффиксов (*-ery(ry), -acy, -age*). Как и в немецком языке, для образования собирательных имён существительных (*collective nouns*) существует ряд полусуффиксов (*-dom, -ship, -ful, -hood*) [3; 4]

Слова с суффиксом *-ery* (или его вариантом *-ry*) возникают в английском языке, начиная со второй половины XIII века (*husbandry* (1290) — «сельское хозяйство, земледелие; хлебопашество»). В настоящее время этот суффикс, образуя новые слова, может придавать различные значения собирательности (*stationery* — «канцелярские товары», *jewelry* — «ювелирные изделия», *machinery* — «машинное оборудование, детали машин»). Иногда суффикс *—ery/-ry* придаёт пренебрежительный оттенок: *devilry* «дьяволы» (собир.), *beggary* «нищие» (собир.), *doggery* «свора, собачьи повадки».

Суффикс *-acy* может выражать собирательное значение, обозначая группу, общность, коллектив (*delegacy*, *piracy*).

Другим словообразовательным средством для образования собирательных существительных английского языка выступает заимствованный суффикс из французского языка *-age* (*umpirage, readerage*, *clientage, companionage, fruitage, cellarage, peerage*). Кроме того, суффикс *-age* придаёт собирательное значение существительным,

присоединяясь к основам, обозначающим единицы измерения (*tonnage, voltage, footage, poundage,* — ср. рус. километраж, тоннаж, метраж и др.).

В результате переразложения словосочетаний типа *a cup full of milk* < *a cupful of milk* в английском языке появились собирательные существительные с полусуффиксом *-ful*. Существительные с *-ful* выражают значение «количество (объём, полнота), которое может помещаться в том, что обозначает словообразующая основа» (*spoonful* «полная ложка чего-л.»; *spaderful* «полная лопата чего-л.»; *handful* «полная горсть»).

Ряд производных собирательных существительных английского языка образуется с помощью полусуффикса *-ship*, который сочетается с именными основами, обозначающими лиц или населённые пункты (*fellowship* «товарищество, братство, корпорация», *partnership* «товарищество, компания»). Выражая значение должности, профессии, звания, чина, полусуффикс *-ship* в некоторых случаях также может иметь собирательное значение: *readership* «читатели (собир.)», *chancellorship* «канцелярия (собир.)» [4].

В некоторых случаях к именным основам присоединяется полусуффикс *-hood*, выражающий значение состояния, положения или отношения того лица, на которое указывает основа (*brotherhood* «люди одной профессии, профсоюз железнодорожников (амер.)», *womanhood* «женский пол, женщины», *priesthood* «духовенство», *neighborhood* «соседи (собир.)»).

Таким образом, категория собирательности в английском языке является категорией, которая находит так же, как и в русском и немецком языках, суффиксальное выражение. Среди частотных суффиксов и полусуффиксов английскими лексикологами выделяются *-dom, -ery/ry, -age, -ship*, к менее используемым относятся *-ful*, *-hood*.

Итак, как в русском языке, так и в немецком и английском языках существуют определённые словообразовательные форманты, которые придают словам собирательное значение. Среди них выделяются суффиксы с ярко выраженным собирательным значением и с менее выраженным, частотные и менее частотные суффиксы. Средствами выражения категории собирательности в русском языке служат суффиксы *-(е)ств(о); -ј; -н' (а); -иан(а), ик(а), -ај; -ур(а)/атур(а); -в(а), -щин(а)/чин(а); -от(а)/ет(а); -ёжь; -иньј; -ар(а); -вор(а)*, в английском языке — суффиксы (*-ery(ry), -age*) и полусуффиксы (*-dom, -ship*, *-ful, -hood*), в немецком языке — суффиксы (*-ei /-erei, -keit/-igkeit, -tum, -schaft, -alie, -ik*), полусуффиксы (*-werk*, *-zeug*, *-gut*, *-kram*, *-material*, *-welt*, *-leute*, *-volk*), префикс *ge-*. В русском языке некоторые суффиксы могут придавать коннотацию собирательным существительным (*-н'(а), -щин(а)/чин(а)*), в германских языках примеры таких производных редки (в немецком — это собирательные существительные с суффиксом *-aille*, в английском языке — с *-ery/ry*). Кроме того, среди собирательных существительных выделяются слова с переносным значением и непроизводные. Следует отметить, что в русском языке собирательные существительные не имеют формы множественного числа и это является одним из их основных признаков, а в рассматриваемых германских языках они могут иметь форму множественного числа. В связи с такой грамматической разницей вызывает интерес вопрос передачи русских собирательных существительных в переводе на германские языки.

При переводе отдельных языковых единиц возникает проблема переводческих соответствий, поиска возможных вариантов перевода для определённых лексических групп, по-разному выражаемых в разноструктурных языках. Итак, при передаче значения слова в переводе в некоторых случаях производится выбор между несколькими возможными вариантами перевода. Согласно В. Н. Комиссарову, единица переводящего языка (ПЯ), регулярно используемая для перевода данной единицы исходного языка (ИЯ), называется переводческим соответствием. Переводческие соответствия могут устанавливаться между единицами разного и одного и того же уровня языковой структуры. Поэтому различаются лексические, фразеологические и грамматические соответствия [5].

Так как категория собирательности является категорией лексической, рассмотрим подробно виды лексических соответствий и способы их образования. Лексические соответствия могут быть единичными или множественными. Единичное соответствие означает, что в большинстве случаев данная единица ИЯ переводится одной и той же единицей ПЯ (*oxygen* — «*кислород*», *Senator* — «*сенатор*»). Многие единицы ИЯ имеют множественные соответствия — несколько единиц ПЯ, регулярно используемых для передачи их значений (*importance* — «важность, значение или значимость») [5. С. 167 и сл.]. Переводчик делает выбор между такими соответствиями на основе лингвистического или ситуативного контекста.

В ряде случаев условия употребления языковой единицы в контексте вынуждают переводчика

отказаться от использования регулярного соответствия и найти вариант перевода, наиболее точно передающий значение этой единицы в данном контексте, такой исключительный способ перевода называется окказиональным соответствием. Среди таких соответствий выделяются: соответствия-заимствования (воспроизводящие в ПЯ форму иноязычного слова: *know-how* — ноу-хау), соответствия-кальки (воспроизводящие морфемный состав слова или составные части словосочетания: *brain drain* — утечка мозгов), соответствия-аналоги (создаваемые путём использования единиц ПЯ, не вполне соответствующих по значению исходным единицам, но способных их заменить в конкретном случае), соответствия — лексические замены, создаваемые с помощью одного из видов переводческих трансформаций [5].

В рассматриваемом материале частотны лексико-семантические замены: конкретизация (замена слова оригинала в переводе словом с более узким значением), генерализация (замена слова оригинала в переводе словом с более широким значением) и модуляция (логически выводимое значение языковой единицы из контекста в результате смыслового развития). Кроме того, можно выделить грамматические замены (изменение грамматической формы собирательного существительного — части речи, числа), а также преобразование лексико-грамматического уровня — описательный перевод (описание смысла с использованием более громоздких грамматических конструкций). Некоторые вопросы перевода были освещены автором в несколько иных ракурсах в других работах [16; 17].

Материалом исследования послужили оригинальные произведения русских классиков: И. С. Тургенева («Записки охотника», «Отцы и дети», «Накануне»), А. С. Пушкина («Повести Белкина», «Пиковая дама», «Капитанская дочка»), А. И. Куприна («Олеся», «Гранатовый браслет» и др.), М. Е. Салтыкова-Щедрина и их переводы на английский (Степан Апресян — повести А. И. Куприна, Константин Рудаков — произведения И. С. Тургенева, Нат Доддингтон — проза А. С. Пушкина) и немецкий (Владимир и Элизабет Вонзиански — романы и повести И. С. Тургенева, Йоханес фон Гюнтер — проза А. С. Пушкина и И. С. Тургенева, Михаэль Пфейфер — произведения А. С. Пушкина, Гейнц Кюберт — сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина) языки. Методом сплошной выборки из художественных произведений классиков было выделено более 200 собирательных имён существительных, из них около 120 производных, около 100 переносных существительных, 14 непроизводных. При этом английских и немецких словарно-текстовых соответствий найдено более чем в два раза. Иногда в разных контекстах одно и то же русское собирательное существительное передаётся разными вариантами, при этом могут использоваться различные множественные соответствия, либо употребляться окказиональные. По словарям были выделены неиспользованные в текстах варианты перевода упоминаемых собирательных существительных.

При передаче собирательных существительных на германские языки используются единичные, множественные и окказиональные соответствия. Доля единичных соответствий составляет наименьшую часть (порядка 10 %: около 8 % — при переводе на английский язык, чуть больше 11 % — при переводе на немецкий язык). В основном это собирательные имена существительные, представляющие метонимический перенос, как правило, имена собственные, подразумевающие людей, живущих в той или иной местности (*Россия — Russia, Russland; Франция — France, Frankreich*), среди них также группа собирательных существительных с заимствованными суффиксами (*артиллерия — artillery, die Artillerie*; кавалерия — *cavalry, die Kavallerie*). Данные примеры демонстрируют полную корреляцию во всех трёх языках, однако далее примеры могут различаться, так как не всегда в английском и немецком языках одно и то же собирательное существительное переводится одинаковыми типами соответствий.

Большую по численности группу в исследуемом материале представляют окказиональные соответствия, при этом при передаче на английский язык они используются несколько чаще (в 40 % случаев), а при переводе на немецкий язык — в 33 %.

Среди окказиональных соответствий при переводе на английский язык найдено лишь одно соответствие-заимствование (*мужик — muzhik)*, остальные соответствия — лексические замены, создаваемые с помощью переводческих трансформаций.

При переводе на английский язык часто используется приём грамматической замены, который встречается почти в трети примеров замен. При этом частотна замена категории числа, что связано с определением собирательности в разных языках (*детвора — children* «дети»*, заяц — hares (hare —* «заяц»*), турка — Turks (Turk —* «турок, турчанка»*), ракитник — willows (willow —* «ива, ивняк, лоз-

няк»*), бабьё — women (woman* — «женщина, баба»*), барство — masters (master* — «хозяин, господин»*), прислуга — servants (servant* — «слуга, прислуга»*), урожай — crops (crop* — «урожай»*), всячина — things (thing* — «вещь, предмет»). Некоторые существительные наряду с изменением формы числа приобретают также конкретизирующее значение (*кофе — coffee-beans* «кофейные бобы», *бельё — lingeries* «дамское бельё»*, общество — picnickers* «участники пикника», *прислуга — waiters* «официанты», *оружие — forces* «forces — войска»). Несколько собирательных существительных при переводе на английский язык изменяют часть речи (*состояние — well off* «состоятельный, богатый», *наследство — had inherited* «унаследовал»).

Чуть реже при переводе на английский язык используется преобразование лексико-грамматического уровня — описательный перевод, который составляет около 25 % процентов окказиональных соответствий (*мелочь — the small change, зелье — evil spells, нечисть — evil thing, сушенье —dried delicacy, соленье — salted delicacy, братия — fellow-countrymen*).

Остальная часть примеров перевода на английский язык в нашем материале представлена лексическими трансформациями, среди которых были выделены: приём конкретизации (*(зрительная) зала — audience* «публика, зрители, аудитория», *слобода — set* «набор, комплект, группа», *громада — people* «народ, население, жители», *товар — haberdashery* «галантерейные товары», *молодняк — undergrowth* «подлесок, подлесье, подрост», *скотина — cattle* «крупный рогатый скот»); приём генерализации (*изба — room* «помещение, комната», *околоток — neighborhood* «округа, квартал, окрестность, соседство», *губерния — province* «область, район, территория», *беллетристика — literature* «литература»); приём модуляции (*град — shower* «ливень, ливневый дождь», *гурьба — a band* «отряд, банда, шайка», *мужик — peasant* «крестьянин, сельский житель»).

Среди окказиональных соответствий при переводе с русского языка на немецкий язык найдено также одно соответствие-заимствование (*мужик — Muschik*), остальные языковые единицы представляют собой лексические замены разных уровней. В отличие от перевода на английский язык среди лексических трансформаций в единичных случаях встречается приём генерализации, а преобразования в основном происходят за счёт конкретизации значений (*тварь (ручная) — das Getier (das Getier* — «животные»), *гурьба — eine Rotte* «толпа, сборище, банда, шайка», *глушь — Wildnis* «дикая местность, заросли», *Dickicht* «чаща, заросли, дебри», *листва — die Laubdecke (die Decke* «покров»*, das Laub* «листва, зелень»)) или модуляции / смыслового развития (*дворня — die Masse* «масса, множество; уйма, куча; груда, скопление; толпа, народные массы», *ветошь —das Ding* «вещь, дело»*, дичь — die Beute* «добыча; трофей; приз»). Такие преобразования составляют 40 % окказиональных соответствий.

С помощью описательного перевода на немецкий язык также переводится большое количество собирательных существительных (около трети окказиональных соответствий). При этом описание достигается либо за счёт использования сложного слова (происходит семантическое свёртывание — несколько слов с разным значением сочетаются для создания одного слова с новым значением), либо словосочетания (*капустник — das Kohlbeet (der Kohl* «капуста», *das Beet* «грядка»*), малинник — eines Beerengartens (die Beere* «ягода», *der Garten* «сад»*), сушеньем — geräucherten Gerichten (geräuchert* «копчёный», *das Gericht* «блюдо, кушанье»*), соленьем — gesalzenen Gerichten (gesalzt* «солёный, засоленный»*), семейство — Weib und Kind* «баба и ребёнок», *на золоте — von goldenen Schüsseln* «с золотых мисок»).

Грамматическая замена составляет более четверти окказиональных соответствий — замен, в основном существительные изменяют категорию числа: единственное число на множественное (*люд — die Leute (mit Leuten), die Menschen, дурачьё — die Narren, родня — die Verwandten, мужик — die Bauern*). Имеется также один случай, когда изменяется часть речи — вместо существительного «наследство» употребляется глагольная форма *hatte geerbt* «унаследовал» (такое явление наблюдается и в английском языке).

Наибольшее количество собирательных существительных представлено в переводе множественными соответствиями (52 % случаев при передаче на английский язык, 56 % при передаче на немецкий язык), хотя при передаче на английский язык существует больше вариантов перевода, но по количеству слов — собирательных существительных английские варианты превосходят немецкие. С помощью множественных соответствий передаются русские собирательные существительные различной структуры (производные, переносные — метонимии, корневые). В некоторых случаях можно проследить полную корреляцию. Так, например, большая часть

русских производных собирательных существительных с частотными суффиксами имеет варианты существительных с собирательными суффиксами или полусуффиксами в английском и немецком языках (*общество — society, company, association, community*; *die Gesellschaft*, *die Gemeinschaft*; *человечество — mankind, humanity; die Menschheit, das Menschentum, das Menschenvolk*). В немецком языке для многих собирательных существительных русского языка с суффиксом *-(е)ств* существуют существительные с суффиксом *-schaft* (*хозяйство — die Wirtschaft, наследство — die Erbschaft, общество — die Gesellschaft*). При этом в английском языке для этих слов есть также производные существительные с аффиксами собирательного значения: полусуффиксами *-hold,-dom,* суффиксами *-ry, -age* (*хозяйство — household, husbandry*; *наследство — heritage, heirdom*). Чуть реже находим переводы с другими немецкими суффиксами *-heit, -tum* (*человечество — die Menschheit; имущество — das Eigentum*), а в английском языке *-y* (*человечество — mankind; humanity* имущество — *property*). Также большая часть русских непроизводных собирательных существительных имеет непроизводные множественные соответствия в германских языках (*хлам — trush, junk, der Müll, der Kram*).

Однако часто русское собирательное существительное передаётся словарно зафиксированным одним из множественных соответствий — сложным существительным или словосочетанием в германских языках (*березняк — thick stand of birch trees, birch forest, die Birkenwald*; *орешник — hazel-wood*, *der Haselbusch*).

Следует обратить внимание на такое явление, как перевод различных русских собирательных существительных одним английским эквивалентом, в результате чего данные слова могут относиться как к одной группе, так и к разным группам переводческих соответствий. Например, при переводе собирательных существительных «*начальство*» и «*правительство*» употребляется один английский эквивалент «*authorities*» (приём грамматической замены). В другом случае «*зелень*» и «*листва*» переводятся на английский язык как «*foliage*», при этом если при переводе слова «*листва*» используется приём выбора одного из множественных соответствий, то при переводе слова «зелень» происходит лексическая замена за счёт конкретизации. Собирательные имена «*дождь*» и «*град*» (метафорический перенос) переводятся как «*shower*», в первом случае также выбирается одно из множественных соответствий, во втором происходит лексическая замена путём модуляции. Английский эквивалент «*band*» использовался при переводе существительного «*оркестр*» (выбор одного из множественных соответствий) и «*гурьба*» (приём модуляции).

При переводе русских слов «*общество*» и «*семейство*» на немецкий язык используется один эквивалент «*die Gesellschaft*», при этом в первом случае это множественное соответствие, во втором — приём модуляции. При переводе слов «*ворона*» и «*вороньё*» используется соответствие «*die Krähen*» (грамматическая замена числа). При переводе слов «*дичина*» и «*пища*» используется немецкий эквивалент «*Fleisch*» (приём конкретизации).

Таким образом, было выявлено, что при переводе собирательных существительных разной морфологической структуры, как правило, преобладают множественные переводческие соответствия, их выбор в переводах составляет 52 % в английском языке и 56 % в немецком языке, чуть реже переводчики прибегают к подбору окказиональных соответствий (в 40 % примеров при переводе на английский язык, в 33 % при переводе на немецкий язык), что связано со стилем рассмотренных текстов и стремлением переводчиков более точно передать смысл художественного текста. Среди окказиональных соответствий наиболее часто используются лексические замены, при образовании которых довольно часто используются приёмы грамматической замены (числа, части речи), описательного перевода и конкретизации, однако достаточно редко используются приёмы генерализации и модуляции.

Меньше всего в исследуемом материале было найдено единичных соответствий, что можно объяснить тем, что в художественных текстах используется лишь небольшое количество однозначных слов, собственных имён и названий, а в случае использования имени собственного для выражения собирательного значения оно, как правило, приобретает переносный смысл и передаётся описательной конструкцией.

Итак, при переводе собирательных существительных разной морфологической структуры можно говорить лишь о частичной структурной корреляции в немецком и английском переводе, при этом совпадающие по структуре варианты, как правило, зафиксированы в словаре как множественные или единичные соответствия.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Русский язык: Учебное пособие для вузов // Отв. ред. Г. А. Золотова. — 3-е изд., испр., М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.

2. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык. Часть 1. Фонетика и морфология / А. Н. Гвоздев — М., изд. 3-е: Просвещение, 1967. — 250 с.

3. Дубенец, Э. М. Лексикология современного английского языка: лекции и семинары / Э. М. Дубенец — М.: «Глосса-Пресс», 2002. — 92 с.

4. Каращук, П. М. Словообразование английского языка: Учеб. пособие / П. М. Каращук — М.: «Высш. Школа», 1977. — 303 с.

5. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: Учеб. пособие / В. Н. Комиссаров— М.: ЭТС, 2004. — 424 с.

6. Немченко, В. Н. Современный русский язык: Словообразование / В. Н. Немченко. — М.: Высш. шк., 1984. — 255 с.

7. Потиха, З. А. Современное русское словообразование / З. А. Потиха — М.: Просвещение, 1970. — 384 с.

8. Реформатский, А. А. Число и грамматика // Лингвистика и поэтика / А. А. Реформатский. — М., 1987. — С. 76—67

9. Русская грамматика: в 2 т. / ред. кол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. — М.: Наука, 1980. — Т. 1.

10. Словарь — справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — М.: Просвещение, 1976. — 543с.

11. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев, И. Д. Молчанова, Р. З. Мурясов и др. // Под рук. М. Д. Степановой. — 2-е изд, стереотипное. — М.: Рус. яз., 2000. — 536 с.

12. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова; под ред. Т. В. Строевой. — Изд. 2-е, испр. — М.: URSS, 2007. — 344 с. — (Из лингвистического наследия М. Д. Степановой).

13. Федорцова, В. Н. Интернациональные модели в современном немецком словообразовании / В. Н. Федорцова. — Самара: Изд-во пед. инс-та, 1991. — 80 с.

14. Чеснокова, Л. Д. Связи слов в современном русском языке: Пособие для учителей / Л. Д. Чеснокова. — М.: Просвещение, 1980. — 110 с.

15. Ярцева, В. Н. Собирательности категория // Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.

16. Ященко, Н. В. Перевод русских производных собирательных имен существительных на английский язык / Н. В. Ященко // Апробация: ежемесячный научно-практический журнал. Теоретические и практические проблемы развития современной науки: сборник материалов IX международной научно-практической конференции. — Махачкала: ООО «Апробация», 2015. — 244 с. — С. 124—130

17. Ященко, Н. В. Собирательные существительные с переносным значением русского языка и их перевод на английский язык / Н. В. Ященко // **Язык и культура: сборник материалов XX**VIII Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С. С. Чернова. — Новосибирск: Изд-во ЦРНС, № 28, 2017—204 с. — С. 136—144.

18. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. — Leningrad, 1962. — 704 S.

19. Erben, J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre / J. Erben. —2., durchges. u. verm. Aufl. — Berlin: Schmidt, 1983—170 S.

20. Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache / W. Jung. — Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1971. — 518 S.

21. Paul, H. Deutsche Grammatik. Bd. V. Wortbildungslehre. — Halle (Saale): M. Niemeyej, 1957. — 172 S.

22. Schmidt, W. Deutsche Sprachkunde. — Berlin: Volk und Wissen, 1982. — 344 S.

Сведения об авторе

Ященко Наталья Валериевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Тольяттинский государственный университет. Тольятти, Россия. yash63@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 178—187.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF COLLECTIVE NOUNS IN THE RUSSIAN, GERMAN AND ENGLISH LANGUAGES AND THEIR TRANSFER FROM RUSSIAN LANGUAGE INTO GERMAN AND ENGLISH

N.V. Yashchenko
Togliatti State University, Togliatti, Russia, yash63@yandex.ru

The article is devoted to comparative study of the collective nouns in Russian, German and English. The issues of similarities and differences in the category of collectivity in different languages are considered, the questions of the nomination and morphological structure of the collective nouns are emphasized. Word-formation elements for the collective nouns are determined in three languages. Metonymic nouns are studied. Much attention is paid to the questions of translation of the Russian collective nouns in imaginative texts and dictionaries into the English and German languages. Correlations in the translation of collective nouns from Russian into English and German are established.

Keywords: *category of collectivity, collective nouns of the Russian, German, English languages, derivative word, metonymy, word-formation, translation compliances.*

References

1. Vinogradov V.V. *Russkij yazyk: uchebno-metodicheskoe posobije.* [Russian] edition by Zolotova. — the 3rd ed., rev. — Moscow: Vysshaya shkola, 1986. 640 p. (In Russ.)

2. Gvozdev A.N. *Sovremennyj russkij literaturnyj yazyk* [Modern Russian literary language]. Part 1. Phonetika i morphologiya [Phonetics and morphology] / A.N. Gvozdev. — M., the 3rd ed.: Prosveshchenije, 1967. 250 p. (In Russ.)

3. Dubenets E.M. *Lexikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka: lektsii i seminary* [Lexicology of modern English: lectures and seminars] / E.M. Dubenets — M .: «Glossa-Press», 2002. 192 p. (In Russ.)

4. Karashchuk P.M. *Slovoobrazovanije anglijskogo yazyka* [English word-formation]. Textbook. / P.M. Karashchuk — M .: «Vysshaya shkola», 1977. 303 p. (In Russ.)

5. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenije: uchebnoe posobije* [Modern translation studies] / Komissarov V.N. — Moscow: ETS, 2004. 424 p. (In Russ.)

6. Nemchenko V.N. *Sovremennyj russkij yazyk: Slovoobrazovanije* [Modern Russian language: Word-formation] / V.N. Nemchenko. — M .: «Vysshaya shkola», 1984. 255 p. (In Russ.)

7. Potiha Z.A. *Sovremennyj russkoe slovoobrazovanije* [Modern Russian word-formation] / Z.A. Potiha — M .: Prosveshchenije, 1970. 384 p.

8. Reformatskiy A.A. *Chislo i grammatika* [Number and grammar] // Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics] / A.A. Reformatskiy. — M., 1987, pp. 76—87 (In Russ.)

9. *Russkaya grammatika: v 2-h tomah. T1* [Russian grammar] // Ed. by: N.Yu. Shvedova (main editor) et al. — M .: Nauka, 1980. (In Russ.)

10. *Slovar' — spravochnik lingvisticheskih terminov* [Dictionary — the directory of linguistic terms] / D. E. Rosenthal, M. A. Telenkova. — Moscow: Prosveshchenije, 1976. 543 p. (In Russ.)

11. *Slovar' slovoobrazovatel'nyh elementov nemetskogo yazyka* [Dictionary of the German derivational elements] / A. N. Zuev, I. D. Molchanova R. Z. Muriassov et al .; under the hands. M. D. Stepanova. — the 2nd ed, stereotyped. — Moscow: Rus. Yaz., 2000. 536 p. (In Russ.)

12. Stepanova M.D. *Slovoobrazovanije sovremennogo nemetskogo yazyka* [Word-formation of the modern German language] / M.D. Stepanova; ed. by T.V. Stroeva. — the 2nd ed., corrected. — Moscow: URSS, 2007. 344 p. (From the linguistic heritage of M.D Stepanova). (In Russ.)

13. Fedortsova V.N. *International'nye modeli v sovremennom nemetskom slovoobrazovanii* [International models in modern German word-formation] / V.N. Fedortsova. — Samara: Izd-vo ped. ins-ta., 1991. 80 p. (In Russ.)

14. Chesnokova L.D. *Svyazi slov v sovremennom russkom yazyke: Posobie dlya uchitelej* [Relationships of words in modern Russian: A Handbook for Teachers] / L. D. Chesnokova. — Moscow: Prosveshchenije, 1980. 110 p. (In Russ.)

15. Yartseva V.N. Kategoria sobiratel'nosti [Category of collectivity] // *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' LES* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary LES] / ed. V. N. Yartseva. — Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. 685 p. (In Russ.)

16. Yashchenko N.V. Perevod russkih sobiratel'nyh imjon sushchestvitel'nyh na anglijskij yazyk [Translation of Russian derivative collective nouns into English] / N. V. Yashchenko // Approbation: monthly scientific and practical journal. *Theoretical and practical problems of the development of modern science: a collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference*. — Makhachkala: OOO «Aprobatsiya», 2015, pp. 124—130 (In Russ.)

17. Yaschenko N.V. Sobiratel'nye sushchestvitel'nye s perenosnym znachenijem russkogo yazyka i ih perevod na anglijskij yazyk [Semantic derivative collective nouns of the Russian language and their translation into English] / N.V. Yaschenko // *Language and Culture: a collection of materials of the XXVIII International Scientific and Practical Conference* / Under the Ed. S.S. Chernov. — Novosibirsk: Publishing house of the CRNS, 2017, no. 28, pp. 136—144 (In Russ.)

18. Duden. *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. — Leningrad, 1962. — 704 S. (In German)

19. Erben J. *Einführung in die deutsche Wortbildungslehre* / J. Erben. — 2., durchges. u. verm. Aufl. — Berlin: Schmidt, 1983—170 S. (In German)

20. Jung W. *Grammatik der deutschen Sprache* / W. Jung. — Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1971. — 518 S. (In German)

21. Paul H. *Deutsche Grammatik*. Bol. V. Wortbildungslehre. — Halle (Saale): M. Niemeyej, 1957. — 172 S. (In German)

22. Schmidt W. *Deutsche Sprachkunde*. — Berlin: Volk und Wissen, 1982. — 344 S. (In German)

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 188—192.

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10127

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «ЛИНГВОКУЛЬТУРА УНИВЕРСИТЕТА» (ЧЕЛЯБИНСК: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2016. — 212 С.)

Е. М. Хакимова
Южно-Уральский государственный университет (НИУ). Челябинск, Россия

В современной России социальная реальность характеризуется рядом признаков, которые свойственны постиндустриальной эпохе. Среди них специалисты выделяют первостепенную значимость информационных ресурсов, цифровизацию систем управления, предпочтение «мягких» способов взаимодействия с целевыми аудиториями на основе компромиссов, развитие принципа свобод и прав личности и др. В указанных условиях особую важность приобретают инструменты общественной интеграции, позволяющие ослабить противоборство и создать условия для эффективного социального партнерства. В качестве такого механизма функционирует корпоративная культура, изучению которой посвящена рецензируемая монография. Предметом исследования является лингвокультура университета — «отраженные в языке корпоративная культура высшего учебного заведения, представления о вещах в языковом сознании его субъектов, модели их восприятия и осознание взаимосвязи этих вещей» (С. 5).

Тезис о существовании филологической составляющей корпоративизма давно принят научным сообществом. В частности, исследователи отмечают значительную роль вербальных средств (фирменное имя, слоган, информационные пакеты для прессы и др.) в формировании имиджа организации[1]. .Язык общения: профессионализмы и термины, жаргонизмы, ТЫ- и ВЫ-употребления при обращении к коллегам — включен в концептуальную модель корпоративной культуры как один из уровней. При этом следует учитывать, что другой уровень, получивший название организационной коммуникации, также имеет к филологии самое непосредственное отношение, поскольку его элементами являются определенные речевые жанры — корпоративные мифы, саги, сказки и т. д.[2] Однако специфика лингвокультуры современных российских университетов до сих пор не изучена в должной мере. Рецензируемая монография успешно восполняет данный пробел, и в этом заключается ее актуальность, уникальность и новизна.

Достоверность полученных результатов обеспечена серьезной теоретической обоснованностью представленных научных положений: авторы основательно изучили и систематизировали концепции как отечественных (А. Г. Асмолов, Л. И. Белова, В. И. Карасик, С. Московичи, Э. В. Онищенко, О. Б. Сиротинина, В. А. Спивак, П. С. Федорова, Е. В. Харченко, М. В. Шумейко), так и зарубежных ученых (М. Аоки, А. Вежбицкая, К. Кауфман, С. Кугонза, Д. Норт, А. Макинтайр, А. Этциони, Э. Хирш, Э. Шейн). Эмпирическая база исследования представительна и разнообразна; ее основной корпус составили феномены лингвокультуры, связанные с Челябинским государственным университетом (ЧелГУ) и его филиалами. При изучении материала использовался комплекс традиционных и современных методов — анализ документов, ассоциативный эксперимент, анкетирование, интервью, опрос, коммуникативный аудит и др.

Бесспорна прикладная ценность работы. По данным ученых Гарвардского университета, 77 % руководителей считают, что в настоящее время коммуникативные навыки (softskills) не менее важны, чем навыки технические (hardskills), поскольку именно они обеспечивают 85 % профессионального успеха. Эксперты в области корпоративных коммуникаций пришли к выводу, что к 2020 году наиболее востребованными в сфере делового общения окажутся креативность, эффективное взаимодействие с людьми и управление ими, эмоциональный интеллект, умение вести переговоры, гибкость мышления

[1] Капитонов, Э. А. Корпоративная культура: теория и практика: монография / Э. А. Капитонов, Г. П. Зинченко, А. Э. Капитонов. — М.: Альфа-пресс, 2005. — С. 225.

[2] Персикова, Т. Н. Корпоративная культура: учебник / Т. Н. Персикова. — М.: Логос, 2011. — С. 73—79.

и т. п.[1] Мы полагаем, необходимым условием формирования указанных качеств является высокий уровень лингвокультуры в организации. И так как авторы монографии осмысливают пути оптимизации языковой среды, которые можно использовать не только в высшем учебном заведении, но и в других учреждениях и организациях, практическую значимость их исследования трудно переоценить.

Книга включает четыре главы. В первой главе — «Корпоративная культура вуза» — рассматриваются подходы к определению базовых понятий исследования. На основании анализа теоретических концепций, представленных в российской и иностранной научной литературе, А. А. Селютин определяет специфику использования терминов «корпоративная культура», «организация», «организационная культура», «корпоративная картина мира» применительно к высшим учебным заведениям. В работе описывается коммуникативная модель корпоративной культуры вуза с учетом внешнего и внутреннего, горизонтального и вертикального, формального и неформального делового общения в научно-образовательной среде.

М. В. Коновалова подчеркивает значимость эвокации — «воспроизведения корпоративных ценностей, целей, задач в деятельности студентов и сотрудников университета» (С. 28). Это фактор, необходимый для создания и становления корпоративной культуры как таковой, один из показателей устойчивости корпоративных связей и стабильности всего учебного заведения в целом.

Е. В. Шелестюк особое внимание уделяет вопросу о соотношении дискурсивно-конвенциональной (культурные скрипты, традиции, условности и т. д.) и институциональной (нормативно-процедурные феномены) составляющих в рамках праксеологического аспекта корпоративной культуры. В филогенезе общественного развития указанные составляющие развивались последовательно: институциональная компонента является вторичной. Онтогенез индивидуального развития предполагает их параллельное сосуществование и взаимовлияние. Ценным вкладом в теорию корпоративной культуры нам представляются детальный обзор и систематизация современных концепций, рассматривающих социальные институты с точки зрения их параметров, типологии, генезиса, набора функций. Существенным достоинством рецензируемой книги является масштаб проведенного исследования. Он обеспечен значительным пространственным и временным диапазоном изученного материала. Так, Е. В. Шелестюк не ограничивается одной лингвокультурой, а производит глубокий сопоставительный анализ, сравнивая, например, англосаксонские и славянские культурные скрипты в их традиционной и современной репрезентации.

Синхронический подход в монографии дополнен диахроническим. В фокусе внимания С. А. Питиной оказалась эволюция «всемирной университетской культуры» с IX в. по настоящее время с занимательным экскурсом в прауниверситетскую эпоху. Автор приходит к обоснованному выводу, что современная университетская культура претерпела значительные изменения по сравнению с прауниверситетской, сохранив и существенно развив ее главные характеристики: автономию, наличие научных школ, полный объем знаний, мобильность, преемственность традиций и универсальной университетской коммуникативной среды, в том числе особую терминологию (С. 57—58). Свои тезисы С. А. Питина подкрепляет множеством интересных фактов, позволяющих читателю получить точное представление об особенностях корпоративной культуры университетов США, Великобритании, Германии, России.

Последний параграф первой главы связан с изучением роли визуальных знаков в репрезентации корпоративной культуры. В качестве материала здесь выступают университетские логотипы, в которых проявляется как универсализация, так и индивидуализация вузовского брендинга с целью успешного решения маркетинговых задач. С. А. Питина анализирует вербальные и визуальные элементы в эмблемах зарубежных и российских университетов, уделяя особое внимание символике ЧелГУ.

Вторая глава монографии — «Языковая среда университета» — посвящена исследованию «духовного пространства, в котором протекает речевая деятельность говорящих: обучаемых и обучающих, администрации, сотрудников

[1] Softskills и образование длиною в жизнь. — https://www.youtube.com/watch?v=2ET8rVmFDxA (дата обращения: 10.01.2019); Навыки будущего — чего нам ждать от сотрудников. Андрей Скворцов. — https://www.youtube.com/watch?v=mMbPZWPfStU (дата обращения: 10.01.2019).

и партнеров» (С. 67). Как справедливо указывает Л. А. Шкатова, анализ языковой среды чрезвычайно важен, так как именно вузы становятся проводниками культуры делового общения, модели которого транслируются в разнообразных организациях. Материальным воплощением университетской языковой среды является вузовский дискурс; внутри него функционируют организационные (административные) и корпоративные (учебно-методические, научные, имиджевые) тексты. Для глубокого и многоаспектного изучения такого объемного и разнородного материала необходим комплекс специальных методов: дискурс-анализ, контент-анализ, лингвистический и лингвокультурный анализ, коммуникативный аудит, — в монографии представлена подробная характеристика их возможностей.

Использование разнообразного научного инструментария позволило Л. А. Шкатовой выделить и осмыслить факторы, разрушающие вузовскую языковую среду в России: приобретение корпоративными текстами свойств организационных и, как следствие, усиление формальности и жесткости; нарушение традиций российского высшего образования, связанное с переходом на Болонскую систему и введением непривычных номинаций. Автор отмечает, что в течение длительного времени членами Вузовской академической лаборатории межкультурных коммуникаций проводится диагностическое обследование речевой деятельности преподавателей, студентов, абитуриентов с целью выявления ортологических, лингвокультурных и собственно коммуникативных проблем, решение которых необходимо для создания экологичного ментального пространства. Следствием такой работы становится ориентация выпускников вуза на социальную успешность путем освоения национального и интернационального культурного кода через развитие компетенций, связанных с владением родным и иностранными языками.

Языковая среда общества в целом и университетов, в частности, создается не только современными, но и древними языками. Доказывая этот тезис, В. Э. Будейко обращается к фактам русской истории. В монографии рассматривается, например, деятельность министра народного просвещения Д. А. Толстого, убежденного в том, что изучение классических языков необходимо для становления русского патриотического самосознания. Примечательно, что опыт преподавания филологических дисциплин в России XVIII—XIX вв. учитывается автором в собственной педагогической практике. В. Э. Будейко в течение многих лет проводит занятия по курсам «Древнегреческий язык» и «Древнецерковнославянский язык», полагая, что «без изучения древних языков и культур новые университеты никогда не станут университетами в традиционно европейском смысле этого слова» (С. 97).

Третья глава — «Имиджевая деятельность вуза» — направлена на исследование лингвокультурной составляющей маркетинговых коммуникаций современных университетов, функционирующих в условиях жесткой конкуренции на рынке научных и образовательных услуг. Предметом изучения И. В. Гостевой явился имидж Миасского филиала Челябинского государственного университета (МФ ЧелГУ). Отметив значимость множества имиджевых составляющих, автор проанализировала три наиболее важных, с ее точки зрения, компонента: имидж образовательных услуг, внутренний имидж филиала, имидж выпускников. Результаты анкетирования позволили И. В. Гостевой сделать следующий вывод: абитуриенты оценивают Миасский филиал ЧелГУ выше его основного конкурента (Миасского филиала ЮУрГУ) по всем трем указанным позициям; студенты же признают приоритет МФ ЧелГУ только по двум критериям — в отношении внутреннего имиджа и достижений выпускников, тогда как качество образовательных услуг, по их мнению, выше в МФ ЮУрГУ. Социолингвистическое исследование дополнено анализом медиаматериалов: в них автор выявляет вербальные средства формирования имиджа, к числу которых относит подзаголовки, положительно-оценочную лексику, мнения авторитетных персон, собственные имена для обозначения значимых для вуза реалий, номинации достижений, статистические данные.

Маркетинговый потенциал имиджа вуза давно и успешно используется университетами Запада. Одна из задач рецензируемой монографии состоит в том, чтобы рассмотреть реализацию имиджевых трендов в образовательном пространстве Востока. Исследование О. В. Свиркович связано с выявлением специфики восприятия имиджа вуза в казахстанской национальной среде. В ходе анкетирования, участниками которого стали жители Костаная, выявлены: 1) базовые качества «идеального вуза»; 2) приоритетные характеристики современного студента; 3) особенности образа преподавателя высшей школы.

Полученная информация имеет важнейшее значение для разработки образовательной модели евразийского сообщества в современной социально-экономической среде.

В заключительной главе монографии — «Субъекты корпоративной культуры вуза» — внимание авторов сосредоточено на продуктах университетской лингвокультуры, но главным образом на ее создателях. О. А. Заболотнева и С. А. Питина обращаются к лекции как к речевому жанру, играющему в вузовском дискурсе исключительную роль; исследователи указывают требования к содержанию и форме лекции, перечисляют ее функции, рассматривают особенности репрезентации. Поскольку феномены университетской культуры динамичны, авторы выделяют характеристики, которые отличают современную лекцию от традиционной: тенденцию к диалогизации и техническое обеспечение.

Восприятие лекции во многом определяется профессиональным речевым поведением преподавателя, поэтому в работе представлены результаты моделирования языковой личности современного лектора, полученные на основе анализа диктофонных записей русскоязычных и англоязычных лекций по культурологии, филологии и лингвистике, а также в ходе анкетирования респондентов из России и США. Изучение указанных материалов позволило О. А. Заболотневой и С. А. Питиной прийти к нетривиальным и убедительным выводам о национально-культурных особенностях российской и американской лекции, обусловленных спецификой соответствующих образовательных пространств, с учетом гендерной дифференциации.

Языковая личность современного преподавателя вуза реализуется не только в педагогической практике, но и в научной деятельности. И для корпоративной культуры университета чрезвычайно важно, что указанные ипостаси могут тесно взаимодействовать и плодотворно развиваться. Е. И. Голованова, исследуя многообразие проявлений личностного начала в статьях, монографиях и учебниках, электронных самопрезентациях отечественных преподавателей, на ярких примерах доказывает положение о том, что академическая коммуникация в последние десятилетия характеризуется усилением авторской детерминаты. Данный процесс сопровождается субъективизацией научного высказывания, что проявляется в изложении от первого лица, неканоническом характере заголовков, фрагментах «персонального нарратива», эпиграфах, включениях диалогического, оценочного, экспрессивного характера.

Усиление личностного начала находит свое выражение и в феномене посвящения. Данный компонент текста воспринят научной коммуникацией из художественной и представлен в настоящее время мемориальными и диалогическими, полиадресатными и моноадресатными, экстравертными и интровертными разновидностями. Исследование Е. И. Головановой показывает, что закономерности научно-педагогической самопрезентации могут успешно изучаться не только на традиционном материале. Так, весьма тонкие наблюдения сделаны автором на базе электронных адресов, при создании которых участниками академической онлайн-коммуникации используются различные сценарии: первичная или вторичная самоидентификация в двух версиях последней (профессионально-деловая автопрезентация и личностная самоподача). Обстоятельный анализ соответствующих техник приводит Е. И. Голованову к обоснованному выводу, что «при создании современного знака персональной идентификации и презентации актуализируется важный когнитивный механизм, связанный с саморефлексией номинатора, активизацией и мобилизацией его языкового опыта, языковой, коммуникативной и культурной компетенции, а также осмыслением ценностных ориентиров и приоритетов» (С. 212).

Предложенный подход к изучению корпоративной культуры университета решает множество актуальных для современной коммуникативистики задач, и вместе с тем он открыт для дальнейшей разработки. Некоторые перспективные направления уже обозначены в рецензируемой монографии. Так, на с. 26 отмечен факт существования субкультур различных факультетов — технических и гуманитарных, и мы полагаем, что вопрос о дифференциации вузовской лингвокультуры по образовательным специальностям мог бы получить детальное освещение в дальнейших исследованиях. В условиях трансформации международного научно-образовательного пространства под влиянием технологических факторов особую значимость приобретает репрезентация корпоративной культуры организации в новых медиа. Поэтому внимание профессионального сообщества и широкой общественности будут привлекать особенности лингвокультурных реализаций университетов на корпоративных сайтах, видеохостингах, в социальных сетях.

Подведем итоги. Коллективная монография «Лингвокультура университета» представляет собой серьезный труд, отличающийся многоаспектностью рассмотренной проблематики, системностью, структурированностью, взвешенностью и аргументированностью суждений, интеграцией междисциплинарных знаний. Это масштабный научный проект, успешная реализация которого вносит весомый вклад в развитие не только современной филологии, но и психологии, социологии, культурологии, педагогики, менеджмента, маркетинга и других фундаментальных и прикладных областей.

Сведения об авторе

Хакимова Елена Мухамедовна — доктор филологических наук, профессор кафедры «Журналистика и массовые коммуникации», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). Челябинск, Россия. khakimova-elena@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 188—192.

REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH "UNIVERSITY LINGUISTIC CULTURE" (CHELYABINSK, ENCYCLOPEDIA PUBL., 2016. 212 P.)

E.M. Khakimova
South Ural State University (National Research University), Chelaybinsk, Russia. khakimova-elena@yandex.ru

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 193—194.

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10128

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «КОГНИОТИП СУДЕБНОГО ДИСКУРСА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ» (АВТОРЫ: Л. А. НЕФЕДОВА, Э. Ш. НИКИФОРОВА, Н. С. ОЛИЗЬКО), ЧЕЛЯБИНСК, 2016

Ж. Н. Жунусова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Актуальность темы рецензируемой монографии несомненна: с одной стороны, антропоцентрическая парадигма современного языкознания обусловливает повышенное внимание к речевому поведению с целью изучения когнитивных процессов лингвокреативной деятельности языковой личности, а с другой, интерес к функциональным и прагматическим сторонам изучения юридического дискурса требует детального исследования специфики судебного дискурса. К тому же, как справедливо отмечается «исследования последних лет отличаются особым интересом к проблемам юрислингвистики, в область рассмотрения которой попадают вопросы изменений в правовой сфере, получающие определённое воплощение в языке». Цель коллективной монографии — описать судебный дискурс в целом в качестве когниотипа, являющегося сложной структурой, состоящей из объективных элементов, которые представляют различную информацию, касающуюся судебного процесса.

Первая глава посвящена изучению одной из ведущих категорий когнитивной лингвистики — когниотипу. С опорой на трактовку когниотипа, предложенную А. Г. Барановым, данное понятие определяется как «ментально-лингвистическая модель представления типической жанровой ситуации». Под жанровой ситуацией понимается судебный процесс, отличающийся, по словам авторов, рядом характеристик, таких как институциональность, театральность, конвенциональность, наличие жёстко детерминированной структуры, определённого состава участников, чьё речевое и неречевое поведение во многом зависит от характеристик коммуникативной ситуации и ментальных установок участников. При этом подчеркивается, что отличительной особенностью социального когниотипа «судебный дискурс» является способность текстов, формирующих данный дискурс, ссылаться друга на друга посредством заимствования содержательных и формальных элементов, принадлежащие другим текстам.

Вторая глава «Интертекстуальность как отличительная черта когниотипа» посвящена изучению интертекстуальных связей в судебном дискурсе, реализующихся посредством гипертекстуальных, метатекстуальных, архитекстуальных и интекстуальных отношений. Особое внимание уделяется изучению основных принципов реализации устойчивых ассоциаций, актуализирующих межтекстовые связи двух и более текстов посредством обращения к тем или иным прецедентным феноменам.

Третья глава представляет собой исследование отдельных когниотипов участников судебного процесса в виде основных обобщённых моделей, таких как «судебный юрист» и «подсудимый» внутри общего когниотипа «судебный дискурс». Практическую базу исследования составили судебные тексты, представленные текстами-транскриптами судебных заседаний в судах России, Казахстана и США.

Следует особо отметить, что все главы взаимоперекликаются и дополняют друг друга, позволяя объемно взглянуть на когниотип «судебный дискурс» с теоретической и практической точек зрения. Новизна монографии в ее многоплановости: в ней впервые дан глубокий анализ социального когниотипа «судебный дискурс» в целом и отдельных когниотипов участников судебного процесса, рассмотрены воздейственные свойства судебного дискурса, представлены категории аргументативности и суггестивности, особое внимание уделено категории интертекстуальности, описаны виды интертекстуальных отношений. Объединяющей идеей является представление об определённой жанровой ситуации, состоящей из знания коллективного и знания индивидуального, что позволяет выделять социокультурный когниотип и индивидуальный когниотип. Несомненен вклад авторов монографии в теорию дискурса и когнитивной лингвистики, практику речевого

воздействия и лингвокультурологии. Монография может оказать существенную помощь при разработке дисциплин, связанных с особенностями профессионального общения.

Сведения об авторе

Жунусова Жаныл Ныгизбаевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 193—194.

REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH "COGNIOTYPE OF JUDICIAL DISCOURSE: COMPONATIVE ASPECT" (AUTHORS: L.A. NEFEDOVA, E.SH. NIKIFOROVA, N.S. OLYZKO. CHELYABINSK, 2016)

Zh.N. Zhunusova
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan